

М. ГОРЬКИЙ

СТАТЬИ и ПАМФЛЕТЫ

Молодая Гвардия

T.B.
48-

М. ГОРЬКИЙ

Г-71.

СТАТЬИ и ПАМФЛЕТЫ

РСФСР
ДЕНИСОВСКИЙ
сельский совет
Депутатов Трудящихся
Вязновского района

194 г.

№ 46

Денисово. Издательство

Издательство ЦК ВЛКСМ
Молодая Гвардия
Ленинград
1948

*Вступительная статья,
редакция текста и
примечания
Б. И. Бурсова.*

*Портрет—автолитография
работы художника
Г. С. Верейского.*

ГОРЬКИЙ И ЗАПАД

I

9 января 1905 года, тотчас же после расстрела, по приказу царя, безоружной демонстрации рабочих в Петербурге, Горький написал гневное воззвание, озаглавленное — «Всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств». Горький призывал в нем к свержению самодержавия. Немногие прочли это воззвание, так как на следующий день после написания оно попало в руки полиции.

Еще день спустя, 11 января, Горький, только что приехавший в Ригу, был арестован. Ему предъявили обвинение в «государственном преступлении» — составлении воззвания о ниспровержении существующего порядка в России. Горький был доставлен в Петербург и заключен в Петропавловскую крепость, в камеру № 39 Трубецкого бастиона.

Весть об аресте Горького, который к тому времени был уже всемирно известным писателем, разнеслась по всей России и всему миру.

Прогрессивными общественными кругами России и западных стран были организованы манифестации протеста против заключения Горького в тюрьму.

5 февраля на представлении пьесы Горького — «Дачники» в театре Соловцова, в Киеве, из публики раздавались крики: «Да здравствует Горький! Да здравствует свобода! Долой самодержавие!» В тот же вечер и в том же театре разбрасывались прокламации, озаглавленные — «Свободу Горькому, борцу за волю, певцу свободного слова!» Несколько позже в Казанском театре

во время спектакля среди зрителей распространялись листки с таким призывом: «Присоединяйтесь к петиции... об освобождении Горького. Такие люди нужны русскому народу».

В конце февраля Горький был освобожден из-под ареста под залог в десять тысяч рублей, но «дело» о нем было прекращено только несколько месяцев спустя под давлением все растущего протеста масс против преследования писателя.

С сентября по декабрь 1905 года Горький находился в Москве и принимал самое активное участие в революционных событиях. В «Донесении московского охранного отделения» деятельность Горького в период вооруженного восстания в Москве характеризуется так: «Способствовал увеличению денежных средств для вооруженного восстания, выступал в качестве лектора на платных вечерах, часть сборов с конх отчислялась на заведомо революционные цели».

Горький играл весьма видную роль в издании первой легальной большевистской газеты «Новая жизнь», выходившей в Петербурге с октября по декабрь 1905 года. В этой газете им были напечатаны знаменитые «Заметки о мещанстве», которые так высоко оценил Ленин. В ноябре 1905 года состоялась первая встреча Горького с Лениным, приехавшим из-за границы в Петербург для того, чтобы руководить революционным движением пролетариата.

В начале 1906 года Горький был в Финляндии. Там ему стало известно, что царское правительство, хорошо осведомленное о его революционной деятельности, намеревалось вновь арестовать его. Узнав об этом, Горький решил выехать из России. Он побывал в Берлине и Париже, а затем, в марте, уехал в Америку, где находился в течение нескольких месяцев.

Пребывание Горького на Западе совпало с тем периодом времени, когда правительство царской России, напуганное размахом революционного движения, обратилось к правительствам стран западной Европы с просьбой о займе. Для борьбы с революцией царю нужны были деньги, а казна после позорной войны

с Японией была пуста. Весной 1906 года Франция предоставила русскому царю заем в два миллиарда франков, и эти деньги целиком, как указывал В. И. Ленин, были истрачены «... на расстрелы, военно-полевые суды и карательные экспедиции».¹

Гнусную роль в деле предоставления займов царской России сыграла буржуазная пресса западных стран.

«... банкиры, — говорит Ленин, — не в состоянии были бы давать миллиардных займов, если бы широкая буржуазная масса Европы не доверяла русскому правительству. А массу эту систематически обманывают продажные буржуазные газеты всего мира, подкупаемые и банкирами и русским правительством. Подкуп распространенных европейских газет в пользу русских займов — «нормальное» явление. Даже Жоресу предлагали 200.000 франков за отказ от кампании против русского займа».²

Во время своего пребывания на Западе Горький развернул кипучую революционную деятельность. Он написал ряд статей, воззваний, обращений и открытых писем, направленных против предоставления займов русскому царю. В Америке, в частности в Нью-Йорке, он выступал на многочисленных митингах с лекциями о событиях в России и с призывами к американским рабочим и передовой интеллигенции оказать поддержку революционному движению в России. Борясь против предоставления займов русскому царю, Горький, в то же время, призывал рабочий класс и передовую интеллигенцию Франции, Англии и Америки помочь русским рабочим. В «Воззвании к французским рабочим» Горький писал:

«Час всеобщего восстания в России уже близок. Если не хотите, чтобы ваши товарищи шли в бой с голыми руками, жертвуйте им деньги на оружие и аммуницию, этим вы лучше всего поможете им в борьбе за свободу».

Горький всегда проявлял большую заботу о пар-

¹ В. И. Ленин. Соч., 4-е изд., т. 12, стр. 275.

² В. И. Ленин. Соч., 4-е изд., т. 12, стр. 273.

тийной кассе и о средствах на дело революции. Как мы видели, он оказывал денежную помощь участникам вооруженного восстания в Москве в 1905 году. В Америке Горький предполагал собрать большую сумму, и хотя его предположения не оправдались полностью, все же около десяти тысяч долларов он собрал.

Во всех выступлениях того времени по вопросу о займах Горький разоблачает и клеймит продажность буржуазной прессы, фальшь и ложь «общественного мнения европейских государств».

В письме к французскому буржуазному историку Олару Горький пишет, что кровь русских рабочих и крестьян, погибших от руки царских палачей, «легла позорным пятном на лицо французского буржуа и правительства, разрешившего Иудин заем, и, — говорит он дальше, — не французской прессе стереть это пятно, она сама недостаточно чиста для этого».

Вопрос об отношении России к Западу с 1905 года встал, как вопрос об отношении революции к реакции. Горький видел на Западе угрозу русской революции.

Исторический перелом во взаимоотношениях России и Запада с исчерпывающей полнотой и глубиной показан в работах товарища Сталина.

«...1905 г., — пишет товарищ Сталин, — вскрыл не только слабость самодержавия, хилость либеральной буржуазии и мощь русского пролетариата, но и опроверг имевшее раньше силу ходячее мнение о том, что русское самодержавие является жандармом Европы, что оно будто бы в силах быть жандармом Европы. Факты показали, что русское самодержавие не в состоянии справиться даже со своим рабочим классом без помощи европейского капитала». Европа и Россия поменялись ролями. «Теперь, — говорит дальше товарищ Сталин, — центр тяжести контрреволюции европейской перемещён от русских помещиков к англо-французским банкирам-империалистам». Теперь «...настоящие жандармы Европы, располагающие достаточными силами и средствами для того, чтобы быть жандармами, сидели не в Петрограде, а в Берлине, Париже, Лондоне.

Теперь для всех стало ясно, что Европа ввозит в Рос-

сию не только социализм, но и контрреволюцию в виде займов царю и т. п., а Россия в Европу кроме политических эмигрантов — революцию. (Россия в 1905 г. ввезла в Европу во всяком случае общую забастовку, как средство борьбы пролетариата.)»¹

Если сопоставить факты из эпохи первой русской революции с фактами нынешней эпохи, наступившей после окончания второй мировой войны и разгрома гитлеровской Германии, то станет ясно, что так называемый «план Маршалла» не является какой-либо «новостью». Капиталисты Европы и Америки уже свыше 40 лет тому назад не жалели своих миллионов на разгром освободительного движения. Они только так же, как и сейчас, делали при этом вид, что «заботятся о благосостоянии» народов отсталых в экономическом отношении стран.

В настоящее время, после окончательного перемещения центра экономического порабощения мира из Европы в Америку, Америка взяла на себя роль всемирного «полицейского», как об этом откровенно пишет американская печать. В журнале «Юнайтед Стейтс Ньюс» напечатана статья под заголовком «США в роли всемирного полицейского», в которой говорится, что «обстоятельства вынуждают Соединенные Штаты взять на себя главную часть работы по установлению полицейского надзора над миром... Новая роль полицейского требует активной деятельности такого характера, которой США в прошлом обычно не занимались».²

Выступления Горького в 1906 году в Европе и Америке знаменовали собою новый этап во взаимоотношениях России и Запада. Горький всюду выступал, как представитель партии большевиков и революционного народа России, ставших духовными вождями всего человечества. Горький не только обличал реакционные правительства западных стран, но и противопоставлял свою революционную позицию позиции буржуазной интеллигенции Запада. Вокруг имени великого русского писа-

¹ И. Сталин. Соч., т. 5, стр. 72-73.

² А. Фадеев. «Наука и культура в борьбе за мир, прогресс и демократию». «Правда», 1948 г., № 242 от 29 августа.

теля на Западе разгорелась яростная борьба. Буржуазная интеллигенция Запада рассчитывала увидеть в Горьком своего единомышленника. Из этого расчета она и исходила, заявляя свой протест русскому царю против ареста Горького. Но она ошиблась в своих расчетах. Европейские порядки, нравы и обычаи не вызвали восторгов со стороны Горького. «Прекрасная Франция» была не дифирамбом, а презрительным, гневным памфлетом. В связи с появлением его в печати группа французских журналистов обратилась к Горькому с письмом, в котором они сетовали на то, что Горький не оправдал их ожиданий. Западная демократия вступилась за Горького, когда он сидел в тюрьме. Вступились и французские журналисты — авторы письма. Казалось бы, Горький обязан был поблагодарить западную демократию, вообще Западную Европу. Но благодарности не последовало. Последовало обличение. И журналисты сокрушались по этому поводу. Горький ответил им:

«...Я не чувствую благодарности и доброту вашу считаю недоразумением.

...С точки зрения здравого смысла вам, господа, следует желать, чтобы я в тюрьме сидел возможно чаще и дольше, а когда вы протестуете против этого, — меня такое поведение, — извините, — смешит.

Ибо мы — враги и — непримиримые. Я уверен. Честный писатель всегда — ...враг тех, кто защищает и оправдывает жадность и зависть, эти основные устои современной общественной организации.

Затем вы говорите еще: «Мы любим Горького, а он...»

Господа! Искренно говорю вам: мне, социалисту, глубоко оскорбительна любовь буржуа!

Надеюсь, что эти строки вполне точно и навсегда определяют наши взаимные отношения».

Горький остался верен своим словам. Ни на какие компромиссы с капиталистическим Западом и его «культурой» он не пошел. А на это рассчитывали не только на Западе, но и в царской России.

Горького обвиняли в том, что в памфлете «Прекрасная Франция» он очернил весь французский народ. Это

2
была клевета на великого писателя, нечестный полемический прием его противников. Горький разоблачил его. Он писал «... Я плюнул в лицо той Франции, которая плевала на Э. Золя, той, которая утопила в страхе перед королем Пруссии и жрецом всяческой глупости все свои рыцарские чувства и ныне живет только трепетом за свой покой и целост франков».

В словах этих, высказанных в письме Горького к французскому историку Олару, выражена одна из главных горьковских мыслей о капиталистическом Западе. Когда-то западная буржуазия, в частности буржуазия Франции, способна была проявлять «рыцарские чувства». Но эта способность давно ею утрачена. Заботе о «целости франков» подчинено все ее поведение и все ее мысли.

II

Из Франции Горький направился в Америку и был встречен там с триумфом. Но триумф продолжался недолго. Вскоре разыгрался скандал, подобного которому не знает история мировой литературы. Всемирно известный писатель был изгнан из номера гостиницы. Формальным основанием для этого послужил тот факт, что его жена носила неодинаковую с ним фамилию. Американская пресса подняла вой. От Горького стшатнулись даже некоторые прогрессивные деятели Америки. Американские писатели, и в их числе Марк Твен, отступили от своего намерения и не стали устраивать банкета в честь Горького.

Московская газета «Русское слово», в № 91, от 5 апреля 1906 года, так описывала встречу Горького и первые дни пребывания его на американской земле:

«... Прием Горькому при прибытии его был оказан восторженный. Особенно глубоко были тронуты американцы тем, что писатель при входе парохода в гавань громко выразил, обращаясь к статуе Свободы, свой восторг по поводу осуществления давно лелеянной им мечты о вступлении на исконную свободную землю Америки. Весь восторг американцев, однако, исчез, когда

они узнали, что спутница его, которую он везде представлял под именем госпожи Горькой, не законная его жена. Тщетно защищался от нападок русский писатель, тщетно указывал он на гнусные интриги, тщетно взывал к высшим законам человечества: вызванное им недоразумение подняло против него настоящую бурю в местном обществе, и он должен был даже покинуть гостиницу, в которой остановился, и последовательно выехать из трех других. Банкет отменен. Марк Твен и комитет по приему Горького отказались от заботы о нем. В настоящее время Горький покинул Нью-Йорк. Дальнейший маршрут его неизвестен».

Как увидим ниже, отчет «Русского слова» о встрече Горького в Америке не отличается особой точностью. Много из того, что в нем говорится, опроверг сам Горький. Никакого восторга перед статуей Свободы Горький не выражал, да и не мог выражать, ибо он еще до въезда в Америку имел достаточно полное представление о ее «исконно свободной земле».

Но было и кое-что правильное в отчете газеты. Горькому действительно была устроена триумфальная встреча в Америке. А после того, как великому писателю было отказано в номере гостиницы, во всей Америке, — да и не только в Америке, а во всем мире, — действительно поднялась «настоящая буря».

«Американская история» Горького привлекла к себе внимание всей русской прессы. Трудно назвать хотя бы одну газету, которая не откликнулась бы на это событие.

Передовые русские круги выступили с резким протестом против травли Горького в Америке. Русские писатели — И. Баранцевич, В. Немирович-Данченко, И. Потапенко, Д. Цензор и другие — направили в адрес американских письмо, в котором содержатся такие строки:

«Мы, русские писатели, менее всего ожидали такого попраения прав со стороны американских писателей, представителем которых явился Марк Твен, и выражаем им по этому поводу свое глубокое негодование...».

Некоторые русские газеты изобличали лицемерную мораль американцев. Другие объясняли конкуренцией

тот шум, который был поднят американской прессой вокруг имени Горького. «Биржевые ведомости» напечатали заметку под названием: «К инциденту с Максимом Горьким в Америке». Этот «инцидент» излагался так: издатель Гирст заключил с Горьким контракт на издание всех его произведений, которые он напишет в Америке. Издатель Помцер, узнав об этом, из чувства зависти к своему конкуренту, напечатал «разоблачающую» статью о Горьком.

Аналогичного содержания заметка была напечатана в журнале «Невод» (1906 г., № 1).

Горький, находясь в Америке, внимательнейшим образом следил за русской печатью, за тем, как она освещает его поездку по Америке. Он сам, через голову корреспондентов официальной и буржуазной прессы, решил обратиться к своим читателям и рассказать им о своей «американской истории». Им было написано письмо в редакцию одной из русских газет, но оно не было тогда напечатано. Вот что писал Горький:

«У в а ж а е м ы й г. р е д а к т о р !

Я прочитал в Вашей почтенной газете несколько писем, вызванных возмущением по поводу инцидента со мной в Нью-Йорке. Моя благодарность авторам писем за их прекрасные чувства — безгранична, что я и свидетельствую... Я ведь слишком хорошо иммунизирован всевозможными ядами в России, для того, чтобы страдать от нескольких капель американского яда. Наконец, авторам писем, должно быть, известно, что во всех странах мещане единственно праведные люди, и что именно они всюду являются наиболее строгими жрецами морали. Мещанин не возможен без морали, как удавленник без петли. Естественно, что они должны были показать мне чистоту своих душ в полной парадной форме. Ведь для мещанина наказать грешника так же приятно, как почесать тайные язвы души своей, заросшие грязью. Они меня наказали, они показали мне самих себя, как тухлые яйца на огне свечи...

...В телеграммах сказано: «Тщетно защищался от нападок русский писатель, тщетно указывал он на гнус-

ные интриги, гдето зывал он к высшим законам чело-
вечества; вызванное им недоразумение подняло против
него настоящую бурю в местном обществе».¹

Это звучит весьма драматично, но не гармонирует с
правдой. В ответ на весь шум я сказал всего несколько
фраз, но одну из них нашли дерзкой и остались недо-
вольны. Что поделаешь? Я очень любезный человек, но
я знаю, что невозможно угодить на всех. Угодливость,
даже когда она является программой либеральных пар-
тий — не достигает цели, — это факт, в котором скоро
убедится вся Россия.

Да, так я не «защищался», не «зывал», не «указы-
вал» и т. д. Это делали за меня американцы в лице
проф. Гиддингса, Д. Мартина, Деббса и других. В общем
все они говорили на ту тему, что привычка г. г. мора-
листов всех стран и наций влезать в душу человека в
галошах и с зонтиками совершенно непохвальная при-
вычка, и что свобода политическая мало стоит, если и
она не сливается во единое целое со свободой духа...».

Свое пребывание в Америке Горький рассматривал,
как факт большой политической, революционной важ-
ности. Он писал К. П. Пятницкому: «... Меня страшно
увлекает каша, заваренная здесь. Любопытно! Гово-
рят, — я здесь делаю революцию. Это, конечно, чепуха,
но говоря серьезно, мне удалось поднять «шум».

Политический смысл поездки Горького по Америке
был понятен и многим буржуазным газетам. Так,
в статье «Маленькие заметки», напечатанной в «Новом
времени», мы читаем: «Большое фиаско, в качестве
гастролера революции, потерпел Максим Горь-
кий в Америке». (Подчеркнуто нами — Б. Б.).

Да, так именно и было: Горький поехал в Европу и Аме-
рику именно как представитель революции.

Русская правительственная и буржуазная печать
всячески стремилась опорочить Горького. В газетах и
журналах говорилось о том, что Горький недостаточно

¹ Эти слова взяты Горьким из уже приведенной заметки
в «Русском слове».

«культурен» для высоко «культурной» Америки. Говорилось и о том, что он не понял и не мог понять «культуры» Америки, взглянув на нее «глазами босняка».

Реакционная печать из кожи вон лезла, чтобы скомпрометировать Горького, как представителя «боязливой стихии», как «разрушителя» культуры.

Черносотенная газета «Новое время» в номере от 6 апреля 1906 года поместила заметку: «Максим Горький в Америке». Автор ее укрылся за буквами В. С. В заметке не скрывается радость по поводу неудачи, «...постигшей Горького в Америке». Неудача эта объясняется так. В американской истории Горького, пишет автор, «немалую роль сыграло малое знакомство американцев с Россией. В Америке приходится сталкиваться с почти невежественным отношением к нашей литературе. Так, например, редактор одного из крупнейших журналов, рассказал, что никогда не слыхал имени покойного А. П. Чехова и просил меня передать ему, не может ли он теперь написать для него рассказ. В крупнейших книжных магазинах нет переводов Чехова, хотя они существуют на английском языке. Один только Толстой и Горький ходко идут на книжном рынке, как ни странно это сопоставление».

Не только «Новое время», но и вся буржуазная пресса России пыталась доказать, что популярность Горького в Америке чисто случайная вещь, которую невозможно объяснить только полным незнанием американцами русской литературы. Знай они ее лучше, они ни за что бы не читали Горького. Продажные писаки готовы были все, что угодно извинить американцам, — даже то, что наиболее «культурным» из них неизвестно имя Чехова — только бы убедить своих читателей в том, что успех Горького в Америке был случайным и временным.

III

Публикуя из номера в номер статьи и заметки о поездке Горького в Америку, «Новое время» ставило перед собой гнусную цель — скомпрометировать великого писателя перед лицом России и всего мира. У этой

газеты имелся тщательно разработанный план. Он состоял из трех пунктов: доказать, что Горький не является представителем русской национальной культуры; что к подлинным революционерам он также не принадлежит; что популярность его на Западе была случайной.

Доказать, что Горький не является революционером, взялся один из столпов «Нового времени» — М. Меньшиков. Статья его «Письма к ближним»¹ посвящена переписке Горького с Анатолем Франсом. Черносотенец Меньшиков убеждает Франса в том, что он ошибся в Горьком, приняв его за революционера. Меньшиков объясняет Франсу, что русские революционеры вообще, Горький в частности, не внесли в революцию ничего хорошего. Их революционность, поясняет Меньшиков, полна «озлобленности и цинизма». Вот западные революции и западные революционеры — это совсем другое! «Западные революции, — говорит Меньшиков, — требовали долговременной проповеди возрождения, реформации, пламенной философии энциклопедистов».

Соглашаясь с «революцией» западного образца, не возражая против того, чтобы Горький был похож на Руссо или Вольтера, а не на самого себя — т. е. чтобы он занимался «проповедью возрождения и реформации», а не проповедью революции, — «Новое время» обнажало тем самым свою собственную контрреволюционную сущность. Апелляция черносотенной газеты к Западу, попытка ее опереться на буржуазный западноевропейский демократизм еще раз убеждает нас в том, сколь важно было русским революционерам противопоставить свою позицию позиции буржуазной демократии Запада.

В поездке Горького по Америке инцидент с гостиницей — частный, мелкий случай. Дело было совсем не в этом. Случай с гостиницей был только ширмой для правительственных и буржуазных газет, так много места отводивших описанию поездки Горького. Они нападали на Горького за его революционное отношение к Западу, ломавшее все традиционные представления

¹ «Новое время», 1906 г., № 10807.

правлящих классов царской России о Западе. Для Суворина,¹ как представителя этих классов, существовал один Запад — капиталистический. И этот Запад он считал образцом для России. Для Горького Запад не был единым. Запад в лице его господствующих классов был категорически осужден Горьким. К Западу, в лице его пролетариев и всех трудящихся, Горький обращается со словами дружбы и приветствия.

Горький пишет «Воззвание к французским рабочим» и обращение «К английскому пролетариату». Горький показывает непримиримость интересов рабочего класса и капиталистов. «Ваше оружие, — говорится в обращении «К английскому пролетариату», — ваш острый меч — правда, оружие же ваших врагов — ложки!.. Видя могучее движение масс к свободе и свету, они, дрожа от ужаса, тщетно утешают себя надеждой победить справедливость и прибегают к последнему средству — к клевете, представляя пролетариат толпой голодных зверей, способных только безжалостно разрушать всё встречающееся на пути.² Они превратили науку в оружие вашего порабощения, они придумали национализм и антисемитизм, этот яд, которым они хотят убить веру в братство всех людей. Их бог, однако, существует только для буржуазии, для того, чтобы караулить ее имущество».

Не Россия у Запада, а Запад в лице своих трудящихся классов должен был учиться у революционной России — вот та позиция, которую занимал Горький. Он писал: «Если русский рабочий победит — рабочие всей Европы, всего света, почерпнут в этой победе вдохновение и силу, и уроки для себя...».

Подобно тому, как в России ХХ века существовали две точки зрения на Запад, на Западе сложились два взгляда на революционную Россию и ее замечательного писателя — М. Горького. Наряду с безудержной руганью по адресу великого пролетарского писателя в западной

¹ А. С. Суворин — издатель газеты «Новое время».

² Как мы уже видели и как увидим дальше, именно в этом — в «непонимании культуры» и в «варварском» отношении к ней — Горького обвиняла буржуазная критика. (Б. Б.).

прессе раздавались голоса, приветствовавшие его. С горячим письмом к Горькому обратился Анатолий Франс. Он писал: «Максим Горький, за вас в нашей стране самые горячие сердца, самые высокие души. В качестве председателя Общества Друзей Русского Народа, я шлю вам мои пожелания успеха в освободительной революции и свидетельствую вам, что с горьким негодованием помышляю о том, что французские капиталисты могли доставить деньги правительству палачей, мучающему ваш великодушный народ».

Памфлеты Горького, направленные против капиталистического Запада, обладали такой непререкаемой убедительностью, что с ними вынуждены были согласиться даже некоторые буржуазные журналисты. Газета «Биржевые ведомости» поместила статью своего парижского корреспондента, в которой был дан обзор откликов французской печати на Горьковскую «Прекрасную Францию». Почти все отклики — отрицательного порядка. Но среди них совершенно неожиданно попадает такой отклик, подписанный хроникером «Radical»: «...Горький нас жестоко оскорбил, но, памятуя, какое значение имел последний заем, я ему прощаю. Он плюнул на нас всех со злости, и этот плевок задевает и меня лично, хотя со своей стороны, я довольно протестовал против займа. Но я вытираюсь — и извиняюсь в том, что во Франции имеются еще буржуа, спекулирующие всем ради прибылей».

Литературные выступления Горького в Европе и Америке навели страх на царское правительство. Газета «Русское слово», в номере от 25 апреля 1906 года, сообщила своим читателям, что «Максиму Горькому через американского посла послана повестка о привлечении его к суду за революционную агитацию. В случае отказа Горького приехать на дознание, он будет объявлен самовольно покинувшим Россию. Самовольно покинувшие Россию, в случае возвращения обратно, подлежат высылке в Сибирь на поселение».

Поездка Горького по Европе и Америке в 1906 г. имела, таким образом, громадное политическое значение. Вместе с тем, она явилась одним из ярких моментов

тов его литературной деятельности. Произведения, для которых материалом послужила эта поездка, занимают существенное место в наследии Горького.

IV

В Америке Горький написал около десяти очерков-памфлетов, в которых как бы подвел итог своим американским и европейским впечатлениям. Эти очерки он объединил в два цикла—«В Америке» и «Мои интервью». В первом цикле дан образ капиталистического города—города-спрута, как бы олицетворяющего собою капиталистическую систему. Это нечто вроде «внешнего облика» капитализма. Во втором цикле очерков показана внутренняя механика, весь тот аппарат, при помощи которого капитализм держит в повиновении миллионные массы трудящихся.

3050
Общее задание, стоявшее перед Горьким в американско-европейских очерках, определило их художественную структуру. Образы, которыми пользуется писатель, выполняют служебную роль и подчинены единой цели—стремлению разоблачить капиталистический строй, показать его абсолютное несоответствие нормальным человеческим представлениям о жизни. Горький, поэтому, нередко прибегает к аллегории, символу и гиперболе.

Так, слепую, уродующую и угнетающую человека, силу капитализма, он персонифицирует в образе «Желтого Дьявола». В критической литературе уже отмечалось, что образ этот появляется в творчестве Горького еще до его поездки в Америку и Европу—в знаменитых «Заметках о мещанстве».

В очерке «Один из королей республики» Горький великолепно использует гиперболу, как художественный прием острой политической сатиры. Писатель ставит себя в положение человека, никогда не видевшего живого миллионера. Перед свиданием с ним он хочет представить себе его. Он исходит, при этом, из основного свойства миллионера—из того, что он является обладателем миллионов. Поставивший себя в положение простого, наивного, но вполне здорового и

нормального человека, писатель задумывается над таким вопросом: каким должен быть миллионер и какой образ жизни должен вести он, чтобы израсходовать хоть часть процентов со своего капитала? Ибо «деньги требуют, чтобы их тратили». И вот фантазия писателя рисует образ человека-урода, который имеет «три желудка и полтора рта». Он обжора — ест с утра до ночи. Иначе «какой смысл быть миллионером, если ты не можешь съесть больше, чем обыкновенный человек?». Он одет в необыкновенные одежды и обут в необыкновенную обувь — «каблуки его сапог подбиты золотыми гвоздями, а на голове, вместо шляпы, что-нибудь из бриллиантов. Его сюртук шит из самого дорогого бархата, имеет не менее пятидесяти футов длины и украшен золотыми пуговицами в количестве не менее трехсот штук. По праздникам он надевает сразу восемь сюртуков и шесть пар брюк. Конечно, это неудобно, и стесняет... Но, будучи таким богатым, нельзя же одеваться, как все...»

Писатель, рисуя образ миллионера-урода, доказывает, что быть капиталистом противоестественно и неразумно. Противоестественно потому, что для полного удовлетворения потребностей нормального человека, требуется ничтожнейшая часть средств, которые может расходовать миллионер. Неразумно потому, что незачем владеть богатством, которым ты все равно не можешь воспользоваться.

Но в тенденции писателя есть и другая, более существенная сторона. Образ миллионера-чудовища концентрирует в себе паразитические и эксплуататорские свойства капитализма, стремящегося все живое подавить и подчинить себе, поставить все на службу золоту. Карман миллионера писатель представляет себе в виде ямы, «куда свободно можно спрятать церковь, здание Сената и всё, что нужно...» И дальше: «Пальцы его рук обладают удивительным чутьем и волшебной силой удлиняться по желанию: если он, сидя в Нью-Йорке, почувствует, что где-то в Сибири вырос доллар, — он протягивает руку через Берингов пролив и срывает любимое растение, не сходя с места».

Живой миллионер предстал перед глазами писателя

не в виде фантастического чудовища, а в виде сухого старика «обычной человеческой величины». В этом контрасте заключен глубокий смысл. Пока миллионер представлялся чудовищем, можно еще было думать, что именно он-то и обладает той страшной силой, которая подчиняет себе все окружающее. У старика такой силы не было и быть не могло. «В общем, этот человек напоминал собой старого слугу из аристократического дома Европы». Он сам находится в услужении у Желтого Дьявола. Следовательно, страшен не миллионер сам по себе, каким бы чудовищем он ни был, а то, что его делает миллионером — капиталистическая система — Желтый Дьявол.

Как уже сказано, в очерках первого цикла — «В Америке» — Горький нарисовал портрет капиталистического города в самых общих чертах. Из этих черт можно, пожалуй, выделить чегыре, как самые существенные.

Это, во-первых, все подавившая собою стихийная сила Желтого Дьявола.

Во-вторых, бедственное положение масс.

В-третьих, полное порабощение городом-спрутом всякого творческого начала в человеке: «Люди в домах Желтого Дьявола спокойно переносят всё, что убивает человека».

В-четвертых, превращение человеческой массы в безликую, машиноподобную толпу: «Шесть дней недели жизнь проста, она — огромная машина, все люди — ее части, каждый знает свое место в ней, каждый думает, что ему знакомо и понятно ее слепое, грязное лицо. В седьмой же день — день отдыха и праздности — жизнь встает перед людьми в страшном, разобранном виде, у нее ломается лицо, — она его теряет». Именно в седьмой день и становится ясно, что люди, как пленники капитала, представляют собой части машины, — и не более того. Лишенные работы, они образуют дикую и бессмысленную толпу.

Во всем повинен капитал, сделавший людей рабами своими. Они стали «гибкими орудиями в руках Желтого Дьявола, рудой, из которой он неустанно плавит золото, свою плоть и кровь».

В очерках второго цикла — «Мои интервью» — Горький, как уже сказано, изобразил внутреннюю механику порабощения кучкой капиталистов широких народных масс. Горьковская характеристика капиталистической системы угнетения и эксплуатации народа так глубока и точна, что она сохраняет полную силу и в наши дни, помогает нам понять многие явления современного Запада. Возвратимся к памфлету «Один из королей республики», в котором описана воображаемая беседа писателя с миллионером. Писатель задает вопросы, миллионер отвечает на них. Первым обсуждается вопрос об отношении миллионера к правительству — не мешает ли он миллионеру грабить народ? Миллионер удивился, услышав такой вопрос: Он сказал: «... Правительство? Ага... Это те... в Вашингтоне? Нет, они не мешают. Это очень добрые ребята... Среди них есть кое-кто из моего клуба...»

Но у миллионера начала нашего века все же были некоторые претензии к своему правительству. Он говорил: «Его необходимо поставить иначе. Члены правительства все должны быть акционерами в промышленных предприятиях, — тогда они скорее и легче поймут интересы страны. Теперь мне нужно покупать сенаторов, чтобы убедить их в необходимости для меня... разных мелочей. Тогда это будет лишнее...»

За сорок с лишним лет, прошедших с момента написания Горьким американских памфлетов, правительства капиталистических стран, и в первую очередь американское правительство, изменялись именно в том направлении, в каком хотелось «одному из королей республики». Нынешнему миллионеру с Уолл-Стрита нет никакой надобности покупать сенатора из Белого Дома, ибо в самом Белом Доме сидят те же самые миллионеры, вроде, скажем, Гарримана, Форрестала и Даллеса.

V

«Жизнь, — говорит миллионер, изображенный Горьким, — видишь правильно только с высоты горы золота». Поднявшись на эту гору, он на все смотрит с точки зрения интересов капитала. Все должно служить и подчи-

няться ему. Религию миллионер называет маслом. «Чем обильнее, — говорит он, — мы будем смазывать ею машину жизни, тем меньше будет трения частей, тем легче задача машиниста. . . ». Противоположную религии роль играют социалисты. Они — «песок в машине жизни, который, проникая всюду, расстраивает правильную работу механизма». Поэтому главная задача правительства — борьба с социалистами. . . «У хорошего правительства не должно быть социалистов».

Чем же опасны социалисты?

Тем, что они заставляют людей думать о своем счастье. Люди не должны этого делать. О них заботится король, ибо он «способен охватить всю жизнь». Суть дела состоит в том, что народное представление о счастье отнюдь не совпадает с представлением короля и миллионера. Надо, чтобы народ не видел этой разницы. Для этого необходимо восстановить его против социализма. «Король, который высоко держит свое знамя», так формулирует свою мысль: «Нужно способствовать развитию страха перед социализмом. И когда общество обезумеет, короли встанут во весь рост».

Отпугнуть людей от социализма — значит подчинить их капитализму. Именно сюда и направили свои усилия капиталисты Америки и Европы еще за несколько десятилетий до Великой Октябрьской социалистической революции. После победы пролетариата в России вражда международного империализма к социалистам еще более усилилась.

Впрочем здесь надо оговориться: речь идет не о «социалистах» вообще, а только о коммунистах, так как многие «социалисты» на Западе, например, лейбористы в Англии, Блюм и его группа во Франции и т. д., давным давно уже превратились в покорных и исполнительных слуг капиталистов. Единственными до конца последовательными руководителями рабочего класса капиталистических стран в борьбе за свое освобождение являются коммунисты. Великим примером для трудящихся Запады служит наша советская социалистическая страна. Вот почему уже на протяжении тридцати одного года буржуазная пресса всех стран мира возводит одну клевету

за другой на Советский Союз. И вот почему одной из главнейших своих задач, как публициста, Горький считал борьбу против клеветы буржуазной печати Европы и Америки на нашу страну и ее людей.

В своих очерках и памфлетах 1906 года Горький показывает, как американские миллионеры, уже в то время составлявшие передовой отряд международной реакции, вели наступление на социализм, отравляя сознание трудящихся масс ядом лжи. Для этой цели они старались мобилизовать все средства. О религии уж и говорить нечего. На борьбу с социализмом, кроме нее, капитализм поставил многих людей науки и искусства.

Капиталистическая система несправедлива в своей основе и во всех проявлениях своих. Мысль о ее «справедливости» можно внушить только путем лжи и лицемерия. Вся система нравственности капитализма насквозь лжива и лицемерна. Трудящимся внушаются те «вечные» принципы морали, которых ни один капиталист никогда не исполняет. Буржуазная мораль — одно из средств, с помощью которых капитализм развивает у людей страх перед социализмом». Она так характеризуется в памфлете «Жрец морали»: «Мораль — это страж ваших интересов... На улицах вы ставите полицейских и сыщиков, внутрь человека вы всовываете целый ряд принципов, которые должны врасти в его мозг и связать в нем, задуть, уничтожить все враждебные вам мысли, все угрожающие вашим правам желания. Мораль всего строже там, где экономические противоречия нагляднее. Чем больше у меня денег, тем более я строгий моралист. Вот почему в Америке, где так много богатых — ими исповедуется мораль во сто лошадиных сил».

Но те, кто проповедует «вечные» принципы морали для трудящейся массы, сами повседневно нарушают их. Практика капитализма несовместима ни с какой моралью. Свою абсолютную аморальность он прикрывает авторитетом государства, которое, в сущности, является не более, чем исполнителем воли капитала. Одна из заповедей капиталистической морали гласит: «Не убий». Рабочий человек должен свято блюсти эту заповедь. Иначе жизнь капиталистов будет в опасности. Но сами

капиталисты могут совершать убийства и не понесут за них никакого наказания. Вот как это получается: «Или, — читаем мы в памфлете «Жрец морали», — вам некуда сбывать товары. Вы указываете на этот факт вашему правительству и убеждаете его открыть для вас новый рынок. Правительство любезно посылает небольшую армию куда-нибудь в Азию, Африку и исполняет ваше желание, перебив несколько сотен или тысяч туземцев. . . Всё это плохо гармонирует с вашей проповедью человеколюбия, воздержания или целомудрия. Но, избивая рабочих или туземцев, вы можете оправдать себя указанием на интересы государства, которое не может существовать, если люди не станут подчиняться вашим интересам. Государство — это вы, если вы богатый человек, разумеется».

Иначе говоря, капиталистическое государство делает все то, что нужно и выгодно капиталистам. Оно благословляет их на грабеж народа и вместе с тем заботится о том, «чтобы в стране был порядок». Все беспорядки происходят от того, что существуют на свете социалисты. Против них выступает религия и мораль. С ними борется «наука». «Правительство, — признается миллионер в памфлете «Один из королей республики», — нанимает за небольшую плату разных философов, которые не менее восьми часов каждое воскресенье учат народ уважать законы». Но «разные философы» не только устно выступают. Они еще пишут книги. В книгах своих они также говорят о необходимости исполнения рабочими людьми капиталистических законов. Капиталисты, однако, всегда понимали, что одними проповедями невозможно обойтись. Нужна еще, помимо того, сила. «Один из королей республики» так и формулирует свою мысль: «Если для поддержания «порядков» в стране недостаточно философов — пускайте в дело солдат».

На искусство миллионер смотрит как на вещь, которая продается и покупается. Когда его спросили, что он думает об искусстве, ответ был такой: «Я не думаю о нем, я просто покупаю его».

Такова сила Желтого Дьявола в капиталистическом обществе. Она пронизывает все поры его. И Горький с замечательной последовательностью показал это.

Мысль его, как художника-революционера, была направлена к одной цели: раскрыть главные особенности «классической» капиталистической страны, какой уже тогда успела стать Америка, как страны, где личность человеческая сама по себе ничего не стоит, где всем управляет и над всем властвует Желтый Дьявол. Картина получилась страшная. Такой Америку никто не видел до Горького. Да и никто не мог увидеть ее такой. Горький приехал в Америку, как представитель русской революции, как большевик, а не как турист. Никакие диковинки американской техники не могли удивить его. Горького интересовала не техника Америки, а ее социальный и моральный облик. И вот этот облик ужаснул его. Горький увидел перед собой страну, в которой золото — этот «Желтый Дьявол» — с огромной силой производило духовное опустошение в целом народе. Больше всего думавший о свободе народов, посвятивший все свое творчество и всю свою жизнь борьбе за эту свободу, Горький, находясь в Америке, понял, что американский народ чрезвычайно слабо противостоит силе, его подавляющей. И Горького охватили скорбь и гнев. «О людях, — пишет Горький, — страшно и больно говорить. ... В печальном самомнении они считают себя хозяевами своей судьбы — в глазах у них, порою, светится сознание своей независимости, но, видимо, им непонятно, что это только независимость топора в руке плотника, молотка в руке кузнеца, кирпича в руках невидимого каменщика, который, хитро усмехаясь, строит для всех одну огромную, но тесную тюрьму».

Скорбью о народе, не нашедшем еще пути к своему освобождению, и гневом против угнетателей его — этими двумя чувствами проникнуты американские очерки и памфлеты Горького, в основе которых лежит мысль художника-революционера.

VI

Памфлеты и очерки Горького не понравились буржуазной критике. Горький не объективен, тенденциозен — вот основной лейтмотив большинства статей, посвящен-

ных американским очеркам и памфлетам. Е. Ляцкий в статье, напечатанной в «Вестнике Европы» (1906 г. № 12), так сформулировал эту общую для всей буржуазной критики мысль: «Слишком много Горького и слишком мало Америки, — таково впечатление читателя». Фраза Ляцкого, если до конца обнажить ее смысл, означает следующее: от Горького ожидали туристского описания Америки, а он дал осуждение ее. С. В. Мирский писал в кадетской газете «Речь»: «Наброски Горького — это публицистическая беллетристика, в которой автор выступает обличителем американских нравов. В целом ряде страниц Горький рисует невежливое обращение американцев с животными; указывает на инстинкты толпы... В этих строках чувствуется сильное перо, благородная душа и гордая мысль, но все ж от этого как будто пахнет его неуклюжим и скучным «человеком», в котором мораль проповедника затмила свободную кисть художника-беллетриста». ¹ «Мораль проповедника» — это и есть идеи научного социализма, которые пропагандировал в своем творчестве Горький.

Буржуазная критика обвиняла Горького в самых разнообразных «грехах». В частности ею высказывалась дикая мысль о «варварстве» Горького и об отрицании им всякой культуры. Так, В. Кранихфельд в статье «Литературные отклики», отождествив Горького с Коноваловым, писал, что Горький чужд всякой цивилизации, ибо он выражает идеи и настроения босняка. Мотив знакомый: американская капиталистическая «культура» — это и есть та настоящая культура, перед которой мы, русские, должны преклоняться; если же кто посягает на критику или отрицание ее, — тот «босяк» и «дикарь».

Некоторые буржуазные критики пытались уверить своих читателей в том, что Горький клеветает на американскую жизнь. Журнал «Русская мысль» ² писал в своей рецензии на американские очерки Горького: «... Вся американская жизнь... представляется автору какой-то черной и мерзкой клоакой, где кишат жадные и подлые»

¹ «Речь», 1906 г., № 206.

² «Русская мысль», 1906 г., № 12.

люди... Если давно уже в художественной литературе потеряли право гражданства так называемые злодеи... то и картины чуждой нам жизни, написанные пером, напитанным исключительно горечью и ненавистью, представляются читателю односторонними и вызывают в нем чувство протеста против искажения правды».

Характерно, однако, что рецензент «Русской мысли» не отметил ни одной ошибки или неточности в очерках Горького. Рецензенту не нравился самый тон горьковских очерков, само горьковское отрицание американской «цивилизации».

Он выступал против Горького, как против писателя-революционера. И клеветал на Горького, обвиняя его в клевете на американский народ. Горький не допустил ни одного резкого слова об американском народе. Наоборот, он отмечает, что ему «больно говорить» о людях. Их духовная подавленность, покорность капиталу заставляла страдать его.

Было бы вообще высшей нелепостью предположить, что Горький отрицал за тем или иным народом, в данном случае американским, право и способность бороться за свою свободу. Любопытно, что значительно позднее, американские журналисты, припоминая, очевидно, давние горьковские памфлеты об Америке, обратились к Горькому с вопросом о его отношении к американской культуре и американскому народу, и вопрос был поставлен так, будто уже само собой подразумевался отрицательный ответ. Горького это возмутило. Он сказал, что вряд ли найдется такой идиот, который бы заявил о своей ненависти к целому народу и его культуре. И тут же американская цивилизация именуется Горьким «самой уродливой цивилизацией нашей планеты». Горький скорбит о том, что она глубоко проникла в толщи народных масс и, во многих отношениях, подчинила их себе.

Но Горькому чужд был пессимистический взгляд на судьбы народов. Он верил в их освобождение. Верил, конечно, и в освобождение американского народа. Он много сделал для того, чтобы поднять его стремление к свободе. Многие американцы поняли это. На них слово

Горького, вся его беспримерная жизнь и борьба произвели сильнейшее впечатление.

Эптон Синклер пишет: «Я был еще совсем молодым писателем, когда слава Горького прогремела в Америке. И я учился у него тому, что великая литература не может быть в стороне от великой борьбы бедных и угнетенных».¹

Даже в одном из буржуазных журналов («Независимый»), в связи с напечатанием повести Горького «Мать» на английском языке было написано:

«Когда миссия Горького в Америке по оказанию помощи героическим русским патриотам потерпела крушение, благодаря сенсационным выступлениям части прессы и нападкам его политических противников, он обратился за утешением к надежному средству — своему гворчеству. Если его борющиеся соотечественники не получили денег от американского народа, то он мог, по крайней мере, перечеканить в монеты свою собственную кровь. Им овладело неистовство творчества; он жалел время, которое уходило на еду, он стоически выдержал соблазн лесов и гор, среди которых уединился...»

Повесть «Мать» — главное произведение этого плодотворного периода... Сторонники свободы, желающие знать источники родников, которые, разливаясь по России, соединились в мощную реку революции, угрожающую снести разлагающееся самодержавие, сочтут эту книгу одновременно и поучительной и интересной».²

Поездка Горького на Запад и его первые произведения о Западе, имели двоякое значение: во-первых, они с огромной силой раскрыли перед всем миром гнилость западной культуры, ее вырождение и маразм; во-вторых, они открыли всему миру глаза на то, что духовным вождем человечества стала революционная Россия в лице большевистской партии и передовых отрядов рабо-

¹ Цитируем по книге Н. А. Груздева: «Современный Запад и Горьком», Л. 1930, стр. 189 (Б. Б.).

² Цитируем по III сборнику: «М. Горький. Материалы к исследованию», стр. 402 (Б. Б.).

чего класса, интеллигенции и крестьянства, руководимых ею. Тема Запада в творчестве Горького вырастала как тема борьбы вновь народившейся в России социалистической культуры с «культурой» буржуазной, разлагающейся.

VII

Тема Запада заняла в послеоктябрьском творчестве Горького еще большее значение.

До Великой Октябрьской социалистической революции проблема отношения к Западу была для Горького связана с проблемой пролетарского, революционного переворота в России. После октября 1917 года она оказалась связанной с проблемой построения социалистического общества и создания социалистической культуры в Советском Союзе.

Тема Запада занимает громадное место в литературной деятельности Горького. Он разрабатывал ее на протяжении 30 лет, начиная с 1905 года. Несмотря на то, что произведения Горького, посвященные Западу, часть которых представлена здесь, написаны в различных жанрах и относятся к различным периодам его творчества, они составляют нечто единое и органически цельное.

В своих статьях и памфлетах о Западе Горький достигал громадной глубины в постановке и решении различных проблем общественной жизни. Некоторые из его статей поднимаются на уровень философских трактатов. Горький постоянно ставил вопрос о судьбах народов и культур при капитализме, и при социализме, о том, кто же является истинным наследником всех культурных завоеваний всего человечества — капиталистические страны или Советский Союз. Для Горького, как писателя-революционера и великого поборника, организатора и строителя культуры, капитализм был вдвойне врагом: как угнетатель народа и как разрушитель культуры. В годы первой мировой войны Горьким была задумана серия брошюр на тему: «Государства Западной Европы перед войной». В программе к этой серии Горький писал: «Следует составить обвинительный акт против

капитализма, как возбудителя катастрофы, переживаемой миром, и указать, что анархическая деятельность капитала не может не хранить в себе зародышей подобных катастроф».

Эти брошюры не были написаны, но их вполне заменяют горьковские публицистические статьи. Они действительно, являются «обвинительным актом против капитализма».

Постоянно напоминая о военной опасности рабочим Запада и призывая их бороться с нею, Горький, разумеется, не питал никаких иллюзий относительно уничтожения самих причин, порождающих войны при существовании капиталистической системы. Горький знал, что война — неизбежный спутник капитализма. С точки зрения Горького, борьба против войны есть борьба за демократию, и, наоборот, борьба за демократию есть борьба против войны. Окончанием этой борьбы является только социалистическая революция.

В 1931 году один из иностранных журналов попросил Горького ответить на анкету, в которой содержался ряд вопросов. Один из них был такой: «Что можно сделать для избежания войны?» И вот ответ Горького: «То же самое, что сделано в Союзе Советов». То есть совершить социалистическую революцию.

Нечего говорить о том, что более короткого и, в то же время, более правильного и более ясного ответа дать было невозможно.

Один из важнейших мотивов горьковской публицистики — борьба за сохранение культурных завоеваний всего человечества, которым грозит гибелью одно только существование капитализма. В статье «С кем вы, «мастера культуры»?» Горький пишет: «Буржуазия враждебна культуре и уже не может не быть враждебна ей, — вот правда, которую утверждает буржуазная действительность, практика капиталистических государств». Буржуазия Европы и Америки, — говорит Горький в той же статье, отвечая американским корреспондентам, — «становится с каждым годом всё более невежественной, интеллектуально слабосильной, варварской — и уже сама в вашем лице понимает это». Современная буржуазия

мечтает о возвращении к эпохе варварства. Эта «мечта» ее вызвана предчувствием своей собственной гибели, «фактом роста во всем мире революционного правосознания рабочих масс». Культура, которой овладевают массы, становится смертельной угрозой капиталистическому строю. А между тем «процесс культурно-революционного развития трудового народа... всесторонне и прекрасно оправдан». Он оправдан всей логикой общественной борьбы.

Рост культуры в рабочих массах, утверждает Горький, есть в высшей степени революционный фактор. Буржуазия восстает против культуры потому, что она против революции. Наука и культура интересуют буржуазию лишь в той степени, в какой они могут оказать ей помощь в борьбе за свое собственное господство. «В области науки, — говорится в горьковской статье «С кем вы, «мастера культуры»?», — буржуазию интересуют приемы и методы наиболее удобной, дешевой эксплуатации физических сил рабочего класса; наука для буржуа существует настолько, насколько она способна служить целям его обогащения, регулировать деятельность его желудочно-кишечной сферы и поднимать его половую энергию развратника. Пониманию буржуазии недоступны основные задачи науки: интеллектуальное, физическое оздоровление человечества, истощенного гнетом капитализма, превращение инертной материи в энергию, разгадка техники строения и роста человеческого организма, — все это для современного буржуа так же мало интересно, как для дикаря Центральной Африки».

Горький, с точностью исследователя, устанавливает, что деградация буржуазного общества происходит во всех областях жизни. Буржуазия всегда боялась массы, противопоставляя ей «героя», «сильную личность». Массы неподкупны. Одиночку, «героя», не связанного с массой, всегда можно поставить на службу интересам капитала. Во имя этих интересов буржуазные писатели и создавали культ «героя», как творца истории. Но возраставшая активность масс вынуждала уменьшаться в своих размерах буржуазного «героя». Наполеоны давно уже сошли

с исторической сцены. Место Бисмарка в Германии занял сначала полоумный Вильгельм II, а затем явный маньяк и садист Гитлер. В Европе и в Америке буржуазный герой сократился «до размеров Клемансо, Черчилля, Вудро Вильсона, Чемберлена и прочих».

В конце концов, место «героя» и «сильной личности» в буржуазном обществе занял авантюрист и преступник. Говоря о росте преступности на Западе, Горький приходит к такому выводу: «Банкир родит бандита». Банкир сам способен на бандитские поступки и нередко совершает их. «...Ваши миллиардеры и миллионеры, — пишет Горький в «Ответе на анкету американского журнала», — ...одаряют вашу страну дегенератами. Вы, конечно, помните Бостонское убийство двумя богачами — мальчишками третьего, — убийство из любопытства? А — сколько у вас таких преступлений из снобизма, из любопытства?

...Ку-Клукс-Клан убивает, цинически издевается над цветными женщинами, и всё это — безнаказанно так же, как безнаказанно расправляются губернаторы штатов с рабочими социалистами». Строки, полные гнева, посвящает Горький городу Чикаго, «где, кроме бандитов биржи и банков, свободно хозяйничают еще бандиты с револьверами и бомбами в руках».

Горький показывает, как современная буржуазия превращает искусство в средство разжигания зоологических антиобщественных начал в человеке и в средство подавления в нем общественных идеалов.

О деградации буржуазного общества свидетельствуют все области искусства. Буржуазная литература осталась без героя. Доказательством этому служат даже самые лучшие книги современных буржуазных писателей — «Форсайты» Голсуорси, «Буденброки» Томаса Манна, «Мистер Бэббит» Синклера Льюиса. Буржуазная литература мельчает, все более погружается в болото пессимизма, который культивируется специально для людей, думающих только о покое и боящихся социальных перемен и тем более переворотов. Пессимизм — философия буржуазии, ибо, говоря о бессмысленности всего существующего, он тем самым наносит ущерб демократическим идеалам. Вот почему Горький так решительно осу-

дил такую злую и полную жуткого отчаяния книгу, как «Смерть героя» Р. Олдингтона.

Дело не только в том, что современное буржуазное общество объективно неспособно создавать полноценные произведения искусства. Дело еще в том, что буржуазия сознательно ведет линию на разложение искусства. Ей не нужны настоящие мастера в кино... «Их заменяют Фербенксы, Гарольд-Ллойд и прочие фокусники». Именно они вполне пригодны для того, чтобы «демонстрировать физические уродства»... Ей не нужны великие мастера живописи. Ее «вполне удовлетворяет коллекционирование почтовых марок и трамвайных билетов...». Ей не нужна великая литература Стендаля, Бальзака, Флобера. Она заменяет художников слова людьми, «которые умеют рассказывать о том, как полицейский сыщик, охраняя собственность крупных грабителей и организаторов убийств, ловит маленьких воров и убийц». Ей не нужна музыка классиков. Она заменяет ее джазом.

Музыке буржуазии Горький посвятил свой гневный памфлет «О музыке толстых».

Он начинается описанием красоты ночи и размышлениями автора в ночные часы «о великом чудотворце» человеке, о прекрасном будущем, которое готовит человек своим детям. Вспомнив о Мичурине и его великих открытиях, Горький пишет: «Тишина этой ночи, помогая разуму отдохнуть от разнообразных, хотя и ничтожных огорчений рабочего дня, как бы нашептывает сердцу торжественную музыку всемирного труда великих и маленьких людей, прекрасную песню новой истории — прекрасную песнь, которую начал так смело трудовой народ моей родины».

И тут размышления великого писателя о «музыке всемирного труда», о «прекрасной песне новой истории» сталкиваются с музыкой старого мира. «...Вдруг в чуткую тишину начинает сухо стучать какой-то идиотский молоточек — раз, два, три, десять, двадцать ударов, и вслед за ними, точно кусок грязи в чистейшую прозрачную воду, падает дикий визг, свист, грохот, вой, рев, треск; врываются нечеловеческие голоса, напоминая лошадиное ржание, раздаётся хрюканье медной свиньи,

«вопли ослов, любовное кваканье огромной лягушки; весь этот осквернительный хаос бешеных звуков подчиняется ритму, едва уловимому, и, послушав эти вопли минуту, две, начинаешь невольно воображать, что это играет оркестр безумных; они сошли с ума на сексуальной почве, а дирижирует ими какой-то человек-жеребец. ...Это музыка для толстых».

За 20 лет, прошедших со дня написания Горьким памфлета «О музыке толстых», культура буржуазии пала еще более низко.

Но гниющая буржуазная культура не замыкается в самой себе. Она пытается оказать свое губительное воздействие на культуру демократических народов, в том числе и на нашу советскую культуру. Великий смысл исторических постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам состоит в том, чтобы оградить нашу советскую культуру от проникновения в нее элементов буржуазной упадочной культуры. В постановлении ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» указывается, что, в силу оторванности некоторых наших композиторов от народа, они вступили на путь формалистических извращений в своем творчестве. Поэтому их музыка чужда советскому народу и его художественным вкусам. «Характерными признаками такой музыки, — говорится в постановлении ЦК ВКП(б), — является отрицание основных принципов классической музыки, проповедь атональности, диссонанса и дисгармонии..., увлечение сумбурными невропатическими сочетаниями, превращающими музыку в какофонию, в хаотическое нагромождение звуков. Эта музыка сильно отдает духом современной модернистской буржуазной музыки Европы и Америки, отображающей маразм буржуазной культуры, полное отрицание музыкального искусства, его тупик».

Нет необходимости доказывать наличие сходства между характеристикой буржуазной музыки, которая дается в постановлении ЦК ВКП(б) и той ее характеристикой, которую мы находим в памфлете Горького «О музыке толстых». Перечитывая его, как и всю горьковскую публицистику, мы видим историю нашей борьбы с западной буржуазной «культурой».

Эта борьба началась не в 1946 году. «Культура капиталистического Запада была враждебна нам и 20, и 30, и 40 лет тому назад. И Горький всегда был передовым и неустанным борцом против такой «культуры». Он всегда противопоставлял ей культуру народных масс, в первую очередь, конечно, нашу советскую культуру. Он неустанно доказывал, что буржуазия разрушает культуру, что лишь пролетариат является хранителем культурных традиций человечества и создателем новых культурных ценностей. Эта мысль завершает собою и памфлет «О музыке толстых». Горький пишет: «Погибает культура, — вопят защитники власти толстых над рабочим миром. — Пролетарий грозит погубить культуру! — вопят они и лгут, потому что не могут не видеть, как всемирное стадо толстых людей втоптывает культуру, не могут не понимать, что пролетариат — единственная сила, способная спасти культуру и углубить и расширить ее...».

В критике «культуры» Запада Горький уделяет значительное место буржуазной прессе. Он часто касается ее в своих статьях. Помимо того, ей он посвятил специальную статью, которая, к сожалению, не была им закончена. «Мне кажется, — пишет в этой статье Горький, — что я не плохо знаком с газетными работниками Европы и Америки. Я думаю, что они — мастеровые, тяжелое и беспокойное ремесло которых внушает им чувство глубочайшего равнодушия к людям и что они весьма похожи на прислугу психиатрических больниц, которая привыкла считать и пациентов и докторов одинаково сумасшедшими». Работая в «сумасшедшем доме», считая своих хозяев людьми ненормальными, западноевропейские и американские журналисты, тем не менее, вполне послушны им. Горький рассказывает в своей статье о встречах с молодыми американскими писателями и журналистами в 1906 году. «Я, — говорил Горький, — рассказывал им о русской литературе и революции, о московском восстании... Газетчики слушали, записывали и, вздыхая, говорили с явным сожалением:

«Это дьявольски интересно, но не для наших газет».

Буржуазные газеты не могли сообщить своим читателям правду о событии, которое, по словам Горького,

«характеризует все будущее нового века». Именно потому, что «новый век» начинался, как век пролетариата, буржуазная пресса не могла сказать о нем правды. Главным оружием буржуазной прессы XX века сделались ложь и клевета. Горький пока.ывает это на множестве примеров. Вместе с тем он показывает и то, что, находясь в услужении господствующих классов, оплачиваемая ими буржуазная пресса обладает «поражающей силой». Она может очернить в глазах общества самого чистого и самого честного человека, превратить его в какого угодно «преступника». В общем, буржуазная, в особенности американская, пресса, по словам Горького, «усердно и почти исключительно занимается делом понижения культурного уровня своих читателей, уровня и без ее помощи низкого».

VIII

Анализируя общественную жизнь капиталистического Запада и его «культуру», Горький выступает не только как гениальный художник и как человек поистине необъятных знаний, но и как мыслитель, как общественный деятель ленинско-сталинского типа. Некоторые решающие формулировки в горьковских суждениях даже текстуально приближаются к соответствующим ленинским или сталинским формулировкам.

В своих оценках западноевропейской и американской буржуазной «культуры» Горький исходит из ленинско-сталинского учения о двух культурах в каждой национальной культуре: культуре демократической, значит, народной, и культуре реакционной, значит, антинародной. Во второй половине 20-х годов один из американских журналов обратился к Горькому с целым рядом вопросов, среди которых был и такой:

«Ненавидит ли ваша страна Америку и что вы думаете о цивилизации Америки?»

Горький так ответил на этот вопрос:

«... То, что вы называете цивилизацией С.Ш.С.А., не возбуждает и не может возбудить у меня симпатии. Я думаю, что ваша цивилизация самая уродливая цивилизация нашей планеты, потому что она чудовищно пре-

увеличила все многообразные и позорные уродства европейской цивилизации...».

Но это — только одна половина горьковского ответа. А вот вторая:

«Полагаю, что даже в тех странах, кровь которых ваши капиталисты превращают в доллары — на Филиппинских островах, в республиках Южной Америки, в Китае и даже среди десяти миллионов цветных людей территории С.Ш.С.А., не найдется ни одного разумного человека, который присвоил бы себе право сказать вам от имени своего народа: «Да, — моя страна, мой народ ненавидят Америку, весь ее народ, рабочих так же, как миллиардеров, цветных так же, как белых; ненавидят женщин и детей, поля, реки, леса, зверей и птиц, прошлое и настоящее вашей страны, ее науку и ученых, ее великолепную технику, Эдиссона и Лютера Бербанка, Эдгара По, Уотт Уитмена, Вашингтона и Линкольна, Т. Драйзера и Е. О'Нейлль, Шервуда Андерсон, всех талантливых художников и прекрасного романтика Брет-Гарта, духовного отца Д. Лондона. Ненавидит Торо, Эмерсона и все, что есть С.Ш.А. и всех, кто живет в этих штатах.

Надеюсь, вы не ожидаете, что найдется идиот, способный ответить на ваш вопрос так безумно, с такой ненавистью к людям и культуре».

Горький, ученик и соратник Ленина и Сталина, мог только так диалектически подойти к вопросу. Гниение, распад буржуазной культуры для Горького не является гибелью культуры вообще. Буржуазная культура разлагается, но принципиально отличная культура трудовых масс растет и развивается. Этот рост культуры в массах, по определению Горького, «является логически неизбежным развитием всего трудового опыта человечества, опыта, о котором поучительно рассказывают историки буржуазии». Буржуазия стремится остановить рост и развитие культуры. Она требует от рабочего чисто механического труда. Ибо труд сознательный, расширяя социальные горизонты рабочего, превращает его, в конце концов, в революционера. Ненависть современной буржуазии к культуре, имеет, таким образом, глубокие

социальные причины. Буржуазия все сделала для того, чтобы воспрепятствовать культурному росту рабочих. «В буржуазных государствах, — пишет Горький, — рабочий народ — механическая сила, в массе своей лишенная сознания культурного значения своего труда».

Особых «успехов» в деле подавления культуры и стремления к свободе удалось добиться американской буржуазии. Это было отмечено Горьким еще в 1906 году, в американских очерках-памфлетах. Так, в памфлете «Город Желтого Дьявола» мы читаем: «Лица людей неподвижно спокойны — должно быть никто из них не чувствует несчастья быть рабом жизни, пищей города-чудовища... Есть много энергичных лиц, но на каждом лице прежде всего видишь зубы. Свободы внутренней, свободы духа не светится в глазах людей. И эта энергия без свободы напоминает холодный блеск ножа, который еще не успели затупить. Это — свобода слепых орудий в руках Желтого Дьявола — Золота». И вот — сорок два года тому назад! — Горький противопоставляет «передовой» Америке «отсталую» Россию: «Знаете, что я вам скажу? — пишет он И. П. Ладыжникову. — Мы далеко впереди этой свободной Америки, при всех наших несчастьях! Это особенно ясно видно, когда сравниваешь здешнего фермера или рабочего с нашими мужиками и рабочими».

Изучая Америку и американцев, Горький ни на минуту не забывал о России и русских людях, о той великой роли, которую принял на себя русский народ. Во многих своих статьях и письмах Горький сопоставляет Америку с Россией и американцев с русскими, и, как великий патриот своей Родины, с чувством огромного удовлетворения, отмечает превосходство русских над американцами и России над Америкой. Вот несколько выдержек из писем Горького, отправленных им из Америки в Россию в 1906 году:

«... А если бы вы побывали здесь, в стране, где искренность считается смертельным грехом, — вы оценили бы прелесть россов, ей-богу. Это — милый народ».

«...Знаете,—в ответ на мою статью, в «Апельтоне»¹ о Нью-Йорке газеты получили более 1200 возражений!

Я скоро напечатаю статью «Страна подростков», в которой буду доказывать, что американцы, даже когда они лысы, седы и жуют вставными зубами, когда они профессора, сенаторы и миллионеры — имеют не более 13—15 лет от роду. Вероятно, меня задавят возражениями...».

«... Они думают — Америка? Я им покажу, что такое русский человек, да еще Горький...».

Мысль о консервативности и культурной отсталости Америки, о поразительно низком уровне духовной жизни американцев впоследствии еще более окрепла у Горького. В марте 1927 года Горький писал С. Сергееву-Ценскому:

«... «Преображение» немедля начнут переводить и, вместе с тем, искать нового издателя, ибо издатель первого тома, кажется, разорился или притворяется что разорился, и так, и эдак — дело обычное для американских издателей, даже когда они «высоколобые». Ох, если бы Вы знали, какой это жуткий народ, американцы сего дня! Люди, которые не только не стыдятся невежества своего, но еще умеют и гордиться им. Мы, дескать, «здоровые» люди».

Для Горького технический прогресс в стране не есть важнейший признак ее культуры. Для великого пролетарского писателя основа культуры — сами люди, их сознание, чувство собственного достоинства, стремление к свободе. Еще задолго до Великой Октябрьской социалистической революции русского мужика, обитавшего в курной избенке, и русского рабочего, жившего также в ужасных материальных условиях, по своему сознанию и своей культуре Горький ставил неизмеримо выше американского фермера и американского рабочего, не переживавших такой острой материальной нужды. В некотором смысле сравнительная материальная обеспеченность американского рабочего и фермера, может быть, и являлась причиной их несчастья — она была следствием их духовной зависимости от капитала.

¹ «Апельтон» — американский журнал, в котором впервые был напечатан очерк Горького «Город Желтого Дольбола».

Глубоко и остро ставит Горький вопрос о двух культурах, параллельное существование которых обусловлено параллельным существованием двух типов государственных систем — о культуре в старом буржуазно-классовом обществе и культуре в обществе новом, социалистическом. В сущности, этот вопрос является центральным и узловым для всей горьковской послереволюционной публицистики. Только уяснив себе его, можно до конца понять, почему так часто Горький обращался в своих статьях к Западу и с таким страстным, чаще всего гневным волнением писал о нем.

Для Горького, как величайшего писателя, вопрос о культуре, — ее прошлом, настоящем и будущем, — имел особое значение. Живя в эпоху переломную для всего человечества, он сознавал свою ответственность за судьбу культуры. Старый вопрос об отношении России к Западу для Горького стоял так: кто является наследником общечеловеческой культуры и строителем ее — капиталистический Запад или Россия, ставшая Советским Социалистическим Союзом? Проблема отношения России к Западу расширилась: какой должна быть сама культура — ограничено-классовой или социалистической, действительно общечеловеческой по своему содержанию?

Вопрос о двух типах культур наиболее полно и всесторонне ставится и решается Горьким в статье, написанной им менее, чем за год до смерти. Она так и называется — «О культурах». В ней как бы подводятся итоги суждениям Горького по одной из тех проблем, которые волновали его на протяжении десятков лет.

«Журналисты Франции, — пишет Горький, — ставят вопрос: «Должна ли культура, насчитывающая столько столетий, являющаяся наследницей греческих и латинских культурных ценностей, продолжать свою миссию, несмотря на все преграды, или она должна погибнуть перед новой формой культуры, которая собирается провозгласить первенство экономики над духом?»

Указывая на «первенство экономики над духом» в новой культуре, буржуазные журналисты хотели сказать,

что они сами, как деятели старой культуры, в своей работе руководствуются только своими внутренними побуждениями и не испытывают никакой зависимости. Буржуазные журналисты хотели сказать еще и то, что деятели новой культуры будто бы руководствуются в своей работе, прежде всего, экономическими соображениями. И то, и другое утверждение Горький отмечает начисто. Относительно положения того или иного «мастера культуры» при буржуазном строе он пишет: «Смешно мечтать, еще смешнее говорить об индивидуальной независимости в обществе, где люди — и в их числе журналисты — продаются и покупаются легко и «свободно», как бараны или огурцы». Нам думается, трудно не почувствовать в этой чеканной фразе отзвуков железной логики ленинской статьи «Партийная организация и партийная литература». Относительно положения художника в условиях социалистического общества Горький пишет, что он свободен от насилия уже бессмысленной экономики, создаваемой «духом сэра Базиль Захарова, Детердинга, Виккерса, Крезе, Херста, Шнейдера, Ивара Крейгера, Ставиского и прочих подлинных вождей современной буржуазной культуры».

Естественно, что продажная «культура» современного капиталистического Запада не может претендовать на роль наследницы греческой и римской культуры. Нарисовав страшную, но глубоко правдивую картину жизни современного буржуазного общества, Горький спрашивал: «Где же и в каких формах сохранились среди этой грязи и гнили «греческие и латинские культурные ценности?». Право найти их, — и не в музее, а в живой жизни, в практическом действии, — Горький предоставляет буржуазным журналистам. От себя же он заявляет: «Нам кажется, что если современная Европа и напоминает древний Рим, так это — Рим эпохи упадка и разрушения».

Горький приводит в своей статье еще один вопрос, поставленный буржуазными журналистами: «Может ли коммунизм быть наследником западно-европейской культуры, основанной на греко-римских культурных ценностях?». На этот вопрос Горький отказывается дать одно-

сложный ответ — «да» или «нет». Надо, — говорит он, — установить прежде, что понимается под словом «культура». Надо выяснить, далее, что представляет собою «западно-европейская культура», есть ли смысл коммунизму объявлять себя безоговорочным наследником ее. По определению Горького, культура — это «система трудовых и логических приемов, посредством которых человечество расширяет свое миропознание для того, чтоб постепенно изменять мир». Современная буржуазия не заинтересована в изменении мира и потому она против культуры в собственном, действительном смысле этого слова. Что касается той «культуры», которую создают ныне буржуазия, коммунизм ведет с нею непрерывную борьбу. Тут ни о каком наследии и разговора быть не может. Другое дело, когда речь заходит о западно-европейской культуре вообще, имеющей свою многовековую историю. От нее коммунизм не отмахивается, но он и не принимает ее безоговорочно. Вопрос о том, может ли коммунизм быть наследником всего того лучшего, что создано этой культурой, решается так: другого наследника у нее нет и быть не может, поскольку капитализм, как сила, противостоящая коммунизму, разрушает культуру, а не хранит и не развивает ее. Будущее всей культуры, как и будущее всего человечества, связано с Советским Союзом и коммунистическим обществом, которое он строит. В статье «О культурах» Горький писал: «Все, что создано в Союзе Советских Социалистических Республик, — создано в срок менее двух десятилетий, и это всего красноречивее говорит о даровитости народов Союза, о его трудовом героизме, о том, что в нашей стране труд становится искусством, о том, что пролетариат Советских Социалистических Республик, руководимый учением и партией Ленина и неиссякаемой, все растущей энергией Иосифа Сталина, создает новую культуру, новую историю трудового человечества». Советский Союз знаменует собою новый этап в развитии всего человечества и его культуры. «В этой стране, — пишет Горький о Советском Союзе, — художник и ученый ограничены только волею трудового народа, волею, которая стремится освоить все подлинные культурные ценности челове-

чества». Этими замечательными словами определяется как место ученого и художника в советском обществе, так и место советского общества в истории всех стран и народов всего мира. Советский художник и советский ученый служат своему народу, который в свою очередь служит всему человечеству, являясь для него примером и духовной опорой. Для советского художника и советского ученого поле деятельности ничем не ограничено, ибо его верность народу, который стал во главе трудового человечества, не является ограничением. Наоборот, верность народу — лучшая гарантия успешной работы советского художника и советского ученого. С другой стороны, советский народ, став полновластным и единственным хозяином в собственной стране, создал условия для неограниченного расцвета культуры. Одним словом, в самой природе советского государства нет ничего, что бы могло так или иначе тормозить развитие культуры.

Тем не менее рост культуры в Советском Союзе встречает известные препятствия, которые имеют, однако, не внутреннее, а внешнее происхождение.

Во-первых, советская страна учитывает, что рядом с нею находятся враги, и она вынуждена значительную часть своих сил и средств затрачивать на подготовку обороны против них.

Во-вторых, в практике строительства новой, социалистической культуры народы Советского Союза сталкиваются с культурой прошлого, в частности и с буржуазной культурой, в том числе и западноевропейской. Дело в том, указывает Горький, «что в наследстве буржуазной культуры мед и яд крепко соединены и что «истины» буржуазной науки об историческом прошлом человечества обладают свойством старых опытных кокеток притворяться невинными девушками». То есть, буржуазной науке, даже не нынешних, а давно прошедших лучших ее времен нельзя никогда до конца доверять. В ней надо уметь отделить «яд» от «меда», дабы не отравиться самим «медом». В силу исторических условий, в которые были поставлены буржуазные ученые и художники, они всегда были в своем творчестве классово ограниченными

людьми. В их творчестве истине всегда сопутствовала ложь, которая облекалась в одежды истины. Она-то и есть тот «яд», о котором говорится в статье Горького.

В последних своих статьях Горький предельно ясно формулирует политический смысл своих выступлений по вопросам взаимоотношений капиталистического Запада и Советского Союза: новый социалистический мир и новая социалистическая культура родились и продолжают развиваться в борьбе со старым, капиталистическим миром и его культурой. В этой борьбе победа, конечно, останется за новым миром, но для того, чтобы она скорее наступила, надо все решительнее и все беспощаднее бороться со старым. В противном случае, это «старое», дошедшее до крайней степени падения, растерявшее и опошлившее все лучшие традиции буржуазной культуры, будет наступать на новое. Горький дает нам пример решительной и беспощадной борьбы со «старым». Его статьи воинственны и наступательны по своему характеру. В них нет ни одной спокойной или равнодушной строчки. Статьи Горького тенденциозны в самом лучшем смысле этого слова. Они подчинены одной бесконечно высокой цели: возвышению социалистической культуры и развенчанию, разоблачению, унижению буржуазной культуры. Горький не просто описывает современную буржуазную «культуру» Запада, он нападает на нее, клеймит ее продажность, лживость, лицемерие, античеловечность. Каждая его строка, адресованная капиталистическому Западу, дышит гневом. Каждая же строка, посвященная Советскому Союзу, исполнена горячей веры в торжество великого, исторически справедливого дела. В горьковских статьях нередко главы о Западе чередуются с главами о Советском Союзе, и эти чередующиеся разделы резко отличаются не только по содержанию, но и по своему тону.

Вот две цитаты из двух смежных главок в статье «О культурах»:

1. «Первенство экономики» предельно и полностью выражено в грубейшем зоологическом материализме собственников. Отравляющий «дух» этого хищного мате-

риализма жирных двуногих пауков ныне уже не прикрывается истрепанными лохмотьями религии философии. Фашизм и расовая теория — цинически обнаженная проповедь вооруженного грабежа. Вот он, «дух» современной буржуазной культуры, отвратительный, позорный дух».

2. «Существует страна, где воля и разум всей массы рабочих, крестьян, возбуждаются и воспитываются государственно необходимым трудом, равно полезным для каждой рабочей единицы и где вся масса трудовой энергии вовлекается в разнообразную работу создания новых условий жизни, т. е. — новой, социалистической культуры».

И в том, и в другом случае Горький выступает не только как великий художник и мыслитель, но и как пламенный трибун и политический боец. Первая цитата пронизана пафосом отрицания, вторая — пафосом утверждения.

О Советском Союзе, его людях и культуре, Горький всегда говорил в тоне высокой патетики. Сознывая это и думая, что найдутся люди, которым не понравится его тон, Горький однажды писал:

«Мне скажут — это дифирамб!»

Да, дифирамб! Всю мою жизнь я видел героями только людей, которые любят и умеют работать, людей, которые ставят целью себе освобождение всех сил человека для творчества, для украшения земли, для организации на ней форм жизни, достойных человека».

Вся горьковская публицистика — это, с одной стороны, дифирамб Советскому Союзу, его людям и его культуре; с другой — гневный памфлет о капиталистическом Западе и его впавшей в маразм культуре.

Х

Огромная сила воздействия публицистики Горького — в ее партийности. Горький не только не скрывал того, что является проводником идей партии в своем художественном творчестве и в своей публицистике, — он гордился этим. Перед лицом всего мира он заявлял, что

судьба его связана с большевистской партией с момента ее основания, с 1903 г. Горький всегда стремился смотреть на все события глазами большевистской партии. Он требовал от наших писателей того, чтобы они не оставались равнодушными при описании нашей действительности, не терялись в мелочах, и смотрели на все с определенной «точки зрения», — именно с «точки зрения» политики большевистской партии и великих идей научного социализма. «Научный социализм, — писал Горький, — создал для нас высочайшее интеллектуальное плоскогорье, с которого отчетливо видно прошлое и указан единственный путь в будущее, путь из «царства необходимости в царство свободы». Горький считал первостепенной обязанностью каждого работника социалистической культуры, каждого советского интеллигента подняться на это «высочайшее интеллектуальное плоскогорье». Не менее важным, чем теория научного социализма, была для Горького сама практика социалистического строительства. Он исходил из нее во всей своей работе, во всех своих оценках. «Успешный ход работы партии, — говорил он, — созданной политическим гением Владимира Ленина, убеждает пролетариат всех стран и даже здравомыслящих людей, классово чуждых пролетариату, что путь из «царства необходимости в царство свободы» — не фантазия. Предсмертная судорога буржуазии, именуемая «фашизм»... еще более убедительно говорит: путь пролетариата правилен». Исходя из всего сказанного, Горький ставит такую задачу перед советскими людьми, в частности перед советской интеллигенцией: «Нужно безжалостно и беспощадно бороться против всего, что враждебно основной цели пролетариата, и способно задержать его культурно-революционный, социалистический рост». Партийность творчества и публицистики Горького состоит в том, что каждое его слово подчинено высочайшей идее большевизма — оно утверждает победу коммунизма в нашей стране и возвещает неизбежную гибель капитализма. Страстной, непримиримой большевистской партийностью пронизана вся публицистика Горького, все его статьи, посвященные капиталистическому Западу.

Публицистические выступления Горького всегда вызвали живейший интерес у советского читателя и получали самые высокие оценки с его стороны. Имеются свидетельства о высокой оценке публицистической деятельности Горького руководителями нашей партии и лично товарищем Сталиным. В письме от 10 июля 1934 года Горький сообщал одному из своих корреспондентов относительно статьи «Пролетарский гуманизм»: «Рекомендую статейку «Гуманизм пролетариата», напечатанную в «Правде» с месяц тому назад. Эту статью одобрил тов. Сталин».

Уже в 1906 году Горькому было ясно, что пролетариат России идет к социалистической революции, показывая пример пролетариату и трудящимся массам всех других стран. Сама пролетарская революция в России была в глазах Горького величайшим культурным событием в истории всего человечества. Горький никогда не отрывал политики от культуры. Революционная борьба рабочего класса немыслима без повышения его культуры. В свою очередь, повышая культуру, — в точном и глубоком смысле этого слова, — он тем самым вступает на путь революционной борьбы. Горький доказывает, что революция и последовавшие за ней социалистические преобразования, коренным образом изменили культурный облик народов, ранее населявших старую Россию, а затем вошедших в состав Советского Союза.

Горький призывал рабочий класс и трудящиеся массы всего мира: «Следуйте примеру рабочего класса Советского Союза». Возрождение западноевропейской культуры мыслилось Горьким только на социалистической основе, которая может быть создана только пролетарской революцией.

Характер культуры зависит от характера действительности. Превосходство нашей социалистической культуры над современной западноевропейской «культурой» объясняется превосходством нашей действительности над современной действительностью Западной Европы и Америки. Обо всем этом Горький говорил почти в каждой своей статье. Он писал: «Наш воспитатель — наша действительность». Он призывал советских художников,

всех работников советской культуры: «учитесь на новой действительности, которую вы сами же создаете».

Горьковская публицистика и горьковские памфлеты, написанные им еще в 1906 году, могли бы служить отличным историческим «введением» к постановлениям Центрального Комитета нашей партии и докладам тов. А. А. Жданова по вопросам идеологии. Постановления ЦК ВКП(б) и выступления тов. А. А. Жданова дают глубочайшее марксистско-ленинское теоретическое обоснование превосходства нашей советской культуры не только над «культурой» современного Запада, но и над всей культурой, которая была создана предшествующей нашей эпохе историей человечества. Товарищ Жданов в своих докладах исходил, при этом, из того положения марксизма-ленинизма, согласно которому уровень и характер культуры определяются уровнем и характером экономического уклада и социально-политического устройства общества. Товарищ А. А. Жданов говорил в своем докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград»:

«Если феодальный строй, а затем буржуазия в период своего расцвета могли создать искусство и литературу, утверждающие становление нового строя и воспевающие его расцвет, то нам, строю новому, социалистическому, представляющему из себя воплощение всего, что есть лучшего в истории человеческой цивилизации и культуры, тем более по плечу создание самой передовой в мире литературы, которая оставит далеко позади самые лучшие образцы творчества старых времен».¹

Постановления ЦК ВКП(б) и доклады товарища А. А. Жданова, являясь теоретическим обоснованием превосходства нашей советской культуры над всей предшествующей культурой человечества, вместе с тем, представляют собою практическую, творческую программу для всей советской интеллигенции. В постановлениях ЦК ВКП(б) и докладах товарища А. А. Жданова с особой силой выдвигаются следующие требования к советскому искусству: изображая нашу советскую действи-

¹ А. А. Жданов. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград». Госполитиздат, 1946 г., стр. 37.

тельность, оно должно исходить из нее самой и из той возможности, которая в ней заключена; сила советского искусства состоит в том, что у него нет других интересов, кроме интересов народа и интересов государства; сила советского искусства, далее, состоит в том, что оно опирается в своем развитии на колоссальный практический и теоретический опыт большевистской партии, направляется партией, вдохновляется ее великими идеями; будучи в высшей мере целеустремленным искусством, осуществляя самые высокие цели, какие когда-либо вставали перед человечеством, советское искусство является воинственным по своему характеру, оно должно вести самую беспощадную борьбу с «искусством» капиталистического Запада, с ложью и клеветой буржуазных «художников» на нашу советскую действительность и на наших советских людей; отображая в своем творчестве самый передовой в мире общественный строй, советские художники должны быть исполнены сознания, что они создают самое передовое, в идейном и художественном отношении, искусство мира.

Величие Горького, как художника нашей советской эпохи, состоит в том, что он всегда стремился к утверждению именно такого передового искусства. Горький, как публицист и литературный критик, всегда боролся за этот идеал искусства, и в этом величайшая ценность его публицистических и литературно-критических статей. Во всех своих суждениях об искусстве и культуре Горький всегда исходил из того, что при существовании в мире двух социально-экономических и политических систем — социалистической и капиталистической — неизбежна борьба двух культур, рожденных этими системами. Замечательная Горьковская публицистика дает яркую и сильную картину этой борьбы. Наша социалистическая культура всегда, с самого момента ее зарождения, боролась с «культурой» Запада. И это великолепно показал Горький в своих статьях и художественных произведениях. Борьба между нашей культурой и «культурой» Запада приняла особенно острый характер в связи с великими успехами нашей родины, которые так высоко подняли ее авторитет во всем мире. В до-

Аладе товарища А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» сказано:

«Буржуазному миру не нравятся наши успехи как внутри нашей страны, так и на международной арене. В итоге второй мировой войны укрепились позиции социализма. Вопрос о социализме поставлен в порядке дня во многих странах Европы. Это не нравится империалистам всех мастей, они боятся социализма, боятся нашей социалистической страны, которая является образцом для всего передового человечества. Империалисты, их идейные прислужники, их литераторы и журналисты, их политики и дипломаты всячески стараются оклеветать нашу страну, представить ее в неправильном свете, оклеветать социализм. В этих условиях задача советской литературы заключается не только в том, чтобы отвечать ударом на удары против всей этой гнусной клеветы и нападок на нашу советскую культуру, на социализм, но и смело бичевать и нападать на буржуазную культуру, находящуюся в состоянии маразма и растрепанности».¹

Читая статьи Горького, мы видим, что мысли, занимавшие великого писателя на протяжении десятков лет, вся его деятельность, как беззаветного борца за коммунизм, были неразрывно связаны со всей деятельностью партии Ленина — Сталина и ее бессмертными идеями. В этом бессмертии самого Горького, непреходящая ценность для трудящихся всего мира его художественного и публицистического слова.

Б. БУРСОВ.

¹ А. А. Жданов. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», Госполитиздат, 1946 г., стр 34-35.

В АМЕРИКЕ

ГОРОД ЖЕЛТОГО ДЬЯВОЛА

... Над океаном и землею висел туман, густо смешанный с дымом, мелкий дождь лениво падал на темные здания города и мутную воду рейда.

У бортов парохода собрались эмигранты, молча глядя на всё вокруг пытливыми глазами надежд и опасений, страха и радости.

— Это — кто? — тихо спросила девушка полька, изумленно указывая на статую Свободы. Кто-то ответил:

— Американский бог. . .

Массивная фигура бронзовой женщины покрыта с ног до головы зеленой окисью. Холодное лицо слепо смотрит сквозь туман в пустыню океана, точно бронза ждет солнца, чтобы оно оживило ее мертвые глаза. Под ногами Свободы — мало земли, она кажется поднявшейся из океана, пьедестал ее — как застывшие волны. Ее рука, высоко поднятая над океаном и мачтами судов, придает позе гордое величие и красоту. Кажется — вот факел в крепко сжатых пальцах ярко вспыхнет, разгонит серый дым и щедро обольет всё кругом горячим, радостным светом.

А кругом ничтожного куска земли, на котором она стоит, скользят по воде океана, как допотопные чудовища, огромные железные суда, мелькают, точно голодные хищники, маленькие катера. Ревут сирены, подобно голосам сказочных гигантов, раздаются сердитые свистки, гремят цепи якорей, сурово плещут волны океана.

Всё вокруг бежит, стремится, вздрагивает напряженно. Винты и колеса пароходов торопливо бьют воду — она покрыта желтой пеной, изрезана морщинами.

И кажется, что всё — железо, камни, вода, дерево — полно протеста против жизни без солнца, без песен и счастья, в плену тяжелого труда. Всё стонет, воет, скрежещет, повинувшись воле какой-то тайной силы, враждебной человеку. Повсюду на груди воды, изрытой и разорванной железом, запачканной жирными пятнами нефти, засоренной щепами и стружками, соломой и остатками нищи, — работает невидимая глазом холодная и злая сила. Она сурово и однообразно дает толчки всей этой необъятной машине, в ней корабли и доки — только маленькие части, а человек — ничтожный винт, невидимая точка среди уродливых, грязных сплетений железа, дерева, в хаосе судов, лодок и каких-то плоских барок, нагруженных вагонами.

Ошеломленное, оглохшее от шума, задержанное этой пляской мертвой материи двуногое существо, всё в черной копоти и масле, странно смотрит на меня, сунув руки в карманы штанов. Лицо его замазано густым налетом жирной грязи, и не глаза живого человека сверкают на нем, а белая кость зубов.

* * *

Медленно ползет судно среди толпы других судов. Лица эмигрантов стали странно серы, оступели, что-то однообразно-овечье покрыло все глаза. Люди стоят у бортов и безмолвно смотрят в туман.

А в нем рождается, растет нечто непостижимо огромное, полное гулкого ропота, оно дышит навстречу людям тяжелым, пахучим дыханием, и в шуме его слышно что-то грозное, жадное.

Это — город, это — Нью-Йорк. На берегу стоят двадцатипятиэтажные дома, безмолвные и темные «скребницы неба». Квадратные, лишённые желания быть красивыми, тупые, тяжелые здания поднимаются вверх угрюмо и скучно. В каждом доме чувствуется надменная кичливость своею высотой, своим уродством. В окнах нет цветов и не видно детей...

Издали город кажется огромной челюстью, с неровными, черными зубами. Он дышит в небо тучами дыма и сопит, как обжора, страдающий ожирением.

Войдя в него, чувствуешь, что ты попал в желудок из камня и железа, в желудок, который проглотил несколько миллионов людей и растирает, переваривает их.

Улица — скользкое, алчное горло; по нему куда-то вглубь плывут темные куски пищи города — живые люди. Везде — над головой, под ногами и рядом с тобой живет, грохочет, торжествуя свои победы, железо. Вызванное к жизни силою Золота, одушевленное им, оно окружает человека своей паутиной, глушит его, сосет кровь и мозг, пожирает мускулы и нервы и растет, растет, опираясь на безмолвный камень, всё шире раскидывая звенья своей цепи.

Как огромные черви ползут локомотивы, влача за собою вагоны, крикают, подобно жирным уткам, рожки автомобилей, угрюмо воет электричество, — душный воздух напоен, точно губка влагой, тысячами ревущих звуков. Придавленный к этому грязному городу, испачканный дымом фабрик, он неподвижен среди высоких стен, покрытых копотью.

* * *

На площадях и в маленьких скверах, где пыльные листья деревьев мертво висят на ветвях, — возвышаются темные монументы. Их лица покрыты толстым слоем грязи, глаза их, когда-то горевшие любовью к родине, засыпаны пылью города. Эти бронзовые люди мертвы и одиноки в сетях многоэтажных домов, они кажутся карликами в черной тени высоких стен, они заплутались в хаосе безумия вокруг них, остановились и, полуослепленные, грустно, с болью в сердце смотрят на жадную суету людей у ног их. Люди, маленькие, черные, суетливо бегут мимо монументов, и никто не бросит взгляда на лицо героя. Ихтиозавры капитала стерли из памяти людей значение творцов свободы.

Кажется, что бронзовые люди охвачены одной и той же тяжелой мыслью:

— Разве такую жизнь хотел я создать?

Вокруг кипит, как суп на плите, лихорадочная жизнь, бегут, вертятся, исчезают в этом кипении, точно крупинки в бульоне, как щепки в море, маленькие люди. Город ревет и глотает их одного за другим ненасытной пастью.

Одни из героев опустили руки, другие подняли их, протягивая над головами людей, предостерегая:

— Остановитесь! Это не жизнь, это безумие...

Все они — лишние в хаосе уличной жизни, все не на месте в диком реве жадности, в тесном плесу угрюмой фантазии из камня, стекла и железа.

Однажды ночью они все вдруг сойдут с пьедесталов и тяжелыми шагами оскорбленных пройдут по улицам, унося тоску своего одиночества прочь из этого города, в поле, где блесит луна, есть воздух и тихий покой. Когда человек всю жизнь трудился на благо своей родины, он этим несомненно заслужил, чтоб после смерти его оставили в покое.

* * *

По тротуарам спешно идут люди туда и сюда, по всем направлениям улиц. Их всасывают глубокие поры каменных стен. Торжествующий гул железа, громкий вой электричества, гремющий шум работ по устройству новой сети металла, новых стен из камня — всё это заглушает голоса людей, как буря в океане — крики птиц.

Лица людей неподвижно спокойны — должно быть, никто из них не чувствует несчастья быть рабом жизни, пищей города-чудовища. В печальном самомнении они считают себя хозяевами своей судьбы — в глазах у них, порою, светится сознание своей независимости, но, видимо, им непонятно, что это только независимость топора в руке плотника, молотка в руке кузнеца, кирпича в руках невидимого каменщика, который, хитро усмехаясь, строит для всех одну огромную, но тесную тюрьму. Есть много энергичных лиц, но на каждом лице прежде всего видишь зубы. Свободы внутренней, свободы духа — не светится в глазах людей. И эта энергия без свободы напоминает холодный блеск ножа, который еще не успели иступить. Это — свобода слепых орудий в руках Желтого Дьявола — Золота.

Я впервые вижу такой чудовищный город, и никогда еще люди не казались мне так ничтожны, так поработещены. И в то же время я нигде не встречал их такими трагикомически довольными собой, каковы они в этом жадном и грязном желудке обжоры, который впал от жадности в идиотизм и с диким ревом скота пожирает мозги и нервы...

* * *

О людях — страшно и больно говорить.

Вагон «воздушной дороги» с воем и грохотом мчится по рельсам, между стен домов узкой улицы, на высоте третьих этажей, однообразно опутанных решетками железных балконов и лестниц. Окна открыты, и почти в каждом из них — фигуры людей. Одни — работают, что-то шьют или считают, наклонив головы над конторками, другие просто сидят у окон, лежат грудью на подоконниках и смотрят на вагоны, каждую минуту пробегающие мимо их глаз. Старые, молодые и дети — все одинаково безмолвны, однообразно спокойны. Привыкли к этим стремлениям без цели, привыкли думать, что тут есть цель. В глазах — нет гнева против владычества железа, нет ненависти к его торжеству. Мелькание вагонов сотрясает стены домов, — вздрагивают груди женщин, головы мужчин; на решетках балконов валяются тела детей и тоже дрожат, привыкая принимать эту отвратительную жизнь как должное, неизбежное. В мозгах, которые всегда встряхивают, вероятно, невозможно мысли плести свои смелые, красивые кружева, невозможно родить живую, дерзкую мечту.

Вот промелькнуло темное лицо старухи в грязной кофте, расстегнутой на груди. Уступая дорогу вагонам, замученный, отравленный воздух испуганно бросился в окна, — седые волосы на голове старухи затрепетали, точно крылья серой птицы. Она закрыла свинцовые, потасканные глаза. Исчезла.

В мутных внутренностях комнат мелькают железные прутья кроватей, покрытых лохмотьями, грязная посуда и объедки пищи на столах. Хочется увидеть цветы на окнах, ищешь человека с книгой в руке. Стены льются

мимо глаз точно расплавленные, они текут грязным потоком навстречу, в быстром беге потока тягостно копошатся безмолвные люди.

Лысый череп тускло блеснул за стеклом, покрытым слоем пыли. Он однообразно качался над каким-то станком. Девушка, рыжеволосая и тонкая, сидит на окне и вяжет чулок, считая темными глазами петли. Ударом воздуха ее качнуло внутрь комнаты, — она не отвела глаз от работы, не поправила платья, развеянного ветром. Два мальчика, лет по пяти, строят на балконе дом из щепок. Он развалился от сотрясения. Дети хватают маленькими лапами тонкие щепы, чтобы они не упали на улицу сквозь отверстия в решетке балкона, — и тоже не смотрят на причину, помешавшую их задаче. Еще и еще лица, одно за другим, мелькают в окнах, точно осколки чего-то одного — большого, но разбитого в ничтожные пылинки, растертого в дресву.

Гонимый бешеным бегом вагонов, воздух развеивает платье и волосы людей, бьет им в лицо теплой, душной волной, толкает, вгоняет им в уши тысячи звуков, бросает в глаза мелкую, едкую пыль, слепит, оглушает протажным, непрерывно воющим звуком...

Живому человеку, который мыслит, создает в своем мозгу мечты, картины, образы, родит желания, тоскует, хочет, отрицает, ждет, — живому человеку этот дикий вой, визг, рев, эта дрожь камня стен, трусливый дребезг стекол в окнах — всё это ему мешало бы. Возмущенный, он вышел бы из дома и сломал, разрушил эту мерзость — «воздушную дорогу»; он заставил бы замолчать нахальный вой железа, он — хозяин жизни, жизнь — для него, и всё, что ему мешает жить — должно быть уничтожено.

Люди в домах города Желтого Дьявола спокойно переносят всё, что убивает человека.

* * *

Внизу, под железной сетью «воздушной дороги», в пыли и грязи мостовых, безмолвно возятся дети, — безмолвно, хотя они смеются и кричат, как дети всего мира, но голоса их тонут в грохоте над ними, точно капли

дождя в море. Они кажутся цветами, которые чья-то грубая рука выбросила из окон домов в грязь улицы. Пятая свои тела жирными испарениями города, они бледны и желты, кровь их отравлена, нервы раздражены зловещим криком ржавого металла, угрюмым воем поработанных молний.

Разве из этих детей вырастут здоровые, смелые, гордые люди? — спрашиваешь себя. В ответ отовсюду скрежет, хохот, злой визг.

Вагоны несутся мимо Ист-Сайда, квартала бедных, компостной ямы города. Глубокие канавы улиц, ведущие людей куда-то в глубину города, где — представляется уму — устроена огромная, бездонная дыра, — котел или кастрюля, — туда стекаются все эти люди, и там из них вываривают золото. Канавы улиц кишат детьми.

Я очень много видел нищеты, мне хорошо знакомо ее зеленое, бескровное, костлявое лицо. Ее глаза, тупые от голода и горящие жадностью, хитрые и мстительные или рабски покорные и всегда нечеловеческие, я всюду видел, но ужас нищеты Ист-Сайда — мрачнее всего, что я знаю.

В этих улицах, набитых людьми, точно мешки крупной, дети жадно ищут в коробках с мусором, стоящих у панелей, загнившие овощи и пожирают их вместе с плесенью тут же, в едкой пыли и духоте.

Когда они находят корку загнившего хлеба, она возбуждает среди них дикую вражду: охваченные желанием проглотить ее, они дерутся, как маленькие собачонки. Они покрывают мостовые стаями, точно прожорливые голуби; в час ночи, в два и позднее — они всё еще роются в грязи, жалкие микробы нищеты, живые упреки жадности богатых рабов Желтого Дьявола.

На углах грязных улиц стоят какие-то печи или жаровни, в них что-то варится, пар, вырываясь по тонкой трубке на воздух, свистит в маленький свисток на конце ее. Тонкий, режущий ухо свист прорывает своим дрожащим острием все звуки улиц, он тянется бесконечно, как ослепительно белая, холодная нить, он закручивается вокруг горла, путает мысли в голове, бесит, гонит куда-то и, не смолкая ни на секунду, дрожит в гнилом запахе

пожравшем воздух, дрожит насмешливо, злобно пронизывая эту жизнь в грязи.

Грязь — стихия, она пропитала собою всё: стены домов, стекла окон, одежды людей, поры их тела, мозги, желания, мысли...

В этих улицах — темные впадины дверей подобны загнившим ранам в камне стен. Когда, заглянув в них, увидишь грязные ступени лестниц, покрытые мусором, кажется, что там, внутри, всё разложилось и гнойно, как во чреве трупа. А люди представляются червями...

Высокая женщина с большими темными глазами стоит у двери; на руках у нее ребенок, ее кофта расстегнута, бессильно повисла длинным кошельком ее синяя грудь. Ребенок кричит, царапая пальцами вялое, голодное тело матери, тычется в него лицом, чмокает губами, на минуту умолкает, вновь кричит с большей силой, бьет руками и ногами грудь матери. Она стоит, точно каменная, и глаза ее круглы, как у совы — они смотрят упорно в одну точку перед собой. Чувствуешь, что этот взгляд не может видеть ничего, кроме хлеба. Она плотно сжала губы и дышит носом, ноздри ее вздрагивают, втягивая пахучий, густой воздух улицы; этот человек живет воспоминанием о пище, проглоченной им вчера, мечтой о куске, который он, может быть, съест когда-нибудь. Ребенок кричит, судорожно подергиваясь маленьким, желтым тельцем, — она не слышит его криков, не чувствует ударов...

Старик, длинный и худой, с хищным лицом, без шляпы на седой голове, прищутив красные веки больных глаз, осторожно роется в куче мусора, отбирая куски угля. Когда к нему подходят, он неуклюже, точно волк, поворачивает туловище и что-то говорит.

Юноша, очень бледный и худой, опираясь на столб фонаря, смотрит серыми глазами вдоль улицы и по временам встряхивает курчавой головой. Его руки засунуты глубоко в карманы брюк и судорожно шевелят там пальцами...

Здесь, в этих улицах, человек замечен, слышен его голос, озлобленный, раздраженный, мстительный. Здесь у человека есть лицо — голодное, возбужденное, тоскующее.

Видно, что люди чувствуют, заметно, что они думают. Они кишат в грязных канавах, трутся друг о друга, точно сор в потоке мутной воды; их кружит и вертит сила голода, оживляет острое желание съесть что-нибудь.

В ожидании пищи, в мечтах о наслаждении быть сытыми, они глотают насыщенный, ядами воздух, и в темных глубинах их душ рождаются острые мысли, хитрые чувства, преступные желания.

Они подобны болезнетворным микробам в желудке города, и будет время, когда они его отравят теми же ядами, которыми он так щедро питает их теперь!

Юноша у фонаря время от времени встряхивает головой, крепко стиснув голодные зубы. Мне кажется, я понимаю, о чем он думает, чего он хочет — иметь огромные руки страшной силы и крылья за спиной он хочет, мне кажется. Это для того, чтобы однажды днем подняться над городом, опустить в него руки, как два стальных рычага, и смешать в нем всё в грудку мусора и праха,—кирпич и жемчуг, золото и мясо рабов, стекло и миллионеров, грязь, идиотов, храмы, деревья отравленные грязью, и эти глупые, многоэтажные «скребницы неба», всё, весь город — в кучу, в тесто из грязи и крови людей — в скверный хаос. Это страшное желание естественно в мозгу юноши, как нарыв на теле худосочного. Где много работы рабов, там не может быть места для свободной, творческой мысли, там могут цвести только идеи разрушения, ядовитые цветы мести, буйный протест животного. Это понятно — искажая душу человека, люди не должны ждать от него милосердия к ним.

Человек имеет право мести — это право дают ему люди.

* * *

В мутном небе, покрытом копотью, гаснет день. Огромные дома становятся еще мрачнее, тяжелее. Кое-где в их темных недрах вспыхивают огни и блещут, точно желтые глаза странных зверей, которые должны всю ночь стеречь мертвое богатство этих гробниц.

Люди кончили работу дня и,—не думая о том, зачем она сделана, нужна ли она для них,—быстро бегут спать. Тротуары залиты темными потоками человеческо-

го тела. Все головы однообразно покрыты круглыми шляпами, и все мозги — это видно по глазам — уже уснули. Работа кончена, думать больше не о чем. Все думают только для хозяина, о себе думать нечего; если есть работа — будет хлеб и дешевые наслаждения жизнью, кроме этого ничего не нужно человеку в городе Желтого Дьявола.

Люди идут к своим постелям, к женщинам своим, своим мужчинам, и ночью, в душных комнатах, потные и скользкие от пота, будут целоваться, чтобы для города родилась новая, свежая пища...

Идут. Не слышно смеха, нет веселого говора, и не блестят улыбки.

Крякают автомобили, щелкают бичи, густо поют электрические провода, гремят вагоны. Вероятно, где-нибудь играет музыка.

Мальчишки резко выкрикивают названия газет. Подлый звук шарманки и чей-то вопль сливаются в трагикомическом объятии убийцы и балаганного шута. Безвольно идут маленькие люди, — точно камни катятся под гору...

Всё больше и больше вспыхивает желтых огней — целые стены сверкают пламенными словами о пиве, о виски, о мыле, новой бритве, шляпах, сигарах, о театрах. Грохот железа, гонимого всюду вдоль улиц жадными толчками Золота, не становится тише. Теперь, когда везде горят огни, этот непрерывный вопль еще значительнее, он приобретает новый смысл, более тяжелую силу.

Со стен домов, с вывесок, из окон ресторанов — льется ослепляющий свет расплавленного Золота. Нахальный, крикливый, он торжествующе трепещет всюду, режет глаза, искажает лица своим холодным блеском. Его хитрое сверкание полно острой жажды вытянуть из карманов людей ничтожные крупницы их заработка, — он слагает свои подмигивания в огненные слова и этими словами молча зовет рабочих к дешевым удовольствиям, предлагает им удобные вещи...

Страшно много огня в этом городе! Сначала это кажется красивым, и, возбуждая, веселит. Огонь — свободная стихия, гордое дитя солнца. Когда он буйно расцве-

тает — его цветы трепещут и живут прекрасней всех цветов земли. Он очищает жизнь, он может уничтожить всё ветхое, умершее и грязное.

Но когда в этом городе смотришь на огонь, заключенный в прозрачные темницы из стекла, понимаешь, что здесь — как всё — огонь поработен. Он служит Золоту, для Золота и враждебно далек от людей...

Как всё — железо, камень, дерево — огонь тоже в заговоре против человека: ослепляя его, он зовет:

— Иди сюда!

И выманивает:

— Отдай твои деньги!..

Люди идут на его зов, покупают ненужную им дрянь и смотрят на зрелища, отупляющие их.

Кажется, что где-то в центре города вертится со сладострастным визгом и ужасающей быстротой большой ком Золота, он распыливает по всем улицам мелкие пылинки, и целый день люди жадно ловят, ищут, хватают их. Но вот наступает вечер, ком Золота начинает вертеться в противоположную сторону, образуя холодный, огненный вихрь, и втягивает в него людей затем, чтобы они отдали назад золотую пыль, пойманную днем. Они отдают всегда больше того, сколько взяли, и на утро другого дня ком Золота увеличивается в объеме, его вращение становится быстрее, громче звучит торжествующий вой железа, его раба, грохот всех сил, поработанных им.

И жаднее, с большей властью, чем вчера, оно сосет кровь и мозг людей для того, чтобы к вечеру эта кровь, этот мозг обратились в холодный, желтый металл. Ком Золота — сердце города. В его биении — вся жизнь, в росте его объема — весь смысл ее.

Для этого люди целыми днями роют землю, коуют железо, строят дома, дышат дымом фабрик, всасывают парами тела грязь отравленного, больного воздуха, для этого они продают свое красивое тело.

Это скверное волшебство усыпляет их души, оно делает людей гибкими орудиями в руке Желтого Дьявола, рудой, из которой Он неустанно плавит Золото, свою плоть и кровь.

Из пустыни океана идет ночь и дышит на город прохладным, соленым дыханием. Тысячами стрел вонзаются в нее холодные огни—она идет, сострадательно окутывая темными одеждами безобразие домов, мерзость узких улиц, прикрывая грязь лохмотьев нищеты. Дикий вопль жадного безумия несется ей навстречу, разрывая ее тишину—она идет и медленно гасит нахальный блеск порабощенного огня, закрывая своей мягкой рукой гнойные язвы города.

Но, вступая в сети улиц, она не в силах победить, разогнать своим свежим дыханием ядовитые испарения города. Она трется о камень стен, нагретый солнцем, ползет по ржавому железу крыш, по грязи мостовых, пропитывается ядовитой пылью, глотает запахи и, опуская крылья, бессильно, неподвижно ложится на крыши домов, в канавы улиц. От нее осталась только тьма,—свежесть и прохлада исчезли, проглоченные камнем, железом, деревом, грязными легкими людей. В ней больше нет тишины, нет поэзии...

Город засыпает в духоте, он ворчит, как огромное животное. Оно слишком много пожрало за день разной пищи, ему жарко, неловко, и снятся дурные, тяжелые сны.

Вздрагивая, угасает огонь, отслужив свою жалкую службу провокатора, лакея рекламы. Дома всасывают людей, одного за другим, в свои каменные внутренности.

Худой, высокий и сутулый человек стоит на углу улицы и скучно бесцветными глазами смотрит направо и налево, медленно повертывая голову. Куда идти? Все улицы одинаковы, и все дома смотрят друг на друга бельмами тусклых окон одинаково безразлично и мертво...

Душная тоска давит горло теплой рукой, стесняя дыхание. Над крышами домов неподвижно стоит прозрачное облако дневных испарений проклятого, несчастного города. Сквозь эту пелену в недостигаемой высоте небес тускло мерцают тихие звезды.

Человек снял шляпу, поднял голову, смотрит вверх. Высота домов в этом городе оттолкнула небо дальше от земли, чем где-либо. Звезды—мелки, одиноки...

Вдали тревожно звучит медная труба. Длинные ноги человека странно вздрагивают, и он идет в одну из улиц, шагая медленно, наклонив голову и размахивая руками. Уже поздно, улицы становятся всё более пустынными. Одинокие маленькие люди исчезают, точно мухи, пропадая во тьме. На углах неподвижно стоят полицейские, в серых шляпах, с палками в руках. Они жуют табак, медленно двигая челюстями.

Человек идет мимо них, мимо телефонных столбов и множества черных дверей, в стенах домов,—черных дверей, сонно разинувших квадратные пасти. Где-то далеко гремит и воет вагон трамвая. Ночь задохнулась в глубоких клетках улиц, ночь умерла.

Человек идет, размеренно передвигая ноги, и качает свой длинный, согнутый корпус. В его фигуре есть что-то думающее и хотя нерешительное, но—решающее.

Мне кажется он вор.

Приятно видеть человека, который чувствует себя живым в черных сетях города.

Раскрытые окна дышат тошным запахом человеческого пота.

Непонятные, глухие звуки дремотно возятся в душевой, тоскливой тьме...

Уснул и сонно бредит мрачный город Желтого Дьявола.

ЦАРСТВО СКУКИ

Когда приходит ночь—на океане вдруг поднимается к небу призрачный город, весь из огней. Тысячи рдеющих искр раскаленно сверкают во тьме, тонко и четко рисуя на темном фоне неба стройные башни чудесных замков, дворцов и храмов из разноцветного хрусталя. В воздухе трепещет золотая паутина, сплетаясь в прозрачные узоры пламени, и замирает, любясь своей красотой, отраженной в воде. Сказочно и непонятно это сверкание огня, который горь— не уничтожает; невыразимо прекрасен его великолепный, едва заметный для глаза трепет, создающий в пустыне неба и океана волшебную картину огненного города. Над ним колышет—

ся красноватое зарево, и вода отражает его очертания, сливая их в причудливые пятна расплавленного золота...

Игра огня рождает странные мечты: кажется, что там, в залах дворцов, в ярком блеске пламенной радости, тихо и гордо звучит музыка, которой не слышал никто и никогда. На волне ее стройного течения несутся, точно крылатые звезды, лучшие мысли земли. В священном танце они соприкасаются одна с другой и, ярко вспыхнув в мимолетном объятии, рождают новое пламя, новую мысль.

Кажется, что там, в мягкой тьме, на зыбкой груди океана, качается чудесно сотканная из нитей золота, цветов и звезд большая колыбель — в ней, ночью, отдыхает солнце.

* * *

Солнце ставит человека ближе к правде жизни. Днем на месте огненной сказки видны только белые воздушные здания.

Голубой туман дыхания океана смешан с дымом города, серым и мутным, белые, легкие постройки окутаны прозрачной пеленой, они, подобно мареву, заманчиво дрожат, зовут к себе и обещают что-то прекрасное, утешающее.

Там, сзади, тяжело стоят в тучах дыма и пыли квадратные дома города, и не смолкая раздается его ненастный, голодно-жадный рев. Этот напряженный звук, сотрясающий воздух и душу, немолчный вой железных струн, тоскливый вопль сил жизни, угнетаемых силою Золота, холодный, насмешливый свист Желтого Дьявола, — этот шум гонит прочь от земли, раздавленной и загрязненной вонючим телом города. И люди идут на берег океана, где стоят, обещая им отдых и тишину, красивые белые здания.

Они тесно сомкнулись на длинной песчаной косе, которая, подобно ножу, глубоко и остро вонзилась в темные воды. Песок блестит на солнце теплым, желтым блеском, и на его бархате прозрачные здания подобны тонким вышивкам из белого шелка. Как будто некто

пришел на острие косы и погрузился в волны, бросив свои богатые одежды на грудь им.

Хочется пойти и прикоснуться к мягким, ласковым тканям, лечь на их пышные складки и смотреть в пустыню, где бесшумно и быстро мелькают белые птицы, где океан и небо дремотно замерли в знойном блеске солнца.

.

Это называется — Куни Айланд.

По понедельникам газеты города с торжеством извещают читателя:

«Вчера на Куни Айланд было 300 000 человек. Погибло 23 ребенка»...

...Нужно долго ехать, в пыли и криках улиц, на грамме по Бруклину и острову Лонг Айланд, прежде чем перед глазами явится ослепительное величие Куни Айланда. И как только человек встанет перед входом в этот город огня — он ослеплен. В глаза ему бросаются сотни тысяч холодных, белых искр, и он долго ничего не может разобрать в сверкающей пыли; вокруг него — всё слито в буйный вихрь огненной пены, всё кружится, блестит и увлекает. Человека сразу ошеломили, ему раздавили этим блеском сознание, изгнали из него мысль и сделали личность куском толпы. Пьяно и безвольно люди идут куда-то среди сверкания огней. В мозг проникает матово-белый туман, жадное ожидание окутывает душу вязким пологом. Пораженная блеском толпа людей вливается черным потоком в неподвижное озеро света, отовсюду сдавленного темными границами ночи.

Везде сухо и холодно сверкают маленькие лампочки, они прилеплены ко всем столбам и стенам, к наличникам окон, карнизам, они тянутся ровными линиями по высокой трубе электрической станции, горят на всех крышах, царапают глаза людей острыми иглами мертвого блеска — люди прищуриваются и, растерянно улыбаясь, медленно влачатся по земле, как тяжелые звенья запутанной цепи...

Человеку нужно сделать большое усилие, чтобы найти себя среди толпы, подавленной удивлением, в котором нет восторга и радости. И кто находит себя, тот видит, что эти миллионы огней рождают унылый, всё раздевающий свет и, создавая намеки на возможность красоты, всюду обнажают тупое, скучное безобразие. Призрачный издали, сказочный город встает теперь, как нелепая путаница прямых линий дерева, поспешная, дешевая постройка для забавы детей, расчетливая работа старого педагога, которого беспокоят детские шалости, и он желает даже игрушками воспитывать в детях покорность и смирение. Десятки белых зданий уродливо разнообразны, и ни на одном из них нет даже тени красоты. Они построены из дерева, намазаны облупившейся белой краской и все точно страдают однообразной болезнью кожи. Высокие башни и низенькие колоннады вытянулись в две мертвенно-ровные линии и безвкусно теснят друг друга. Всё раздето, ограблено бесстрастным блеском огня; он — всюду, и нигде нет теней. Каждое здание стоит точно удивленный дурак, широко раскрыв рот, а внутри него облако дыма, резкие вопли медных труб, вой органа и темные фигуры людей. Люди едят, пьют, курят.

Но человека — не слышно. В воздухе течет ровной струей шипение огня в фонарях, носятся лохмотья музыки, нищенское пение деревянных дудок органов и тонкий, непрерывный свист жаровен. Всё это сливается в назойливое гудение какой-то невидимой, толстой, туго натянутой струны, и если в этот непрерывный звук вторгается человеческий голос, он кажется испуганным шопотом. Всё вокруг нагло блестит, обнажая свое скучное уродство...

Душу крепко обнимает пламенное желание живого, красного, цветущего огня, чтобы он освободил людей из плена пестрой скуки, сверлящей уши и ослепляющей глаза... Хочется поджечь всю эту прелесть и бешено, весело плясать, кричать и петь в буйной игре разноцветных языков живого пламени, на сладострастном пире уничтожения мертвого великолепия духовной нищеты...

Людей в плену этого города — действительно сотни тысяч. На всей его огромной площади, тесно застроенной белыми клетками, во всех залах зданий они толпятся, как тучи черных мух. Беременные женщины самолично несут тяжесть своих животов. Дети идут, молчаливо раскрыв рты, и ослепленными глазами смотрят вокруг так напряженно и серьезно, что их до боли жалко за этот взгляд, питающий их душу уродством, которое они берут за красоту. Бритые лица мужчин, безусые, странно похожие друг на друга — солидно неподвижны. Большинство их привело сюда жен и детей и чувствует себя благодетелями своих семейств, которым они дают не только хлеб, но и великолепные зрелища. Им самим тоже нравится этот блеск, но они слишком серьезны для того, чтобы выражать свои ощущения, поэтому они однообразно сжали тонкие губы, и, прищулив глаза, смотрят исподлобья, как люди, которых ничем не удивишь. Но под этим внешним спокойствием зрелого опыта чувствуется напряженное желание изведать все наслаждения города. И вот солидные люди, пренебрежительно усмехаясь и скрывая довольный блеск светлых глаз, садятся верхом на спины деревянных лошадок и слонов электрической карусели, садятся и, болтая ногами, с трепетом ждут острого удовольствия помчаться по рельсам, ухая взлететь вверх и со свистом опуститься вниз. Совершив это тряское путешествие, все снова туго натягивают кожу на лице и идут к другим наслаждениям. . .

Удовольствия бесчисленны: вот на вершине железной башни медленно качаются два длинные белые крыла, на концах крыльев висят клетки, в клетках люди. Когда одно из крыльев тяжело взмывает к небу — лица людей в клетках становятся тоскливо серьезны, и все они одинаково напряженно и молчаливо смотрят круглыми глазами на землю, уходящую от них. А в клетке другого крыла, которое в это время осторожно опускается вниз — лица людей цветут улыбками, и раздаются довольные взвизгивания. Это напоминает радостный визг щенка, когда его опустить на пол, подержав на воздухе за кожу шеи.

Вокруг вершины другой башни летают в воздухе

лодки, третья, вращаясь, двигает какие-то баллоны из железа, четвертая, — пятая — все они двигаются, пылают, зовут безмолвным криком холодного огня. Всё качается, взвизгивает, гремит и кружит головы людей, делая их самодовольно скучными, утомляя их нервы путаницей движений и блеском огня. Светлые глаза становятся еще светлее, как будто мозг бледнеет, теряя кровь в странной суеде белого, сверкающего дерева. И кажется, что скука, издыхая под гнетом отвращения к себе самой, кружится, кружится в медленной агонии и вовлекает в свой унылый танец десятки тысяч однообразно черных людей, сметая их, как ветер — сор улиц, в безвольные кучи и снова разбрасывая, и снова сметая...

* * *

Внутри зданий людей ждут тоже наслаждения, но они серьезны, они воспитывают. Здесь людям показывают Ад с его строгими порядками и разнообразием мучений, которые ждут людей, нарушающих святость законов, созданных для них...

Ад сделан из папье-маше, окрашенного в темнокрасный цвет, всё в нем пропитано огнеупорным составом и густым, грязным запахом какого-то жира. Ад очень скверно сделан, — он способен вызвать отвращение даже у человека весьма нетребовательного. Он представляет собой пещеру, хаотически заваленную камнями и наполненную красноватым сумраком. На одном из камней сидит Сатана в красном трико, искажая разнообразными гримасами свое худое, коричневое лицо, и потирает руки, как человек, который сделал выгодное дело. Ему, должно быть очень неудобно сидеть — бумажный камень трещит и качается, но он будто бы не замечает этого, наблюдая, как внизу, у его кривых ног, черти расправляются с грешниками.

Вот девушка купила новую шляпку и смотрит на себя в зеркало, довольная и веселая. Но сзади к ней подкрадывается пара небольших, видимо очень голодных чертей, они схватывают ее под мышки, она визжит, — поздно! Черти кладут ее в длинный гладкий жолоб, который круто опускается в яму среди пещеры, из ямы

идет серый пар, поднимаются языки огня, сделанного из красной бумаги, и девушка, вместе с зеркалом и шляпой, съезжает на спине по жолобу в эту яму.

Молодой парень выпил стакан водки, — черти немедленно спускают и его туда же, под пол сцены.

В аду душно, черти мелки и слабосильны, они, видимо, страшно утомлены своей работой, их раздражает ее однообразие и очевидная бесполезность, поэтому они не церемонятся с грешниками, бросая их в жолоб, точно поленья. Смотришь на них, и хочется крикнуть:

— Довольно глупостей! Бастуй, ребята!..

Девушка вытащила несколько монет из кошелька своего собеседника, — и в тот же миг черти расправляются с ней, к удовольствию Сатаны, который радостно болтает ногами и гнусаво хихикает. Черти сердито косятся на бездельника и озлобленно швыряют в пасть огненной ямы всех, кто случайно — по делу или из любопытства — заходит в ад...

Публика смотрит на эти страсти молча и серьезно. В зале — темно. Какой-то здоровый парень с курчавой головой и в толстом пиджаке густым, угрюмым голосом говорит речь, указывая рукой на сцену.

В своей речи он утверждает, что — если люди не хотят быть жертвами Сатаны в красном трико и с кривыми ногами — они должны знать, что нельзя целовать девушек, не обвенчавшись с ними, потому что от этого девушки могут сделаться проститутками; нельзя целовать молодых людей без разрешения церкви, потому что от этого могут родиться мальчики и девочки; проститутки не должны воровать деньги из карманов своих гостей; все вообще люди не должны пить вино и прочие жидкости, возбуждающие страсти; все они должны посещать не трактиры, а церкви, — это полезнее для души и дешевле стоит...

Говорит он одностонно, скучно и, должно быть, сам не верит, что нужно жить именно так, как ему велели проповедывать.

Невольно восклицаешь по адресу хозяев исправительного увеселения для грешников:

— Господа! Если вы желаете, чтобы мораль действо-

вала на душу человека, хотя бы с силою касторового масла, — проповедникам морали надо больше платить!

В заключение этой страшной истории из угла пещеры является до отвращения красивый ангел. Он подвешен на проволоке и двигается в воздухе через всю пещеру, держа в зубах деревянную дудку, оклеенную золотой бумагой. Сатана, увидав его, ныряет, подобно ершу, в яму вслед за грешниками, раздается треск, бумажные камни валятся друг на друга, черти радостно бегут отдохнуть от работы, — занавес опускается. Публика встает и уходит. Некоторые осмеливаются смеяться, большинство людей сосредоточено. Может быть, они думают:

— Если и в аду так мерзко, — пожалуй, не стоит грешить.

Идут дальше. В следующем здании им показывают «Загробный мир». Это большое учреждение, тоже из папье-маше, оно изображает шахты, в которых без толку шатаются скверно одетые души умерших. Им можно подмигивать, но щипать их нельзя, это — факт. Они, должно быть, очень скучают в сумраке подземного лабиринта, среди шероховатых стен, обливаемые холодной струей сырого воздуха. Некоторые души скверно кашляют, другие молча жуют табак, сплевывая на землю желтую слюну; одна душа, прислонясь в углу к стене, курит сигару...

Когда проходишь мимо них, они смотрят в лицо бесцветными глазами и, плотно сжимая губы, зябко прячут руки в серые складки загробных лохмотьев. Голодны они, эти бедные души, и, видимо, многие из них страдают ревматизмом. Публика молча смотрит на них и, вдыхая сырой воздух, питает душу свою унылой скукой, которая гасит мысль, как мокрая грязная тряпка, брошенная на уголь, едва тлеющий...

Еще в одном здании охотно показывают «Всемирный потоп», который, как известно, был устроен для наказания людей за грехи...

И все зрелища в этом городе имеют одну цель: показать людям, чем и как они будут вознаграждены за грехи свои после смерти, научить их жить на земле смиренно и послушно законам...

Всюду проповедуется одно:

— Нельзя!

Ибо подавляющее большинство публики — рабочий народ...

* * *

Но — необходимо наживать деньги, и в укромных уголках светлого города, как везде на земле, разврат презрительно смеется над лицемерием и ложью. Конечно, он прикрыт, и, разумеется, — он скучен, он ведь тоже «для народа». Он организован как выгодное предприятие, как средство вытащить заработок из кармана человека, и, пропитанный страстью к золоту, он трижды гнусен и противен в этом болоте светлой скуки...

Народ питается им...

...Он течет густым потоком между двух линий ярко освещенных домов, и дома глотают его голодными пастьями. Направо его застрашивают ужасами вечных мук, убеждая:

— Не греши! Опасно!

Налево, в просторном зале для танцев, медленно кружатся женщины, и всё там говорит:

— Согреши! Приятно...

Ослепленный блеском огней, соблазняемый дешевой, но сверкающей роскошью, пьяный от шума, он кружится в медленной пляске томящей скуки и охотно, слепо идет налево — ко греху, направо — в дома, где ему проповедуют святость.

Это безвольное хождение с одинаковой силой отупляет его, одинаково полезно и для торговцев моралью, и для продавцов разврата.

Жизнь устроена для того, чтобы народ шесть дней работал, а в седьмой грешил и — платил за грехи свои, исповедывался и платил за исповедь, — вот и всё!

* * *

Шипят огни, подобно сотням тысяч раздраженных змей, темными роями мух бессильно, уныло жужжат и медленно ворочаются люди в сетях сверкающей, тонкой паутины зданий. Не торопясь, без улыбок на гладко вы-

бритых лицах, они лениво входят во все двери, стоят подолгу перед клетками зверей, жуют табак, плюются.

В огромной клетке какой-то человек гоняет выстрелами из револьвера и беспощадными ударами тонкого бича бенгальских тигров. Красавцы-звери, обезумев от ужаса, ослепленные огнями, оглушенные музыкой и выстрелами, бешено мечутся среди железных прутьев, рычат, храпят, сверкая зелеными глазами; дрожат их губы, гневно обнажая клыки зубов, и то одна, то другая лапа грозно взмахивает в воздухе. Но человек стреляет им прямо в глаза, и громкий треск холостого патрона, режущая боль ударов бича отталкивает сильное, гибкое тело зверя в угол клетки. Охваченный дрожью возмущения, гневной тоской сильного, задыхаясь в муках унижений, пленный зверь на секунду замирает в углу и безумными глазами смотрит, нервно двигая змеевидным хвостом, смотрит...

Эластичное тело сжимается в твердый ком мускулов, дрожит, готовое взлететь на воздух, вонзить свои когти в мясо человека с бичом, разорвать его, уничтожить...

Вздрагивают, как пружины, задние ноги, вытягивается шея, в зеленых зрачках вспыхивают кроваво-красные искры радости.

И в них вонзаются сотнями тупых уколов бесцветные, холодно ожидающие взгляды однообразно желтых лиц за решеткою клетки, тускло слитых в медное пятно.

Страшное своей мертвой неподвижностью, лицо толпы ждет, — она тоже хочет крови и ждет ее, ждет не из мести, а из любопытства, как давно укрощенный зверь.

Тигр втягивает голову в плечи, тоскливо расширяет глаза и волнисто, мягко подается всем телом назад, точно его кожу, воспламененную жаждой мести, вдруг облили ледяным дождем.

Человек стреляет, щелкает бичом, орет, как безумный, — он прячет в криках свой жуткий страх перед зверем и свое рабское опасение не угодить животному, которое спокойно любит прыжками человека, напряженно ожидая рокового прыжка зверя. Ожидает — не сознавая, в нем проснулся и дышит древний инстинкт,

он требует борьбы, он хочет сладко вздрогнуть, когда два тела обовьются одно с другим, брызнет кровь, и на пол клетки полетит, дымясь, разорванное мясо человека, раздастся рев и крик...

Но мозг животного уже пропитан ядами разных запретов и опасений, желая крови — толпа боится, она и хочет, и не хочет, и в этой темной борьбе внутри самой себя она испытывает острое наслаждение, она — живет...

Человек напугал всех зверей, тигры мягко убегают куда-то в глубину клетки, а он, потный и довольный тем, что сегодня остался жив, улыбается побелевшими губами, стараясь скрыть их дрожь, и кланяется медному лицу толпы, кланяется ей, как идолу.

Она мычит, хлопает ладонями и разваливается на темные куски, расползается по вязкому болоту скуки вокруг нее...

Насладившись картиной состязания человека со зверями, животные идут искать еще чего-нибудь забавного. Вот — цирк. В центре круглой арены какой-то человек подбрасывает длинными ногами в воздух двух детей. Дети мелькают над ним, точно два белых голубя, у которых сломаны крылья, порой они срываются с его ног, падают на землю и, опасливо взглянув на опрокинутое, налитое кровью лицо отца своего или хозяина, снова вертятся в воздухе. Вокруг арены сложилась толпа. Смотрит. И когда ребенок срывается с ног артиста, на всех лицах вздрагивает оживление, точно ветер кроет легкой рябью сонную воду грязной лужи.

Хочется увидеть пьяного человека с веселой рожей, который шел бы, толкался, пел, орал, счастливый тем, что, вог, он — пьян и всем добрым людям искренно желает того же.

Гремит музыка, разрывая воздух в клочья. Оркестр — плох, музыканты устали, звуки труб мечутся бессвязно, как будто, они прихрамывают, для них невозможен плавный строй, они бегут изломанной линией, толкая, обгоняя, опрокидывая друг друга. И почему-то каждый отдельный звук рисуется воображению куском жести, которому придано сходство с лицом человека — проре-

зан рот, прорезаны глаза, отверстие для носа и приделаны длинные белые уши. Человек, махающий палочкой над головами музыкантов, которые не смотрят на него, берет эти куски за ручки-уши и невидимо бросает их кверху. Они сшибаются друг с другом, воздух свистит в щелях их ртов, и — это делает музыку, от которой даже ко всему привыкшие лошади цирковых наездников — опасливо сторонятся, нервно прядая острыми ушами, точно хотят вытряхнуть из них колкие жестяные звуки...

Странные фантазии рождает музыка нищих для забавы рабов. Хочется вырвать из рук музыканта самую большую медную трубу и дуть в нее всей силой груди, долго, громко, страшно, так, чтобы все разбежались из плена, гонимые ужасом бешеного звука...

Недалеко от оркестра — клетка с медведями; один из них, толстый, бурый, с маленькими хитрыми глазами, стоит среди клетки и размеренно качает головой. Вероятно он думает:

— Это можно принять, как разумное, только тогда, если мне докажут, что всё здесь устроено нарочно, чтобы ослепить, оглушить, изуродовать людей. Тогда, конечно, цель оправдывает средства... Но если люди искренно думают, что всё это — забавно, — я не верю больше в их разум!..

Два другие медведя сидят один против другого, как будто играя в шахматы. Четвертый озабоченно сгребает солому в угол клетки, задевая черными когтями за прутья. Морда у него разочарованно-спокойная. Он, видимо, ничего не ждет от этой жизни и намерен лечь спать...

Звери возбуждают острое внимание — водянистые взгляды людей неотвязчиво следят за ними, как будто ищут что-то давно позабытое в свободных и сильных движениях красивого тела львов и пантер. Стоя перед клетками, они просовывают палки сквозь решетку и молча, испытующе тыкают зверей в животы, в бока, наблюдают: что будет?

Те звери, которые еще не ознакомились с характером людей, сердятся на них, бьют лапами по прутьям клеток и ревут, открывая гневно дрожащие пасти. Это — нра-

вятся. Охраняемые железом от ударов зверя, уверенные в своей безопасности, люди спокойно смотрят в глаза, налитые кровью, и довольно улыбаются. Но большинство зверей не отвечают людям. Получив удар палкой или плевков, они медленно встают и, не глядя на оскорбителя, уходят в дальний угол клетки. Там в темноте лежат сильные, прекрасные тела львов, тигров, пантер и леопардов, и горят во тьме круглые зрачки зеленым огнем презрения к людям...

А люди, взглянув на них еще раз, идут прочь и говорят:

— Это — скучный зверь...

* * *

Перед оркестром музыкантов, с отчаянным усердием играющих у полукруглого входа в какую-то темную, широко разинутую пасть, внутри которой спинки стульев торчат подобно рядам зубов, — перед музыкантами поставлен столб, а на столбе, привязанные тонкой цепью, две обезьяны — мать и ребенок. Ребенок тесно прижался к груди матери, скрестив на спине ее свои длинные тонкие руки с крошечными пальцами; мать крепко обняла его одной рукой, ее другая рука сторожко вытянута вперед, и пальцы на ней нервно скрючены, готовые цапать, ударить. Глаза матери напряженно расширены, в них ясно видно бессильное отчаяние, острая боль ожидания неустрашимой обиды, утомленная злоба и тоска. Ребенок, прильнув щекой к ее груди, искоса, с холодным ужасом в глазах смотрит на людей, — он, видимо, был напоен страхом в первый день жизни, и страх заledenел в нем на все дни ее. Оскалив мелкие белые зубы, его мать, ни на секунду не отрывая руки, обнимающей родное тело, другой рукой всё время непрерывно отбивает протянутые к ней палки, и зонтики зрителей ее мук.

Их много. Это белокожие дикари, мужчины и женщины, в котелках и шляпах с перьями, и всем им ужасно забавно видеть, как ловко обезьяна-мать защищает свое дитя от ударов по его маленькому телу...

Обезьяна быстро вертится на круглой плоскости, величиной с тарелку, рискует каждую секунду упасть под

ноги зрителей и неумоимо отталкивает всё, что хочет прикоснуться к ее ребенку. Порой она не успевает отбить удар и жалобно взвизгивает. Ее рука, точно плеть, быстро вьется вокруг, но зрителей так много, и каждому так сильно хочется ударить, дернуть обезьяну за хвост, за цепь на шее. Она — не успевает. И глаза ее жалобно моргают, около рта являются лучистые морщины скорби и боли.

Руки ребенка давят ей грудь, он так крепко прижался, что его пальцев почти не видно в тонкой шерсти на коже матери. Глаза его, не отрываясь, смотрят на желтые пятна лиц, в тусклые глаза людей, которым его ужас перед ними дает маленькое удовольствие...

Порой один из музыкантов наводит медный глупый зев своей трубы на обезьяну и обливает ее трескучим звуком, — она сжимается, скалит зубы и смотрит на музыканта острым взглядом...

Публика смеется, одобрительно кивает музыканту головами. Он доволен и спустя минуту повторяет свою выходку.

Среди зрителей есть женщины; вероятно, некоторые из них — матери. Но никто не произносит ни слова против злой забавы. Все довольны ею...

Иная пара глаз, кажется, готова лопнуть от напряжения, с которым она любит муками матери и диким ужасом ребенка.

Рядом с оркестром — клетка слона. Это пожилой господин, с вытертой и лоснящейся кожей на голове. Просунув хобот сквозь прутья клетки, он солидно покачивает им, наблюдая за публикой. И думает, как доброе и разумное животное:

— Конечно, эта сволочь, сметенная сюда грязной метлой скуки, способна издеваться и над пророками своими, — как слышал я от стариков-слонов. Но — всё-таки — мне жалко обезьяну... Я слышал также, что люди, как шакалы и гиены, порою разрывают друг друга, но обезьяне-то от этого не легче, нет, не легче!..

...Смотришь на эту пару глаз, в которой дрожит скорбь матери, бессильной защитить свое дитя, и на глаза ребенка, в которых неподвижно застыл глубокий,

холодный ужас перед человеком, смотришь на людей, способных забавляться мучениями живого существа, и, обращаясь к обезьяне, говоришь про-себя:

— Животное! Прости им! Современем они будут лучше...

Конечно, это смешно и глупо. И бесполезно. Едва ли может быть такая мать, которая могла бы простить мучения своего ребенка; я думаю, даже среди собак нет такой матери...

Разве только свиньи...

* * *

Да...

Так вот — когда приходит ночь,—на океане внезапно вспыхивает прозрачный, волшебный город, весь из огней. Он — не сгорая—долго горит на темном фоне неба ночи, отражая свою красоту в широком блеске волн океана.

В блестящей паутине его прозрачных зданий, подобно вшам в лохмотьях нищего, скучно ползают десятки тысяч серых людей с бесцветными глазами.

Жадные и подлые — показывают им отвратительную наготу своей лжи и наивность своей хитрости, лицемерие свое и ненасытную силу жадности своей. Холодный блеск мертвого огня во всём оголяет скудоумие, и оно, торжественно блистая, почиет на всём вокруг людей...

Но люди тщательно ослеплены и с восхищением, молча пьют дрянной яд, отравляющий их души.

В ленивом танце медленно кружится скука, издыхающая в агонии своего бессилия.

Только одно хорошо в светлом городе — в нем можно на всю жизнь напонтить душу свою ненавистью к силе глупости...

..МОН-

... Окно моей комнаты выходит на площадь, пять улиц целый день высыпают на нее людей, точно картофель из мешков, люди толпятся, бегут, и снова улицы втягивают их в свои пищеводы. Площадь кругла и грязна, как скоторода, на которой долго жарили мясо, но никогда еще

не чистили ее. Четыре линии трамвая выбегают на этот тесный круг, почти каждую минуту скользят по рельсам, резко взвизгивая на закруглениях, вагоны, набитые людьми. Они разбрасывают на своем пути тревожно-торопливый грохот железа, над ними и под колесами у них раздраженно гудит электричество. В пыльном воздухе посеяна болезненная дрожь стекол в окнах, визгливый крик трения колес о рельсы. Непрерывно воеет проклятая музыка города — дикая схватка грубых звуков, которые режут, душат друг друга и вызывают странную и мрачную фантазию.

...Толпа каких-то бешеных уродов, вооруженная огромными клещами, ножами, пилами и всем, что можно сделать из железа, свилась в клубок червей, в темный вихрь безумия над телом женщины, которую она схватила жадными руками, свалила на землю, в грязь, в пыль и — рвет ей груди, режет мясо, пьет кровь, насилует и слепо, голодно, неустанно дерется над ней и за нее.

Кто эта женщина — не видно, она завалена, покрыта огромной, желто-грязной кучей людей, которые впились в нее со всех сторон, припали к ней костлявыми телами, прилепились всюду, где нашлось место для жадных губ, и сосут ее соки из каждой поры тела... Охваченные голодной, неустойчивой жадностью, они отбрасывают друг друга прочь от своей добычи, бьют, топчут, дробят кости, уничтожают один другого. Всем хочется как можно больше, и все дрожат в горячке острой боязни остаться без куска. Скрежещут их зубы, стучит железо в их руках, стоны боли, вопли жадности, крики разочарования, рев голодного гнева, — всё это сливается в похоронный вой над трупом убитой добычи, разорванной, изнасилованной тысячами насилий, испачканной всей разноцветной грязью земли.

И с этим диким воем сливается в одну волну жалкая скорбь побежденных, которые отброшены в сторону и голодно, противно плачут там о счастье сытости; бороться за него они не могут, трусливые и слабые.

Вот что рисует музыка города.

Воскресенье. Люди не работают.

Поэтому на многих лицах заметно унылое недоумение, почти тревога. Вчерашний день имел простой, определенный смысл — с утра до вечера работали. В обычный час проснулись, пошли на фабрику, в конторы, на улицы. Стояли и сидели на привычных и потому удобных местах. Считали деньги, продавали, рыли землю, рубили дерево, тесали камни, сверлили и ковали — работали руками весь день. Привычно усталые легли спать, а сегодня проснулись, и вот — праздность вопросительно смотрит в глаза, требуя, чтобы пустота ее была чем-то наполнена.

Научив людей работать, их не учили жить, и потому день отдыха является для них трудным днем. Орудия, вполне способные создать машины, храмы, огромные суда и мелкие, красивые вещицы из золота, они не чувствуют себя способными наполнить день чем-либо иным, кроме привычной, механической работы. Куски и части — они спокойны и чувствуют себя людьми на фабриках, в конторах, в магазинах, где они слагаются с подобными себе частями в цельный, стройный организм, торопливо творящий ценности из живого сока нервов своих, но — не для себя.

Шесть дней недели жизнь проста, она — огромная машина, все люди — ее части, каждый знает свое место в ней, каждый думает, что ему знакомо и понятно ее слепое, грязное лицо. В седьмой же день — день отдыха и праздности — жизнь встает перед людьми в странном, разобранном виде, у нее ломается лицо, — она его теряет...

Люди разбрелись по улицам, сидят в трактирах, в парке, были в церкви, стоят на углах. Как всегда, есть движение, но кажется, что оно через минуту или через час остановится перед чем-то, — чего-то не хватает в жизни, и что-то новое хочет явиться в ней. Никто не сознает своего ощущения, никто не может выразить его словами, но все тягостно чувствуют нечто непривычное, тревожное. Из жизни вдруг выпали все ее мелкие, понятные смыслы, точно зубы из десен.

Люди ходят по улицам, садятся в вагоны, разговаривают, все они наружно спокойны, обычно понятны друг другу, — воскресенье бывает пятьдесят два раза в году, они уже выработали себе привычку проводить его одно, как другое. Но каждый чувствует, что он не тот, каким был вчера, и его товарищ тоже не таков, — где-то внутри колыхнется сосущая пустота, и возможно, что в ней вдруг прозвучит непонятное, беспокойное, может быть — страшное. . .

Человек чувствует в себе возможность вопроса, и эта возможность вызывает у него инстинктивное желание избежать встречи с ней. . .

Невольно люди жмутся один к другому, сливаются в группы, молча стоят на углах улиц, смотрят на всё вокруг, к ним подходят еще и еще живые куски, и стремление частей к созданию целого — создает толпу.

* * *

. . . Люди не спеша слагаются один с другим — их стягивает в кучу, — точно магнит опилки железа, — общее всем им ощущение тревожной пустоты в груди. Почти не глядя друг на друга, они становятся плечом к плечу, сдвигаются всё теснее, и — в углу площади образовалось плотное, черное тело со множеством голов. Угрюмо молчаливое, выжидательное, напряженное, оно почти неподвижно. Сложилось тело, и тотчас быстро возникает дух, образуется широкое, тусклое лицо, и сотни пустых глаз принимают единое выражение, смотрят одним взглядом — подозрительно ожидающим взглядом, который бессознательно ищет нечто, о чем пугливо доносит инстинкт.

Так рождается страшное животное, которое носит тупое имя «Моб», — толпа.

* * *

. . . Когда по улице проходит некто, чем-либо непохожий на людей, одетый как-то иначе или идущий слишком быстро для обыкновенного человека, — «Моб» следит за ним, повертывая в его сторону сотни своих голов и щупая его всеобнимающим взглядом.

Почему он не одевается как все? Это подозрительно. И что могло заставить его идти так быстро по этой улице в день, когда все ходят медленно? Это странно...

Идут двое молодых людей и громко смеются. «Моб» чапргяает внимание. Над чем смеяться в этой жизни, где всё так непонятно, когда нет работы? Смех вызывает в животном легкое раздражение, враждебное веселью. Несколько голов угрюмо поворачиваются во след весельчакам, ворчат...

Но «Моб» сама смеется, когда она видит, как на площади торговец газетами мечется среди вагонов трамвая, с трех сторон набегающих на него, грозя раздавить. Испуг человека, которому грозит смерть, понятен ей, а всё, что она понимает в таинственной суете жизни, радует ее...

Вот едет на автомобиле известный всему городу и даже всей стране — хозяин. «Моб» смотрит на него с глубоким интересом, она сливает свои глаза в один луч, освещающий сухое, костлявое и желтое лицо хозяина тусклым блеском уважения к нему. Так смотрят старые, еще в детстве укрощенные медведи на своего укротителя. «Моб» понимает хозяина — это сила. Это великий человек — тысячи работают для того, чтобы он жил, тысячи! В хозяине для «Моб» есть совершенно ясный смысл, — хозяин дает работу. Но вот — в вагоне трамвая сидит седой человек, у него суровое лицо и строгие глаза. «Моб» тоже знает, кто он, о нем часто пишут в газетах, как о сумасшедшем, который хочет разрушить государство, отнять все фабрики, железные дороги, суда, — всё отнять... Газеты говорят, что это — безумная и смешная затея. Толпа смотрит на старика с укором, с холодным осуждением, с пренебрежительным любопытством. Сумасшедший — это всегда любопытно.

«Моб» только ощущает, она только видит. Она не может претворять своих впечатлений в мысли, душа ее — нема, и сердце слепо.

...Люди идут, идут один за другим, и непонятно, странно, необъяснимо — куда, зачем они идут? Их страшно много, и они разнообразны гораздо более, чем куски железа, дерева, камня, разнообразнее монет, ма-

терий и всех орудий, которыми работало вчера животное. Это раздражает «Моб». Она смутно чувствует, что есть другая жизнь, построенная иначе, чем ее, с другими привычками, жизнь, полная чем-то заманчиво-неизвестным...

Подозрительное ожидание опасности медленно питается чувством раздражения, оно тонкими иглами царапает слепое сердце животного. Его глаза становятся темнее, плотнее, бесформенное тело заметно напрягается, вздрагивает, обнимаемое бессознательным волнением...

Мелькают люди, летят вагоны, автомобили... В окнах магазинов дразнят взгляд какие-то блестящие вещи. Их назначение неизвестно, но они тянут к себе внимание, вызывают желание обладать ими...

«Моб» волнуется...

Она смутно чувствует себя одинокой в этой жизни, одинокой и отрицаемой всеми нарядными людьми. Она замечает, как чисто вымыты их шеи, как тонки и белы руки, лица их лоснятся и блестят спокойной сытостью, — невольно представляется пища, которую пожирают эти люди каждый день. Должно быть, это удивительно вкусные вещи, если от них так хорошо блестит кожа и так кругло-красиво вырастают животы...

«Моб» чувствует во чреве своем зависть, которая остро щекочет ей желудок...

В дорогих и легких колясках едут красивые, гибкие женщины. Они вызывающе лежат на подушках, вытянув маленькие ноги, лица их, — как звезды, красивые глаза зовут людей улыбнуться.

— Смотрите, как мы прекрасны! — молча рассказывают женщины.

Толпа внимательно смотрит и сравнивает этих женщин со своими женами. Очень костлявые или слишком толстые, жены всегда жадны и часто хворают. У них особенно часто болят зубы и расстраиваются желудки. И постоянно ругаются они одна с другой.

«Моб» чувственно раздевает женщин в колясках, щупает их груди, ноги. И, представляя нагое, сытое, упругое, сверкающее тело женщины, — «Моб» не может сдержать острое чувство восхищения, она вслух об-

менивается сама с собой словами, от которых пахнет горячим, жирным потом, словами краткими и сильными, как пощечина тяжелой, грязной руки...

«Моб» хочет женщину. Ее глаза горят, жадно обнимая мелькающие мимо тонкие, крепкие тела красавиц.

Сверкают дети, звучит их смех и крики. Чисто одетые, здоровые дети, на прямых и стройных ногах. Розовощекие, веселые...

Дети «Моб» худосочны, желты, ноги у них почему-то кривые. Это очень часто — кривые ноги у детей. Должно быть, тут виноваты матери, они что-нибудь делают не так, когда рожают...

Сравнения рождают зависть в темном сердце «Моб».

Теперь к раздражению толпы примешивается враждебность, которая всегда пышно растет на плодородной почве зависти. Черное, огромное тело неуклюже двигает своими частями, сотни глаз внимательно и колко встречают всё, что незнакомо и непонятно им.

«Моб» чувствует, что у нее есть враг, хитрый, сильный, рассеянный повсюду и потому неуловимый. Он где-то близко и — нигде. Он забрал себе все вкусные вещи, красивых женщин, розовых детей, коляски, яркие шелковые ткани и раздаст всё это кому хочет, но — не «Моб». Ее он презирает, отрицает и не видит, как и она его...

«Моб» ищет, нюхает, следит за всем. Но всё обычно, и хотя в жизни улиц есть много нового, неведомого ей, оно течет, мелькает мимо, не задевая туго натянутых струн ее враждебности, неясного желания поймать кого-то и раздавить.

Посреди площади стоит полицейский в серой шляпе. Его бритое лицо блесит точно медь. Этот человек непобедимо силен, потому что у него в руках короткая, толстая палка, налитая свинцом.

«Моб» искоса поглядывает на эту палку. Она знает налки, она видела их сотни тысяч, и все они — просто дерево или железо.

Но в этой — короткой и тупой — сокрыта дьявольская сила, против которой нельзя идти, невозможно.

«Моб» глухо и слепо враждебна всему, она вол-

нуется, она готова на что-то страшное. И невольно меряет глазами короткую, тупую палку...

В темном хламе бессознательного всегда тлеет страх...

* * *

Жизнь непрерывно ревет, неустанная в своем движении. Откуда в ней эта энергия, когда «Моб» не работает?

И всё с большей ясностью толпа чувствует свое одиночество, ощущает какой-то обман и, всё более раздражаясь, зорко ищет, на что бы положить свою руку.

Она становится теперь чуткой и восприимчивой — ничто новое для нее не проходит мимо не замеченное ею. Она теперь осмеивает резко и зло, и человек в слишком широкой серой шляпе должен ускорить шаги под насмешливыми уколами ее взглядов и бичами ее восклицаний. Женщина, переходя площадь, чуть-чуть подняла юбки, но увидав, какими глазами толпа смотрит на ее ноги, тотчас же, как будто ее ударили по руке, расправила пальцы, державшие материю...

На площадь откуда-то вываливается пьяный. Он идет, опустив голову на грудь, бормочет что-то, и его тело, размытое вином, бессильно качается, готовое каждую секунду упасть, разбиться о мостовую, о рельсы...

Он сунул одну руку в карман, в другой у него измятая, пыльная шляпа, он размахивает ею и ничего не видит.

На площади, попадая в дикий вихрь металлических звуков, он немного приходит в себя, останавливается и смотрит вокруг влажными, туманными глазами. Со всех сторон на него летят вагоны, коляски, — двигается какая-то длинная нить, на которой нанизаны темные бусы. Раздражительно звонят колокольчики вагонов, предупреждая его, цокают подковы лошадей, всё гудит, гремит, лезет на него.

«Моб» чувствует возможность чего-то, что, может быть, немного развлечет ее. Она снова сливает сотни своих взглядов в один луч и следит, ждет...

Кондуктор вагона звонит и орет пьяному, он перегнулся через перила, лицо его красно от крика, — пьяный дружески машет ему шляпой и шагает на рельсы под вагон. Откинувшись всем корпусом назад, закрыв глаза, кондуктор с силою поворачивает ручку, вагон весь вздрагивает и с треском останавливается...

Пьяный шагает дальше — он надел шляпу на голову и снова наклонил лицо к земле.

Но из-за первого вагона не горюясь выскальзывает другой и подшибает ноги пьяного, он грузно валится сначала в сетку, потом мягко падает с нее на рельсы, и сетка толкает, везет его скомканное тело по земле...

Видно, как хлопают по земле руки и ноги пьяного. Красно и тонко улыбнулась кровь, точно подманивая к себе кого-то...

Раздается резкий визг женщин в вагоне, но все звуки тогда гаснут в густом, торжествующем вопле «Моб» — точно на них вдруг кинули тяжелое покрывало, влажное и давящее. Тревожный звон колокольчиков, удары копыт, вой электричества — всё сразу задушено ужасом перед черной волной, волной толпы, которая с животным ревом бросилась вперед, ударилась о вагоны, облила, захлестнула их темными брызгами и начала работать.

Пугливо и кратко вздрагивают разбиваемые стекла в окнах вагона. Ничего не видно, только бьется и трепещет огромное тело «Моб», и ничего не слышно кроме ее вопля, возбужденного крика, которым она радостно вещает о себе, о своей силе, о том, что, наконец, и она тоже нашла свое дело.

В воздухе мелькают сотни больших рук, блестят десятки глаз жадным блеском странного, острого голода.

Кого-то бьет она, черная «Моб», кого-то разрывает, кому-то мстит...

Из бури ее слижных криков всё чаще раздается, сверкает, точно длинный, гибкий нож, шипящее слово:

— Линч!

Оно имеет магическую силу объединять все смутные желания «Моб», оно всё гуще сливает в себе ее крики.

— Линч!

Несколько частей толпы вскинулись на крыши вагонов, и оттуда тоже вьется по воздуху, свистя, как бич, и мягко извиваясь:

— Линч!

* * *

Вот в центре ее образовалось плотное ядро, оно поглотило, всосало что-то в себя и двигается, вытекает из голпы. Ее густое тело послушно раздается перед нажимом из центра и, постепенно разрываясь, выдвигает из недр своих этот плотный, черный ком — свою голову, свою пасть.

В зубах этой пасти качается оборванный, окровавленный человек — он был кондуктором вагона, как это видно по нашивкам на его лохмотьях.

Теперь он — кусок изжеванного мяса, — свежего мяса, вызывающе вкусно облитого яркой кровью.

Черная пасть толпы несет его и продолжает жевать, и руки ее, точно щупальцы спрута, обвивают это тело без лица.

«Mob» воет:

— Линч!

И слагается за головой своей в длинное, плотное туловище, готовое поглотить множество свежего мяса.

Но вдруг откуда-то перед нею встает бритый человек с медным лицом. Он надвинул свою серую шляпу на глаза, встал, точно серый камень на дороге толпы и молча поднял в воздух свою палку.

Голова толпы пошатнулась вправо, влево, желает ускользнуть от этой палки, обойти ее.

Полицейский неподвижен, полка в руке его не вздрагивает, и не мигают его спокойные, твердые глаза.

Эта уверенность в своей силе сразу веет холодом в горячее лицо «Mob».

Если человек один встает на ее дороге, один, против ее желания, тяжелого и сильного, как лава, если он так спокоен — значит, он непобедим! . .

Она что-то кричит ему в лицо, размахивает щупальцами, как будто хочет обнять ими широкие плечи полицейского, но уже в ее крике, хотя и раздраженном, звучит нечто жалобное. И когда медное лицо полицейского

тускло темнеет, когда его рука еще выше поднимает корсткую, тупую палку, — рев толпы начинает странно прерываться, и туловище ее постепенно, медленно развливается, хотя голова «Mob» всё еще спорит, мотается из стороны в сторону, хочет ползти дальше.

Вот идут не торопясь еще двое людей с палками. Щупальцы «Mob» бессильно выпускают охваченное ими тело, оно падает на колени, раскидываясь у ног представителя закона, и он простирает над ним короткий и тупой символ своей власти...

Голова «Mob» тоже медленно распадается на части, туловища у нее уже нет, по площади устало и подавленно расползаются темные фигуры людей, — точно черные бусы огромного ожерелья рассыпались по ее грязному кругу.

В жолоба улиц молча и угрюмо идут разорванные, разрозненные люди...

МОН ИНТЕРВЬЮ

КОРОЛЬ, КОТОРЫЙ ВЫСОКО ДЕРЖИТ СВОЕ ЗНАЧЕ

... Слуга, вооруженный длинной саблей и украшенный множеством пестрых орденов, провел меня в кабинет его величества и встал у двери рядом со мной, не спуская глаз с моих рук.

Король отсутствовал, и я принялся внимательно осматривать лабораторию, в которой великий человек творил дела свои, удивлявшие весь мир. Кабинет его величества представлял собою комнату, длиною футов в двести и шириною не менее ста футов.

Потолок был сделан из стекла. У левой стены находился огромный бассейн, в котором плавали модели военных судов. По стене тянулись полки, и на них симметрично стояли маленькие фигурки солдат, одетые в разнообразные формы. Правая стена была сплошь занята мольбертами, на которых стояли начатые картины, а перед ними в пол были вделаны большие куски черного дерева и слоновой кости, расположенные в порядке клавиатуры рояля.

Всё остальное тоже было величественно.

— Послушайте, мой друг, — обратился я к лакею.

Но он громыхнул саблей и возразил:

— Я церемониймейстер...

— Очень рад, — сказал я, — но объясните мне...

— Когда его величество выйдет и поздоровается с вами, — что вы ему скажете? — спросил он, прерывая меня.

— Здравствуйте! — ответил я.

— Это будет дерзко! — внушительно предупредил он меня и стал учить, как нужно отвечать королю.

Его величество вошло крепкими ногами существа, уверенного, что дворец его построен прочно. Величию осанки его величества очень способствует то, что оно не сгибает ног и, держа руки по швам, не двигает ни одним членом. Глаза его тоже неподвижны, какими и должны быть глаза существа прямолинейного и привыкшего смотреть в будущее.

Я поклонился ему, мой спутник отдал честь, его величество милостиво пошевелило усами.

— Чем я могу осчастливить вас? — спросило оно торжественным голосом.

— Я пришел, чтобы испытать несколько капель бессмертной влаги из океана вашей мудрости, ваше величество! — ответил я, как меня научили.

— Надеюсь, я не стану после этого глупее? — остроумно заметил король.

— Это невозможно для вас, ваше величество! — почтительно поддержал я его тонкую шутку.

— Так будем говорить! — сказал он. — С королями следует говорить стоя, но вы можете сесть... если это вас не стесняет...

Я быстро привыкаю к новым положениям и потому — сел. Его величество молча подняло плечи и опустило их. Когда король говорит, я заметил, что язык у него двигается, всё же остальное хранит величавую неподвижность. Оно сделало два шага одинаковой меры в сторону от меня и продолжало, стоя среди комнаты подобно монументу:

— Итак, вы видите перед собой короля, то-есть меня. Не каждый может сказать о себе: я видел короля! Что вы хотите знать?

— Как вам нравится ваше ремесло? — спросил я.

— Быть королем не ремесло, а призвание! — внушительно сказало оно. — Бог и король — два существа, бытие которых непостижимо умом.

Оно подняло руку вверх, вытянув ее вертикально, в

одну линию с туловищем, и, указывая пальцем в стекло потолка, продолжало:

— Это сделано для того, чтобы бог всегда видел, что делает король. Тогда бог понимает короля, только он может контролировать его... Король и бог — творцы. Раз! Два! И бог создал мир!.. Р-раз! Два! Три! И мой дед создает Германию. А я — совершенствую ее. Я и верноподданный моих предков, некто Гёте, — мы, пожалуй, больше всех сделали для немцев. Может быть, даже немного более, чем Гёте. Во всяком случае, я несомненно разнообразнее его. Его Фауст, в конце концов, просто человек сомнительной нравственности. Я показал миру бронированного Фауста. Это было понято всеми и сразу, чего нельзя сказать о второй части книги Гёте. Да...

— Вы много времени посвящаете искусству, ваше величество? — спросил я.

— Всю жизнь! — сказал он, — всю жизнь. Управлять народом — труднейшее из искусств. Чтобы постичь его в совершенстве, нужно знать всё. Я — всё знаю! Поэзия — стихия королей. Нужно видеть мечя на параде, чтобы понять, как я влюблен во всё прекрасное и стройное. Истинная поэзия, скажу вам, это поэзия дисциплины. Ее можно понять только на параде и в стихах. Полк солдат — вот поэма! Слово в строке стиха и солдат в строю — это одно и то же... Сонет — это взвод слов, имеющий целью атаку вашего сердца. В штыки! И в сердце вам вонзается ряд красивых созвучий. Пли! И ваш ум прострелен десятком метких слов... Стихи и солдаты это одно и то же, говорю вам. Король — первый солдат страны, он ее божественное слово, он же и первый поэт ее... Вот почему я так прекрасно марширую и легко владею стихом... Смотрите. Мар-рш!

Его левая нога немедленно поднялась кверху, и вслед за нею правая рука взлетела на уровень плеча.

— Смир-рно! — скомандовал король. Нога и рука моментально заняли свои места. Он продолжал:

— Это называется свободной дисциплиной членов. Она действует независимо от сознания. Взмах ноги уже сам поднимает руку — раз! Мозг здесь не играет ника-

кой роли. Это почти чудесно. Вот почему лучший солдат тот, у которого мозг совершенно не действует. Солдата приводит в движение не сознание, а звук команды... Мар-рш! Он идет в рай, в ад, куда угодно. В штыки! Он колет своего отца, — если его отец социалист, — мать, брата... это всё равно! Он действует, пока не услышит — стой! Изумительно величественны эти действия без мысли!..

Он вздохнул и продолжал всё тем же ровным и крепким голосом:

— Можег быть, я создам идеальное государство... я или один из моих потомков. Для этого нужно только, чтобы все люди в стране почувствовали красоту дисциплины. Когда человек совершенно перестанет думать, короли будут велики и народы счастливы. Денег! — командует король. Все верноподданные выстраиваются в ряд. Раз! — сорок миллионов рук молча опускаются в карманы. Два! — сорок миллионов рук протягивают королю по десяти марок каждая. Три! — сорок миллионов рук отдают королю честь, и затем люди молча идут к своим трудам. Разве это не прекрасно? Вы видите, — для счастья людей не нужно мозга: за них думает король. Король способен охватить всю жизнь... К этому я и стремлюсь. Но пока я один понимаю роль короля так глубоко... Не все короли ведут себя достойно сану. Родные по крови, они не всегда братья по духу. Они должны объединиться все в одну силу. Это очень легко сделать именно сейчас. Следует обратить больше внимания на социализм: в нем есть нечто полезное для королей. Красный призрак социализма наводит ужас на всех порядочных людей земли. Он хочет пожрать душу культурного общества — его собственность. Короли объединяют всех и всё для борьбы с этим чудовищем и становятся во главе, как древние вожди. Нужно способствовать развитию страха перед социализмом. И когда общество обезумеет, короли встанут во весь рост. Прошло время, когда короли давали конституции, — пора уже брать их назад!

Он перевел дух и продолжал. Я слушал его и задыхался... от наслаждения мудростью.

— Вот программа всякого короля наших дней! И когда мой военный флот будет достаточен для того, чтобы предложить эту программу всем королям Европы, я уверен, они примут ее... А пока я занимаюсь мирным культурным трудом, совершенствую мой добрый народ. Я овладел всеми искусствами и поставил их на карау к идее божественного происхождения власти короля. Вы видели мою «Аллею Победы»? В ней муза скульптуры показывает немцам, как много было на земле Габсбургов и Гогенцоллернов. Человек, который дважды пройдет по этому месту назад и вперед — раз-два! раз-два! — уже знает, что все мои предки были великие люди. Это пробуждает в нем гордость королями своей страны и незаметно делает из него искреннего поклонника королевской власти. Со временем я поставлю статуи предков на всех улицах моих городов. Человек увидит, как много было королей в прошлом, и тогда признает, что и в будущем ему не обойтись без этого. Скульптура полезна людям, но я первый показал это с такой силой!

— Ваше величество, — спросил я. — почему у большинства ваших предков кривые ноги?

— Их всех делали в одной и той же мастерской надгробных памятников. Но это никому не мешает видеть величие их духа... А вы слышали мою музыку? Нет? Я покажу вам, как я ее делаю.

Он величаво сложил свое прямолинейное тело в форму штыка, сел на стул и, протянув ногу, сказал слуге, который ввел меня:

— Граф! Помогите мне снять сапоги. Так... И носки... Благодарю... хотя король не обязан благодарить подданных за услуги... это делается им из вежливости!

Завернув брюки до колен, он согнул шею под углом в сорок пять градусов и внимательно осмотрел свои ноги.

— Я прикажу отлить их из бронзы еще при жизни моей! — сказал он. — Пусть оголят несколько десятков экземпляров для будущих статуй. Ноги короля должны быть прямы, это верно. Кривые, они могут внушить мысль о несовершенстве короля.

Он подошел к правой стене, взял в руки кисть и, сделав поворот налево, продолжал:

— Музыкой и живописью я занимаюсь в одно время. Смотрите: в пол вделаны клавиши, а инструмент под полом. Ноты записывает механический аппарат, тоже скрытый под полом. Я рисую картину — раз! — Он провел кистью по полотну одного из мольбертов.

— И топаю ногой по клавишам — два! — Раздался очень сильный звук.

— Вот и все! — сказал он. — Это очень просто и сохраняет время, которого у королей всегда мало. Бог должен бы удваивать годы земной жизни вождей народа. Мы все так искренно преданы работе для счастья наших подданных, что вовсе не спешим променять это дело на радости жизни вечной... Но я все отвлекаюсь. Мысли королей текут неустанно, как воды рек. Король обязан думать за всех подданных, и кроме него никто не должен делать это... если ему не приказано властью... Теперь я познакомлю вас с новой пьесой... Я только вчера натебал ее...

Он взял лист нотной бумаги и, водя по нему пальцем, рассказывал:

— Вот шеренга нот среднего регистра... Видите, в каком строгом порядке стоят они? Тра-та-там. Тра-та-там. На следующей линейке они идут в гору, как бы на приступ! Идут быстро, рассыпанной цепью... Ра-та-та-та-та! Это очень эффектно. Напоминает о коликах в желудке, потом вы узнаете — почему. Далее, они снова выравниваются в строго прямую линию по команде этой ноты — бум! Нечто вроде сигнального выстрела... или внезапной спазмы в животе... Здесь они разбились на отдельные группы... десятки ударов! Треск костей!.. Эта нота звучит всё время непрерывно, как боль вывиха. И, наконец все ноты дружным натиском в одно место р-р-рам! р-рата-там! Бум! Здесь полный беспорядок в нотах, но это так нужно. Это — финал, картина всеобщего ликования...

— Как называется эта штука? — спросил я, сильно заинтересованный описанием.

— Эта пьеса, — сказал король, — эта пьеса назы-

шается «Рождение короля». Мой первый опыт проповеди абсолютизма посредством музыки... Не глупо? А?

Он, видимо, был доволен собой. Его усы шевелились очень энергично.

— Среди моих подданных было несколько недурных музыкантов и до меня, но теперь я решил сам заняться этим делом, чтобы все плясали только под мою музыку.

Он пошевелил усами, очевидно, с намерением улыбнуться и, сделав полоборота направо, продолжал:

— Теперь смотрите сюда... Как вы думаете, что это такое?

На огромном полотне ярко-красной краской было написано чудовище без головы и со множеством рук. В каждой из них были пучки молниевидного огня. На одном пучке черными буквами было написано: «Анархия», на другом: «Атеизм», третий носил название: «Гибель частной собственности», четвертый: «Зверство»... Чудовище шагало по городам и селам, всюду разбрасывая огненные молнии и зажигая пожары. Маленькие черные люди в смятении и ужасе бежали прочь от него, а сзади чудовища шли ликующей толпой красные люди. Они были без глаз, и с ног до головы обросли огненно-рыжей шерстью, подобно гориллам. Художник не пожалел красной краски. Картина поражала глаза своей величиной.

— Ужасно? — спросил король.

— Ужасно! — согласился я.

— Это как раз то, что нужно, — сказал он, и его глаза сделали полный оборот справа налево. — Вы, конечно, поняли мою идею? Ну да, — это социализм. Видите, — у него нет головы, он сеет пороки, распространяет анархию и делает людей животными. Ясно, что это социализм. Вот что значит — работать энергично! В то время как нижняя половина моего тела утверждает идею власти короля, верхняя занята борьбой с главным врагом этой власти. Никогда еще искусство не исполняло своего долга так ревностно, как в мое царствование!

— Но ценят ли подданные тяжелые труды вашего величества? — спросил я.

— Ценят ли они меня? — переспросил он, и в голосе

его мне послышалась усталость.—Должны бы. Я создаю десятки броненосцев, застроил целые улицы скульптурой, делаю музыку и картины, служу литургии... Но... иногда мне приходит в голову грешная мысль... Мне кажется, что подданные, которые любят меня, — глупы, а умные — все социалисты. Есть еще либералы. Но, как всегда, либералы слишком много хотят для себя и слишком мало оставляют королю, хотя тоже ничего не дают народу. Вообще, они только мешают. Лишь абсолютная власть короля может спасти народ от социализма. Но, кажется, никто не понимает этого...

Он сложился в двух местах правильными углами и сел. Его глаза задумчиво перекатывались в орбитах слева направо, и по всей фигуре разлилась меланхолия. Видя, что он утомился, я поставил ему мой последний вопрос:

— Что еще скажете вы, ваше величество, по вопросу о божественном происхождении королевской власти?

— Всё что угодно! — быстро отозвался он. — Прежде всего, она непоколебима, и только она одна истинна, ибо она — чудесна! После того, как миллионы народов на протяжении тысяч лет признавали над собой неограниченную власть одного человека, — только одни идиоты могут отрицать ее... это ясно. Я — король, да, но я человек, и если я вижу, что люди подчиняются моей воле, я должен признать это чудом... не правда ли? Не могу же я предположить, что именно эти миллионы сплошь состоят из идиотов! Щадя их самолюбие, я хочу думать, что они-то и есть умные люди. Я был бы плохим королем, если бы думал так дурно о моих подданных. И так как только бог может творить чудеса, ясно, что я избран им для доказательства его силы и моих достоинств. Что можно против этого возразить? Именно здесь скрыта истина, и она тверда, подобно алмазу, потому что за нее большинство...

В его глазах появился влажный блеск удовольствия, но он быстро погас, и его величество вздохнуло, подобно машине военного корабля, выпускающего отработанный пар.

— Не смею задерживать более ваше величество! — сказал я, поднимаясь со стула.

— Хорошо! — милостиво сказал мне вождь великого народа. — Прощайте. Желаю вам... чего бы пожелать вам наиболее приятного? Н-но, желаю вам еще раз в жизни видеть короля!

Он величаво опустил нижнюю губу и милостиво поднял усы. Я принял это за его поклон и отправился в Зоологический сад посмотреть на умных животных...

Иногда, после беседы с человеком, так страстно хочется дружески приласкать собаку, улыбнуться обезьяне почтительно снять шляпу перед слоном...

ОДНИ ИЗ КОРОЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ

...Стальные, керосиновые и все другие короли Соединенных Штатов всегда смущали мое воображение. Людей, у которых так много денег, я не мог себе представлять обыкновенными людьми.

Мне казалось, что у каждого из них по крайней мере три желудка и полтора рта зубов во рту. Я был уверен, что миллионер каждый день с шести часов утра и до двенадцати ночи, всё время без отдыха — ест. Он истребляет самую дорогую пищу: гусей, индеек, поросят, редиску с маслом, пуддинги, кэки и прочие вкусные вещи. К вечеру он так устает работать челюстями, что приказывает жевать пищу неграм, а сам уж только проглатывает ее. Наконец, он совершенно теряет энергию, и, облитого потом, задыхающегося, негры уносят его спать. А на утро, с шести часов, он снова начинает свою мучительную жизнь.

Однако, и такое напряжение сил не позволяет ему проесть даже половину процентов с капитала.

Разумеется, такая жизнь тяжела. Но—что же делать? Какой смысл быть миллионером, если ты не можешь съесть больше, чем обыкновенный человек?

Мне казалось, он должен носить белье из парчи, каблуки его сапог подбиты золотыми гвоздями, а на голове, вместо шляпы, что-нибудь из бриллиантов. Его сюртук сшит из самого дорогого бархата, имеет не менее пяти-

десяти футов длины и украшен золотыми пуговицами в количестве не меньше трехсот штук. По праздникам он надевает сразу восемь сюртуков и шесть пар брюк. Конечно, это и неудобно, и стесняет... Но, будучи таким богатым, нельзя же одеваться как все...

Карман миллионера я понимал как яму, куда свободно можно спрятать церковь, здание Сената и всё, что нужно... Однако, представляя емкость живота такого джентльмена подобной трюму хорошего морского парохода, — я не мог вообразить длину ноги и брюк этого существа. Но я думал, что одеяло, под которым он спит, должно быть не меньше квадратной мили. И если он жует табак, то, разумеется, самый лучший и фунта по два сразу. А если нюхает, так не меньше фунта на один прием. Деньги требуют, чтобы их тратили...

Пальцы его рук обладают удивительным чутьем и волшебной силой удлиняться по желанию: если он, сидя в Нью-Йорке, почувствует, что где-то в Сибири вырос доллар — он протягивает руку через Берингов пролив и срывает любимое растение, не сходя с места.

Странно, что при всём этом я не мог представить — какой вид имеет голова чудовища. Более того, голова казалась мне совершенно лишней при этой массе мускулов и кости, одушевленной влечением выжимать из всего золото. Вообще, мое представление о миллионере не имело законченной формы. В кратких словах, это были прежде всего длинные эластичные руки. Они охватили весь земной шар, приблизили его к большой, темной пасти, и эта пасть сосет, грызет и жует нашу планету, обливая ее жадной слюной, как горячую печеную картошку.

Можете вообразить мое изумление, когда я, встретив миллионера, увидел, что это самый обыкновенный человек.

Передо мной сидел в глубоком кресле длинный, сухой старик, спокойно сложив на животе нормального размера коричневые сморщенные руки обычной человеческой величины. Дряблая кожа его лица была тщательно выбрита, устало опущенная нижняя губа открывала хорошо сделанные челюсти, они были усажены золотыми зубами.

Верхняя губа — бритая, бескровная и тонкая — плотно прилипла к его жевательной машинке, и когда старик говорил, она почти не двигалась. Его бесцветные глаза не имели бровей, матовый череп был лишен волос. Казалось, что этому лицу немного не хватало кожи, и всё оно — красноватое, неподвижное и гладкое — напоминало о лице новорожденного ребенка. Трудно было определить — начинает это существо свою жизнь или уже подошло к ее концу...

Одет он был тоже как простой смертный. Перстень, часы и зубы — это всё золото, какое было на нем. Взятые вместе они весили, вероятно, менее полуфунта. В общем этот человек напоминал собой старого слугу из аристократического дома Европы...

Обстановка комнаты, в которой он принял меня, не поражала роскошью, не восхищала красотой. Мебель была солидная, вот всё, что можно сказать о ней.

Вероятно, в этот дом иногда заходят слоны — вот какую мысль вызвала мебель.

— Это вы... миллионер? — спросил я, не веря своим глазам.

— О, да! — ответил он, убежденно кивая головой.

Я сделал вид, что верю ему, и решил сразу вывести его на чистую воду.

— Сколько вы можете съесть мяса за завтраком? — поставил я ему вопрос.

— Я не ем мяса! — объявил он. — Ломтик апельсина, яйцо, маленькая чашка чая — вот всё...

Его невинные глаза младенца тускло блестели передо мной, как две большие капли мутной воды, и я не видел в них ни одной искры лжи.

— Хорошо! — сказал я в недоумении. — Но, будьте искренны, скажите мне откровенно — сколько раз в день едите вы?

— Два! — спокойно ответил он. — Завтрак и обед — это вполне достаточно для меня. На обед тарелка супа, белое мясо и что-нибудь сладкое. Фрукты. Чашка кофе. Сигара...

Мое изумление росло с быстротой тыквы. Он смотрел на меня глазами святого. Я перевел дух и сказал:

— Но если это правда, — что же вы делаете с вашими деньгами?

Тогда он немного приподнял плечи, его глаза пошевелились в орбитах, и он ответил:

— Я делаю ими еще деньги...

— Зачем?

— Чтобы сделать еще деньги...

— Зачем? — повторил я.

Он наклонился ко мне, упираясь локтями в ручки кресла, и с оттенком некоторого любопытства спросил:

— Вы — сумасшедший?

— А вы? — ответил я вопросом.

Старик наклонил голову и сквозь золото зубов протянул:

— Забавный малый... Я, может быть, первый раз вижу такого...

После этого он поднял голову и, растянув рот далеко к ушам, стал молча рассматривать меня. Судя по спокойствию его лица, он, видимо, считал себя вполне нормальным человеком. В его галстухе я заметил булавку с небольшим бриллиантом. Имей этот камень величину каблука, я еще понял бы что-нибудь.

— Чем же вы занимаетесь? — спросил я.

— Делаю деньги! — кратко сказал он, подняв плечи.

— Фальшивый монетчик? — с радостью воскликнул я; мне показалось, что я приближаюсь к открытию тайны. Но тут он начал негромко икать. Всё его тело вздрагивало, как будто невидимая рука щекотала его под мышками. Его глаза часто мигали.

— Это весело! — сказал он, успокоясь и обливая мое лицо влагой довольного взгляда. — Спросите еще что-нибудь! — предложил он и зачем-то надул щеки.

Я подумал и твердо поставил ему вопрос:

— Как вы делаете деньги?

— А! Понимаю! — сказал он, кивая головой. — Это очень просто. У меня железные дороги. Фермеры производят товар. Я его доставляю на рынки. Рассчитываешь, сколько нужно оставить фермеру денег, чтоб он не умер с голоду и мог работать дальше, а всё остальное берешь себе, как тариф за провоз. Очень просто.

— Фермеры довольны этим?

— Не все, я думаю! — сказал он с детской простотой. — Но, говорят, все люди ничем и никогда не могут быть довольны. Всегда есть чудаки, которые ворчат...

— Правительство не мешает вам? — скромно спросил я.

— Правительство? — повторил он и задумался, потирая пальцами лоб. Потом, как бы вспомнив что-то, кивнул головой. — Ага... Это те... в Вашингтоне? Нет, они не мешают. Это очень хорошие ребята... Среди них есть кое-кто из моего клуба. Но их редко видишь... Поэтому иногда забываешь о них. Нет, они не мешают, — повторил он и тотчас же с любопытством спросил:

— А разве есть правительства, которые мешают людям делать деньги?

Я почувствовал себя смущенным моей наивностью и его мудростью.

— Нет, — тихо сказал я, — я не о том... Я, видите ли, думал, что иногда правительство должно бы запрещать явный грабеж...

— Н-но! — возразил он. — Это идеализм. Здесь это не принято. Правительство не имеет права вмешиваться в частные дела.

Моя скромность увеличивалась перед этой спокойной мудростью ребенка.

— Но разве разорение одним человеком многих — частное дело? — вежливо осведомился я.

— Разорение? — повторил он, широко открыв глаза. — Разорение — это когда дороги рабочие руки. И когда стачка. Но у нас есть эмигранты. Они всегда понижают плату рабочим и охотно замещают стачечников. Когда их наберется в страну достаточно для того, чтобы они дешево работали и много покупали, — всё будет хорошо.

Он несколько оживился и стал менее похож на старика и младенца, смешанных в одном лице. Его тонкие темные пальцы зашевелились, и сухой голос быстрее затрещал в моих ушах.

— Правительство? Это, пожалуй, интересный вопрос, да. Хорошее правительство необходимо. Оно разрешает

такие задачи: в стране должно быть столько народа, сколько мне нужно для того, чтобы он купил у меня всё, что я хочу продать. Рабочих должно быть столько, чтобы я в них не нуждался. Но — ни одного лишнего! Тогда — не будет социалистов. И стачек. Правительство не должно брать высоких налогов. Всё, что может дать народ — я сам возьму. Вот что я называю — хорошее правительство.

— Он обнаруживает глупость — это несомненный признак сознания своего величия, — подумал я. — Пожалуй, он действительно король...

— Мне нужно, — продолжал он уверенным и твердым тоном, — чтобы в стране был порядок. Правительство нанимает за небольшую плату разных философов, которые не менее восьми часов каждое воскресенье учат народ уважать законы. Если для этого недостаточно философов — пускайте в дело солдат. Здесь важны не приемы, а только результаты. Потребитель и рабочий обязаны уважать законы. Вот и всё! — закончил он, играя пальцами.

— Нет, он не глуп, едва ли он король! — подумал я и спросил: — Вы довольны современным правительством?

Он ответил не сразу.

— Оно делает меньше, чем может. Я говорю: эмигрантов нужно пока пускать в страну. Но у нас есть политическая свобода, которой они пользуются, — за это нужно заплатить. Пусть же каждый из них привозит с собой хотя бы 500 долларов. Человек, у которого есть 500 долларов, в десять раз лучше того, который имеет только 50... Дурные люди — бродяги, нищие, больные и прочие лентяи нигде не нужны.

— Но ведь это сократит приток эмигрантов... — сказал я.

Старик утвердительно кивнул головой.

— Современем я предложу совершенно закрыть для них двери в страну... А пока, пусть каждый привезет немного золота... Это полезно для страны. Потом, необходимо увеличить срок для получения гражданских прав. Впоследствии его придется вовсе уничтожить. Пусть те, которые желают работать для американцев — работают,

но совсем не следует давать им права американских граждан. Американцев уже довольно сделано. Каждый из них сам способен позаботиться о том, чтобы население страны увеличивалось. Всё это—дело правительства. Его необходимо поставить иначе. Члены правительства все должны быть акционерами в промышленных предприятиях,—тогда они скорее и легче поймут интересы страны. Теперь мне нужно покупать сенаторов, чтобы убедить их в необходимости для меня... разных мелочей. Тогда это будет лишнее...

Он вздохнул, дрыгнул ногой и добавил:

— Жизнь видишь правильно только с высоты горы золота.

Теперь, когда его политические взгляды были достаточно ясны, я спросил его:

— А как вы думаете о религии?

— О! — воскликнул он, ударив себя по колену и энергично двигая бровями.— Очень хорошо думаю! Религия—это необходимо народу. Я искренно верю в это! И даже сам по воскресеньям говорю проповеди в церкви... да, как же!

-- А что вы говорите?—спросил я.

— Всё, что может сказать в церкви истинный христианин, всё! — убежденно сказал он.— Я проповедую, конечно, в бедном приходе — бедняки всегда нуждаются в добром слове и отеческом поучении... Я говорю им...

Лицо его на минуту приняло младенческое выражение, но вслед затем, он плотно сжал губы и поднял глаза к потолку, где амуры стыдливо закрывали обнаженное тело толстой женщины с розовой кожей иоркширской свиньи. Бесцветные глаза его отразили в своей глубине пестроту красок на потолке и заблестели разноцветными искрами. Он тихо начал:

— Братья и сестры во Христе! Не поддавайтесь внушениям хитрого дьявола зависти, гоните прочь от себя все земное. Жизнь на земле кратковременна: человек только до сорока лет хороший работник, после сорока—его уже не принимают на фабрики. Жизнь — не прочна. Вы работаете, — неверное движение руки — и машина

дробит вам кости, — солнечный удар — и готово! Вас везде стерегут болезни, всюду несчастья! Бедный человек подобен слепому на крыше высокого дома, — куда бы он ни пошел, он упадет и разобьется, как говорит апостол Иаков, брат апостола Иуды. Братья! Вы не должны ценить земную жизнь, она — создание дьявола, похитителя душ. Царство ваше, о милые дети Христа, не от мира сего, как и царство отца вашего, — оно на небесах. И если вы терпеливо, без жалоб, без ропота, тихо окончите ваш земной путь, он примет вас в селениях рая и наградит вас за труды на земле — вечным блаженством. Эта жизнь — только чистилище для ваших душ, и чем больше вы страдаете здесь, тем большее блаженство ждет вас там, — как сказал сам апостол Иуда.

Он указал рукою в потолок, подумал и продолжал холодно и твердо:

— Да, дорогие братья и сестры! Вся эта жизнь пуста и ничтожна, если мы не приносим ее в жертву любви к ближнему, кто бы он ни был. Не отдавайте сердца во власть бесам зависти! Чему вы можете завидовать? Земные блага — это призраки, это игрушки дьявола. Мы все умрем — богатые и бедные, цари и углекопы, банкиры и чистильщики улиц. В прохладных садах рая, быть может, углекопы станут царями, а царь будет сметать метлой с дорожек сада опавшие листья и бумажки от конфет, которыми вы будете питаться каждый день. Братья! Чего желать на земле, в этом темном лесу греха, где душа плутает, как ребенок? Идите в рай путем любви и кротости, терпите молча всё, что выпадет вам на долю. Любите всех и даже унижающих вас...

Он вновь закрыл глаза и, покачиваясь в кресле, продолжал:

— Не слушайте людей, которые возбуждают в сердцах ваших греховное чувство зависти, указывая вам на бедность одних и богатство других. Эти люди — посланники дьявола, господь запрещает завидовать ближнему. И богатые бедны, они бедны любовью к ним. Возлюбите богатого, ибо он есть избранник божий! — воскликнул

Иуда, брат господень, первосвященник храма. Не внимайте проповеди равенства и других измышлений дьявола. Что значит равенство здесь, на земле? Стремитесь только сравняться друг с другом в чистоте души пред лицом бога вашего. Несите терпеливо крест ваш, и покорность облегчит вам эту ношу. С вами бог, дети мои, и больше вам ничего не нужно!

Старик замолчал, расширив рот, и, блестя золотом зубов, с торжеством посмотрел на меня.

— Вы хорошо пользуетесь религией! — заметил я.

— О, да! Я знаю цену ей, — сказал он. — Повторяю вам — религия необходима для бедных. Мне она нравится. На земле всё принадлежит дьяволу, говорит она. О, человек, если хочешь спасти душу, не желай и ничего не трогай здесь, на земле. Ты насладишься жизнью после смерти — на небе всё для тебя! Когда люди верят в это — с ними легко иметь дело. Да. Религия — масло. Чем обильнее мы будем смазывать ею машину жизни, тем меньше будет трения частей, тем легче задача машиниста...

— Да, он король, — решил я и почтительно спросил у этого недавнего потомка свинопаса:

— А вы себя считаете христианином?

— О, да, конечно! — воскликнул он с полным убеждением. — Но, — он поднял руку кверху и внушительно сказал: — я в то же время американец и, как таковой, я строгий моралист...

Его лицо приняло выражение драматическое: он оттопырил губы и подвинул уши к носу.

— Что вы хотите сказать?.. — понизив голос, осведомился я.

— Пусть это будет между нами! — тихо предупредил он. — Для американца невозможно признать Христа!

— Невозможно? — шопотом спросил я после паузы.

— Конечно, нет! — подтвердил он тоже шопотом.

— А почему? — спросил я, помолчав.

— Он — незаконнорожденный! — Старик подмигнул мне глазом и оглянулся вокруг. — Вы понимаете? Незаконнорожденный в Америке не может быть не только богом, но даже чиновником. Его нигде не принимают

в приличном обществе. За него не выйдет замуж ни одна девушка. О, мы очень строги! А если бы мы признали Христа — нам пришлось бы признавать всех незаконно-рожденных порядочными людьми... даже если это дети негра и белой. Подумайте, как это ужасно! А?

Должно быть, это было действительно ужасно — глаза старика позеленели и стали круглыми, как у совы. Он с усилием подтянул нижнюю губу вверх и плотно приклеил ее к зубам. Вероятно, он полагал, что эта гримаса сделает его лицо внушительным и строгим.

— А негра вы никак не можете признать за человека? — осведомился я, подавленный моралью демократической страны.

— Вот наивный малый! — воскликнул он с сожалением. — Да ведь они же черные! И от них пахнет. Мы линчуем негра, лишь только узнаем, что он жил с белой, как с женой. Сейчас его за шею веревкой и на дерево... без проволочек! Мы очень строги, если дело касается морали...

Он внушал мне теперь то почтение, с которым невольно относишься к несвежему трупу. Но я взялся за дело и должен исполнить его до конца. Я продолжал ставить вопросы, желая ускорить процесс истязания правды, свободы, разума и всего светлого, во что я верю.

— Как вы относитесь к социалистам?

— Они-то и есть слуги дьявола! — быстро отозвался он, ударив себя ладонью по колену. — Социалисты — песок в машине жизни, песок, который, проникая всюду, расстраивает правильную работу механизма. У хорошего правительства не должно быть социалистов. В Америке они рождаются. Значит — люди в Вашингтоне не вполне ясно понимают свои задачи. Они должны лишать социалистов гражданских прав. Это уже кое-что. Я говорю — правительство должно стоять ближе к жизни. Для этого все его члены должны быть набираемы в среде миллионов. Так!

— Вы очень цельный человек! — сказал я.

— О, да! — согласился он, утвердительно кивая головой. Теперь с его лица совершенно исчезло всё детское, и на щеках явились глубокие морщины,

Мне захотелось спросить его об искусстве.

— Как вы относитесь... — начал я, но он поднял палец и заговорил сам:

— В голове социалиста — атеизм, в животе у него — анархизм. Его душа окрылена дьяволом крыльями безумия и злобы... Для борьбы с социалистом необходимо иметь больше религии и солдат. Религия — против атеизма, солдаты — для анархии. Сначала — насыпьте в голову социалиста свинца церковных проповедей. Если это не вылечит его — пусть солдаты набросают ему свинца в живот!..

Он убежденно кивнул головой и твердо сказал:

— Велика сила дьявола!

— О, да! — охотно согласился я.

Впервые наблюдал я силу влияния Желтого Дьявола — Золота — в такой яркой форме. Сухие, просверленные подагрой и ревматизмом кости старика, его слабое, истощенное тело в мешке старой кожи, вся эта небольшая куча ветхого хлама была теперь воодушевлена холодной и жестокой волей Желтого Отца лжи и духовного разврата. Глаза старика сверкали, как две новые монеты, и весь он стал крепче и суше. Теперь он еще больше походил на слугу, но я уже знал, кто его господин.

— Что вы думаете об искусстве? — спросил я.

Он взглянул на меня, провел рукой по своему лицу и стер с него выражение жесткой злобы. Снова что-то младенческое явилось на этом лице.

— Как вы сказали? — спросил он.

— Что вы думаете об искусстве?

— О! — спокойно отозвался он. — Я не думаю о нем, я просто покупаю его...

— Мне это известно. Но, может быть, у вас есть свои взгляды и требования к нему?

— А! Конечно, я имею требования... Оно должно быть забавно, это искусство, — вот чего я требую. Нужно, чтобы я смеялся. В моем деле мало смешного. Необходимо впрыснуть мозг иногда чем-нибудь успокаивающим... а иногда возбуждающим энергию тела. Когда искусство делают на потолке или на стенах, оно

должно возбуждать аппетит... Рекламы следует писать самыми лучшими, яркими красками. Нужно, чтобы реклама схватила вас за нос издали, еще за милую от нее, и сразу привела, куда она зовет. Тогда она оправдает деньги. Статуи или вазы — всегда лучше из бронзы, чем из мрамора или фарфора: прислуга не так часто ломает бронзу, как фарфор. Очень хорошо — бои петухов и травля крыс. Это я видел в Лондоне... очень хорошо! Бокс — тоже хорошо, но не следует допускать убийства... Музыка должна быть патриотична. Марш — это всегда хорошо, но лучший марш — американский. Америка — лучшая страна мира, — вот почему американская музыка лучше всех на земле. Хорошая музыка всегда там, где хорошие люди. Американцы — лучшие люди земли. У них больше всего денег. Никто не имеет столько денег, как мы. Поэтому к нам скоро придет весь мир...

Я слушал, как самодовольно болтал этот больной ребенок, и с благодарностью думал о дикарях Тасмании. Говорят, и они тоже людоеды, но у них, всё-таки, развито эстетическое чувство.

— Вы бываете в театре? — спросил я старого раба Желтого Дьявола, чтобы остановить его хвастовство страной, которую он осквернил своей жизнью.

— Театр? О, да! Я знаю, это тоже искусство! — уверенно сказал он.

— А что вам нравится в театре?

— Хорошо, когда много молодых дам декольте, а вы сидите выше их! — ответил он, подумав.

— Что вы любите больше всего в театре? — спросил я, приходя в отчаяние.

— О! — воскликнул он, раздвинув рот во всю ширину щек. — Конечно, артисток, как все люди... Если артистки красивы и молоды — они всегда искусны. Но трудно угадать сразу, которая действительно молода. Они все так хорошо притворяются. Я понимаю, это их ремесло. Но иногда думаешь — ага! Вот это девушка! Потом оказывается, что ей пятьдесят лет и она имела не менее двухсот любовников. Это уже неприятно... Артистки цирка лучше артисток театра. Они почти всегда моложе и более гибки...

Он, видимо, был хорошим знатоком в этой области. Даже я, закоренелый грешник, всю жизнь утопавший в пороках, многое узнал от него только впервые.

— А как вам нравятся стихи? — спросил я его.

— Стихи? — переспросил он, опуская глаза к сапогам и наморщив лоб. Подумал и, вскинув голову, показал мне все зубы сразу. — Стихи? О, да! Мне очень нравятся стихи. Жизнь будет очень весела, когда все начнут печатать рекламы в стихах.

— Кто ваш любимый поэт? — поспешил я поставить другой вопрос.

Старик взглянул на меня в недоумении и медленно спросил:

— Как вы сказали?

Я повторил вопрос.

— Гм... вы очень забавный малый! — сказал он, с сомнением качая головой. — За что же я буду любить поэта? И зачем нужно любить его?

— Извините меня! — произнес я, отирая пот со лба. — Я хотел спросить вас, какая ваша любимая книга? Я исключаю книжку чеков...

— О! Это другое дело! — согласился он. — Я люблю две книги — Библию и Главную Бухгалтерскую. Они обе одинаково вдохновляют ум. Уже когда берешь их в руки, — чувствуешь, что в них сила, которая дает тебе всё, что нужно.

— Он издевается надо мной! — подумал я и внимательно взглянул в его лицо. Нет. Его глаза убивали всякое сомнение в искренности этого младенца. Он сидел в кресле, как высушенное ядро ореха в своей скорлупе, и было видно, что он уверен в истине своих слов.

— Да! — продолжал он, рассматривая ногти: — Это вполне хорошие книги! Одну написали пророки, другую создал я сам. В моей книге мало слов. В ней цифры. Они рассказывают о том, что может сделать человек, если захочет работать честно и усердно. После моей смерти правительство должно бы опубликовать мою книгу. Пусть люди видят, как нужно идти, чтобы подняться на эту высоту.

И торжественным жестом победителя он обвел вокруг себя.

Я чувствовал, что пора прекратить беседу. Не всякая голова способна относиться безразлично, когда по ней топают ногами.

— Может быть, вы скажете что-нибудь о науке? — тихо спросил я.

— Наука? — он поднял палец, глаза и посмотрел в потолок. Затем вынул часы, взглянул, который час, закрыл крышку и намотав цепочку на палец, покачал часами в воздухе. После всего этого он вздохнул и заговорил:

-- Наука... да, я знаю! Это — книги. Если в них хорошо пишут об Америке, — книги полезны! Но в книгах редко пишут правду. Эти... поэты, которые делают книги — мало зарабатывают, я думаю. В стране, где каждый занят делом, некому читать книги... Да, поэты злы, потому что у них не покупают книг. Правительство должно хорошо платить писателям книг. Сытый человек всегда добр и весел. Если вообще нужны книги об Америке, следует нанять хороших поэтов, и тогда будут сделаны все книги, какие нужны для Америки... Вот и всё.

— Вы несколько узко определяете науку, — заметил я.

Он опустил веки и задумался. Потом вновь открыл глаза и уверенно продолжал:

— Ну, да, учителя, философы... это тоже наука. Профессора, акушерки, дантисты, я знаю. Адвокаты, доктора, инженеры. All right. Это необходимо. Хорошие науки... не должны учить дурному... Но—учитель дочери моей сказал мне однажды, что существуют социальные науки... Этого я не понимаю. Я думаю, это вредно. Хорошая наука не может быть сделана социалистом. Социалисты вовсе не должны делать науку. Науку, которая полезна или забавна, делает Эдиссон, да. Фонограф, синемаграф — это полезно. А когда много книг с науками — это лишнее. Людям не следует читать книг, которые могут возбудить, в уме... разные сомнения. Всё на земле идет как нужно... и вовсе не за чем путать книги в дела.

Я встал.

— О! Вы уходите? — спросил он.

— Да! — сказал я. — Быть может, теперь, когда я ухожу, вы, наконец, всё-таки объясните мне — какой смысл быть миллионером?

Он начал икать и дрыгать ногами вместо ответа. Может быть такова была его манера смеяться?

— Это привычка! — воскликнул он, переводя дух.

— Что привычка? — спросил я.

— Быть миллионером... это привычка!

Я подумал и поставил ему мой последний вопрос:

— Вы думаете, что бродяги, курильщики опиума и миллионеры — явления одного порядка?

Это, должно быть, обидело его. Он сделал круглые глаза, окрасил их желчью в зеленый цвет и сухо ответил:

— Я думаю, что вы плохо воспитаны.

— До свиданья! — сказал я.

Он любезно проводил меня до крыльца и остался стоять на верхней ступеньке лестницы, внимательно рассматривая носки своих сапог. Перед его домом лежала площадка, поросшая густою, ровно подстриженной травой. Я шагал по ней и наслаждался мыслью о том, что больше уже не увижу этого человека.

— Галло! — услышал я сзади себя.

Обернулся. Он стоял там, на крыльце, и смотрел на меня.

— А что, у вас в Европе есть лишние короли? — медленно спросил он.

— Мне кажется они все лишние! — ответил я.

Он сплюнул направо и сказал:

— Я думаю нанять для себя пару хороших королей, а?

— Зачем это вам?

— Забавно, знаете. Я приказал бы им боксировать вот здесь...

Он указал на площадку перед домом и добавил тоном вопроса:

— От часа до половины второго каждый день, а? После завтрака приятно отдать полчаса искусству... хорошо.

Он говорил серьезно, и было видно, что он приложит все усилия, чтобы осуществить свое желание.

— Зачем вам нужны короли для этой цели? — осведомился я.

— Этого здесь еще ни у кого нет! — кратко объяснил он.

— Но ведь короли дерутся только чужими руками! — сказал я и пошел.

— Галло! — позвал он в другой раз.

Я снова остановился. Он всё еще стоял на старом месте, сунув руки в карманы. На лице его выражалось что-то мечтательное.

— Вы что? — спросил я.

Он пожевал губами и медленно сказал:

— А как вы думаете, сколько это будет стоить — два короля для бокса, каждый день полчаса, в течение трех месяцев, э?

ЖРЕЦ МОРАЛИ

...Он пришел ко мне поздно вечером и, подозрительно оглянув мою комнату, негромко спросил:

— Могу я поговорить с вами полчаса наедине?

В тоне его голоса и во всей сутуловатой, худой фигуре было что-то таинственное и тревожное. Он сел на стул так осторожно, точно боялся, что мебель не сдержит его длинных и острых костей.

— Вы можете опустить штору на окне? — тихо спросил он.

— Пожалуйста! — сказал я и тотчас исполнил его желание.

Благодарно кивнув мне головой, он подмигнул в сторону окна и еще тише заметил:

— Всегда следят.

— Кто?

— Репортеры, разумеется.

Я внимательно посмотрел на него. Одетый очень прилично, даже щеголевато, он, всё-таки производил впечатление бедняка. Его лысый, угловатый череп блестел

скромно и корректно. Чисто выбритое, очень худое лицо, серые, виновато улыбающиеся глаза, полуприкрытые светлыми ресницами. Когда он поднимал ресницы и смотрел прямо в лицо мне, я чувствовал себя перед какой-то туманной, не глубокой пустотой. Сидел он, подогнув ноги под стул, положив ладонь правой руки на колено, а левую, с котелком в ней, опустил к полу. Длинные пальцы рук немного дрожали, углы плотно сжатых губ были устало опущены — признак, что этот человек дорого заплатил за свой костюм.

— Позвольте вам представиться, — вздохнув и покосившись на окно, начал он, — я, так сказать, профессиональный грешник. . .

Я сделал вид, что не расслышал его слов, и наружно спокойно спросил:

— Как?

— Я — профессиональный грешник, — повторил он буква в букву и добавил: — моя специальность — преступления против общественной морали. . .

В тоне этой фразы звучала только скромность, я не уловил даже тени раскаяния в словах и на лице.

— Вы... не хотите ли стакан воды? — предложил я ему.

— Нет, благодарю вас! — отказался он, и виноватые глаза его с улыбкой остановились на моей фигуре.

— Вы, кажется, не вполне ясно понимаете меня?

— Нет, почему же? — возразил я, скрывая, по примеру европейских журналистов, невежество под маской развязности. Но он мне, очевидно, не поверил. Покачивая котелком в воздухе и скромно улыбаясь, он заговорил:

— Я приведу вам несколько фактов из моей деятельности, чтобы вам было понятно, кто я. . .

Здесь он вздохнул и опустил голову. И снова я был удивлен тем, что в этом вздохе было только утомление.

— Помните, — начал он, тихо покачивая шляпой, — в газетах писали о человеке. . . то есть о пьянице? Скандал в театре?

— Это господин из первого ряда, который во время

патетической сцены встал, надел шляпу и начал кричать извозчика? — спросил я.

— Да! — подтвердил он и любезно добавил: — это — я. Заметка под заголовком «Зверь, истязатель детей» — тоже мною вызвана, как и другая — «Муж, продающий свою жену»... Человек, преследовавший на улице даму нескромными предложениями — это тоже я... Вообще, обо мне пишут не менее одного раза в неделю и всякий раз, когда требуется доказать испорченность нравов...

Всё это он сказал негромко, очень внятно, но без хвастовства. Я ничего не понимал, но мне не хотелось показывать ему это. Как все писатели, я тоже делаю всегда вид, будто знаю жизнь и людей, точно свои пять пальцев.

— Гм! — сказал я тоном философа. — Что же, вам доставляет удовольствие этот род занятий?

— Когда я был молод — это забавляло меня, не скрою, — ответил он. — Но теперь мне уже сорок пять лет, я женат, имею двух дочерей... В таком положении очень неудобно, когда вас раза два-три в неделю изображают в газетах, как источник порока и разврата. Постоянно следят за вами репортеры, чтобы вы точно и во-время выполняли свои обязанности...

Я закашлялся, чтобы скрыть недоумение. Потом тоном сострадания спросил:

— Это у вас болезнь?

Он отрицательно качнул головой, помахал себе в лицо шляпой, как веером, и ответил:

— Нет, профессия. Я уже сказал вам, что моя специальность — мелкие скандалы на улицах и в публичных местах... Другие товарищи в нашем бюро занимаются более ответственными и крупными делами, например: оскорбление религиозного чувства, совращение женщин и девиц, кражи на сумму не выше тысячи долларов... — Он вздохнул, оглянулся вокруг и пояснил: — И прочие поступки против нравственности... а я делаю только мелкие скандалы...

Он говорил, как ремесленник о своем ремесле. Это меня начинало раздражать, и я саркастически спросил:

— Вас не удовлетворяет это?

— Нет! — просто ответил он.

Его простота обезоруживала и возбуждала острое любопытство. Помолчав, я поставил ему вопрос:

— Сидели в тюрьме?

— Три раза. А вообще я действую в размерах штрафа. Но штрафы платит, конечно, бюро. . . — объяснил он

— Бюро? — невольно повторил я.

— О, да! Согласитесь, что мне самому невозможно платить штрафы! — с улыбкой сказал он. — Пятьдесят долларов в неделю — это очень немного для семьи в четыре человека. . .

— Дайте мне подумать об этом, — сказал я, встав со стула.

— Пожалуйста! — согласился он.

Я начал ходить по комнате взад и вперед мимо него напряженно вспоминая все формы психических заболеваний. Мне хотелось определить характер его болезни, но я не мог. Было ясно одно — это не мания величия. Он следил за мной с любезной улыбкой на худом, истощенном лице и терпеливо ждал.

— Итак бюро? — спросил я, останавливаясь против него.

— Да, — сказал он.

— Много служащих?

— В этом городе — 125 мужчин и 75 женщин. . .

— В этом городе? Значит. . . и в других городах тоже бюро?

— Во всей стране, конечно! — сказал он, покровительственно улыбаясь.

Мне стало жалко себя.

— Но. . . что же они. . . — перешительно спросил я, — чем же они занимаются, эти бюро?

— Нарушают законы нравственности! — скромно ответил он, встал со стула, сел в кресло, потянулся и с откровенным любопытством стал рассматривать мое лицо. Очевидно, я казался ему дикарем, и он переставал стесняться.

— Чорт побери! — подумалось мне. — Не надо показывать, что я ничего не понимаю. . . — И, потирая руки, я оживленно сказал:

— Это интересно! Очень интересно!.. Только... зачем это?

— Что? — улыбаясь спросил он.

— Да эти бюро для нарушения законов морали?

Он засмеялся добродушным смехом взрослого над глупостью ребенка. Я посмотрел на него и подумал, что, действительно, источником всех неприятностей в жизни является невежество.

— Как вы полагаете, надо жить, а? — спросил он.

— Конечно!

— И надо жить приятно?

— О, разумеется!

Этот человек встал, подошел ко мне и хлопнул меня по плечу.

— А разве можно наслаждаться жизнью, не нарушая законов морали, а?

Он отступил от меня, подмигнул мне, снова развалился в кресле, как вареная рыба на блюде, вынул сигару и закурил ее, не спросив моего разрешения. Потом продолжал:

— Кому приятно кушать землянику с карболовой кислотой?

И он бросил горящую спичку на пол.

Уж это всегда так, — сознав свое преимущество над ближним, человек сразу становится свиньей по отношению к нему.

— Мне трудно понять вас! — сознался я, глядя в его лицо.

Он улыбнулся и сказал:

— Я был лучшего мнения о ваших способностях...

Становясь всё свободнее в своих манерах, он сбросил пепел сигары прямо на пол, полузакрыв глаза и, следя сквозь ресницы за струями дыма своей сигары, заговорил тоном знатока дела:

— Вы мало знакомы с моралью — вот что я вижу...

— Нет, я иногда сталкивался с нею, — скромно возразил я.

Он вынул сигару изо рта, посмотрел на конец ее и философски заметил:

— Удариться лбом об стену — это еще не значит изучить стену.

— Да, я согласен с этим. Но почему-то я всегда отскакиваю от морали, как мяч от стены...

— Здесь виден недостаток воспитания! — сказал он резонерски.

— Очень может быть, — согласился я. — Самым отчаянным моралистом, которого я видел, был мой дед. Он знал все пути в рай и постоянно толкал на них каждого, кто попадался ему под руку. Истина была известна только ему одному, и он усердно вколачивал ее чем попало в головы членов своего семейства. Он прекрасно знал всё, чего хочет бог от человека, и даже собак и кошек учил, как надо вести себя, чтобы достигнуть вечного блаженства. При всём этом он был жаден, зол, постоянно лгал, занимался ростовщичеством и, обладая жестокостью труса, — особенность души всех моралистов и каждого, — в свободное и удобное время бил своих домашних, чем мог и как хотел... Я пробовал влиять на деда, желая сделать его мягче — однажды выбросил старика из окна, другой раз ударил его зеркалом. Окно и зеркало разбились, но дед не стал от этого лучше. Он так и умер моралистом. А мне с той поры мораль кажется несколько противной... Может быть, вы скажете что-нибудь такое, что может помирить меня с нею? — предложил я ему.

Он вынул часы, посмотрел на них и сказал:

— У меня нет времени читать вам лекции... Но, если я пришел к вам, всё равно. Начатое — нужно кончать. Может быть, вы сумеете что-нибудь сделать для меня... Я буду краток...

Он снова полускрыл глаза и начал говорить внушительным тоном:

— Мораль необходима для вас — это нужно помнить! Почему она необходима? Потому что она ограждает ваш личный покой, ваши права и ваше имущество — иначе сказать, она защищает интересы «ближнего». «Ближний» — это всегда вы и более никто, понимаете? Если у вас есть красивая жена, вы говорите всем окружающим вас: «не пожелай жены ближнего твоего». Если у человека есть деньги, воли, рабы, ослы, и сам он не

идиот — он моралист. Мораль выгодна для вас, когда вы имеете всё, что вам нужно, и желаете сохранить это для себя одного; она не выгодна, если у вас нет ничего лишнего, кроме волос на голове.

Он погладил рукой свой голый череп и продолжал:

— Мораль — это страж ваших интересов, вы стараетесь поставить его в души людей, окружающих вас. На улицах вы ставите полицейских и сыщиков, внутрь человека вы всовываете целый ряд принципов, которые должны врасти в его мозг и связать в нем, задушить, уничтожить все враждебные вам мысли, все угрожающие вашим правам желания. Мораль всего строже там, где экономические противоречия нагляднее. Чем больше у меня денег, тем более я строгий моралист. Вот почему в Америке, где так много богатых — ими исповедуется мораль во сто лошадиных сил. Понятно?

— Да, — сказал я, — но зачем же бюро?

— Подождите! — возразил он, внушительно подняв руку. — Итак мораль имеет целью внушить всем людям, чтобы они оставили вас в покое. Но если у вас много денег — у вас множество желаний и полная возможность осуществить их, — так? Однако, большинство желаний ваших нельзя осуществить, не нарушая принципов морали. . . Как же быть? Нельзя проповедывать людям то, что отрицаешь сам: это и неловко, да и люди могут не поверить. Ведь они не все глупы. . . Например: вы сидите в ресторане, пьете шампанское и целуете очень красивую женщину, хотя она не жена вам. . . С той точки зрения, которую вы считаете обязательной для всех — подобные занятия являются безнравственными. Но лично для вас — такая трата времени необходима: это ваша милая привычка, она дает вам массу наслаждений. И перед вами встает вопрос: как примирить проповедь воздержания от сладких пороков с вашей любовью к ним? Другой пример: вы говорите всем — не укради. Ибо вам крайне будет неприятно, если вас начнут обкрадывать, — не так ли? Но в то же время, хотя у вас и есть деньги — вам нестерпимо хочется украсть еще немного. Третий: вы строго исповедуете принцип — не убий. Потому что жизнь вам дорога, она приятна, полна наслаждений.

Вдруг в ваших угольных копиях рабочие требуют увеличения платы. Вы невольно вызываете солдат и — трах! — несколько десятков рабочих убито. Или: вам некуда сбывать товар. Вы указываете на этот факт вашему правительству и убеждаете его открыть для вас новый рынок. Правительство любезно посылает небольшую армию куда-нибудь в Азию, Африку и исполняет ваше желание, перебив несколько сотен или тысяч туземцев... Всё это плохо гармонирует с вашей проповедью человеколюбия, воздержания и целомудрия. Но, избивая рабочих или туземцев, вы можете оправдать себя указанием на интересы государства, которое не может существовать, если люди не станут подчиняться вашим интересам. Государство — это вы, если вы богатый человек, разумеется. Вам гораздо труднее в мелочах, — в разврате, воровстве, и прочем. Вообще, позиция богатого человека — трагическая позиция. Ему положительно необходимо, чтобы все любили его, все воздерживались от покушений на целостность его имущества, чтобы никто не нарушал его привычек и все относились целомудренно к его жене, сестре, дочерям. В то же время для него не только нет необходимости любить людей, воздерживаться от воровства, целомудренно относиться к женщинам и так далее — напротив! Всё это только стесняет его личную деятельность и безусловно вредно для успеха его работы. Обычно — вся его жизнь сплошное воровство, он грабит тысячи людей, целую страну, — это необходимо для роста капитала, то есть прогресса страны — вы понимаете? Он развращает женщин десятками, — это очень приятное развлечение для праздного человека. И кого ему любить? Все люди делятся для него на две группы — одну он обворовывает, другая конкурирует с ним в этом занятии.

Довольный своим знанием вопроса, оратор улыбнулся и, бросив окурок сигары в угол комнаты, продолжал:

— И так: мораль полезна богатому и вредна всем людям, но, в то же время, она не нужна ему и необходима для всех. Вот почему моралисты стараются вколотить принципы морали внутрь людей, а сами всегда носят их снаружи, как галстуки и перчатки. Далее: как убедить людей в необходимости для них подчинения за-

конам морали? Никому не выгодно быть честным среди жуликов. Но если невозможно убедить, — гипнотизируйте! Это всегда удается...

Он утвердительно кивнул головой и, подмигнув мне, повторил:

— Невозможно убедить, — гипнотизируйте!

Затем он положил свою руку на колено мне, заглянул в лицо мое и, понизив голос, продолжал:

— Дальнейшее — между нами, хорошо?

Я кивнул головой.

— Бюро, в котором я служу, занимается гипнозом общественного мнения. Это одно из оригинальнейших учреждений Америки — прошу заметить! — с гордостью сказал он.

Я еще раз наклонил голову.

— Вы знаете, что наша страна, — говорил он, живет только одним стремлением — делать деньги. Здесь все хотят быть богатыми, и человек для человека — только материал, из которого всегда можно выжать несколько крупинок золота. И вся жизнь есть процесс вынимания золота из мяса и крови человека. Народ в этой стране — как и везде, я слышал — руда, из которой добывают желтый металл, прогресс — это концентрация физической энергии масс, то есть кристаллизация мяса, костей и нервов человека в золото. Жизнь построена очень просто...

— Это ваш личный взгляд? — спросил я.

— Это? Конечно, нет! — сказал он с гордостью. — Это просто чья-то фантазия... Я не помню, как она попала в мою голову... Я пользуюсь ею, только когда говорю с людьми... ненормальными... Продолжаю. Народу здесь некогда заниматься пороками — для этого не остается свободного времени. Часы напряженной работы так истощают человека, что он уже не имеет ни сил, ни желания согрешить в час отдыха. Людям некогда думать, у них нет силы желать, они живут только работой, для работы, и это делает их жизнь очень нравственной. Разве иногда, в праздник несколько ребят повесят пару негров, но это — не против морали, потому что негр — не белый, к тому же их здесь много, этих

негров. Все ведут себя более или менее прилично, и на общем сером фоне этой неподвижной жизни, забитой в тесные рамки старой пуританской морали, всякое нарушение ее принципов выступает резко, как пятно сажки. Это — хорошо, но это — дурно. Высшие классы общества могут гордиться поведением низших, но в то же время такое поведение стесняет свободу действий богатых. Они имеют деньги — значит, они имеют право жить как хотят, не считаясь с моралью. Богатые — жадны, сытые — чувственны, праздные — порочны. Бурьян растет на жирной почве, разврат — на почве пресыщения. Что же делать? Отрицать мораль? Это — невозможно, ибо это — глупо. Если тебе выгодно, чтобы люди были нравственны, — умей скрывать свои пороки... Вот и всё! В этом немного нового...

Он оглянулся и еще понизил голос.

— И вот, представители высшего общества в Нью-Йорке напали на одну удивительно счастливую мысль. Они решили учредить в стране тайное общество для явного нарушения законов морали. Был собран, путем вкладов, солидный капитал, и в разных городах страны открыты — негласно, разумеется — бюро для гипноза общественного мнения. Наняли разных людей, вроде вашего покорного слуги, и возложили на них обязанность совершать преступления против нравственности. Во главе каждого бюро стоит надежный и опытный человек, руководящий действиями служащих и распределяющий занятия... обыкновенно он редактор какой-нибудь газеты...

— Я не понимаю целей бюро! — тоскливо сказал я.

— Очень просто! — отозвался он. И вдруг его лицо приняло выражение тревоги и нервного ожидания чего-то. Он встал и, заложив руки за спину, начал медленно ходить по комнате.

— Очень просто! — повторил он. — Я уже сказал вам, что низшие классы, по недостатку времени, мало грешат. А ведь необходимо, чтобы нравственность нарушалась — нельзя же оставлять ее бесплодной старой девой. Нужно, чтобы всегда кричали о нравственности, это оглушает общество, не позволяя ему слышать правду. Если в реку

набросать массу мелких щеп, среди них может незаметно для вашего глаза проплыть большое бревно. Или, если вы неосторожно вытащили бумажник из кармана вашего соседа, но своевременно обратите внимание публики на мальчишку, который украл горсть орехов, — это может спасти вас от скандала. Только кричите громче — вор! Наше бюро занимается тем, чтобы создавать массу мелких скандалов для прикрытия крупных преступлений.

Он вздохнул, остановился среди комнаты и помолчал.

— Например, в городе разносится слух о том, что одно уважаемое и почтенное лицо бьет свою жену. Бюро немедленно поручает мне и нескольким товарищам побить наших жен. Мы бьем. Жены, конечно, посвящены в дело и кричат очень громко. Об этом пишут все газеты, и шум, поднятый ими, заставляет забыть о слухах по поводу отношений почтенного лица к его жене. Какое значение имеют слухи, когда налицо факты? Или начинают говорить о подкупе сенаторов. Бюро немедленно организует ряд подкупов полицейских чинов и разоблачает их продажность перед публикой. Снова слухи исчезают перед фактами. Некто из высшего общества оскорбил женщину. Тотчас же в ресторанах, на улицах — создается ряд оскорблений женщин. Поступок представителя высшего света совершенно исчезает в ряду однородных поступков. И так всегда, во всем. Крупная кража засыпается кучей мелких краж, и вообще все крупные преступления подавляются горами мелочей. Вот — деятельность бюро.

Он подошел к окну, осторожно взглянул на улицу и снова сел на стул, продолжая тихим голосом:

— Бюро ограждает высший класс американского общества от суда народа и, в то же время, постоянными криками о нарушении законов морали забивает народу голову мелкими скандалами, организованными для прикрытия порочности богатых. Народ находится всегда в состоянии гипноза, ему нет времени думать самостоятельно, и он только слушает газеты. Газеты принадлежат миллионерам, бюро организовано ими же... Вы понимаете? Это очень оригинально...

Он замолчал, задумался, низко наклонив голову.

— Благодарю вас! — сказал я ему. — Вы сообщили мне очень много интересного.

Он поднял голову и уныло взглянул на меня.

— Д-да, это интересно, конечно! — медленно и задумчиво произнес он. — Но меня это уже утомляет. Я семейный человек, три года тому назад я построил себе дом... мне хочется немного отдохнуть. Это трудное дело—моя служба. Поддерживать в обществе уважение к законам морали—о! это, право, нелегко! Вы подумайте, мне вреден алкоголь, но я должен напиваться, я люблю жену и тихую жизнь в семье—и должен ходить по ресторанам, скандалить... и постоянно видеть себя в газетах... хотя под чужим именем, конечно, но всё-таки... однажды откроется мое собственное имя, и тогда... придется уехать из города... Я нуждаюсь в совете... Я пришел к вам узнать ваше мнение по моему делу... очень запутанное дело!

— Говорите! — предложил я.

— Видите ли что,—начал он,—за последнее время среди представителей высших классов общества в южных штатах заводят любовниц—негритянских девушек... По две и по три сразу. Об этом начали говорить. Жены недовольны поведением мужей. В некоторых газетах получены письма женщин с разоблачением деятельности их мужей. Возможен громкий скандал. Бюро немедленно же принялось за организацию ряда «контр-фактов», как это у нас называется. Тринадцать агентов—и в их числе я—немедленно должны завести любовниц-негритянок. По две или даже по три сразу...

Он нервно вскочил со стула и, приложив руку к карману сюртука, заявил:

— Я не могу сделать это! Я люблю жену... и она мне не позволит, вот что главное! Наконец—если бы одна!

— Откажитесь! — посоветовал я.

Он посмотрел на меня с сожалением.

— А кто же мне уплатит 50 долларов за неделю? И награду в случае успеха? Нет, этот совет вы оставьте

для себя... Американец не отказывается от денег даже на другой день после своей смерти. Посоветуйте что-нибудь другое.

— Мне трудно! — сказал я.

— Гм! Почему трудно? Вы, европейцы, очень легкомысленны в вопросах нравственности... ваша развращенность нам известна.

Он сказал это с твердой уверенностью в правде своих слов.

— Вот что, — продолжал он, наклонясь ко мне, — вероятно, у вас есть знакомые европейцы? Я уверен, что есть!

— Зачем вам? — спросил я.

— Зачем? — Он отступил от меня на шаг и встал в драматическую позу. — Я положительно не могу взять на себя дело с негритянками. Судите сами: жена мне не позволит, и я ее люблю. Нет, я не могу...

Он энергично потряс головой, провел рукой по своей лысине и вкрадчиво продолжал:

— Может быть, вы могли бы мне рекомендовать на это дело европейца. Они отрицают нравственность, им всё равно! Кого-нибудь из бедных эмигрантов, а? Я плачу десять долларов в неделю, хорошо? Я буду сам ходить по улицам с негритянками... вообще я всё сделаю сам, — он должен позаботиться только о том, чтобы родились дети... Вопрос нужно решить сегодня же вечером... Вы подумайте, какой скандал может разгореться, если это дело в южных штатах не завалить своевременно разным хламом! В интересах торжества нравственности — необходимо торопиться...

... Когда он убежал из комнаты, я подошел к окну и приложил ушибленную о его череп руку к стеклу, чтобы охладить ее.

Он стоял под окном и делал мне какие-то знаки.

— Что вам угодно? — спросил я, открывая раму.

— Я забыл взять шляпу! — сказал он скромно.

Подняв с полу котелок, я выбросил его на улицу. И, закрывая окно, услышал деловой вопрос:

— А если я дам пятнадцать долларов в неделю? Это хорошая плата!

ХОЗЯЕВА ЖИЗНИ

— Пойдем со мной к источникам истины! — смеясь, сказал мне Дьявол и привел меня на кладбище.

И когда мы медленно кружились с ним по узким дорожкам среди старых камней и чугунных плит над могилами, он говорил утомленным голосом старого профессора, которому надоела бесплодная проповедь его мудрости.

— Под ногами твоими, — говорил он мне, — лежат творцы законов, которые руководят тобой, ты попираешь подошвой сапога прах плотников и кузнецов, которые построили клетку для зверя внутри тебя.

Он смеялся при этом острым смехом презрения к людям, обливая траву могил и плесень памятников зеленоватым блеском холодного взгляда тоскливых глаз. Жирная земля мертвых приставала к ногам моим тяжелыми комьями, и было трудно идти по тропинкам, среди памятников над могилами житейской мудрости.

— Что же ты, человек, не поклонись благодарно праху тех, которые создали душу твою? — спрашивал Дьявол голосом, подобным сырому дуновению ветра осени, и голос его вызывал дрожь в теле моем и в сердце моем, полном тоскливого возбуждения. Тихо качались печальные ветви деревьев над старыми могилами людей, прикасаясь, холодные и влажные, к моему лицу.

— Воздай должное фальшивомонетчикам! Это они наплодили тучи маленьких, серых мыслей — мелкую монету твоего ума, они создали привычки твои предрасудки и всё, чем ты живешь. Благодарим их — у тебя огромное наследство после мертвецов!

Желтые листья медленно падали на голову мою и опускались под ноги. Земля кладбища жадно чмокала, поглощая свежую пищу — мертвые листья осенних дней,

— Вот здесь лежит портной, одевавший души людей в тяжелые, серые ризы предубеждений, — хочешь посмотреть на него?

Я молча наклонил голову. Дьявол ударил ногой в старую, изъеденную ржавчиной плиту над одной из могил, ударил и сказал:

— Эй, книжник! Вставай...

Плита поднялась, и, вздыхая густым вздохом потревоженной грязи, открылась неглубокая могила, точно сгнившее портмоне. В сыром мраке ее раздался брызгливый голос:

— Кто же будит мертвецов после двенадцати?

— Видишь? — усмехаясь спросил Дьявол, — творцы законов жизни верны себе, даже когда они сгнили.

— А, это вы, Хозяин! — сказал скелет, садясь на край могилы, и он независимо кивнул Дьяволу пустым черепом.

— Да, это я! — ответил Дьявол. — Вот я привел к тебе одного из друзей моих... Он поглупел среди людей, которых ты научил мудрости, и теперь пришел к первоисточнику ее, чтобы вылечиться от заразы...

Я смотрел на мудреца с должным почтением. На костях его черепа уже не было мяса, но выражение самодовольства еще не успело сгнить на его лице. Каждая кость тускло светилась сознанием своей принадлежности к системе костей исключительно совершенной, единственной в своем роде...

— Что ты сделал на земле, расскажи нам! — предложил Дьявол.

Мертвец внушительно и гордо оправил костями рук темные лохмотья савана и мяса, нищенски висевшие на его ребрах. Потом он гордо поднял кости правой руки на уровень плеча и, указывая голым суставом пальца во тьму кладбища, заговорил бесстрастно и ровно:

— Я написал десять больших книг, которые внушили людям великую идею преимущества белой расы над цветной...

— В переводе на язык правды, — сказал Дьявол, — это звучит так: я, бесплодная старая дева, всю жизнь вязала тупой иглой моего ума из ветхих шерстинок поношенных идей дурацкие колпаки для тех, кто любит держать свой череп в покое и тепле.

— Вы не боитесь обидеть его? — тихонько спросил я Дьявола.

— О! — воскликнул он. — Мудрецы и при жизни плохо слышат правду!

— Только белая раса, — продолжал мудрец, — могла создать такую сложную цивилизацию и выработать столь строгие принципы нравственности, этим она обязана цвету своей кожи, химическому составу крови, что я и доказал...

— Он это доказал! — повторил Дьявол, утвердительно кивая головой. — Нет варвара, более убежденного в своем праве быть жестоким, чем европеец...

— Христианство и гуманизм созданы белыми, — продолжал мертвец.

— Расой ангелов, которой должна принадлежать вся земля, — перебил его Дьявол. — Вот почему они так усердно окрашивают ее в свой любимый цвет — красный цвет крови...

— Они создали богатейшую литературу, изумительную технику, — считал мертвец, двигая костями пальцев...

— Три десятка хороших книг и бесчисленное количество орудий для истребления людей... — пояснил Дьявол, смеясь. — Где жизнь раздроблена более, чем среди этой расы, и где человек низведен так низко, как среди белых?

— Быть может, Дьявол не всегда прав? — спросил я.

— Искусство европейцев достигло неизмеримой высоты, — бормотал скелет сухо и скучно.

— Быть может, Дьявол хотел бы ошибиться! — воскликнул мой спутник. — Ведь это скучно — всегда быть правым. Но люди живут только для того, чтобы питать презрение мое... Посевы зерен пошлости и лжи дают самый богатый урожай на земле. Вот он, сеятель, перед вами. Как все они — он не родил что-либо новое, он только воскрешал трупы старых предрассудков, одевая их в одежды новых слов... Что сделано на земле? Выстроены дворцы для немногих, церкви и фабрики для множества. В церквях убивают души, на фабриках — тела, это для того, чтобы дворцы стояли незыблемо... Посылают людей глубоко в землю за углем и золотом — и оплачивают позорный труд куском хлеба, с приправой свинца и железа.

— Вы — социалист? — спросил я Дьявола.

— Я хочу гармонии! — ответил он. — Мне противно, когда человека, существо по природе своей цельное, дробят на ничтожные куски, делают из него орудие для жадной руки другого. Я не хочу раба, рабство противно духу моему... И за это меня сбросили с неба. Где есть авторитеты, там неизбежно духовное рабство, там всегда будет пышно цвести плесень лжи... Пусть земля — вся живет! Пусть она вся горит весь день, хотя бы к ночи только пепел остался от нее. Необходимо, чтобы однажды все люди влюбились... Любовь, как чудесный сон, снится только один раз, но в этом однажды — весь смысл бытия...

Скелет стоял, прислонясь к черному камню, и вегер тихо ныл в пустой клетке его ребер.

— Ему, должно быть, холодно и неудобно! — сказал я Дьяволу.

— Мне приятно смотреть на ученого, который освободился от всего лишнего. Его скелет — скелет его идеи... Я вижу, как она была оригинальна... Рядом с ним лежат остатки другого сеятеля истины. Разбудим и его. При жизни все они любят покой и трудятся ради создания норм для мыслей, для чувства, для жизни — искажают новорожденные идеи и делают уютные гробики для них. Но — умирая, они хотят, чтобы о них не забывали... Компрачикос — вставайте! Вот я привел вам человека, которому нужен гроб для его мыслей.

И снова предо мной явился из земли пустой и голый череп, беззубый, желтый, но всё-таки лоснящийся самодовольством. Должно быть, он уже давно лежал в земле — его кости были свободны от мяса. Он встал у камня над своей могилой, и ребра его рисовались на черном камне, как нашивки на мундире камергера.

— Где он хранит свои идеи? — спросил я.

— В костях, мой друг, в костях! У них идеи — вроде ревматизма и подагры — глубоко проникают в ребра.

— Как идет моя книга, Хозяин? — глухо спросил скелет.

— Она еще лежит, профессор! — ответил Дьявол.

— Что ж, разве люди разучились читать? — сказал профессор, подумав.

— Нет, глупости они читают попрежнему — вполне охотно... но глупость скучная — иногда долго ждет их внимания... Профессор, — обратился Дьявол ко мне, — всю жизнь измерял черепа женщин, чтобы доказать, что женщина не человек. Он измерял сотни черепов, считал зубы, измерял уши, взвешивал мертвые мозги. Работа с мертвым мозгом была любимейшей работой профессора, об этом свидетельствуют все его книги. Вы их читали?

— Я не хожу в храмы через кабаки, — ответил я. — И я не умею изучать человека по книгам — люди в них всегда дробы, а я плохо знаю арифметику. Но я думаю, что человек без бороды и в юбке — не лучше и не хуже человека с бородой, в брюках и с усами...

— Да, — сказал Дьявол, — пошлость и глупости вторгаются в мозги независимо от костюма и количества волос на голове. Но всё же вопрос о женщине интересно поставлен. — И Дьявол по обыкновению засмеялся. Он всегда смеется — вот почему с ним приятно беседовать. Кто умеет и может смеяться на кладбище, тот — поверьте! — любит и жизнь, и людей...

— Одни, которым женщина необходима лишь как жена и рабыня, утверждают, что она — не человек! — продолжал он. — Другие, не отказываясь пользоваться ею как женщиной, хотели бы широко эксплуатировать ее рабочую энергию и утверждают, что она вполне пригодна для того, чтобы работать всюду наравне с мужчиной, то есть для него. Конечно и те и другие, изнасиловав девушку, не пускают ее в свое общество, — они убеждены, что после их прикосновения к ней она становится навсегда грязной... Нет, женский вопрос очень забавен! Я люблю, когда люди наивно лгут — они тогда похожи на детей, и есть надежда, что современем они вырастут...

По лицу Дьявола было видно, что он не хочет сказать нечто лестное о людях в будущем. Но я сам могу сказать о них много нелестного в настоящем и, не желая, чтобы Чорт конкурировал со мной в этом приятном и легком занятии — я прервал его речь:

— Говорят — куда чорт сам не поспеет, куда женщину пошлет, — это правда?

Он пожал плечами и ответил:

— Случается... Если под рукой нет достаточно умного и подлого мужчины...

— Мне почему-то кажется, что вы разлюбили зло? — спросил я.

— Зла больше нет! — ответил он, вздыхая. — Есть только пошлости! Когда-то зло было красивой силой. А теперь... даже если убивают людей — это делают пошло, — им сначала связывают руки. Злодеев нет — остались палачи. Палач — всегда раб. Это рука и топор, приводимые в движение силой страха, толчками опасений... Ведь убивают тех, кого боятся...

Два скелета стояли рядом над своими могилами, и на кости их тихо падали осенние листья. Ветер уныло играл на струнах их ребер и гудел в пустоте черепов. Тьма, сырая и пахучая, смогрела из глубоких впадин глаз. Оба они вздрагивали. Мне было жалко их.

— Пусть они уйдут на свое место! — сказал я Дьяволу.

— А ты гуманист даже на кладбище! — воскликнул он. — Так. Гуманизм более уместен среди трупов — здесь он никого не обижает. На фабриках, на площадях и улицах городов, в тюрьмах и шахтах среди живых людей — гуманизм смешон и даже может возбудить злобу. Здесь некому над ним смеяться — мертвецы всегда серьезны. И я уверен, что им приятно слышать о гуманизме — ведь это их мертворожденное дитя... А всё-таки не идиоты были те, которые хотели поставить на сцену жизни эту красивую кулису, чтобы скрыть за нею мрачный ужас истязания людей, холодную жестокость кучки сильных... силою глупости всех...

И Дьявол хохотал резким смехом зловещей правды.

В темном небе вздрагивали звезды, неподвижно стояли черные камни над могилами прошлого. Но его гнилой запах просачивался сквозь землю, и ветер уносил дыхание мертвецов в сонные улицы города, объятые гниющей почой.

— Здесь не мало лежит гуманистов, — продолжал Дьявол, широким жестом указав на могилы вокруг себя. — Некоторые из них были даже искренны... в жизни множество забавных недоразумений, и, может быть, не это самое смешное... А рядом с ними, дружно и мирно, лежат учителя жизни другого типа, — те, которые пытались подвести солидный фундамент под старое здание лжи, так кропотливо, с таким трудом воздвигнутое тысячами тысяч мертвецов...

Откуда-то издалека донеслись звуки песни... Два-три веселых крика, вздрагивая, проплыли над кладбищем. Должно быть, какой-то гуляка беззаботно шел во тьме к своей могиле.

— Вот под этим тяжелым камнем гордо гниет прах мудреца, который учил, что общество есть организм, подобный... обезьяне или свинье, не помню. Это хорошо для людей, которые хотят считать себя мозгами организма! Почти все политики и предводители воровских шайк — сторонники этой теории. Если я мозг, я двигаю руками, как хочу, я всегда сумею подавить инстинктивное сопротивление мускулов моей царственной власти — да! А здесь лежит прах человека, который звал людей назад, ко времени, когда они ходили на четвереньках и пожирали червей. Это были самые счастливые дни жизни, — усердно доказывал он. Ходить на двух ногах, в хорошем сюртуке, и советовать людям: обрастайте снова шерстью, — это ли не оригинально? Читать стихи, слушать музыку, бывать в музеях, переноситься в день за сотни верст и проповедывать для всех простую жизнь в лесах, на четырех лапах — право, недурно! А этот успокаивал людей и оправдывал их жизнь тем, что доказывал — преступники не люди, они — больная воля, особый, антисоциальный тип! Они — враги законов и морали по природе, значит с ними не стоит перемониться. От преступлений лечит только смерть. Это — умно! Возложить на одного — преступления всех, заранее признав его естественным вместилищем порока и органическим носителем злой воли — разве это глупо? Всегда есть в жизни некто, оправдывающий уродливое строение жизни, искажающее душу. Мудрые и сморкаются не без

смысла. Да, кладбища богаты идеями для лучшего устройства жизни городов...

Дьявол оглянулся вокруг. Белая церковь, как палец скелета-колосса, молча поднималась из тучной нивы мертвых к темному небу, безмолвной ниве звезд. Густая толпа камней над источниками мудрости, одетая в ризы плесени, окружала эту трубу, разносившую по пустыням вселенной едкий дым человеческих жалоб и молитв. Ветер, напоенный жирным запахом тления, тихо качал ветвями деревьев, срывая умершие листья. И они бесшумно падали на жилища творцов жизни...

— Мы устроим теперь небольшой парад мертвецов, репетицию страшного суда! — говорил Дьявол, шагая впереди меня по змеиной тропе, среди холмов и камней. — Ты знаешь, страшный суд будет! Он будет на земле, и день его — лучший день ее! Он наступит, этот день, когда люди сознают все преступления, совершенные против них учителями и законодателями жизни, теми, которые разорвали человека на ничтожные куски бессмысленного мяса и костей. Всё, что живет теперь под именем людей — это части, — цельный человек еще не создан. Он возникнет из пепла опыта, пережитого миром, и, поглотив опыт мира, как море лучи солнца, он загорится над землей, как еще солнце. Я это увижу! Ибо я создаю человека, я создам его!

Старик немного хвастался и впадал в несвойственный для чорта лиризм. Я извинил ему это. Что поделаешь? Жизнь искажает даже дьявола, окисляя своими ядами крепко скованную душу его. К тому же, у всех голова кругла, а мысли угловаты, и каждый, глядя в зеркало, видит красавца.

Остановясь среди могил, Дьявол крикнул голосом владыки:

— Кто здесь мудрый и честный человек?..

Был момент молчания, потом — вдруг — земля всколыхнулась под ногами моими, и точно сугробы грязного снега покрыли холмы кладбища. Как будто тысячи молний взрыли ее изнутри, или в недрах ее судорожно повернулось некое чудовище-гигант. Всё вокруг зацвело

желтовато-грязным цветом, всюду, точно стебли сухих трав под ветром, закачались скелеты, наполняя тишину трением костей и сухими толчками суставов друг о друга и плиты могил. Толкая друг друга, скелеты вылезали на камни, всюду мелькали черепа, похожие на одуванчики, плотная сеть ребер тесной клеткой окружала меня, напряженно вздрагивали голени под тяжестью уродливо разверстых костей таза, и всё вокруг кипело в безмолвной суете...

Холодный смех Дьявола покрыл безличные звуки.

— Смотри — они все вылезли, все до одного! — сказал он. — И даже городские дурачки — среди них! Стошнило землю, и вот она изрыгнула из недр своих мертвую мудрость людей...

Влажный шум быстро рос — казалось, чья-то невидимая рука жадно роется в сыром мусоре, сметенном дворником в угол двора.

— Вот как много было в жизни честных и мудрых людей! — воскликнул Дьявол, широко простирая свои крылья над тысячами обломков, теснивших его со всех сторон.

— Кто из вас больше всех сделал людям добра? — громко спросил он.

Всё вокруг зашипело, подобно грибам, когда их жарят в сметане на большой сковороде.

— Позвольте мне пройти вперед! — тоскливо закричал кто-то.

— Это я, Хозяин, я здесь! Это я доказал, что единица — ноль в сумме общества.

— Я пошел дальше его! — возражали откуда-то издали. — Я учил, что всё общество — сумма нолей и потому массы должны подчиняться воле групп.

— А во главе групп стоит единица — и это я! — торжественно крикнул некто.

— Почему — вы? — раздалось несколько тревожных голосов.

— Мой дядя был король!

— Ах, это дядюшке вашего высочества преждевременно отрубили голову?

— Короли теряют головы всегда во время! — гордо

ответили кости потомка костей, когда-то сидевших на троне.

— Ого-о! — раздался довольный шопот. — Среди нас есть король! Это встретишь не на всяком кладбище...

Важные шопоты и трение костей сливались в один клубок, становясь всё гуще, тяжелее.

— Посмотрите — правда ли, что кости королей голубого цвета? — торопливо спросил маленький скелет с кривым позвоночником.

— Позвольте вам сказать... — вынужденно начал какой-то скелет, сидевший верхом на памятнике.

— Лучший пластырь для мозолей — мой! — крикнул кто-то сзади него.

— Я тот самый архитектор...

Но широкий и низенький скелет, расталкивая всех короткими костями рук, кричал, заглушая шелест мертвых голосов:

— Братие во Христе! Не я ли это врач ваш духовный, не я ли лечил пластырем кроткого утешения мозоли душ, натертые печальми вашей жизни?

— Страданий нет! — заявил кто-то раздраженно. — Всё существует только в представлении.

— Тот архитектор, который изобрел низкие двери...

— А я — бумагу для истребления мух!...

— ...для того, чтобы люди, входя в дом, невольно склоняли голову перед хозяином его... — раздавался назойливый голос.

— Не мне ли принадлежит первенство, братие? Это я поил души ваши, алкавшие забвения печалей, млеком и медом размышлений моих о тщете всего земного!

— Всё, что есть — установлено раз навсегда! — прожужжал чей-то глухой голос.

Скелет с одной ногой, сидевший на сером камне, поднял голень, выгнул ее и почему-то крикнул:

— Разумеется, так!

Кладбище превратилось в рынок, где каждый выставлял свой товар. В темную пустыню ночной тишины вливалась мутная река подавленных криков, погоня грязного хвастовства, душного самолюбия. Как будто туча комаров кружилась над гнилым болотом и пела, ныла и

жужжала, наполняя воздух всеми огравами, всеми ядами могил. Все толпились вокруг Дьявола, остановив на лице его темные впадины глаз и стиснутые зубы свои — точно он был покупателем старья. Воскресали одна за другой мертвые мысли и кружились в воздухе, как жалкие осенние листья.

Дьявол смотрел на это кипение зелеными глазами, и его взгляд изливал на груды костей фосфорически мерцающий холодный свет.

Скелет, сидевший на земле у ног его, говорил, поднимая кости руки выше черепа и плавно качая ими в воздухе:

— Каждая женщина должна принадлежать одному мужчине...

Но в его шепот вплетался другой звук, слова его речи странно обнимались с другими словами.

— Только мертвому ведома истина!...

И кружились медленно еще слова:

— Отец, говорил я, подобен пауку...

— Жизнь наша на земле — хаос заблуждений и тьма кромешная!

— Я трижды был женат, и все три раза — законно...

— Всю жизнь он неустанно тклет паутину благополучия семьи...

— И каждый раз на одной женщине...

И вдруг откуда-то явился скелет, пронзительно скрипевший своими желтыми и ноздреватыми костями. Он поднял к глазам Дьявола свое полуразрушенное лицо и заявил:

— Я умер от сифилиса, да! Но я всё-таки уважаю мораль! Когда жена моя изменила мне — я сам предал гнусный поступок ее на суд закона и общества...

Но его оттолкнули, затерли костями, и снова, как тихий вой ветра в трубе, раздались смешанные голоса:

— Я изобрел электрический стул! Он убивает людей без страданий.

— За гробом, утешал я людей, вас ждет блаженство вечное...

— Отец дает детям жизнь и пищу... человек стано-

вится таковым после того, как он стал отцом, а до этого времени — он только член семьи...

Череп, формой похожий на яйцо, с кусками мяса на лице, говорил через головы других:

— Я доказал, что искусство должно подчиняться комплексу мнений и взглядов, привычек и потребностей общества...

Другой скелет, сидя верхом на памятнике, изображавшем сломанное дерево, возражал:

— Свобода может существовать только как анархия!

-- Искусство — это приятное лекарство для души, усталой от жизни и труда...

— Это я утверждал, что жизнь есть труд! — доносились издали.

— Пусть книга будет красива, как те коробочки с пилюлями, которые дают в аптеках...

— Все люди должны работать, некоторые обязаны наблюдать за работой... ее трудами пользуется всякий предназначенный для этого достоинствами своими и услугами...

— Красиво и человеколюбиво должно быть искусство... Когда я устаю, оно поет мне песни отдыха...

— А я люблю, — заговорил Дьявол, — свободное искусство, которое не служит иному богу, кроме боинни красоты. Особенно люблю его, когда оно, как целомудренный юноша мечтая о бессмертной красоте, весь полный жажды насладиться ею, срывает пестрые одежды с тела жизни... и она является пред ним, как старая распутница, вся в морщинах и язвах на истрепанной коже. Безумный гнев, тоску о красоте и ненависть к стоячему болоту жизни — это я люблю в искусстве... Друзья хорошего поэта — женщина и черт...

С колокольной сорвался стонущий крик меди и поплыл над городом мертвых, невидимо и плавно качаясь во тьме, точно большая птица с прозрачными крыльями... Должно быть, сонный сторож неверной и вялой рукой лениво дернул веревку колокола. Медный звук плавился в воздухе и умирал. Но раньше чем погас его последний трепет, раздался новый резкий звук разбуженного коло-

кола ночи. Тихо колебался душный воздух, и сквозь печальный гул дрожащей меди просачивался шорох костей, шелест сухих голосов.

И снова я слышал скучные речи назойливой глупости, клейкие слова мертвой пошлости, нахальный говор горжущейся лжи, раздраженный ропот самомнения. Ожили все мысли, которыми живут люди в городах, но не было ни одной из тех, которыми они могут гордиться. Звенели все ржавые цепи, которыми окована душа жизни, но не вспыхнула ни одна из молний, гордо освещающих мрак души человека.

— Где же герои? — спросил я Дьявола

— Они — скромны, и могилы их забыты. При жизни душили их и на кладбище они задавлены мертвыми костями! — ответил он, качая крыльями, чтобы разогнать жирный запах гниения, окружавший нас темной тучей, в которой рылись, как черви, однотонные, серые голоса мертвецов.

Сапожник говорил, что он первый из всех людей своего цеха имеет право на благодарность потомства — это он изобрел сапоги с узкими носками. Ученый, описавший в своей книге тысячу разных пауков, утверждал, что он величайший ученый. Изобретатель искусственного молока раздраженно ныл, отталкивая от себя изобретателя скорострельной пушки, который упорно толковал всем вокруг пользу своей работы для мира. Тысячи тонких и влажных бичевек стягивали мозг, впиваясь в него как змеи. И все мертвые, о чем бы они ни говорили, говорили как строгие моралисты, как тюремщики жизни, влюбленные в свое дело.

— Довольно! — сказал Дьявол. — Мне надоело это. Мне надоело всё и на кладбищах мертвых, и в городах, кладбищах для живых... Вы, стражи истины! В могилы!..

Он крикнул железным голосом владыки, которому противна его власть.

Тогда пепельно-серая и желтая масса праха вдруг зашипела, закружилась и вскипела, как пыль под ударом вихря. Земля раскрыла тысячи темных пастей и, чмокая, лениво, как сытая свинья, снова проглотила извергнутую

пищу свою, чтобы пересваривать ее далее... Всё вдруг исчезло, камни пошатнулись и твердо встали вновь на свои места. Остался только душный запах, хватавший за горло тяжелой и влажной рукой.

Дьявол сел на одну из могил и, поставив локти на свои колена, обнял голову длинными пальцами черных рук. Его глаза неподвижно остановились в темной дали, в толпе камней и могил... Над головой его горели звезды, в посветлевшем небе тихо плавали медные звуки колокола и будили ночь.

— Ты видел? — сказал он мне. — На зыбкой, на ядовитой, на цепкой почве всей этой глупой плесени, нехитрой лжи и липкой пошлости — построено тесное и темное здание законов жизни, клетка, в которую вы все загнаны покойниками, как овцы... Лень и трусость думать скрепляет гибкими обручами вашу тюрьму. Истинные хозяева жизни вашей — всегда мертвецы, и хотя тобой правят живые люди, но вдохновляют их покойники. Источниками мудрости житейской являются могилы. Я говорю: ваш здравый смысл — цветок, вспоенный соками трупов. Быстро сгнивая в земле, покойник хочет вечно жить в душе живого человека. Тонкий и сухой прах мертвых мыслей свободно проникает в мозг живых, и вот почему ваши проповедники мудрости — всегда проповедники смерти духа!

Дьявол поднял голову свою, и зеленые глаза его остановились на моем лице двумя холодными звездами.

— Что проповедают на земле громче всего, что хотят утвердить на ней неизбежно? Раздробление жизни. Законность разнообразия положений для людей и необходимость единства душ для них. Квадратное однообразие всех душ, чтобы можно было удобно укладывать людей, как кирпичи, во все геометрические фигуры, удобные для нескольких владельцев жизни. Эта лицемерная проповедь примирения горького чувства поработченных с жестокостью и лживой волей ума поработителей — вызвана гнусным желанием умертвить творческий дух протеста, эта проповедь — только подлое стремление построить из камней лжи склеп для свободы духа...

Светало. И на небе, побледневшем в ожидании солнца, тихо меркли звезды. Но всё ярче разгорались глаза Дьявола.

— Что нужно проповедывать людям для жизни красивой и целостной? Однообразие положений для всех людей и различие всех душ. Тогда жизнь будет кустом цветов, объединенных на корне уважения всех к свободе каждого, тогда она будет костром, горящим на почве общего всем чувства дружбы и общего стремления подняться выше... Тогда будут бороться мысли, но люди останутся товарищами. Это невозможно? Это должно быть, потому что этого еще не было!

— Вот наступает день! — продолжал Дьявол, посмотрев на восток. — Но кому солнце принесет радость, если ночь спит в самом сердце человека? Людям нет времени воспринять солнце, большинство хочет только хлеба, одни заняты тем, чтобы дать его возможно меньше, другие одиноко ходят в суете жизни и всё ищут свободы, и не могут найти ее среди неустанной борьбы за хлеб. И в отчаянии, несчастные, озлобленные одиночеством, они начинают примирять непримиримое. И так тонут лучшие люди в тине грубой лжи, сначала искренно не замечая своей измены самим себе, затем сознательно изменяя своей вере, своим исканиям...

Он встал и мощно расправил крылья.

— Пойду и я по дороге моих ожиданий навстречу прекрасных возможностей...

И сопровождаемый унылым пением колокола. — умирающими звуками меди, — он полетел на запад.

* * *

Когда я рассказал этот сон одному американцу, более других похожему на человека, он сначала задумался, а потом воскликнул улыбаясь:

— А, понимаю! Дьявол был агентом фирмы кремационных печей! Конечно так! Всё, что он говорил — доказывает необходимость сжигать трупы... Но, знаете какой прекрасный агент! Чтобы служить своей фирме — он даже во сне является людям...

ПРЕКРАСНАЯ ФРАНЦИЯ

...Я долго ходил по улицам Парижа, прежде чем нашел ее. Все, кого я спрашивал — где она живет? — не могли ответить мне определенно

Один старик, должно быть шутя, но почему-то со вздохом — сказал мне, пожав плечами:

— Кто это знает? Когда-то она жила во всей Европе.

— В улице банкиров! — грубо сказал рабочий.

— Идите направо! — говорили другие.

Вокруг меня было шумно и немного неудобно. Всюду на площадях — пушки и солдаты, везде на улицах — рабочие. По обыкновению, принятому за последнее время во всех странах, солдаты стреляли вдоль улиц из ружей, конница, размахивая обнаженными саблями, наезжала на людей, рабочие бросали в солдат камнями. В душном воздухе седого города нервно дрожала злобная брань, разносились резкие слова команды. Кое-где мостовая была выпачкана кровью, люди с пробитыми черепами, сжимая в бессильной ярости свои кулаки, уходили домой, те, которые уже не могли идти, падали на мостовую, и полицейские гуманно тащили их прочь из-под ног лошадей и солдат. На панелях стояли зрители, перекидываясь замечаниями по поводу деталей этой обычной картины жизни христианского города...

Наконец кто-то сказал мне:

— Франция? Направо, у моста Александра III.

Полицейский участок, в котором она жила, представлял собою довольно старое здание, из поражавшее глаз ни роскошью, ни красотой. У двери, в которую я вошел, стояли два солдата в штанах, сшитых из красного знамени Свободы. Над дверью уцелели куски какой-то надписи, можно было прочитать только «Сво... ра... б... а...». Это напоминало о своре банкиров, опозоривших страну Беранже и Жорж Занд. Кругом носился запах плесени, гниения и разврата.

Сердце мое сильно билось. Ведь и я, как все революционеры, во дни моей юности любил эту женщину,

которая сама умела любить искренно и много и так красиво могла делать революции...

Любезно улыбаясь, какой-то человек, весь в черном, напоминая своими манерами маркиза из дорогих сутенеров, провел меня в небольшой полутемный склеп, где я мог любоваться изяществом стиля модерн современной Франции.

Стены этой комнаты были оклеены разноцветными бумагами русских займов, на полу лежали кожи туземцев из колоний, и на них была артистически вытиснена «Декларация прав человека». Мебель, сделанная из костей народа, погибшего на баррикадах Парижа в битвах за свободу Франции, была обита темной материей с вышитым по ней договором о союзе с русским царем. На стенах висели инкрустированные железом по живому мясу людей гербы европейских государств: бронированный кулак Германии, петля и нагайка России, нищенская сума Италии, Испанский герб — черная сутана католического попа и две его костлявые руки, жадно вцепившиеся в горло испанца. Тут же был и герб Франции — жирный желудок буржуа, с изжеванной фригийской шапкой внутри его...

Плафон на потолке изображал открытый рот короля Германии, его шестьдесят четыре зуба и грозные усы... На окнах висели тяжелые гардины. Было темно, как всегда бывает в гостиных женщин бальзаковского возраста, еще не потерявших надежды пленять мужчин. Густой смешанный запах фальшивой деликатности и духовного разврата кружил голову и стеснял дыхание.

Она вошла и сквозь ресницы взглянула на мою фигуру глазами знатока мужчин.

— Вы говорите по-французски? — спросила она, отвечая на мой поклон жестом актрисы, которая давно уже перестала играть роли королев.

— Нет, сударыня, я говорю только правду! — ответил я.

— Кому это нужно? — спросила она, пожимая плечами. — Кто это слышит? Правда — даже в красивых стихах — никому не приятна...

Подойдя к окну, она приоткрыла гардину и тотчас же отошла прочь.

— Они всё еще шумят там, на улице? — сказала она недовольно. — Вот дети! Чего им нужно? Не понимаю! У них есть республика и кабинет министров, какого нет нигде. Один министр был даже социалистом, — разве этого мало для счастья народа?

И капризно закинув голову назад, она добавила:

— Не правда ли?.. Впрочем вы пришли говорить...

Она подошла, села рядом со мной и, с фальшивой лаской взглянув в мои глаза, спросила:

— О чем мы будем говорить? О любви? О поэзии? Ах, мой Альфред Мюссэ!.. И мой Леконт-де-Лиль!.. Ростан!.. — Глаза ее закатились под лоб, но, встретив зубы немца над головой, она тотчас же опустила их.

Я не мешал ей красиво болтать о поэтах, молча ожидая момента, когда она заговорит о банкирах. Я смотрел на эту женщину, образ которой все рыцари мира еще недавно носили в сердцах. Ее лицо теперь было нездоровым лицом женщины, которая много любила. Его живые краски поблекли, стерлись под тысячами поцелуев. Искусно подведенные глаза беспокойно бегали с предмета на предмет, ресницы устало опускались, прикрывая опухшие веки. Морщины на висках и на щеках безмолвно говорили о бурях сердца, а зоб и толстый подбородок — об ожирении его. Она обрюзгла, растолстела, и было ясно, что этой женщине теперь гораздо ближе поэзия желудка, а не великая поэзия души, что грубый зов своей утробы она яснее слышит, чем голос духа правды и свободы, гремевший некогда из уст ее по всей земле. От прежней грации и силы ее движений осталась только привычная развязность бойкой бабы, торговки на всемирном рынке. И обаяние великой героини на поле битв за счастье людей она теперь противно заменяла кокетством старой дамы — героини бесчисленных амурных приключений.

Она была одета в тяжелое, темное платье, украшенное кружевами, которые напоминали мне об окиси на

статуе Свободы в Нью-Йорке и о клочках симпатий, разорванных изменой Духу Правды.

Ее голос звучал устало, и мне казалось, что говорит она только для того, чтобы позабыть о чем-то важном, честном, что иногда еще колет острую иглой воспоминаний ее холодное, изношенное сердце, в котором ныне нет больше места для бескорыстных чувств.

Я смотрел на нее и молчал, с трудом удерживая в горле тоскливый крик безумной муки при виде этой жалкой агонии духа.

Я думал:

— Да разве это Франция? Та героиня мира, которую мое воображение всегда рисовало мне одетой в пламя ярких мыслей, великих слов о равенстве, о братстве, о свободе?

— Вы не веселый собеседник! — сказала она мне и утомленно улыбнулась.

— Сударыня! — ответил я. — Всем честным русским людям теперь невесело в гостях у Франции.

— Но — почему же? — фальшиво улыбаясь и удивленно подняв ресницы, спросила она. — В моем Париже все веселятся... все и всегда!

— Я это видел сейчас на улицах... так веселятся и у нас в России. Кровавая игра солдат с народом — любимый спорт царя России — вашего друга...

— Вы мрачный человек! — заметила она с гримасой. — Когда народы требуют всего, что имеет король, — король не должен им отдать и то, что может... Так рассуждали короли всегда — почему они будут думать иначе теперь? Нужно проще относиться к жизни. Вы не старик еще — к чему уныние? Когда человек способен любить — жизнь прекрасна. Конечно, Николай II, он... как это сказать? Он очень поддается влиянию дурных людей, но — право, это добрый малый... Ведь вот он дал же вам свободу?..

— Мы взяли у него ее ценою тысяч жизней... И даже после того, как она была вырвана из его рук — он требует в уплату за нее еще и еще крови. Он хочет, чтобы мы отдали назад эту милостыню, которую он по-

дал под угрозой... И вот теперь вы дали ему денег, чтобы он отнял ее...

— Ах, нет! — возразила она. — Он не отнимет, поверьте мне!.. Он ведь — рыцарь и умеет держать слово. Я это знаю...

— Вы понимаете, что дали деньги на убийства? — спросил я.

Она откинула голову в тень, так, чтобы не было видно лица ее. Потом спокойно сказала:

— Я не могла не дать. Он, этот Николай, единственный, кто может мне помочь, когда вот этот рот захочет откусить мою голову.

Улыбаясь, она указала на потолок, где декоративно блестели зубы немца.

— Эта жадная пасть, говоря правду, немножко развращает меня. Но — что же делать? И, наконец, в разврате не всё противно...

— Вам не противно опираться на эту руку, всегда по плечу покрытую кровью народа?

— Но — если нет другой руки? Ведь трудно найти руки короля, чистые от крови народа. Сегодня они таковы — а что будет завтра? Я женщина, мне нужен друг. Республика и азиатский деспот, дружески идущие рядом по земле... конечно, это не красиво, хотя — оригинально, не так ли? Но вы не понимаете политики, как все поэты... и революционеры... Где политика, там уже нет красоты... Там только желудок и ум, который послушно работает для желудка...

— А вам не кажется, что золотом, которое вы дали этому царю, вы задавили честную славу Франции?

Она посмотрела на меня широко открытыми глазами, усмехнулась и облизнула накрашенные губы кончиком острого языка.

— Вы только поэт! Это — старо, мой друг! Мы живем в суровое время, когда хотя и можно писать стихи, но быть во всём поэтом — по меньшей мере непрактично!

И она засмеялась смехом превосходства.

— Мои Шейлоки сделали, мне кажется, порядочное дело! Они содрали с вашего царя процент, который равен трети его кожи!

— Но ведь, чтобы уплатить такой процент, царь должен будет содрать с народа всю кожу!

— Конечно... то есть вероятно! Но как же иначе? — спросила она, пожав плечами. — Правительства делают политику, народы платят за это своим трудом и кровью — так было всегда! К тому же я — республика и не могу мешать моим банкирам делать то, что им нравится. Только одни социалисты не в состоянии понять, что это нормально. И всё так просто... Зачем портить себе кровь, восставая против здравого смысла? Мои Шейлоки дали много и должны дать еще, чтобы получить обратно хоть что-нибудь... В сущности, они в опасном положении... если победит... не царь...

Она побоялась сказать то слово, которое сделало ее славу...

— Они могут остаться нищими... И даже если он победит... я думаю, они не скоро получат свои проценты... А ведь они — мои дети, — не правда ли? Богатые люди — самые твердые камни в здании государства... Они его фундамент. Поэты — это орнамент, маленькие украшения фасада... и можно обойтись без них... Они ведь не увеличивают прочность постройки... Народ только почва, на которой стоит дом, революционеры — просто сумасшедшие... и — продолжая сравнения — можно сказать, что армия — свора собак, охраняющих имущество и покой жильцов дома...

— А в нем живут Шейлоки? — спросил я.

— Они и все другие люди, которые считают помещение удобным для себя. Но бросим это! Когда политика невыгодна — она скучна!

Я встал и молча поклонился.

— Уходите? — безразлично спросила она.

— Мне нечего здесь делать! — сказал я и ушел от этой сводни царя с банкирами.

Я не увидел той, которую желал увидеть, я видел только трусливую, циничную кокотку, которая за деньги, неискренно и хладнокровно, отдается ворами и палачам.

Я шел по улицам великого Парижа, который в этот день наемные солдаты — собаки старой жадной бабы — держали в плену своих штыков и пушек, я видел, как французы, за углами улиц, подобно верным псам правды и свободы, молча считали силы своих врагов, готовые омыть своей кровью постыдную грязь с лица республики... Я чувствовал, что в их сердцах рождается, растет и крепнет дух старой Франции, великой матери Вольтера и Гюго, дух Франции, посеявшей цветы свободы всюду, куда достигли крики ее детей — поэтов и борцов.

Я шел по улицам Парижа, и сердце мое пело гимн Франции, с которой я беседовал в темном склепе.

Кто не любил тебя всем сердцем на утре дней своих?

В годы юности, когда душа человека преклоняет колена перед богинями Красоты и Свободы, — светлым храмом этих богинь сердцу казалась лишь ты, о великая Франция!

Франция! это милое слово звучало для всех, кто честен и смел, как родное имя страстно любимой невесты. Сколько великих дней в прошлом твоём! Твои битвы лучшие праздники народов, и страдания твои — великие уроки для них.

Сколько красоты и силы было в твоих поисках справедливости, сколько честной крови пролито тобой в битвах ради торжества свободы! Неужели навсегда иссякла эта кровь?

Франция! Ты была колокольной мира, с высоты которой по всей земле разнеслись однажды три удара колокола справедливости, раздались три крика, разбудившие вековой сон народов — Свобода, Равенство, Братство!

Твой сын Вольтер, человек с лицом дьявола, всю жизнь, как титан, боролся с пошлостью. Крепок был яд его мудрого смеха! Даже попы, которые сожрали тысячи книг, не портя своего желудка, отравлялись на смерть одной страницей Вольтера, даже королей, защитников лжи, он заставлял уважать правду. Велика была сила и смелость его ударов по лицу лжи. Франция! Ты

должна пожалеть, что его уже нет, — он теперь дал бы тебе пощечину! Не обижайся! Пощечина такого великого сына, как он, — это честь для такой продажной матери, как ты...

Твой сын Гюго — один из крупнейших алмазов венца твоей славы. Трибун и поэт, он гремел над миром подобно урагану, возбуждая к жизни всё, что есть прекрасного в душе человека. Он всюду создавал героев и создавал их своими книгами не менее, чем ты сама, за всё то время, когда ты, Франция, шла впереди народов со знаменем свободы в руке, с веселой улыбкой на прекрасном лице, с надеждой на победу правды и добра в честных глазах. Он учил всех людей любить жизнь, красоту, правду и Францию. Хорошо для тебя, что он мертв теперь — живой, он не простил бы подлости даже Франции, которую любил как юноша, даже тогда, когда его волосы стали белыми...

Флобер — жрец красоты, эллин XIX века, научивший писателей всех стран уважать силу пера, понимать красоту его, он, волшебник слова, объективный как солнце, освещавший грязь улицы и дорогие кружева одинаково ярким светом, — даже Флобер, для которого правда была в красоте и красота в правде, не простил бы тебе твоей жадности, отвернулся бы от тебя с презрением!

И все лучшие дети твои — не с тобой. Со стыдом за тебя, содержанка банкиров, опустили они честные глаза свои, чтобы не видеть жирного лица твоего. Ты стала противной торговкой. Те, которые учились у тебя умирать за честь и свободу — теперь не поймут тебя и с болью в душе отвернутся от тебя.

Франция! Жадность к золоту опозорила тебя, связь с банкирами развратила честную душу твою, залила грязью и пошлостью огонь ее.

И вот ты, мать Свободы, ты, Жанна д'Арк, дала силу животным для того, чтобы они еще раз попытались раздавить людей.

Великая Франция, когда-то бывшая культурным вождем мира, понимаешь ли ты всю гнусность своего деяния?

Твоя продажная рука на время закрыла путь к свободе и культуре для целой страны. И если даже это время будет только одним днем — твое преступление не танет от этого меньше. Но ты остановила движение к свободе не на один день. Твоим золотом — прольется снова кровь русского народа.

Пусть эта кровь окрасит в красный цвет вечного стыда истасканные щеки твоего лживого лица.

Возлюбленная моя!

Прими и мой плевок крови и желчи в глаза твои!

Нью-Йорк.

май 1906 г.

ПУБЛИЦИСТИКА

**ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО Г. Г. Ж. РИШАР, ЖЮЛЬ КЛАРТИ,
РЕНЭ ВИВИАНИ И ДРУГИМ ЖУРНАЛИСТАМ ФРАНЦИИ**

Милостивые Государи!

Я познакомился с гейзерами красноречия, которые вызвала из ваших чернильниц моя статья о займе, данном правительством и финансистами Франции Николаю Романову на устройство в России кровавых экзекуций, военно-полевых судов и всевозможных зверств, я познакомился с вашими возражениями мне и — не поздравляю вас!

Союз с так называемым русским правительством идет вам в пользу: вы стали обращаться с логикой, правдой и благородным французским языком — точно казаки с женщинами. Насилие, как видите, еще потому гнусно, что оно развращает даже посторонних и равнодушных зрителей его, что и случилось с вами.

Я никогда не отвечаю на личные выходки против меня, и, чем они грубее, тем скорее забываешь их, но, господа, вы обвиняете меня в неблагодарности — и я должен объясниться.

Вы говорите: «мы встали на защиту Горького, когда он сидел в тюрьме, а он...»

Позволю себе дать вам добрый совет: если однажды, по неосторожности или по иной причине вы дали свободу своим человеческим чувствам, — не хвастайтесь этим! Не хорошо...

— Я был добр к тебе — ты должен за это заплатить мне благодарностью! — вот что звучит в ваших словах. Но я не чувствую благодарности и доброту вашу считаю недоразумением.

Я не мученик и не страдалец, каким вы меня усердно изображали, я просто человек, который уверенно делает свое небольшое дело, находит в работе полное удовлетворение, а, если меня за это иногда не надолго сажали в тюрьму, — я там отдыхал от естественной усталости, не ощущая особенных неудобств, не говоря уже о страданиях.

С точки зрения здравого смысла вам, господа, следует желать, чтобы я в тюрьме сидел возможно чаще и дольше, а когда вы протестуете против этого, — меня такое поведение, — извините, — смешит.

Ибо мы — враги и — непримиримые, я уверен. Честный писатель всегда — враг общества и еще больший враг тех, кто защищает и оправдывает жадность и зависть, эти основные устои современной общественной организации.

Затем, вы говорите еще: «Мы любим Горького, а он...»

Господа! Искренно говорю вам: мне, социалисту, глубоко оскорбительна любовь буржуа!

Надеюсь, что эти строки вполне точно и навсегда определяют наши взаимные отношения.

М. Горький

из „ХРОНИКИ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ“

«Белую опасность» начинает сознавать не только Китай, но вся Азия, — посмотрите, как быстро растет движение индусов к национальной свободе и против жестокой опеки Англии.

Взаимоотношения индусов и англичан очень определенно рисует журнал «Индусский социолог», издаваемый в Париже националистом Кришнаввармой, человеком, которого индусы любят сравнивать с Мадзини

и предрекают ему будущность Гарибальди. В одном из последних номеров журнала Кришнавармы приведена речь вице-короля Индии лорда Гардинджа.

«Я верю, — говорил Гардиндж, — что народ Индии абсолютно законен в сердце своем. В течение девяти дней, проведенных Их Величествами в нашей среде, энтузиазм возрастал с каждым днем и достиг своего апогея, величественного и великолепного. Я бывал во многих столицах, но никогда мне не приходилось быть свидетелем такого восторга, как в Калькутте. Я чувствую, что королевский визит внес новый дух надежды и доверия в мнении народа Калькутты и всего Бенгала, и что это принесет свои богатые плоды. Это уже разогнало тучи и подозрения, затмевавшие горизонт в последние годы».

А Кришнаварма вслед за оптимистической речью помещает телеграмму своего корреспондента из Калькутты, где была произнесена речь:

«Во время визита вице-короля в Дакку были приняты величайшие предосторожности на прошлой неделе (Дакка находится в 150 милях к северо-востоку от Калькутты). Никто не имел права покинуть свой дом без печатного на то от властей разрешения, за два часа до проезда вице-короля».

«Дух доверия», подкрепляемый полицейскими мерами, — скверный дух, что даже в России известно!

«Англия, — восклицает Кришнаварма, — уже более двухсот лет, ты играешь на земле роль древнего Рима, поглощая людей, — будь уверена, что тебя и ждет судьба древнего Рима».

Всё чаще и чаще раздаются в Индии голоса, убедительно пропагандирующие, что пришла пора, когда индусам необходимо взять в свои руки социальное и политическое творчество и что английский режим отжил на берегах Ганга.

Каков этот режим, о том свидетельствует гонение, воздвигнутое правительством Индии против националиста Саваркара: как известно, суд над ним был тайный, сведения о процессе запрещено было публиковать, его приговорили на 48 лет тюремного заключения — до

1960 г.; ему разрешено писать жене своей только однажды в год.

Все эти нелепости до такой степени компрометируют традиционное представление о широте английской свободы в духе терпимости в Англии, что невольно вспоминается русский «случай» — история Н. Г. Чернышевского.

Во время коронования Георга магараджа Дурбара Гевкар Барода вел себя независимо, и этого было достаточно, чтоб английская консервативная пресса обвинила его в партикуляризме, демагогии и т. п. ужасах, а влиятельный «Daily Express» написал:

«Государство Бароды давно уже подозревалось индийским правительством как убежище бунтарей и возмутителей. Сам Гевкар во время своих частных посещений Европы не однажды входил в тесные сношения с революционером Кришнавармой. «Daily Telegraph» пошел далее, требуя смещения Гевкара; испуганный магараджа принужден был телеграфировать в «Times», что он не встречался с Кришнавармой с той поры, как тот покинул Англию в 1907 году».

Таковы «политические» взаимоотношения индусов и англичан. Поездка почтенного социалиста Кэйр-Гарди только подлила масла в огонь, разоблачив ужасное положение индусов и грубый гнет англичан. Само собой разумеется, что в Англии, не считая социалистов, есть не мало людей, которые находят необходимой автономию Индии, голоса их звучат всё слышнее, громче, и есть надежда, что индийское правительство достаточно умно для того, чтобы уступить, когда оно видит, что это необходимо в интересах государства.

Но пока индусы организуются к борьбе за свободу, среди них под влиянием условий, созданных английским капитализмом развивается процесс вымирания. Так как в Индии на фабриках шелка, ковров и на табачных плантациях заняты преимущественно женщины, — их и убивает капитализм в огромном количестве и действительно в «цвете лет». Только что законченная правительством перепись народонаселения Индии обнаружила процесс этот с ужасающей ясностью.

Статистикой установлено, что в детстве и старости число женщин почти нормально, т. е. одинаково с количеством мужчин, а в среднем возрасте оно довольно низко падает. В Восточной Индии в возрасте до пяти лет, на число 43 миллиона — девочек больше, чем мальчиков на 690 т., но в возрасте от 10 до 12 лет мальчиков 18 500 000, а девочек только 15 200 000!

В Пенджабе, одной из крупнейших провинций 10 марта 1910 г. — день производства переписи — было 13 314 917 мужчин и только 10 872 765 женщин, из чего следует, что каждый пятый мужчина должен оставаться холостым — истинное разрушение народа!

Мистер Гэта, председатель статистической комиссии, пришел к такому выводу: «соотношение полов при рождении не слишком разнится от такового же в Европе, но последующие условия в высшей степени неблагоприятны для женщин, живущих физическим трудом, и это обстоятельство является большой социальной опасностью для страны».

То же явление вызвано капитализмом и в Америке: территориальные, т. е. прикрепленные к земле — индейцы штатов Мен, Индиана, Огайо и др. быстро вымирают, не обнаруживая никакой склонности к американской культуре; вымирают и экстерриториальные племена, будучи принуждены откочевать на суровый север — в Саскачеван, Землю принца Уэльского и Аляску.

Но правительство Штатов давно уже махнуло на них рукою, потеряв всякую надежду «приобщить дикарей к благам культуры» — теперь его занимает «черный вопрос».

В 1850 г. на общее число граждан Соединенных Штатов в 23 миллиона, негров было около 4 миллионов. в 1910 — на 92 миллиона населения штатов — черных только 10 миллионов. Нужно принять во внимание, что за шестьдесят лет в Америку было привезено и самостоятельно приехало после войны Севера с Югом более десяти миллионов. Исследователь «черного вопроса» д-р Стэльсель пишет:

«Только негр был привезен в Америку против своей воли. В течение 250 лет черных систематически ввозили в Америку, отбирая для этой цели лучших людей по их физическим качествам».

«Лучшие люди» вымирают от туберкулеза, вызываемого безобразными условиями труда в нечеловеческой интенсивности его. А кроме того — от презрения «белых». Негры принуждены жить, — говорит Стэльсель — в самых плохих квартирах наших огромных городов, часто лишенных канализации, водопроводов и примитивных санитарных условий, вне наличности которых я, белый, ни за что не стану жить. Мы сами же вносим в негритянские кварталы самые отвратительные формы безнравственности, физического разврата и неряшливости моральной. Мы цинично заявляем, что «негр никуда не годен», забывая, что в первоначальной школе до 50% преподавателей — черные».

«Довольно расовой и национальной нетерпимости», — восклицает устыдившийся американец.

Да, пора уже крикнуть это «довольно», ибо и для «желтых» и для «черных» становится слишком очевидна белая опасность. Они видят столь дорого оплаченную нами культуру только с отрицательных сторон, а ее глубокий, внутренний смысл скрыт от них, они имеют законное право не только сомневаться в творческих силах культуры, имеющей целью своей объединить человечество, но и отрицать ее, как бремя, угнетающее их.

(1912)

„ГОСУДАРСТВА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ПЕРЕД ВОЙНОЮ“

(Типовая программа для брошюр).

«Основная задача этих брошюр диктуется логикой истории в такой форме: «... Создателем условий, влияние которых сделало катастрофу (войну) неустранимой и неизбежной, является современный интернациональный капитализм — оба типа его, промышленный и финансовый. Основная и скрытая цель войны — стремление к

захвату и разделу материков Азии и Африки. Это стремление создано алчностью финансового капитала, который, развиваясь на основе промышленного, понуждает его к производству наиболее дорогих и выгодных товаров, необходимых технике войны: взрывчатых веществ, снарядов, оружия и т. д., а также к производству предметов техники, железнодорожного строительства в неизмеримых пространствах Азии и Африки. Колониальная политика имеет в виду не столько новые рынки, сколько необходимость создания таковых... Следует составить обвинительный акт против капитализма, как возбудителя катастрофы, переживаемой миром, и указать, что анархическая деятельность капитала не может не хранить в себе зародышей подобных катастроф».

О МУЗЫКЕ ТОЛСТЫХ¹

Ночь. А всё-таки неловко назвать ночным это удивительное небо юга Италии. Этот воздух, насыщенный голубым светом и душистым теплом ласковой земли. Свет исходит как будто не от солнца, отраженного золотом луны, а от этой неутомимо плодородной земли, трудолюбиво, искусно обработанной руками людей. Светом бесшумно дышит среброкованная листва олив, каменная кладка стен по скатам гор; эти стены предупреждают оползни, образуют по горам плоскости, на которых посеян хлеб, посажены бобы, картофель и капуста, разбиты виноградники и рощи апельсиновых, лимонных деревьев. Сколько затрачено здесь упорного труда. Оранжевые и желтые плоды тоже светятся сквозь прозрачный, серебристый туман, придавая земле странное сходство с небом, цветущим звездами. Можно думать, что земля заботливо украшена работниками ее для великого праздника, что они, отдохнув в эту ночь, завтра с восходом солнца «возрадуются и возвеселятся».

Совершенно непоколебимая тишина. Всё на земле так

¹ Печатается с небольшими сокращениями (Примеч. редакции):

неподвижно, что кажется вырезанным на ней рукою искуснейшего художника, отлитым из бронзы и голубоватого серебра. Совершенство покоя и красоты внушает торжественные мысли о неисчерпаемой силе труда, создающего все чудеса в нашем мире, внушает уверенность в том, что эта победоносная сила заставит со временем и землю далекого Севера работать на человека двенадцать месяцев в году, выдрессирует ее, как дрессируют животных. Радостно — и уж «пропустите мне слово!» — как говорят французы — молитвенно думаешь о великом чудотворце-человеке, о прекрасном будущем, которое он готовит своим детям.

В памяти встают фигуры и лица работников науки... вспоминается, как Д. И. Прянишников рассказывал о залежах калийных солей в верховьях Камы; встают перед глазами все, кого удалось видеть: великий человек И. П. Павлов; Резерфорд в его лаборатории в Монреале в 1906 г.; один за другим встают десятки русских творцов науки, вспоминаются их книги, и возникает картина изумительно плодотворной, всё более активной деятельности научных работников мира. Мы живем в эпоху, когда расстояние от самых безумных фантазий до совершенно реальной действительности сокращается с невероятной быстротой.

* * *

Недавно один из наших краеведов, тов. Андрей Бахарев из Козлова, напомнил мне письмом о двух чудотворцах — о Лютере Бербанке американце-самоучке, и о нашем гениальном Иване Владимировиче Мичурине. Я разрешу себе опубликовать часть письма т. Бахарева, надеясь, что он не посетует на меня за это.

«Лютер Бербанк открыл, как известно, ряд тайн в междувидовой гибридизации плодовых растений, в результате чего получил не только изумительные, но прямо чудовищные сорта растений, по своей продуктивности, приспособляемости, вкусовым качествам, неподвергаемости вредителям и болезням, чем обогатил весь материк Южной Америки. Достаточно указать на его съе-

добные, потерявшие свои колючки «кактусы», на орехи, твердокаменная скорлупа которых превращена Бербанком в тонкую, как лист, оболочку, чтобы представить себе этого великана плодородства».

«У нас в СССР, под городом Козловом, Тамбовской губернии, на тощей почве вечного наноса, утопая в зелени дико растущих ветел, тополей и кленов раскинулся крохотный по площади, но еще более изумительный питомник гибридизатора-оргинатора Ивана Владимировича Мичурина.

Лютер Бербанк работал для благодатного климата субтропической Калифорнии, Мичурин — для сурового климата средней полосы России.

Лютер Бербанк создал много новых сортов плодовых растений, идущих на потребление богатых, Мичурин создал свыше 100 сортов плодовых деревьев, среди которых есть груши, поспевающие только под «рождество» (в подвалах, в ящиках) и хранящиеся в самых примитивных условиях до апреля.

Затем в суровой Тамбовщине у Мичурина растут и великолепно плодоносят абрикосы, виноград (4 сорта), миндаль, грецкий орех, тутовое дерево, масляничная роза, айва, рис, кенаф и пр. и пр. Всё это для трудящихся, всё это для нашей деревни, для малоопытного, с ограниченными познаниями крестьянина-садовода.

Лютер Бербанк холил своих питомцев, Мичурин воспитывал их в спартанских условиях, с тем, чтобы его сорт мог быть брошен в любые условия и дал бы нужный экономический эффект.

Лютер Бербанк, когда начинал работать, был беден, но с тех пор, как стал творцом, располагал пышными условиями американской культуры. Мичурин, принимая во внимание печальные условия былой русской действительности, жил в бедности, граничащей с нищетой. В долгую жизнь, полную борьбы, тревог, неудач и разочарований, поражений и побед, Мичурин всё же создал то, что может обогатить не только среднюю полосу России, но и умеренный пояс земного шара. Иначе говоря, Мичурин переносит юг на север.

Лютер Бербанк и Иван Владимирович Мичурин — два противоположные полюса садоводства, но в облике их много общего.

Оба приступили к творчеству в ранней юности, оба были бедны, оба великие мыслители, художники и изобретатели. Оба сделали величайшие открытия в области растениеводства.

В частности, Мичурину принадлежит грандиознейшее открытие в деле применения в плодоводстве таких методов, при помощи которых в недалеком будущем, весьма вероятно, человек будет создавать уже не только новые сорта, но и новые виды плодовых растений, полнее соответствующих потребностям его жизни и лучше приспособляющихся к неминуемым изменениям климатических условий.

Мичурин состоит почетным членом Ассоциации натуралистов при Главнауке НКП и пр., и пр.

Мичурин — глубокий старец. Ему 72 года, но он еще творит, он продолжает еще срывать один за другим покровы тайн растительного мира».

* * *

Тишина этой ночи, помогая разуму отдохнуть от разнообразных, хотя и ничтожных огорчений рабочего дня, как бы нашептывает сердцу торжественную музыку всемирного труда великих и маленьких людей, прекрасную песню новой истории — прекрасную песнь, которую начал так смело трудовой народ моей родины.

Но вдруг в чуткую тишину начинает сухо стучать какой-то идиотский молоточек — раз, два, три, десять, двадцать ударов, и вслед за ними, точно кусок грязи в чистейшую прозрачную воду, падает дикий визг, свист, грохот, вой, рев, треск; врываются нечеловеческие голоса, напоминая лошадиное ржание, раздаются хрюканье медной свиньи, вопли ослов, любовное кваканье огромной лягушки; весь этот оскорбительный хаос бешеных звуков подчиняется ритму едва уловимому, и, послушав эти вопли минуту, две, начинаешь невольно воображать, что это играет оркестр безумных; они сошли с ума на

сексуальной почве, а дирижирует ими какой-то человек-жеребец, размахивая огромным фаллосом.

Это — радио, одно из величайших открытий науки, одна из тайн, вырванная ею у притворно безгласной природы. Это радио в соседнем отеле утешает мир толстых людей, мир хищников, сообщая им по воздуху новый фокстрот в исполнении оркестра негров. Это — музыка для толстых. Под ее ритм во всех великолепных кабаках «культурных» стран толстые люди, цинически двигая бедрами, грязнят, симулируют акт оплодотворения мужчиной женщины.

Издравле великие поэты всех народов, всех эпох вдохновенно тратили творческие силы свои на то, чтобы облагородить этот акт, украсить его достойно человека, чтобы не равнялся в этом человек с козлом, быком, боровом. Созданы сотни и тысячи прекрасных поэм, воспевающих любовь. Это чувство играло роль возбудителя творческих сил мужчины и женщины. Силою любви человек стал существом неизмеримо более социальным, чем самые умные животные. Поэзия земного, здорового, активного романтизма в отношении полов имела огромное социально-воспитательное значение.

«Любовь и голод правят миром» — сказал Шиллер. В основе культуры — любовь, в основе цивилизации — голод.

Пришел толстый хищник, паразит, живущий чужим грудом, получеловек с лозунгом: «После меня — хоть потоп», — пришел и жирными ногами топчет всё, что создано из самой тонкой нервной ткани великих художников, просветителей трудового народа.

Ему, толстому, женщина не нужна как друг и человек, она для него — только забава, если она не такая же хищница, как сам он. Не нужна ему женщина и как мать, потому что, хотя он и любит власть, но дети уже стесняют его. Да и власть нужна ему как бы лишь для фокстрота, а фокстрот стал необходим потому, что толстый — уже плохой самец. Любовь для него — распутство и становится всё более развратом воображения, а не буйством распущенной плоти, чем была раньше.

В мире толстых эпидемически разрастается «однополая» любовь. «Эволюция», которую переживают толстые, есть вырождение.

Это — эволюция от красоты менуэта и живой страстности вальса к цинизму фокстрота с судорогами чарльстона, от Моцарта и Бетховена к джаз-банду негров, которые наверно тайно смеются, видя, как белые их владыки эволюционируют к дикарям, от которых негры Америки ушли и уходят всё дальше.

Погибает культура! — вопят защитники власти толстых над рабочим миром. — Пролетариат грозит погубить культуру! — вопят они и лгут, потому что не могут не видеть, как всемирное стадо толстых людей вытаптывает культуру, не могут не понимать, что пролетариат — единственная сила, способная спасти культуру и углубить и расширить ее.

Нечеловеческий бас ревет английские слова, оглушает какая-то дикая труба, напоминая крики обездоленного верблюда, грохочет барабан, верещит скверненькая дудочка, раздирая уши крикает и гнусаво гудит саксофон. Раскачивая жирные бедра, шаркают и топают тысячи, десятки тысяч жирных ног.

Наконец, музыка для толстых разрешается оглушительным грохотом, как будто с небес на землю бросили ящик посуды. Снова светлая тишина, и мысли возвращаются домой, откуда селькор Василий Кучерявенко пишет мне:

«Раньше в нашем хуторе Россошинском на триста дворов была одна только школа, а теперь имеются три, кооперация, три красных уголка, клуб, изба-читальня, библиотека, ячейка партии и комсомола, отряд ЮП, кружки: сельскохозяйственный, селькоровский, имеется своя стенная газета, выписывается много журналов, газет, книг. Вечером клуб полон, начиная от седобородых стариков и кончая краснопегими пионерами. Крестьяне с охотой покупают заем, даже маленькие ученики и те. У нас недавно умерла 72-летняя старуха, которая еще при жизни говорила: «записалась бы в комсомолки, да только беда, что стара. И почему это всё так поздно»

стало». А перед смертью говорила, что хоронить ее по-советски, со знаменами. Эта бабушка за несколько верст регулярно посещала собрания сельсовета, клуб, читальню и была как девка.

Недавно американский журнал «Азия» написал про нас насчет этого самого статью с фотографиями».

Замечательно курьезна эта смешная бабушка. Разумеется, одна бабушка культуры не делает, но сколько знаю я таких — скажем, забавных случаев «омоложения» древнего деревенского человека, и все они говорят об одном: молодеет русский народ. Очень хорошо работать и жить в наше время.

(1928 г.)

ПРОТЕСТ ПРОТИВ СУДА НАД И. БЕХЕРОМ

Талантливых людей сейчас очень немного. Европа XIX столетия производит их скупое. Иоганнес Бехер — прежде всего талантливый человек. Я не могу судить о красоте и силе его стихов, но думаю, что они не уступают его прозе. «Люизит» (Единственная справедливая война) Бехера — превосходное произведение художника, вдохновленного любовью и ненавистью.

Иоганесса Бехера ждет наказание за то, что он страстно любит и страстно ненавидит.

Его будут судить люди, молящиеся Христу, которого убили за то, что он любил и ненавидел.

На мой взгляд, стало быть, на взгляд атеиста, тут маленькое противоречие, господи христиане. Но противоречия — дело настолько обычное у вас, что вы, наверное, не обратите на это особого внимания. Во время суда над Бехером вы будете руководствоваться чувством личной мести по отношению к человеку, дерзнувшему честно, бесстрашно и талантливо показать вам правду.

Я знаю, что европейская буржуазия несколько негнущается своих преступлений. Что может устроить ее после того, как она принесла в жертву миллионы людей на полях Франции?

Бехер потрясающе-хорошо изобразил в своем «Люизите», как лучшие силы рабочих масс заживо сгорают в облаках ядовитого газа единственно для того, чтобы могли появиться на свете военные спекулянты Раффке и другие чудовища. Четыре года гнуснейшей бойни привели к тому, что часть победителей надолго обескровлена, а побежденные вконец разграблены. Выиграл на этом только Третий, всё более глупеющий от гордости, потому что он уверен, что он умней и сильнее, чем все остальные. Все — тайно или открыто — стремятся к новой бойне, которая обещает быть еще бессмысленней и глупее прежней.

Один из «героев» «Люизита», Брац, с замечательным цинизмом заявляет:

«Война — необходимый фактор для развития культуры, наивысшая сила и проявление жизненности наших культурных народов».

Вот это действительно чудовище, которому место в тюрьме. Вот кого надо предать суду!

Если Иоганнес Бехер будет осужден, это будет равносильно оправданию авантюристов и проходимцев типа Браца.

Мне кажется, буржуазии давно уже следовало бы понять, что такие «меры самозащиты», как суд над Бехером, как убийство Сакко и Ванцетти после семи лет мучений, не спасут ее от неотвратимой гибели, а только усилят ненависть к ней и приблизят, таким образом, ее падение.

Буржуазия уже ничего не может предложить. У нее уже нет тех средств, которые позволяли ей прежде держать в цепях рабочие массы. У нее больше нет никакой религии, никакой идеологии, которая могла бы оправдать ее преступления.

Единственным основанием, благодаря которому она еще держится, является бессовестная эксплуатация научных сил, обогащающих ее промышленность и технику.

Но и это, конечно, не надолго: люди науки отличаются большей проницательностью, чем остальные, и им, конечно, скоро станет ясно, что, работая на па-

разитов и «шиберов», они работают не для «культуры», а в ущерб народу и собственным интересам.

Я призываю всех честных людей протестовать против суда над Иоганнесом Бехером, виновным единственно в том, что он честен и талантлив.

(1928)

О БЕСЧЕЛОВЕЧИИ

О том, до чего бесчеловечна христианско-буржуазная «культура», красноречиво и неоспоримо говорит признание буржуазией неустрашимости войн, признание неизбежности массового истребления людей как «закона жизни».

Есть умники, которые утверждают, что война будто бы воспитывает в человеке бесстрашие, волю и еще какие-то ценные качества. Мы знаем, что организованная буржуазией отвратительная бойня 1914—1918 гг. истребила несколько десятков миллионов рабочих и крестьян и на крови избитых воспитала несколько тысяч бесстыднейших паразитов и хищников: «шиберов», «нуворишей», «акул».

Утверждение, что «война родит героев», воспитывает бесстрашных, говорит лишь о том, что буржуазные философы и моралисты не видят разницы между бесстрашием и бесстыдством, бесчеловечием.

Наше время совершенно явно обнаруживает, что бои между буржуазными государствами, помимо прямой своей цели — ограбить экономически обессиленного врага, действительно создают «бесстрашных» людей — защитников беззаконий, бесчеловечной власти в «мирное время». Мы видим этих людей в организациях фашистских, как, например, «Стальной шлем» немцев и подобные же в других государствах.

Известно, что «мирное время» всё более определенно принимает характер непрерывной и ожесточенной войны хозяев против рабочих.

Кроме того, морально разлагаясь, буржуазия воспитывает всё большее количество воров, мошенников, бан-

дитов. Банкир родит бандита — вот что рассказывает нам современная «книга бытия», и это неоспоримо.

Рост преступности в буржуазных государствах требует всё большего увеличения штатов полиции, куда требуются именно «бесстрашные» люди, способные не только избивать и убивать рабочих, но и сражаться с разбойниками. В Берлине организованы специальные «команды нападения» для защиты обывателей от бандитов. С. Ш. Америки страхуют обывателя от мошенничеств и грабежей. В 13-м году эти страховые общества уплатили премии ограбленным 2 миллиона долларов, в 20-м — четыре с половиной, в 27-м — около семнадцати миллионов. Чикаго, огромный, богатый город, находится вполне во власти бандитских организаций; о росте преступности говорил президент Гувер в сенате. Разумеется, не только одна Америка так усердно фабрикует преступников против жизни, а, главное, против «священной собственности» мещан. Европа не отстает от нее в этом прогрессе. «Бесстрашные» люди крайне необходимы буржуазии.

Надо ли напоминать о том, что война выгодна для промышленников, изготавливающих руками рабочих орудия и оружия для взаимного истребления рабочих же и крестьян?

Всё это и многое другое, неопровержимо доказывая циничское бесчеловечие буржуазии, преступность самого факта ее существования, — говорит и о росте ее безумия, ее идиотизма, осуждающего ее на неизбежную гибель.

Я всю жизнь был «пацифистом». Война вызывала у меня только отвращение, стыд за людей и ненависть к зачинщикам массовых убийств, к разрушителям жизни.

Но после той героической войны, которую победоносно провел голодный, босой, полуголый наш рабочий и крестьянин, после того, как рабочий класс, строя новое, свое государство в невероятно трудных условиях, показал и показывает себя умным, талантливым хозяином, — после этого я тоже убедился в неизбежности смертельного боя.

И если вспыхнет война против того класса, силами

которого я живу и работаю, — я тоже пойду рядовым бойцом в его армию. Пойду не потому, что — знаю, именно она победит, — а потому, что великое справедливое дело рабочего класса Союза Советов — это мое законное дело, мой долг.

(1929 г.).

ОТВЕТ НА АНКЕТУ АМЕРИКАНСКОГО ЖУРНАЛА

Вы спрашиваете:

«Ненавидит ли ваша страна Америку и что вы думаете о цивилизации Америки?»

Уже в самом факте постановки таких вопросов и в такой форме заключено нечто по-американски уродливо преувеличенное, раздутое. Не могу представить себе европейца, который способен поставить такие вопросы ради того, чтоб «сделать деньги». Разрешите сообщить, что на первый ваш вопрос, — так же как и на всякие иные, — я не имею права отвечать от лица всех 150 миллионов граждан моей страны, ибо не имею возможности спросить их: как они относятся к вашей стране?

Полагаю, что даже в тех странах, кровь которых ваши капиталисты превращают в доллары — на Филиппинских островах, в республиках Южной Америки, в Китае и даже среди десяти миллионов цветных людей территории С.Ш.С.А., не найдется ни одного разумного человека, который присвоил бы себе права сказать вам от имени своего народа: «Да, — моя страна, мой народ ненавидит Америку, весь ее народ, рабочих так же, как и миллиардеров, цветных так же, как белых; ненавидит женщин и детей, поля, реки, леса, зверей и птиц, прошлое и настоящее вашей страны, ее науку и ученых, ее великолепную технику, Эдиссона, и Лютера Бербанка, Эдгара Поэ, Уотт Уитмэна, Вашингтона и Линкольна, Т. Драйзера и Е. О'Нейль, Шервуда Андерсон, всех талантливых художников и прекрасного романтика Брет-Гарта, духовного отца Д. Лондона, ненавидит Торо, Эмерсона и всё, что есть С.Ш.С.А., и всех, кто живет в этих штатах».

Надеюсь вы не ожидаете, что найдется илиот, способный ответить на ваш вопрос так безумно, с такой ненавистью к людям и культуре

Но, разумеется, то, что вы называете цивилизацией С.Ш.С.А., не возбуждает и не может возбудить у меня симпатии. Я думаю, что ваша цивилизация, это — самая уродливая цивилизация нашей планеты, потому что она чудовищно преувеличила все многообразные и позорные уродства европейской цивилизации. Европа достаточно трагически развращена цинизмом классовой структуры государства, но всё же в Европе еще невозможно такое вредное и бессмысленное явление, как ваши миллиардеры, миллионеры, люди, которые одаряют вашу страну дегенератами. Вы, конечно, помните Бостонское убийство двумя богачами мальчишками третьего, — убийство из любопытства? А — сколько у вас таких преступлений из «снобизма», из любопытства? Европа тоже может похвастаться бесправием и беззащитностью своих граждан, но всё же она еще не дошла до такого позора, как убийство Сакко и Ванцетти. Во Франции было «дело Дрейфуса», тоже очень постыдное, но во Франции на защиту невинного выступили Э. Золя, Анатоль Франс и повели за собою тысячи людей. В Германии, после войны, возникло нечто вроде Ку-Клукс-Клана, — организация убийц, но там их выловили и судили, а у вас это не принято; Ку-Клукс-Клан убивает, цинически издевается над цветными, над женщинами и всё это — безнаказанно так же, как безнаказанно расправляются губернаторы штатов с рабочими социалистами.

В Европе нет такого отвратительного явления, как травля «цветных», хотя она страдает другой позорной болезнью — антисемитизмом; впрочем болезнью этой заражена и Америка.

Преступность в Европе тоже постепенно растет, но еще не доросла до того, что, — судя по вашим газетам, — творится в Чикаго, где, кроме бандитов биржи и банков, свободно хозяйничают еще и бандиты с револьверами и бомбами в руках. Невозможны в Европе и те битвы, которые вызвал у вас сухой режим. Невоз-

можен мэр города, публично сжигающий книги английских классиков, как это сделал мэр Чикаго.

Не думаю что Б. Шоу имел бы право ответить на приглашение в какую-либо иную страну так саркастически, как ответил он на приглашение редактора «Nation» О. Г. Вилларда приехать в Америку.

Капиталисты всех стран одинаково противное и бесчеловечное племя, но — ваши хуже. Они видимо более глупо жадны к деньгам. Кстати: слово «бизнесмэн» я перевожу для себя словом — маниак.

Вы подумайте, как всё это глупо и постыдно: наша прекрасная планета, которую мы с таким трудом научились украшать и обогащать, — почти вся наша земля в жадных руках ничтожного племени людей, которые, кроме денег, ничего не умеют делать. Великолепную творческую силу — кровь и мозг ученых, техников, поэтов, рабочих, создающих культуру, нашу «вторую природу», эти туповатые люди превращают в желтенькие кружочки металла и в бумажные полоски чеков.

Что, кроме денег, создают капиталисты? Пессимизм, зависть, жадность и ненависть, которая неизбежно уничтожит их, но, вместе с ними, может взрывом своим уничтожить и множество культурных ценностей. Ваша болезненно гипертрофированная цивилизация грозит вам величайшими трагедиями.

Лично я держусь, разумеется, того мнения, что истинная цивилизация и быстрый рост культуры возможны только при условии, если политическая власть всецело принадлежит трудовому народу, а не паразитам, живущим за счет чужого труда. И, разумеется, я советую объявить капиталистов группой людей, социально опасных, конфисковать имущество их в пользу государства, переселить этих людей на один из островов океана, и пусть они там спокойно перемрут. Это очень гуманное разрешение социального вопроса, и оно — совершенно в духе «американского идеализма», который есть ничто иное, как наивнейший оптимизм людей, еще не переживших драм и трагедий, в общем именуемых «историей народа».

(1927 — 1929 гг.)

О БУРЖУАЗНОЙ ПРЕССЕ¹

На рынках, где торгуют старым хламом, сразу видишь, чем люди жили вчера, а рекламы и хроника газет хорошо² рассказывают о том, чем люди живут сегодня. Говоря о газетах, я имею в виду современные «органы воспитания общественного мнения» в «центрах культуры» Европы и Америки. Я нахожу, что читать буржуазную прессу так же полезно, как полезно слушать откровенные рассказы прислуги о жизни господ. Болезни не должны, да и не могут интересовать здорового человека, но медик обязан изучать их. Между врачом и журналистом есть нечто общее: тот и другой устанавливают и характеризуют заболевания. Наши журналисты поставлены выгоднее буржуазных, — нашим хорошо известны общие причины социально-патологических явлений. Поэтому советский журналист должен бы относиться к показаниям буржуазной прессы, так же внимательно, как врач относится к воплям и стонам больного.³ Если б у нас явился талантливый человек, который, собрав достаточное количество фактов из «хроники» газет любого «центра культуры» и сопоставив эти факты с рекламами магазинов, ресторанов, увеселительных заведений, с описанием встреч, приемов, общественных празднеств — он обработал бы весь этот материал (тем приемом, которым Джон Дос-Пассос сделал свой интереснейший роман «Манхеттен» — Нью-Йорк), мы получили бы ослепительно яркую и потрясающую картину «культурной» жизни буржуазного общества наших дней.

О чем ежедневно говорит буржуазная пресса? Вот, например, события, кратко отмеченные ею за истекший май.

«Бунт воспитанников» — из Воспитательного дома бежали 14 мальчиков, 12 пойманы конной милицией, судьба двух — неизвестна. «Снова истязание малолет-

¹ Статья «О буржуазной прессе» не была закончена Горьким. В примечаниях даются разночтения горьковских фраз. (Примеч. редакции).

² говорят

³ как психиатр к болтовне.

ней». «Мать-детоубийца» — отравила двух ребятишек газом, причина — голод. «Еще одно отравление газом» — отравились пятеро: муж, жена, старуха, мать мужа, девочка трех лет, грудной ребенок. «Убийство на почве голода». «Еще одна женщина разрезана на куски». «Привычка к тюрьме» — человек, выпущенный из тюрьмы после пятилетнего заключения, явился в полицию, заявил, что он — болен, работать — не может, нищенствовать — не хочет и попросил, чтоб его снова заключили в тюрьму. По «справедливости законов» буржуазного государства это оказалось невозможным, тогда человек, «привыкший» к тюрьме, разбил стекло витрины магазина, подрался с полицией и — достиг желанной цели. «Нищий-миллионер» — умер старик-нищий 80 лет, в его вещах нашли 5 миллионов крон. «Скончался 89 лет лорд Эштон, оставив состояние в 20 миллионов фунтов». «Процесс-монстр» — в Лионе 300 человек умерли отравленные грязной питьевой водой городского водопровода». «Грандиозный проигрыш в карты». «Вчера в разных частях города совершен ряд убийств, бандиты благополучно скрылись». ¹ Слово — «благополучно» ² в этом случае воспринимается не как выражение иронии, а как сочувствие успеху.

Затем приводятся факты более или менее крупных мошенничеств, взяточничества, половой разнузданности, законченной самоубийством, ³ убийством. ⁴ Разумеется, я привел здесь ничтожную часть фактов, опубликованных в течение месяца, — ⁹⁰/₁₀₀ остального — в таком же криминальном и патологическом духе. Всё это излагается очень кратко, сухим, бескровным языком и для того, чтобы журналист несколько оживил, раскрасил свой язык, необходимо, чтоб «еще женщина» была разрезана на куски особенно садически искусно, или чтоб дюссельдорфский убийца, рабочий Кюртен возвел на себя 53 преступлений, а затем «внезапно сухо заявил следователю:

¹ «Ограбление банка».

² воспринимается не

³ или драмой.

⁴ или судом.

«Что вы скажете, если я теперь откажусь от всего этого жульничества?». Вопрос «сенсационный», но работа полиции буржуазных государств становится вообще сплошной сенсацией и поэтому советского читателя вопрос Кюртена не должен удивлять. В конце концов не понимаешь: зачем это публикуют? Никаких «комментарий» материал «хроники» не вызывает в буржуазной прессе. Чувствуется, что он стал обычным, никого не возмущает, не тревожит. Раньше, до войны¹ — возмущал. Тогда сентиментальные люди писали кисло-сладкие статейки о «болезнях общественного организма», выражая различные чувства, за которыми пряталась иногда — тревога, а чаще раздражение «культурных» людей, которые обеспокоены не «нормальными фактами».

В наши дни буржуазную прессу не интересуют бытовые драмы потому, что ежедневная гибель различных мелких людей десятками и сотнями давно уже вошла в обычный порядок дня, не изменяет жизни и ничем не грозит людям которые хотят жить весело и спокойно. Размножаются роскошные кино, еще более роскошные рестораны с потрясающими стены и потолки джазами, поражает обилие реклам о средствах против «упадка сил» и замечательно красноречивых реклам врачей-венерологов. Но ведь всё это шумело и до 14 года? Да, шумело, но — не так оглушительно. А теперь кажется, что буржуазия «центров культуры» единодушно признала, что:

Жизнь становится короче,
Дни идут быстрее, быстрее,
Так — живите дни и ночи
Веселее, веселей!

Это проповедывал с кафедры кабака тоноконгий человек с большим животом, сильно нарумяненный, с беззумыными глазами наркотомана.

Я — сгущаю краски? У меня нет желания делать это, ибо я знаю, что гнилостное разложение заразительно. Краски жизни сами по себе становятся всё гуще и ярче. Наверное это потому, что температура жизни

¹ Имеется в виду первая мировая война 1914—1918 гг.

поднимается и веселие буржуазии лихорадочно, — от лихой радости. В нашем языке под словом — лихо, не всегда понимается — здоровая удаль, чаще лихо — значит: худо. Буржуазия пытается сделать свою жизнь веселой для того, чтобы подавить унылое предчувствие конца ее дней.

* * *

Мне кажется, что я не плохо знаком с газетными работниками Америки и Европы. Я думаю, что они — мастеровые, тяжелое и беспокойное ремесло которых внушает им чувство глубочайшего равнодушия к людям и что они весьма похожи на прислугу психиатрических больниц, которая привыкла считать и пациентов, и докторов одинаково сумасшедшими. Этим равнодушием и объясняется невозмутимое бесстрашие сообщений о самых разнообразных фактах действительности.

Например: «Вчера некто Ганс Мюллер съел, на пари, 36 пар сосисок в течение одиннадцати минут».

«В 1928 году в Пруссии покончили с собой 9 530 чел., из коих 6 690 мужчин и 2 840 женщин. На города приходится 6 413 самоубийц, на деревни 3 117».

«Магистрат силезского города Левенберга для увеличения своих доходов решил ввести налог на кошек. Однако, городское самоуправление отклонило это предложение. Тогда магистрат решил прибегнуть к другому методу. На аллеях городского парка ночью расставляются капканы, в которые попадают прогуливающиеся кошки. Пойманные животные выдаются владельцам при уплате 3 марок».

«В общине Ниндорф (вблизи Гамбурга) крестьяне оказали вооруженное сопротивление судебным приставам, явившимся для описи имущества за неплатеж взносов в пользу ирригационного общества. Чиновники под угрозой вооруженных крестьян были принуждены удалиться».

В окрестностях Берлина появилось «ночное привидение», которое систематически посещает местного пастора. Привидение уже трижды будило пастора «неприличными прикосновениями». Вызванная полиция нашла под окнами

пасторского дома шапку, очевидно потерянную «привидением».

«Следует ли допускать к причастию стриженных женщин?» Этот вопрос был возбужден несколькими епископами и 24 мая специально разбирался в Ватикане. Коллегия кардиналов ответила на вопрос положительно: ношение коротких волос не противоречит христианской морали».

В прошлом году кто-то из газетчиков сообщил, основываясь на полицейских данных, что во Франции ежегодно исчезает около четырех тысяч женщин. Недавно в разных городах¹ Франции арестована шайка «торговцев женщинами», они продали в публичные дома республик Южной Америки 2 500 девушек. Такая же организация торговцев «живым товаром» действовала в Польше. Французский журналист А. Лондр² отлично изучил эту отрасль работорговли, — его книга «Преступное ремесло» издана у нас в прошлом году «Федерацией».³ Чрезвычайно любопытная книга, в ней подробно рассказаны приемы обмана и похищения девиц, их «работа» в публичных домах Аргентины, но — самое поучительное в этой книге то, что в ней нет ни одного слова возмущения.

На ее 10-й стр. Лондр рассказывает о своей встрече с торговцем такими словами:

«— Арман — сутенер... Я знаю, чем он занимается. Он знает — чем я. Он мне доверяет. Я — ему. Как деловые люди».

Вот именно: как деловые люди и — только, хотя «дело», как будто бесчеловечное и подлое.

Но здесь, для объяснения психологии Лондра уместно будет привести подлинные слова одного американского журналиста:

«— Полицейский не обязан думать, виноват ли человек, которого он сопровождает на суд или в тюрьму. Я ставлю людей на суд общества таких же, как они, предшествующее и дальнейшее меня не касается».

¹ Европы.

² написал.

³ А. Лондр. «Преступное ремесло. М. «Федерация». (1929)

Это я слышал в Нью-Йорке в 906 г. во время маленького скандала, разыгранного благочестивыми американцами. Когда меня изгнали из двух отелей, я, решив ожидать дальнейших поступков, устроился с чемоданами на улице и меня окружила группа репортеров, человек 15. По-своему, по-американски, они были славные ребята, они «сочувствовали» мне и даже, казалось, что они несколько смущены скандалом. Особенно симпатичен был один из них, крупный парень, с деревянным лицом и смешными, круглыми, точно две бусины, глазами голубого цвета необыкновенной яркости. Он был знаменитостью: по заказу своей газеты ловко устроил похищение из Манильской тюрьмы на Филиппинских островах девушки-революционерки, националистки, ее посадили в тюрьму испанцы и ей грозила смертная казнь. Этот парень догадался, что я охотно иду на продолжение скандала, он внушил молодым литераторам Лерон Скотту, автору романа «Секретарь профсоюза» и его товарищам по «Клубу пяти», чтобы они приняли «участие в деле». Впоследствии оказалось, что принять какое-либо участие в деле они не могут, но я переселен был с улицы в «клуб», в квартиру, где жили «коммуной» пятеро начинающих писателей, и где хозяйничала жена Л. Скотта, русская еврейка. Вечером, в обширном вестибюле «клуба», перед камином, собирались молодые писатели, приходили репортеры, я рассказывал им о русской литературе и революции, о московском восстании (Н. Е. Буренин, член боевой организации при ЦКб, жена Скотта и М. Ф. Андреева — переводили мои слова на английский язык). Газетчики слушали, записывали и, вздыхая, говорили с явным сожалением:

«Это — дьявольски интересно, но, — не для наших газет».

Я спрашивал: почему эти газеты не могут сообщить читателям правду о событии, которое, возможно, характеризует всё будущее нового века?

Но они понимали мой вопрос упрощенно, как вопрос чисто личный. Они сказали мне:

«— Мы все — на вашей стороне, но — бессильны помочь вам. Вы не найдете и не заработаете здесь денег»

для революции. После того, как пресса сообщила, что вас примет Рузвельт¹, — в дело вмешался русский посол и ваша игра проиграна. Мы видим, что газеты напечатали фотографию не Андреевой, знаем, что ваша первая жена и дети — не нуждаются в средствах, но — разоблачить это не в нашей силе. Работать для революции здесь вам не дадут».

— А почему дают Брешковской?

На этот вопрос они отвечают молчанием². Они ошиблись, работать я мог, только³ сделал меньше, чем предполагал. (Впрочем, это не относится к теме статьи).

В дальнейших беседах журналисты ознакомили меня с поражающей силой прессы Нью-Йорка⁴. Доказательства этой силы были таковы: одна из газет уличила богатую и влиятельную филантропку в том, что она содержит несколько домов терпимости — это была весьма хорошая сенсация. Но через два дня та же газета, поместив на своих страницах портреты 25 полицейских, сообщила, что они организаторы тайной проституции, а не почтенная, всеми уважаемая мистрисс.

— А как же полицейские?

— Их уволили, предварительно обеспечив. Они найдут работу в других штатах.

Другой случай: нужно было скомпрометировать одного сенатора. Напечатали, что он плохо живет со своей второй женою и что дети его, студенты, на ножках с мачехой. Опровержение старика и детей его газета поместила но — высмеяла. Дом, где он жил, окружили репортеры...

(1930)

ОБ УМНИКАХ⁵

Существует ли глупость, как «дар природы»?

Я уверен, что — не существует и что даже кретины.

¹ Теодор Рузвельт — президент США в 1906 г.

² пожимая.

³ конечно, разумеется.

⁴ Среди многих фактов.

⁵ Статья печатается с небольшими сокращениями. (Примеч. редакции).

Идиоты создаются не природой, а тою биологией, которая обусловлена «бытом», социологией.

Некоторые умники утверждают, что глупость — качество, которым природа одаряет человека со дня его рождения и на всю жизнь, что она как бы сознательно стремится ограничить домыслы разума и работу воображения людей.

Фантазию эту выдумали в глубокой древности наши мохнатые предки, запуганные враждебным человеку буйством стихийных сил природы — землетрясениями, наводнениями, ураганами, сменами холода — зноем и прочими безобразиями слепого силача. В дальнейшем из этих страхов умники создали богов.

Глупость — уродство разума, воспитанное и воспитываемое искусственно посредством давления на разум религией, церковью — самым тяжелым орудием из всех, которыми буржуазное государство вооружено для укрощения рабочих масс. Это — неопровержимо, и я ни мало не сожалею о том, что по этому поводу никто из умников не в силах сказать «нового слова».

Глупый человек совершенно необходим для «красивой жизни» буржуазии. Он тем хорош, что крайне удобен для эксплуатации его физической силы. Именно на почве глупости рабочих масс коренится власть всемирного мещанства. Буржуазная система воспитания масс — система фабрикации дураков.

Нашим советским, грамотным людям эти неоспоримые истины — надеюсь — хорошо известны. Они знают, какими приемами буржуазные государства воспитывают, утверждают и охраняют глупость. Благодаря смелой инициативе В. И. Ленина и большевиков, авангарда рабочего класса, благодаря работе компартии и трудам рабоче-крестьянской власти в Союзе Советов древняя глупость довольно быстро исчезает. Пробужденное этой работой в трудовом народе растет сознание своего значения, своего права на власть. Творческая энергия масс всё более резко и наглядно заявляет о себе, как о силе, совершенно способной перестроить всю жизнь, начиная с ее основ. Тринадцать лет этой мужественной и успешной работы поколебали и всё более явно колеблют древ-

ние устои мещанского благополучия, прочно цементированного кровью и потом трудового народа. Весь мир трудящихся, прислушиваясь к шуму строительства новой жизни в Союзе Советов, откликается грозным эхом и постепенно организуется для того, чтоб вступить в решительный бой за свою свободу.

Цель этого фельетона побеседовать о глупости умников.

Умник, это прежде всего — интеллектуалист. Основная его черта: у него, как у датского принца Гамлета, «румянец воли побледнел под гнетом размышлений». Так же, как принц Гамлет, он — сирота; мамаша его — история — живет в связи с капиталистом, а вотчим, хотя и негодяй, но — поощряет искусства, эксплуатирует науки и притворяется культурным животным.

Умник считает себя мастером культуры, «духовным рычагом» ее, «солью земли» и т. д. в этом роде, вообще же он видит себя «неповторяемой индивидуальностью». Он не «просто человек», а воплощение мировой мудрости, так сказать, — пуп мудрости мира. «В минуту жизни трудную», когда действительность выдавливает из него некоторое количество сиротской искренности, он именует себя «каторжником, прикованным к тачке истории», — как выразился один бывший «спартаковец». А другой, бывший социал-демократ, сказал: «Буржуазия насилует рабочих, рабочие — насилуют нас, интеллигентов». Советские журналисты, вообще варвары, как и всё население Союза Советов, — иногда называют умников — сводниками. Сводничество — позорное занятие, суть его в том, что сводник подкладывает на постели богатых старичков и старушек молодых девиц и парней. Конечно, деятельность вождей европейской социал-демократии весьма совпадает с этим родом занятий, но... Тут, наверное, умники нашли бы какое-нибудь «но», а у меня — нет охоты искать его. Да и мир, вся действительность, строится сурово логически на «да» и «нет», а «но», по закону логики, является «исключенным третьим».

Умник — человек, убежденный, что самое лучшее кресло, — то, в котором он привык сидеть. Поэтому он настаивает, чтобы все люди сидели в креслах любимой

им формы. Рассматривая все события с точки зрения удобства своих ягодиц, умник, конечно, не может одобрить всё то, что сотрясает старую мебель, в которой покоятся его уважаемые ягодицы.

Например: русские помещики времен крепостного права любили сидеть в вольтеровских креслах, затем интеллигентам из дворян полюбилась мягкая мебель идеалиста Шеллинга, посидели на Фурье, на Молюшотте и Фогте, пересели в нигилизм, понравился Спенсер, особенно потому, что он, между прочим, сказал: «Из свинцовых инстинктов не сделаешь золотого поведения», — прелестный этот афоризм разрешал не беспокоиться о некоторых социальных бессмыслицах, подлостях и трагедиях. Но и Спенсер оказался неудобным; пересаживаясь всё более часто, посидели на Марксе — жестко! Попробовали подложить под Маркса Бернштейна, — не вышло! Сели в Ницше, затем в Бергсона, я пропускаю целый ряд испробованной мебели, теперь умники сидят чорт знает в чем, и многие — в эмиграции. Этот процесс всё более частых прыжков с места на место именуется «историей духовной жизни русской интеллигенции».

В эмиграции умники сочиняют «Эскизы научно-религиозного мировоззрения», «Евангелия божественной справедливости», «Жития святых», «О православном почитании предтечи» и вообще усердно занимаются столярно-философским ремеслом, изготавливая нечто для спокойного сидения.

В эмигрантской прессе можно читать такие умалишенные рассуждения:

«Говорят, что абиссинские православные священники танцуют при совершении литургии. Очевидно, в душе эфиопов — тех эфиопов, которых так уважал Гомер, что всегда говорил о них: «достопочтенные эфиопские мужи», — очевидно, в этой душе православие нашло другое отражение, чем в нашей русской душе.

Недавно знакомая русская девушка, получившая воспитание в католическом французском монастыре, жаловалась своей матери:

— У них ужасно неудобно купаться: ванну приходится брать всегда в рубашке.

— Почему?

— Вот и я спрашиваю — почему? Ведь в ванне я сижу одна, дверь заперта на ключ. А они говорят:

— Как одна? А ангел-хранитель? Ведь он всегда при тебе.

Эта детская очаровательная наивность католического монастыря мне ужасно понравилась. Но разве это похоже на наше представление об ангеле-хранителе?»

Это пишет бывший беллетрист, видный сотрудник эсеровской газеты в 1905 г. О, трагическая тяжесть ягодиц!

Оставим шутки, хотя это очень трудно. Я только что прочитал огличнейшую книгу т. С. Б. Урицкого «В развернутое социалистическое наступление», прочитал и — мне очень весело.

В старину существовала группа людей — канцеляристы. Слово «канцеляристы» — составлено из слов «кане ч'ел'а рия» — собака на воздухе, т. е. у дверей, у ворот дома. Канцеляриста называли: «чернильная душа». Умник не совсем похож на канцеляриста, душа у него книжная. Но он живет тоже как бы где-то за воротами действительности и смотрит на нее из подворотни.

Умник прочитал, вероятно, не менее 16 тысяч книг по разным вопросам, и этот полумеханический труд усвоения чужих мыслей развил в нем уродливо преувеличенное мнение о силе и широте своего разума. Разумеется, я не стану отрицать за мешком права гордиться количеством зерна, которое насыпано в него. Но часто замечаешь, что чем шире объем знаний умника, — тем судорожнее и длинней кривая его колебаний.

Известны случаи, когда умник, отыскивая под себя удобное сиденье и двигаясь задом наперед, доходит от марксизма до православного мракобесия и попадает из большевиков в церковные старосты.

Некоторые умники полагают, что именно в этой частой смене верований наиболее полно выявляется свобода мысли. В конце концов книги, как будто, не просвещают, а ослепляют умника, и частное хозяйство его души редко бывает благоустроенным.

Книги для него — источник противоречий, которые волнуют и терзают его гораздо сильнее, чем грозы, бури и ураганы социальной действительности. Действительность требует, чтоб книги отражали ее рост и ход, но, становясь более бурной, насыщаясь энергией нового класса, его творчеством, она не очень церемонно считается с книгами, в которых отражен ее вчерашний день. А умник хочет, чтоб действительность слушалась книг. Недавно один — из Ленинграда — совершенно серьезно написал мне:

«Мы живем сейчас одной только политикой, но ведь политика есть только тактика государственного управления, государственной деятельности, за что и ответили перед лицом Революции царские министры и все занимавшие командные высоты. Чего же нам не хватает? У нас нет «быга». Отчего? Оттого, что быт есть следствие миросозерцания и этого миросозерцания у нас нет».

«Оригинальность этой мысли не исключительна; нет, это — весьма типическое «выявление» взгляда на жизнь из подворотни. Книгу умник ценит, книге он верит. Но если ему сказать, что в массах рабочих и крестьян Союза Советов спрос на книгу растет с невероятной быстротой, что в 1927 г. напечатано было 462 миллиона листов, а в 1930 г. уже 1365 миллионов — это не обрадует умника. Он скажет: «Издаются не те книги, они не достаточно объективны, и пишут их еретики, потому что материализм — учение еретическое и антикультурное».

Умник крепко убежден, что без его мудрого участия в делах мира, мир — погибнет, но участвовать он способен только посредством языкоблудия. Он вполне уверен, что всё знает и всё для него совершенно ясно. Книжность убила в нем чувство скромности и осторожность суждений, свойственную людям, которые, активно участвуя в строении жизни, относятся к ней внимательно и серьезно. Он пишет откуда-нибудь, например, из Праги:

«Я хорошо знаю, что положение в России дошло до высшей точки неблагополучия». На самом деле, он ничего не знает, потому что не хочет видеть того, что необходимо знать. Он совершенно не чувствует той высоты, до которой активизм рабочего класса и передового

крестьянства поднял Союз Советов. О жизни 160 миллионов народа он судит, как о жизни населения маленького уездного городка.

«Пятилетка не осуществима», — каркает он, хотя должен бы знать, что по инициативе рабочих пятилетка сокращена до четырех лет. Он вообще не хочет считаться с тем, что в Союзе Советов работает неведомая ему, умнику, энергия, которой он никогда, нигде не наблюдал, — свободная энергия рабочих и крестьян, которые всё более ясно сознают, что они — единственные правомочные хозяева своей страны, что они работают на себя и что работать надобно самозабвенно, мужественно, с полным напряжением сил.

Только силою этого сознания можно объяснить тот, казалось бы, невероятный факт, что нефтяная и торфяная промышленности выполнили уже 83 и 96 % того, что предполагалось выполнить в 1932/33 г., а это значит, что здесь пятилетний план осуществляется рабочими в 2½ года. Выполнение пятилетнего плана по машиностроению достигло уже 70%, а это значит, что план машиностроения будет выполнен не в 5, а в 3 года, так же как и план по электропромышленности.

О чем это говорит? О могучем запасе энергии рабочего класса. А о том, что крестьянин больше не хочет быть рабом земли, зависимым от капризов природы, говорит тот факт, что у нас 22% крестьянских хозяйств объединено в колхозы, а это объясняется только тем, что древний каторжник земли сознает необходимость борьбы с природой посредством машин, посредством помощи земле удобрениями, — посредством новейших культурных и научных приемов.

И не может быть сомнения в том, что колхозы будут расти, крестьянин умеет сопоставить факты и сделать из них выводы, а факты таковы: «Колхоз «Красный партизан» подсчитал, что на хозяйство каждого колхозника приходится при распределении урожая не менее 700 рублей. Единоличник и мечтать не может о такой сумме».

Энергия рабочих и крестьян растет с поразительной быстротою, чего не отрицают даже неглупые капиталисты, хотя рост этой энергии угрожает им некоторыми

неприятностями. Но умник стоит на своем, так как его немножко обидели,—ему не хватает яиц, масла к завтраку и сидеть ему неудобно. «Не могу же я представить, что малограмотный рабочий, алкоголик и лентяй, безграмотный, забитый мужик способен успешно состязаться с капиталистом. Мы знаем свою страну, знаем характер ее живой силы и знаем, что П. Б. Струве прав: рабочий класс, как творческая сила, может существовать только в условиях капиталистического государства».

Мудрость—ошеломляющая! Не знаю, где, когда писал Струве столь изумительно о рабочем классе, и писал ли он так или это его переврали мои корреспонденты «Честные русские».

Осведомленность «честных русских» умников, по глубине ее равна их мудрости. Мне кажется, в этой мудрости есть уже нечто психо-патологическое. Очень странно, что говоря о «живой силе», о рабочем и мужике, умники забыли о «бабе»—новой «живой силе», очень живой и тоже весьма энергичной.

Помутнение разума умников принимает самые разнообразные и курьезные формы. Так, например, одному из них было сообщено о чрезвычайно успешном развитии субтропических культур в республиках Грузии и Абхазии, а также о том, что чайные плантации Черноморья,— 250 десятин дореволюционного времени, ныне, в 1930 г., занимают 20 000 гектаров. Он ответил вопросом: «Что же вы—с Китаем конкурировать будете?» Только. А он—грамотный человек, ученый, спец ботаник!

Умники любят хвастаться любовью к «народу», своими заботами о нем, любят вспоминать о том, как они страдали, когда «народ» страдал под тяжестью бездарной беспощадной власти помещиков и капиталистов. Но вот рабочие и крестьяне уничтожили эту власть, и, сами хозяева своей земли, строят в ней новую государственную систему, учат делу социалистического строительства весь мир трудящихся. Казалось бы, что теперь «печальники о горе народном» должны отказаться от бесплодного ремесла горюнов и печальников, могут сидеть спокойно, любуясь мощной самодеятельностью трудового народа, его свободным творчеством во всех областях

физического и умственного труда. Казалось бы, что теперь умники могут хором спеть:

«Ныне отпускаеши раба твоего, владыка» и — для окончательного успокоения своего — позаботиться о могилках. Пора!

Однако, культурные успехи и достижения «народа» невидимы для них. Они заняты иезуитски тщательным подсчетом всяческих недостатков, ошибок, «прорывов», — всем, что дает им «самокритика» рабочих и крестьян и что, в существе своем, является не столько «драмой власти», как поощрением энергии, воспитанием самодеятельности масс, — воспитанием в трудовой массе сознания ее государственной ответственности за все ее недостатки, пороки, ошибки, за небрежность и за торопливость. Всё это им непонятно, чуждо, они интересуются другим.

Они пишут: «Арестован благороднейший Иван Иванович, которого мы знаем...»

Издали они смотрят в подворотню и щели ворот новой истории, которую создает власть, воля рабочих, крестьян, смотрят и всё знают. Я думаю, что они не плохо знают только одно — то, что родственные им по «духу» умники стремятся в меру слабых своих сил, к реставрации мещанства, к восстановлению буржуазного строя. И, вероятно, они чувствуют, что чем решительнее рабоче-крестьянская власть переходит в социалистическое наступление, тем разнообразнее выявляет себя злоба погибающего мещанина. Эта злоба создает свою атмосферу: естественно, что некоторые умники отравляются ею, и тогда приходится, не считаясь с их благородством, лишать их возможности свободы действий словом и делом.

Мне известны совершенно точные слова одного умника, слова, искренность которых не возбуждает сомнений. Когда его спросили, почему он «вовлекся во вредительство», он объяснил:

«При капиталистическом строе мы являлись в известной степени обер-офицерами капитала, если можно так выразиться. Именно через нас капитал осуществлял свойственную и неизбежную при капитализме эксплоа-

тацию рабочих, а это в свою очередь порождало уже известную идеологию, которая резко отделяла от нас рабочих, противопоставляла нас им».

На этом красноречивом заявлении человека, родственного по «духу» умникам, можно кончить.

(1930)

О СТАРИЧКАХ

На анкету в первой книжке «За рубежом» редакция получила ряд поучительных и серьезных ответов; ответил и «служащий, внепартийный социалист 60½ лет».

Ответил он не на вопросы анкеты, а, так сказать, перешагнув через них. Прежде всего он указал, что «в проспекте журнала было обещано правдивое освещение как отечественной, так и заграничной жизни». Здесь он ошибся: в проспекте ни слова не сказано о том, что журнал намерен освещать «отечественную жизнь»; проспект, согласно с титулом журнала, определенно говорит об освещении жизни «за рубежом». Ошибку эту можно объяснить слабостью «внепартийного» зрения старичка — пороком, неизлечимым в его возрасте.

В дальнейшем эта ошибка весьма определенно разоблачает старичкову «сущность» — он, оказывается, «гуманист», старичок-то! Он упрекает нас в том, что на страницах нашего журнала ничего не говорится о «партийной чистке», которую старичок именует «бесполезной пыткой», бесполезной потому, что, — по его словам, — «без нравственных дефектов не найти человека».

Здесь уместно отметить, что «гуманитарный» взгляд на дефективного человека имеет в наших условиях политически весьма серьезное практическое значение: в откровенных показаниях «вредителей» многократно и убедительно говорится о полезности для дела государственного вредительства людей с «дефектами», «нравственно неустойчивых», «не лояльных», «административно непригодных», «настроенных антисоветски» и вообще — негодников. Именно таких людей и вышвыривает из партии чистка, которую старичок называет «бесполезной»,

да еще и «пыткой», признавая, должно быть, что существуют пытки полезные.

Далее гуманный старичок очень правильно, хотя и не очень грамотно пишет: «Такого распролетаривания(?), какое раскулачивание производится в СССР, нет нигде в подлунном мире».

Да, нигде — кроме Советского Союза — в подлунном мире рабочий класс еще не приступил к той необходимой своей работе, которая успешно начата у нас, но мы совершенно уверены, что вся масса трудящихся неизбежно последует хорошему примеру. Смысл примера — прост и ясен: нужно поставить в иные условия и перевоспитать из рабов земли в хозяев ее — крестьянство, поработенную стихийными силами природы пассивную массу, которая веками эксплуатировалась и на протяжении веков непрерывно выделяла из своей среды жесточайших эксплуататоров; иными словами, нужно уничтожить почву, на которой развивались все ужасы капитализма. Гаммельрат, сотрудник немецкой католической газеты «Новый народ», недавно написал об этой гигантской работе так: — «Это — концентрированная энергия, сокрушающая старый и создающая новый мир. 7 млн. крестьянских хозяйств, 20 млн. деревенских жителей перешли в колхозы. Опора всего колхозного движения — деревенская беднота. Именно здесь — в колхозном движении — далеко превзойдены цифры, предусмотренные пятилеткой... Советская печать не расписывает достижения, а подгоняет. Когда она говорит о трудностях и прорывах, то это должно вызывать в вас не злобное торжество, а удивление, так как и в этом проявляется всё та же неудержимая энергия, подгоняющая вперед. В этой молодой, ненасытной энергии — решающее. Россия всё более становится независимой от остального мира. Это стоит ей больших жертв, но эти жертвы приносятся. Пятилетка предопределяет собою всю мировую политику ближайших десятилетий».

Это говорит чужой человек, да еще католик, член той церкви, глава которой объявил нечто вроде крестового похода против страны и народа «внепартийного социалиста». Но гуманного старичка не интересует процесс

возрождения его народа и грандиозная работа «концентрированной энергии» рабочего класса в его отечестве. Он сообщает нам, что больных «кулаков завертывают по три человека в рогожу и на дровнях отправляют»... должно быть, в больницу.

Автор этих строк имеет некоторое представление о том, как плетут рогожи, и сомневается в том, что есть рогожи размера необходимого для упаковки трех человек в одну. Это, разумеется, мелочь — рогожи, но такие мелочи весьма и всегда характерны для «внепартийных» обличителей и правдолюбов. Утверждая свою правду, правдолюб никогда не стесняется солгать. В заключение своего письма гуманный старичок взывает о «выполнении обещания о правдивом и беспристрастном освещении жизни». Редакция может только повторить сказанное выше: она ставит целью своей освещение жизни «За рубежом». Ее цель показать читателям, что Европа, Америка и вообще зарубежная жизнь вовсе не протекает в условиях очаровательного благополучия, в нежной и взаимной любви фабрикантов и рабочих, помещиков и крестьян, служащих и хозяев, вообще — в мирном благоденствии и неугасимой радости. Редакция охотно будет освещать положительные явления зарубежной жизни в области науки, техники, искусства. Редакция хорошо видит, что пока ей еще не удастся делать свое дело с должной полнотой и в формах достаточно совершенных.

Но редакция не обещает гуманному старичку беспристрастия в освещении бытовых и политических условий за рубежом. Беспристрастие — это бесстрастие. Мы — люди страстные, мы страстно ненавидим и мы будем пристрастны — с тем нас и берите! Внепартийные, да и партийные старички, в возрасте от 18 до 70 лет и выше, могут вполне удовлетворить свою жажду правды из нашей ежедневной прессы, где правда советской действительности освещается страстно и беспощадно. Мы знаем, что эта страстная беспощадность обличения лентяев, саботажников, шкурников, халтурщиков, дураков, пошляков и прочих уродов омолаживает старичков всех возрастов: знаем, что они, читая о неполадках и ошибках,

о глупостях и подлостях, ликуют и пляшут на краю своих могил. Но мы знаем также, что наши достижения неизмеримо значительнее наших недостатков и что основное величайшее достижение — это именно «концентрированная энергия», способная творить чудеса.

Возраст свой старичок значительно сократил, ему не 60½ лет, он гораздо старше, он даже чудовищно стар. Он — не одинок и как «тип» относится к племени тех старичков, о которых в 1583 г. неаполитанец Джаиордано Бруно писал:

«Что за мир и согласие предлагают они бедным народам? Не хотят ли, не мечтают ли, что весь мир, согласившись с их злостным и надменнейшим невежеством успокоит их лукавую совесть, тогда как сами они не хотят подчиниться справедливому учению?»

За эти и многие другие слова в таком духе, написанные Бруно в его книгах «Изгнание торжествующего зверя» и «О героическом восторге», старички держали Джаиордано Бруно семь лет в тюрьме, а затем сожгли его живым на костре. И один из старичков, кардинал Гаспар Шопп, проводил Бруно такими словами:

«Так он был сожжен, погибнув жалкой смертью, думаю — теперь отправился в другие миры, что сам он навывдумал себе, рассказать там, как расправляются римляне с нечестивцами».

Как видите — за четыреста лет до наших дней старички были такими же изуверами и пакостниками, каковы они и по сей день. И так же как кардинал Шопп радовался убийству Джаиордано Бруно, современные нам старички ликуют по поводу убийства Жореса, Либкнехта, Розы Люксембург, Сакко и Ванцетти и множества других людей «героического восторга».

Чудовищное долголетие старичков факт не только печальный, но и отвратительный, он говорит о том, как застоялась, омертвела жизнь, создавшая «старичков», как медленно изменяется «психика личности». Но вместе с этим этот факт говорит и о том, что личность становится всё более ничтожной, всё менее «влияющей на ход истории». Этот процесс таяния личности отлично изображен европейской литературой; она в целом дает

яркий комментарий к истории роста, развития, а затем — истощения энергии буржуазного класса.

Художники слова создали ряд монументальных фигур лицемеров, ханжей, изуверов, фанатиков «наживы» и прочих столпов буржуазного мира. В наши дни все эти столпы измельчали до размеров какого-нибудь Бриана, Чемберлена и подобных им мастеров по ремонту курятника — буржуазного государства тож. Наши литературоведы сделали бы солидное и педагогически необходимое для молодежи дело, написав ряд биографий литературных типов. Это были бы весьма интересные историйки вырождения личности. Очень удобно взять, например, тип Оливера Кромвеля и проследить, на ряде фигур ему подобных, снижение этого типа до миниатюрной фигурки Александра Керенского.

Бывшие «великие люди» — предки по крови нынешним старичкам, это неоспоримо. Но это ни мало не увеличивает фигуру и значение нашего старичка, а только показывает, как микроскопически съежились «великие».

Наш старичок — пустяковый человек, однако он тоже типичен. Его основное качество — нежная любовь к самому себе, к «вечным истинам», которые он вычитал из различных евангелий, и к «проклятым вопросам», которые не разрешаются словами. Вот, например, старичок 26 лет, он пишет: «Что такое я, сидящий здесь, которому суждено, подобно всему живому, быть мертвым?»

Вот в какую форму отлилась ныне красивая фраза Екклезиаста. И так всё более или менее удачно искажается бездельниками и блудословами, которым, в конце концов, интереснее всего в мире — своя собственная мозоль. Один из них буквально так и пишет: «Университеты, институты строим, а простую мозоль не выучились лечить». Другой божественно величаво сообщает: «Действительность расходилась со мной, не понимала меня». Нет вы представьте, до чего безжалостно ведет себя эта капризная действительность! *Вырождается личность мещанина, вырождается его мысль, засоренная чепухой, отравленная грязеньким бытом.* Ловкий стяжатель, ростовщик, раб наживы и, в прош-

том, строитель железной клетки государства, мещанин стал карликом.

Но хотя он мелок, он всё-таки вреден, как вредна пыль, вредны испарения болот и газы органического вещества, которое гниет. В воздухе, которым мы дышим, немало ядовитых примесей. Это очень вредно, с этим необходимо бороться, «не покладая рук». Необходимо написать историю культуры как историю разложения личности, как изображение пути ее к смерти и как историю возникновения новой личности, которая организуется в огне «концентрированной энергии» строителей нового мира.

(1930)

О ЦИНИЗМЕ

Ответ корреспонденту

Вы спрашиваете:

«Неужели вас, М. Г., не возмущает цинизм современной жизни и вы искренно радуетесь отчаянию тех честных людей, которые не видят выхода из мрачной действительности? Неужели ваше философское спокойствие не нарушают бесконечные драмы жизни?»

Разрешите сообщить вам, что я менее всего философ и что «спокойствие» вообще не свойственно мне. Если б я был человеком спокойным, — люди вашего типа, ваши единомышленники не уделяли бы мне так много внимания, в котором злоба столь жалостно сочетается с явным бессилием слова и странной для интеллигентов малограмотностью, — я могу объяснить ее только забвением прошлого.

Поговорим о цинизме. В 1908 г. на страницах сборника «Литературный распад» была напечатана небольшая статейка именно «О цинизме». Вот ее начало:

... Темп жизни мира становится быстрее, ибо всё глубже в тайные недра ее проникает могучая тревога весеннего пробуждения, всюду ясно чувствуется мятежный трепет — потенциальная энергия сознает свою творческую мощь и готовится к деянию. Медленно, но

неуклонно растет в народе самосознание, загорается солнце социальной справедливости, и под дыханием грядущей весны заметно тает холодный и тяжелый покров лицемерия и предрассудков, бесстыдно обнажается уродливый остов современного общества — тюрьмы человеческого духа.

Миллионы глаз горят радостным огнем, всюду сверкают молнии гнева, освещая веками накопленные тучи глупости и ошибок, предубеждений и лжи; мы — накануне праздника всемирного возрождения народных масс.¹

.....
.....
.....
Люди, которые знают, что народ есть неиссякаемый источник энергии, единственно способный претворить всё возможное — в необходимое, все мечты — в действительность, — эти люди — счастливы! Ибо в них всегда было живое творческое чувство своей органической связи с народом, ныне это чувство должно вырасти, наполнив их души великой радостью и жаждой творчества новых форм для новой культуры. Признаки возрождения человечества — ясны, но «люди культурного общества» якобы не видят их, что, впрочем, не мешает мещанам чувствовать неотразимую близость мирового пожара.

Тупые орудия процесса накопления богатств.²

.....
они осуждены защищать свои безнадежные позиции и прячутся в тесную клетку своей «культуры», которой называют внушенное им и умертвившее их души убеждение в том, что власть капитала — навеки законна, навсегда незыблема, они теперь даже и не рабы своего хозяина, а домашние животные его.

Рабы перерождаются в людей, — вот новый смысл жизни!..

Это было написано мною и, как видите, за 22 года

¹ Точки — сокращенные следы копыт царского цензора. (Прим. А. М. Горького).

² Снова наследил цензор. (Прим. А. М. Горького).

до наших дней. Мне кажется, что для того времени эта была не плохая статья, — между прочим ее весьма лестно оценил в письме ко мне Анатолий Франс, человек не щедрый на комплименты. Мне хотелось бы воспроизвести всю эту статью, может быть она убедила бы вас, что за 22 года мое отношение к людям вашего типа не очень изменилось, и что меня едва ли можно назвать «предателем лучших заветов интеллигенции» и что «развивался» я не «благодаря ее помощи», а — преодолевая ее попытки воспитать меня «по образу и подобию своему», то есть домашним животным капитала или комнатной собачкой его, — на эти роли, любимые рафинированной интеллигенцией, я оказался не способным.

Мне очень жаль, что я не могу воспроизвести статью «О цинизме» полностью, — черновика ее у меня нет, а по русскому тексту книги моей «Статьи», изданной в 16 году «Парусом», цензор гулял, как голодная свинья по огороду. Но — вот один кусок, не пожраный цензором.

«Цинизм прикрывается и свободой — исканием полной свободы — это наиболее подлая маска его.

Литература устами наиболее талантливых единоголосно свидетельствует, что, когда мещанин, устремляясь к полной свободе, обнажает свое «я», — перед современным обществом встает животное.

Очевидно, это — явление неизбежное и независимое от воли авторов. Их усилия почтенны и ясны — им хочется дать поучительный образ человека, совершенно свободного от предрассудков и традиций, связующих мещан в целое, в общество, стесняющее рост личности — им хочется создать «положительный тип» героя, который берет от жизни всё и ничего не дает ей.

Герой, являясь на страницах романа, более или менее остроумно доказывает свое право быть тем, что он есть, совершает ряд подвигов для самоосвобождения из плена социальных чувств и мыслей, и если окружающие персонажи во-время не задушат его или он сам не убьет себя, то в конце книги непременно является перед читателем из мещан, как новорожденный поросенок — как поросенок — это в лучшем случае.

Читатель хмурится, читатель недоволен. Там, где есть «мое», непременно должно существовать совершенно автономное «я», но читатель видит, что полная свобода одного «я» необходимо требует рабства всех других местоположений, — старая истина, которую каждый усиленно старается забыть. Мещанин слишком часто видит это, ибо в практике жизни, в ежедневной свирепой борьбе за удобное существование, человек становится всё более жестким и страшным, всё менее человечным. А в то же время такие звери необходимы для защиты пресвятой и благословенной собственности.

Мещанин привык делить людей на героев и толпу, но толпа исчезает, превращаясь в социалистические партии, а они грозят стереть с лица земли маленькое мещанское «я»; мещанин зовет героя на помощь себе — приходит вороватое и жадное существо с психологией бешеного кабана или российского помпадура.

А для этого монстра, призванного на защиту священного права частной собственности, не существует священных прав человеческой личности, да и на самую частную собственность он смотрит глазами завоевателя.

С одной стороны, — многоглавая красная гидра, с другой, — огненный дракон разверз ненасытную пасть, а посреди них распутно мечется маленький человечек со своей нищенской собственностью.

И хотя она для него — кандалы каторжника, ярмо раба, он ее любит, он ей верно служит и всегда готов защищать целостность и власть ее, всей силой лжи и хитрости, на какую способен, всегда готов оправдывать бытие со всеми средствами, от бога и философии до тюрьмы и штыков!

Мне кажется, что из этих слов можно сделать только один вывод: сегодня я говорю то же самое, что говорил всегда. Мой друг, а затем мой «враг» Леонид Андреев в 1913 г. в письме к А. В. Амфитеатрову называл меня «рыцарем пролетариата» — слова, конечно, слишком громкие и лестные, но они ведь сказаны только затем, чтоб сказать:

«...он вверх и вниз катает Сизифов камень реализма, свой чудесный и вещный сон о пролетариате распы-

ливая на четырех правилах арифметики. Ведь в концех концов реально только то, чего я не люблю, а то, что я люблю и чего хочу — всегда не реально».

Это напечатано в книге «Реквием», изд. «Федерация», и это — очень грустная ошибка Андрсева; ему, — как и всем, — не следовало пренебрегать четырьмя правилами арифметики, правила эти — основа науки. А «чудесный сон» о свободе пролетариата, о силе творческой воли его, — «сон» этот стал в Союзе Советов героической действительностью.

* * *

Вы сообщаете мне: «Эпоха, в которой мы живем, становится всё более циничной».

Совершенно верно. Я отнюдь не приписываю себе качеств пророка, но считаю себя неплохим наблюдателем. 22 года прошло с той поры, когда я писал о цинизме буржуазного строя, и вот цинизм этот развился в организме буржуазии как проказа. Но вы слишком поздно догадались об этом и догадка ваша уже едва ли поможет вам встать в позицию более честную и активную по отношению к исторической задаче пролетариата всей земли. Однако было бы, вероятно, полезнее для вас, если б вы, вместо того, чтоб внушать мне правила кротости, более внимательно посмотрели на окружающее вас. Посмотрите:

Внушительные фасады буржуазных государств как будто совершенно развалились, и всякий, кто хочет видеть, — может видеть, что происходит внутри каменных клеток европейского мещанства. Свирепствует экономический кризис, — результат болезненной жадности хищников к наживе. Всё чаще лопаются банки, всё усерднее воруют банкиры при скромной помощи членов правительства и парламентариев, покорных слуг капитала. Роскошь жизни мещанства Европы и Америки становится всё более цинически хвастливой, бессмысленной и грубой: развлечения мещан всё более безумны и всё решительнее принимают характер исключительно полового разврата, половых извращений. Недавно какой-то газетный мудрец сказал, что «промышленный

прогресс — отец рабочих», — он забыл добавить, что буржуазия является злой, глупой и распутной мачехой рабочего класса. Миллионы рабочих, их жены, дети голодают, в то время как миллионы тонн пшеницы некуда продать и ее истребляют на топливо. Кое-где капиталисты, оберегая свои денежки, понижают заработную плату и говорят о том, что государственная помощь рабочим должна быть прекращена, ибо — ею голодные развращаются, становясь лентяями.

С мужеством, достойным гораздо более активного применения, голодные рабочие Европы бесплодно истощают свои силы, упражняясь в терпении, в их среде растет преступность и самоубийства; газеты почти ежедневно сообщают, что целые семьи, не стерпев страданий и унижений голода, отравляются углекислым газом; не редки случаи, когда отцы и матери, прежде чем покончить с собою, режут детей своих, для того чтоб дети не остались в мире мещанства беспризорными и нищими.

Решитесь ли вы отрицать обилие таких фактов?

Профессиональные радетели о благе рабочего класса, вожди социал-демократии, члены издыхающего от малокровия и бездарности II Интернационала, забыв на старости лет о том, кто именно является исконным врагом рабочего класса, кажется хотят, но еще не решаются сказать своей покорной пастве: «Ешьте как можно меньше, а еще полезнее будет — не ешьте совсем, ибо наше капиталистическое отечество в опасности: на него точат зубы капиталистические отечества рабочих других наций».

И чтоб отвлечь естественно острое внимание рабочих Европы от Союза Советов, где установлена диктатура пролетариата и могуче развивается строительство подлинного социализма, вожди социал-демократии, вроде, например, дряхлого старичка Карла Каутского, сыплют песок своей мертвой мещанской мудрости в мозги рабочего класса, цинически и бездарно клеветуют на коммунистов, черпая материал клеветы и грязи из буржуазной прессы, не брезгуя и прессой русских эмигрантов — материал заведомо лживый и гнилой.

В деле фабрикации лжи и клеветы на трудовой народ Союза Советов протiwоестественно и чудесно объединяются битые рабочими русские генералы, изгнанные из Союза Советов богословы, епископы, сотрудники черносотенных газет, бывшие фабриканты и банкиры царской России, ее литераторы — бывшие радикалы, — весь сор и хлам, выметенный из пределов родины ураганом великой революции пролетариата.

Всю эту русскую и европейскую клику врагов пролетариата всех стран решилa возглавить хозяин «града Ватикана», человек видимо очень невежественный, как это и должно быть свойственно верующему в то, что он замещает на земле Христа, «бога любви и кротости». Он предложил монахам молиться «за страдающий русский народ», о жизни и работе которого он не имеет ясного представления, а народ этот, в лице 300 наиболее энергичных работников своих, притом в большинстве беспартийных, приехав в Неаполь, говорит с грустным изумлением: «какая нищета здесь, как болезненны дети, как ужасны жилищные условия рабочих!»

Говоря о глубочайшем невежестве по отношению к Союзу Советов «больших» и малых людей Европы, ее интеллигенции, ее прессы и журналистов, я ничего не преувеличиваю, и вот одно из доказательств этого анекдотического невежества: в газете «Маттино» напечатана 1 января 1931 г. телеграмма из Вены.

МОДА НА БОРОДУ В РОССИИ

Патриархальные бороды, которые настолько раздражали Петра Великого, что все его придворные должны были обриться, снова становятся модными в современной России. Но повидимому не по причинам эстетики. Если серьезно задуматься — длинная борода имеет много достоинств: делает излишним расход на галстуки, согревает грудь, охраняет от простуды и в то же время мешает лицу иметь то буржуазное выражение, которое придает ему отсутствие растительности. Только те несчастные, которых природа одарила рыжими волосами, будут принуждены жертвовать растительностью на под

бородке, потому что население России, несмотря на большевистский дух, осталось суеверным и рыжих считает — приносящими несчастье.

Такие чепуховые анекдоты печатаются почти ежедневно в прессе Европы, они печатаются и в знаменитом словаре Ларусса; в них, между прочими глупостями, сообщается:

Самовар, это — сосуд для кипячения воды с одним или несколькими кранами.

Раскольники — русские сектанты. Имсются в трех видах: раскольники, ракольники и раскольниковы.

Иван III носил прозвище Добрый.

Иван IV был прозван грозным за то, что убивал своих жен палками.

Ген. Деникин — известный генерал, сражавшийся с большевиками по приказанию Керенского.

Недавно в одной из газет Италии помещена была фотография Днепростроя с таким объяснением: «Новая жизнь в Сибири. Вид Днепростроя, на реке Обь, энергия его будет служить индустрии и освещению города Омска».

Разумеется, всё это — пустяки, мелочь, но таким хламом наполняются головы рабочих Европы изо дня в день, из года в год, а люди, которые привыкли кричать о «братстве народов», «единении наций», о «кризисе культуры», как будто забыли о том, что именно невежество — одно из крупнейших несчастий мира, и против пропаганды невежества не протестуют, даже не замечают ее.

Да и кроме этого равнодушия к распространению глупости, лжи, клеветы, в мире мещанства совершается множество различных весьма крупных подлостей и преступлений против трудового народа, но все они не встречают никаких возражений со стороны той европейской интеллигенции, которая с детской наивностью продолжает, по вашим словам, «считать себя силой, творящей и охраняющей европейскую культуру, основанную на гуманизме христианства, и которая всё-таки идет вперед, всё-таки ищет правду любви, братства, равенства».

Из этой фразы следует, что вы говорите о тех греш-

никах Дантова «Ада», которые «идут вперед, обратив свои лица назад».

Я считаю совершеннейшим бесстыдством эти пошленькие слова о «всечеловеческой правде любви» в те дни, когда национальные ненависти, зажженные в Версале, разгораются всё ярче, когда капиталисты Европы, усиленно вооружаясь, готовят новую всемирную бойню и почти каждый день на улицах «культурных центров мира» убивают рабочих только за то, что они хотят есть. Гораздо честнее, чем болтуны этого рода, ведет себя одичавший ген. Людендорф, который, заявив недавно о своей ненависти к евреям, теперь сообщает письмом в газету г. Саарбрюкена, что «истинные германцы не могут быть христианами».

Вот это — последовательно! И это не единственный факт полного одичания современных европейских генералов от артиллерии, кавалерии, от политики, от религии и даже от науки.

Бесстыдно и бессмысленно говорить о какой-то «общечеловеческой правде», когда на глазах у всех безнаказанно создается кровавый заговор против трудового народа, заговор, в который неизбежно будет так или иначе вовлечена и «демократическая интеллигенция». Действительность, созданная капиталистами и мещанством, которое они ведут за собой, как собаку на цепи, — действительность до того цинична, что позволяет думать: экономический кризис является как бы частью грандиозного заговора капитала против людей труда, что кризис поддерживается искусственно, что создают армию безработных для того, чтоб обратить их в армию солдат. Это — фантастика? Возможно. Но более чем возможно, что мы еще раз будем зрителями всемирной битвы нищих, организованной миллионерами. Так думаю не один я, вот, напр[имер], профессор антропологии Лесли Уайт, выступив в декабре на съезде антропологов в Кливленде, заявил, что:

«Война неизбежна, так как капитализм стремится к войне с целью разрешить кризис». «Самоубийство путем войны, — сказал Уайт, — является логическим завершением капиталистической системы».

Вы утверждаете, что я не вижу правды? Я вижу две.

Одна из них — ваша, старенькая, дряхлая, кривая на левый глаз — беззуба и питается той гнилью, которую сама же она и сотворила.

Другая — молодая, задорна, неистощимо энергична, она стремится вперед к своей высокой цели, не оглядываясь, и порою попадает в ямы, враждебно и мстительно вырытые на ее трудном пути рабами старой правды.

Одна из правд: в Союзе Советов люди труда под руководством партии большевиков и рабоче-крестьянской власти, работая в тяжелых условиях, успешно строят свое, новое государство равных, и эта грандиозная, мужественная работа является началом возрождения пролетариата всего мира, началом всемирного Ренессанса.

Другая — глупенькая, мелкая, злая правда, которую любят декаденты, обитающие внутри и вне Союза Советов. Она мстительно указывает на то, что 162 миллиона населения Союза Советов всё еще не одето в шелк и бархат, что за 13 лет диктатуры рабочего класса он еще не сделал 25 миллионов мелких собственников-индивидуалистов социалистами. Именно к этим выводам сводятся все мелочные придирки сторонников старой, еще живой, но уже быстро издыхающей правды нищих духом.

Как видите, гр. П. Н., я знаю правду.

(1931)

ЛОГИКА ИСТОРИИ

На днях в одной из бело-эмигрантских газет было напечатано:

«Нью-Йорк, 4 июля. Уволен в отставку 14-й по счету полицейский судья Нью-Йорка. Увольнение объясняется крупными злоупотреблениями по службе — получением взяток. За последние полтора года из 25 полицейских судей Нью-Йорка более половины оказались преступниками».

Месяца три тому назад та же газета сообщила, что в одном из штатов Северной Америки был арестован за

преступления по службе судья, который во время суда над ним признался, что за время своей деятельности по борьбе с преступностью он утвердил не менее 1000 бесчестных приговоров за взятки со стороны родственников и от других преступников.

Тысяча преступлений, совершенных одним судьей, это — разумеется, очень много, но следует помнить, что американцы любят грандиозное и в данном случае следует верить бело-эмигрантской прессе: она не только усердно, но даже яростно защищает капиталистический строй. Значит, не в ее интересах сообщать читателю непроверенные факты, которые компрометируют этот любимый ей строй.

Значит она сообщает факты эти или «по неосмотрительности», или по глупости, или потому, что для нее безразлично, чем кормить читателя, лишь бы он покупал газету.

Она печатает в игривом тоне, например, такие сообщения:

«Перед судом исправительной полиции в Лионе должен был предстать бродяга, обвинявшийся в воровстве. Жандармы долго не решались ввести подсудимого, и уступили только после настойчивого требования председателя. Пред судом предстал человек... без штанов. Бродяга заявил, что он изодрал свои штаны в виде протеста против несправедливого обвинения и затем, чтобы показать, «на что он способен, если его и дальше будут мучить», съел значительную часть лохмотьев. Судья распорядился вернуть бродягу в тюрьму, дабы там справили ему пару брюк».

Очень весело рассказано, хотя и чувствуется, что бродяга — из новых, из созданных безработицей.

Но вернемся в Америку к судьям, которых в таком солидном количестве сажают на скамью подсудимых. Разумеется, сажают не всех. Например, Фуллер, губернатор одного из штатов, убийца Сакко и Ванцетти, кажется еще продолжает губернаторствовать. Не был посажен на скамью подсудимых и тот судья, который, будучи в ресторане, сказал публике: «Через минуту три человека сядут на электрический стул: я не убежден

в их виновности, но нахожу, что для примера, их надо казнить».

Кажется публика рукоплескала ему. Известно, что в эти дни дожидаются смерти 8 негров, почти мальчиков. Их обвинили в анархизме, хотя данных для обвинения не было и нет. Очевидно, их убьют «в пример другим».

Итальянцев Сакко и Ванцетти убили, в сущности, также «в пример другим». Приговорив к смерти этих мучеников, держали их семь лет в тюрьме, чего не делалось даже в русских тюрьмах царского времени. Пролетариат Европы протестовал против приговора, протестовала интеллигенция. Это не помогло. Сакко и Ванцетти были убиты. Наверное будут убиты и 8 негров, несмотря на протесты пролетариата Европы и Союза Советов.

Протестовать против цинической жестокости капиталистов необходимо потому, что это организует классовое самосознание — и классовые интересы солидарности пролетариев.

Но было бы наивно думать, что эти протесты могут оказать какое-нибудь влияние на суд капиталистов, людей, которые опьянены своей властью и которых всё более и более опьяняет животный страх перед социальной катастрофой. Они чувствуют, что революция неизбежно снесет и смоев их с лица земли, загрязненной ими. И ничего больше не остается, как становиться всё более беспощадными по отношению к врагу, пока еще недостаточно организованному для последнего, решительного боя. Но враг организуется, и поэтому Зеверинг, прусский министр внутренних дел, советует полицейским не жалеть патронов, как это советовал в 1905 г. петербургский градоначальник Трепов.

4 июля Зеверинг обратился ко всем полицейским учреждениям с циркуляром, в котором говорится:

«Если предыдущий циркуляр допускал применение выстрелов в воздух, то отсюда никак не следует, что разрешаются только холостые выстрелы и стрельба патронами воспрещена. Я не откажу в защите ни одному человеку, который пустит в ход огнестрельное оружие, руководствуясь предписанием этого циркуляра».

Из этой прокламации министра для всякого грамотного революционера совершенно ясно, что министр готов убить не 8, а 800, 8 000 и даже, если удастся, 80 000 рабочих. Он организует свою армию к битве. И этим он учит немецких рабочих: организуйтесь! Они организуются, уходя из рядов социал-демократии в компартию.

Всё идет, как следует. Приближаются сроки величайших боев и уничтожения трудовым народом всех его паразитов. Коммунизм, как судья, приговорил остальной мир к смерти, как вождь трудовых масс силой их он разрушит его, а, как организатор трудовой энергии — построит на земле новый мир.

Это не пророчество безумного, не утешение для слабых духом, это — неизбежная, неоспоримая логика фактов, логика истории.

(1931)

ОТВЕТ НА АНКЕТУ ЖУРНАЛА «VU»

1. Следует ли опасаться «еще одной войны»?

Правительства Европы тратят огромные количества народных средств на вооружение. Известно, что даже револьверы приобретаются не для украшения гостиных, а для убийства или самоубийства, — тем более не следует предполагать, что броненосцы, подводные лодки, танки и прочее в этом роде предназначается для целей мирного туризма.

2. Какие причины могут ее вызвать?

Основной причиной нужно признать факт бытия капиталистов, людей, у которых страсть к наживе приняла характер болезни, весьма похожей на сатириазис. Нет надобности доказывать чудовищность бытия небольшого класса, — даже группы маниаков, которые, захватив в свои руки богатства земли, безответственно распоряжаются жизнью народов, т. е. — трудовых масс. Преступная деятельность людей этих совершенно точно указана за 1500 лет до нашей эпохи одним из «отцов церкви», Лактанцием, который был прозван «Цицероном хри-

стианства». Он в своей книге «О правде», гл. VI, говорит буквально следующее:

То, что прежде было в общем употреблении у всех людей, начало скопляться часто в домах у немногих; чтобы других подвергнуть своему рабству, люди стали собирать себе в одни руки первые потребности жизни и беречь их тщательно, дабы небесные дары земли сделать своею собственностью, чтобы удовлетворить единственно своему любостяжанию и корысти. После того составили они себе самые несправедливые законы под личиною мнимого правосудия, посредством которых защитили против силы народа свое хищничество и скряжество, действуя тут то насильством, то богатством, то злобою. Таким образом удаляясь от всех следов правды, они пожелали ввести между собою гордое и надменное неравенство, возвысили себя наглым образом над другими людьми, и стали от них отличаться одеждою и оружием. Кроме Лактанция, на преступность существования капиталистического строя указывали все люди, которым не чужда была хорошая привычка мыслить честно, напр. весьма далекий от социализма экономист Сисмонди, он в начале XIX века прекрасно понимал, что: «... большая часть расходов по социальному устройству предназначена для защиты богатых против бедных». Известно, что эти показания честных людей были научно и неоспоримо обоснованы Карлом Марксом и что, опираясь на философию истории Маркса-Энгельса, развив ее до логического конца, Владимир Ленин указал русскому рабочему классу прямой, практический путь к освобождению из тягчайшего плена безумных и бездарных людей.

Сейчас мы имеем законное право сказать, что войны ведутся богатыми не только для укрепления власти над бедными, но и против друг друга, силами бедных при помощи умных, т. е. при помощи той интеллигенции, которая служит бесчеловечным целям капитала. Это служение является одним из самых отвратительных зрелищ нашего мира.

Вот, напр., некто Черчилль, англичанин, в августе 30 г говорит на собрании английских промышленников в Сити:

«Английская нация не имеет намерения отказываться от контроля над жизнью и развитием Индии. Конференция Круглого Стола не имеет полномочий выработать конституцию для Индии. Никакое соглашение, достигнутое на этой конференции, не будет связывать английский парламент.

24000 индийских политиков и обманутых ими людей находятся в тюрьмах. Беспорядки пресекаются решительно и сразу. Следует провозгласить, что британская нация не отказывается от своей миссии в Индии. Мы не намерены лишиться этого лучшего алмаза британской короны. Потеря Индии означала бы конец Британской империи».

* * *

Цинизм этой речи должен бы возмутить христианские чувства архиепископа Кентерберийского, но не возмутил. Архиепископ этот тоже англичанин, тоже циник и демонстрирует свой казенный «гуманизм» только в тех случаях, когда это нужно и выгодно его хозяевам, как это он сделал по отношению к Союзу Советов.

Наиболее тихим среди безумных, которые управляют судьбами народов, является король Испании, — он убивает свой народ молча, тогда как напр. Пилсудский формулирует для репортеров свое «божественное право» на убийство словами большого манией величия:

«Я принадлежу, — заявляет он, — к числу людей наиболее сильных, скажу даже — совершенно исключительно одаренных силой воли и способностью принимать решения».

Это не хвастовство, он очень решительно изругал сенаторов Польши позорными именами, что несколько не повлияло на их «гонор» и здоровье. Может быть его нельзя было бы назвать маниаком, если бы он ограничился только поношением сенаторов, но он явно стремится подражать в действиях своих русским царям.

Можно привести еще ряд фактов, которые подтвердят основной и чудовищный факт: — жизнью народов управляют люди совершенно обезумевшие. И совершенно ясно, что пока власть над жизнью и волей народов

в руках этих людей, войны и всякие «мирные грабежи» — и вообще социальные катастрофы — неизбежны.

3. О том, какова будет война: очень красноречиво писал в августе 1930 года один из бывших премьеров Франции, г. Кайо.

«Прочь иллюзии! Последняя война была войной тяжелой артиллерии, пулеметов и подводных лодок; будущая война, если только человечество безумно на нее согласится, будет войной химической, войной газовой; в 1914—1918 комбатанты гибли миллионами — в X-ом году, — который, хочу надеяться, не будет никогда внесен в календарь, — гражданское население будет уничтожено, нет никаких средств предохранить гражданское население. В настоящее время имеется газ, который проникает под кожу без всяких ран, незаметно для жертвы, который вызывает через некоторое время сильные конвульсии, — а затем приводит к хроническому и неизлечимому помешательству...

Эти попытки отныне предназначены отнюдь не для одних сражающихся, но, главным образом, для гражданского населения».

Тогда же, в августе, показания г. Кайо подтвердил один из лучших военных ученых генералов, Бертольд фон Деймлинг, на основании внимательного изучения воздушных маневров, производимых этим летом в Италии, Франции и Англии.

«В Лионе, перед налетом «вражеских» аэропланов, населению были розданы противогазовые маски и организована подача медицинской помощи. Город защищался специальным отрядом аэропланов, электрическими прожекторами и зенитными орудиями. Тем не менее нападающий отряд проник в город и забросал его бомбами. Последние маневры показали, что зенитные орудия не могут принести большой пользы, так как аэропланы могут всегда подняться выше или ниже разрыва шрапнели. От их осколков, как доказали английские маневры, страдает гораздо больше мирное население, чем неприятель».

4. *Что стоила война 1914—1918 гг. народу Франции и что мог бы он иметь, если бы не было*

этой войны — хорошо подсчитано было журналом «*Vu*»: истрачено 887 миллиардов франков — всё это деньги трудового народа, иных денег в мире нет. А сколько было уничтожено здоровых, социально ценных людей?

Если я не ошибаюсь, — в каждом государстве существует закон «о предупреждении и пресечении преступлений».

Казалось бы, что прямой логический вывод этих угроз войны должен быть таков: людей, которые предполагают устроить для защиты своих ничтожных интересов массовое истребление человечества, — людей этих следует изолировать.

Есть очень гуманные способы изоляции таких социально опасных: например, их можно бы выселить на Соломоновы острова или в другие места, обитаемые антропофагами. Я совершенно уверен, что это мое предположение нельзя считать жестоким, особенно для гг. Черчилля, Чемберлена, архиепископа Кентерберийского, Пуанкаре и подобных им. Кентерберийский архиепископ, конечно, читал труды святого Иеронима и помнит, что этот святой «юношей сам видел в Галлии аттикотов, племя британское, питающееся человеческим мясом». «Вершители судеб Европы», будучи сосланы к людоедам, могли бы там возобновить старые вкусы. Но вместо того, чтоб, действуя на основании закона, разрешающего предупреждать и пресекать преступления, предложить тот или иной план изоляции преступников, Кайо делает совершенно неожиданный вывод: по его мнению, спасение человечества в повторении древнего мифа о Прометее — люди должны сковать нового Прометея. «Если человек хочет существовать, он должен сковать нового Прометея: науку».

Итак — вот к чему — к варварству приводит мир власть капиталистов, класса, идеологи которого утверждают, что именно этот класс является творцом и хранителем культуры. Капиталисты находят, что наука дала им достаточно средств для междоусобной борьбы и для самозащиты против рабочего класса, и довольно науки! Не будет ничего удивительного в том, что Европа так же как С. Ш. Америки родит своих «низколобых» Брайанов,

и что в скором времени мы будем свидетелями «обезьяньих процессов», где обвинителями выступят епископы.

Не вижу причин, почему бы капиталистам не восстанавить инквизицию.

Что капитализм губит культуру, об этом неоспоримо говорит интеллектуальное обеднение Европы.

5. Что можно сделать для избежания войны?

То же самое, что сделано в Союзе Советов. Чтобы кончить с порочной действительностью, необходимо с чего-то начать. Рабочий класс начал совершенно правильно: установил в стране свою власть. Результаты его деятельности за 13 лет, возбуждая дикую ненависть мошенников всего мира, возбуждают и будут возбуждать активные симпатии рабочих масс всей земли и всех честных людей ее.

(1931)

ШКОЛЕ ВЗРОСЛЫХ В СМОЛЕНСКЕ

Получил ваше письмо, товарищи.

Самое лучшее, крепкое и четкое, что сказано вами в письме, — вот эти слова:

«Социалистическое соревнование и ударничество — практическое выражение нового отношения к труду в нашей стране — ускоряют темпы нашего строительства, выковывая новый тип рабочего, работающего не на хозяина, а на себя, на весь класс рабочих».

Правильно, товарищи! Союз Советов — огромное тело, сложенное из полутораста миллионов единиц, которые, непрерывно вырабатывая, выделяя и укрепляя в жизнь мощную революционную энергию воли и разума своего, создают новые формы государства, новую культуру. Вы совершенно правы, товарищи, — культура, творимая рабочим классом и той частью крестьянства, которая сознательно, убежденно идет плечо в плечо с партией рабочих-ленинцев, — эта культура требует прежде всего именно «нового отношения к труду», как вы сказали.

В чем должно выразиться это новое отношение?

В ясном сознании, что у нас, в Союзе Советов, нет такой работы, которая не была бы государственно необходимой, и что все формы труда в лабораториях ученых, в университетах, в газетах и журналах, на фабриках и заводах, на полях и под землей — все формы труда заслуживают одинакового внимания, напряжения и уважения.

В ясном сознании необходимости бережного отношения к материалам и в сознании того простого факта, что, чем лучше, прочнее, совершеннее сделана вещь — тем длительнее она служит и, значит, скорее поможет снабдить всю страну предметами первой необходимости, которых всё еще нехватает населению громадной нашей страны.

В сознании, что если вещь сделана хорошо, прочно и поэтому служит людям более длительно, — этим сокращается количество часов государственного труда, экономизируется рабочая энергия.

Значит: «практическое выражение нового отношения к труду» требует бережного отношения к материалам, машинам, станкам и беспощадной борьбы с браком. Всё это вы, конечно, знаете. Знаете вы и то, что:

«Грандиозные задачи, намеченные нами к выполнению пятилетки, наряду с высокими темпами работы требуют повышения нашего общего культурного уровня, требуют скорейшей подготовки наших пролетарских специалистов, на которых можно было бы положиться, для которых дело рабочего класса — их дело».

Тоже правильно и крепко сказано! И вы, товарищи, имеете законное право с гордостью отметить, что процесс «повышения нашего общего культурного уровня» развивается с поразительной быстротой. 13 лет тому назад подавляющее большинство трудового народа царской России можно было назвать не только немым, но и глухонемым. Свиный гнет самодержавия, капиталистов, чиновничества, попов, полиции, гнет, подкрепляемый штыками забитых до оупения солдат царской армии, — этот гнет позволял трудовому народу только тихонько стонать и говорить о горе жизни своей только шопотом. Голоса революционеров, а особенно наиболее

решительных из них — большевиков, медленно и с трудом доходили до слуха порабощенных, до разума и сердца их. Едва только рабоче-крестьянская масса поднимала свой голос и руку, — сотни и тысячи людей поролы нагайками, расстреливали, как это было на Украине в 1902 году, в Петербурге 9 января 1905 г., после первой революции 1905—1906 гг., на Лене, — всегда и всюду!

Нужно было пережить кровавое несчастье четырехлетней империалистической бойни, которая истребила, изувечила более десяти миллионов рабочих и крестьян, для того, чтоб масса трудового народа почувствовала и поняла спасительную правду Владимира Ильича Ленина и его учеников. Эта несокрушимая правда дала рабоче-крестьянской массе, руководимой партией большевиков, силу вдребезги разбить офицерские армии, которыми руководили ученые генералы, помогла вышвырнуть из Союза Советов отлично обученные войска «интервентов» — напор европейских капиталистов, которые пошли на помощь изгнанным капиталистам царской России. Я напоминаю об этом всем вам хорошо известном для того, чтоб сказать: с той поры прошло только десять лет.

Чего достигли вы за это время?

Высота культуры народа правильно измеряется количеством издаваемых в стране книг и газет. До революции наша безграмотная, малограмотная, глухонемая масса трудового народа стояла ниже почти всех европейских стран, за исключением Италии, Испании. В 1930 году мы, по количеству издаваемых у нас книг и газет, стоим, кажется, уже на одном из первых мест. Мы имеем право сказать, что весь народ Союза Советов отлично слышит всё, что делается в мире и скоро весь научится толково, разумно говорить о своих нуждах. Быстро и успешно ликвидируется безграмотность. Рабочие и крестьяне с каждым годом всё больше выдвигают в администрацию, в прессу, в литературу, в искусство, науку, в технику своих людей. Страна говорит сотнями тысяч голосов рабселькоров, военкоров, юнкоров, деткоров, сотнями тысяч голосов «делегаток». Мы имеем право гордиться фактом, небывалым никогда, нигде: наша Красная армия — культурная сила, а не только ор-

ганизация, созданная для физической защиты рабоче-крестьянского государства.

Но есть еще более яркий и неоспоримый показатель быстроты и успешности нашего культурного роста. Вот предо мною лежат десятка три маленьких книжек, изданных ВЦСПС, и куча книг, созданных быстро растущей армией наших «очеркистов». Большинство этих книжек написано рабочими «ударниками», и в них рассказывается просто, ясно, горячо о том, как возникло на фабриках и заводах, в колхозах и коммунах социалистическое соревнование, создавались ударные бригады, как работали на фабриках комсомольцы,—в них отражается бурный рост государственного труда и творчества масс. Они сами, эти маленькие книжки, являются актом и продуктом самостоятельного творчества массы. Почему я придаю этим маленьким книжкам такое большое практическое культурное значение? Потому, что в них отражен трудовой опыт единиц и групп наиболее энергичных, и потому, что эти книжки, напечатанные в сотнях тысяч экземпляров, разлетятся по всем фабрикам и заводам нашей страны и сообщат поучительный опыт единиц и групп всей многомиллионной силе рабочих и крестьян, а это несомненно должно будет повысить продуктивность труда по всему Союзу Советов. Эта с виду как будто бы маленькая затея убедительно говорит о том, как успешно развивается у нас сознание необходимости «догнать и перегнать» индустриальную мощь капитализма Европы. А еще говорит она о быстром росте в рабочей массе ее коллективного, социалистического разума.

С радостью прочитал я ваше сообщение:

«Вечерняя школа взрослых твоего имени, проводя большую работу по повышению общеобразовательного и политического уровня трудящихся, одновременно в пяти своих группах готовит около 200 человек в высшие учебные заведения».

Прекрасно, товарищи! Живем всё еще трудно, много не хватает, но понимаем, что всё — в нашей власти, и нет препятствий, которые мы не преодолели бы! По всей стране готовятся бойцы за индустрию, за социализм, физическая мощь Союза Советов развивается

вместе с духовной, идет процесс накопления и развития культурных сил.

Ну, а как поживают наши враги за рубежом Союза Советов?— спросите вы. Если я сам начну рассказывать вам о жизни их, скажут, что я «выдумал». Поэтому предоставляю слово им. Вот, например, в газете монархистов «Возрождение» напечатаны такие слова:

«Ничто не говорит так ясно о бедственном положении русских эмигрантов, как обилие балов и вечеров, устраиваемых ими».

Это, должно быть, грустная ирония, потому что в той же газете напечатаны вот такие мрачные стишки фельетониста Лоло:

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ДУМЫ

На «заре» изгнанических дней
Мы судьбе бросали гордый вызов,
Были мы отважней и смелей, —
Не боялись тягостных сюрпризов.
 Но судьба гнала надежду прочь,
 Улучшала грезы и мечтанья,
 И темнела беженская ночь,
 И томили вечные страдания.
Годы шли. Мы начали ронять,
И душой, и телом увядая.
В сердце страх пробрался, точно тать,
Вслед за ним ползла тоска седая...
 Голова давно уж в серебре,
 И не тешат праздничные трели,
 Мы горим на беженском костре,
 Но еще как будто не сгорели...
Сним — и видим милый отчий кров,
Из тюрьмы воздушный строим терем,
Всё еще чего-то жадно ждем,
Всё еще во что-то страстно верим.
 Каждый год на празднике чужом
 Мы грустим — непрошенные гости.
 Веселясь, мы неискусно лжем,
 Если пляшем, — пляшем на погосте.

Стишки такие — не редкость. Скучно эмигрантам живется. Между прочим, они часто и злобно отмечают грамматические ошибки наших молодых писателей, а сами постепенно забывают русский язык и пишут так.

«Известная из Дантовского «Ада» история о флорентийском плуте, завещавшем себе, приняв вид умершего богача, к досаде отсутствующих родственников, всё свое состояние».

Это напечатано в газетке «Руль». Там же «прислуга вылила на грабителя кувшин с горячей водой». В «Последних новостях» Миллюкова нередко можно встретить такие фразы: «Все разбежались, в том числе и сам волк». «Он приволакивался за своей дочерью».

Но разумеется, порча языка — не основное занятие эмигрантов, они главным образом усердно занимаются творчеством лжи и клеветы на Союз Советов и внушают друг другу, что «пятилетка — не удалась», что «Россия — разрушается», хотя капиталисты Европы и экономисты ее всё чаще и всё с большей тревогой говорят о том, что «пятилетка — удалась», и что Союз Советов скоро будет совершенно независим от европейских хищников.

В общем же эмигранты — публика уже неинтересная, и жизнь ее никому не нужна. Капиталисты и парламентарии Европы деятельно вооружаются, но, кажется, еще более деятельно воруют.

Вот например, телеграмма, напечатанная в «Руле» 7 января:

„НОВАЯ ПАНАМА ВО ФРАНЦИИ“

Париж 7-1-31.

Дело банка Устрика приняло характер грандиозного политического скандала. В то время как прежний министр финансов Рейно составил список 11 парламентариев, скомпрометированных в деле Устрика, его преемник, теперешний министр финансов Жермен Мартен, включил в этот список 45 имен, в том числе бывшего первого министра Тардьё, председателя теперешней следственной комиссии по делу Устрика—Мартена, другого правого лидера палаты, парижского депутата Тетанже, руководителя лиги патриотической молодежи, далее председателя финансовой комиссии палаты депутатов Мальви и т. д. В книгах банка Устрика обнаружена запись, что личный секретарь Тардьё Милло получал из банка ежемесячно 5000 франков. Всего он получил

120 000 франков. Далее найдена расписка газеты «Волонтэ» на 260 000 франков и ордер на 80 000 франков редакции провинциальной газеты «Эко де-Соль», органа бывшего одно время министром внутренних дел радикала Дюрана. Некоторые газеты утверждают, что список Жермен Мартена далеко еще не полон и что в него следует включить теперешнего министра земледелия Виктора Борэ. Судебный следователь установил, что Устрик заплатил 17 000 франков комиссару полиции Бенуа. Этот комиссар прославился арестом и избиением сапожника Алмазова. Орган социалистов «Попюлер» утверждает, что французские держатели сомнительных иностранных биржевых бумаг, допущенных во Францию, благодаря давлению подкупленных парламентариев, потеряли около 20 млрд франков. В Париже по требованию министерства колоний арестованы инженеры Жирадон и Бюссиер и издан приказ об аресте бывшего депутата, социалиста Лагрессиера, представлявшего остров Мартиника. Все они обвиняются в подкупе правительственных чиновников. В декабре 1929 года колонии Мартиника был отпущен кредит в 200 млн. франков на строительные работы. Обвиняемые основали строительное общество с акционерным капиталом в 500 000 франков, которое финансировал банк Устрика. Общество это получало подряды при помощи колоссальных взяток. В Дрогиньяне обанкротился банк Инар, показавший дефицит в 11 млн. франков. Владелец банка покончил с собой.

А вот еще более интересная телеграмма газеты «Маттино»:

„СЕНСАЦИОННЫЙ СКАНДАЛ В АМЕРИКЕ“

Лондон, 19-1-31.

Огромную сенсацию вызвал во всей Америке полицейский коммуникат о результатах обыска, произведенного чикагской полицией в отеле «Рекс», принадлежащем бандиту¹ Аль Капоне и посещавшемся главным

¹ Не думайте, что это ошибка наборщика, и бандитом назван банкир. Нет, Чикаго уже несколько лет находится во власти двух

образом преступным миром города. В последнее время вражда между шайками привела к тому, что отель посещался почти исключительно приверженцами Аль Капоне, они являлись туда для отчета в их деятельности.

Теперь только полиция решилась на энергичный шаг. Вначале обыск не дал результатов, но позже в одной из комнат были обнаружены в стене два потайных шкафа, которые были вскрыты. В них находились пакеты и пачки чеков и векселей.

С целью найти переписку Аль Капоне с сообщниками и оружие, пакеты были просмотрены, ничего этого не нашлось, но чеки и векселя дали совершенно неожиданный результат. Чеки имели подписи известнейших высокопоставленных американских политических деятелей, показывая, что в деятельности банды Аль Капоне были замешаны не только служащие во всех областях управления и администраций страны, но даже высшие лица Вашингтона.

Это открытие установило, что существовала организационная связь банды Аль Капоне с чинами полиции, видными политиками, лицами, занимающими высшие административные должности, вплоть до таких, имена которых невозможно назвать.

Известие это вызвало сенсацию в политических кругах и панику в рядах Аль Капоне.

(Как только полиция опубликовала свое первое сообщение, указавшее, до какой степени дошло разложение высших классов общества, — огромное количество тайных увеселительных заведений, где с молчаливого согласия полиции продавалась неудобоваримая продукция заводов, подделывающих модные напитки, стало закрываться).

В скобках — вставка «Маттино» в телеграмму.

«Точное описание содержимого шкафов будет опубликовано через несколько дней, но, повидимому, будет установлена цензура, чтобы не дать скандалу разрастись

организаций бандитов: во главе одной — Аль Капоне, другой Даймонд. Оба они занимаются массовой контрабандой спиртных напитков, совершили множество убийств, выдерживают битвы с полицией и т. д. (Прим. А. М. Горького).

и попытаться спасти слишком скомпрометированных лиц, принадлежащих к высшим слоям общества» («Маттино», 20. I. 1931).¹

Иногда — развлекаются, например — так в САСШ:

«В одном из городков штата Миссури толпа линчевала негра, он был вытаскен из тюрьмы и волоком притащен к старой городской школе. Его подняли на крышу, распяли его на черепицах, привязав руки и ноги к стропилам, облили керосином всю постройку и подожгли. Негр сгорел живьем вместе со всем домом».

Вот как американцы иногда утилизируют школы!

Заклучим эти сведения иностранных газет веселенькой заметкой, напечатанной в газете «Возрождение»:

«Современный Берлин — город величайших противоречий, внешнего великолепия при беспримерно тяжелом внутреннем кризисе.

В эти дни в Берлине был придуман способ рекламы, вряд ли имеющий прецедент даже в Америке. В одном из магазинов имеется особая должность... воровки. Выбирают на эту должность обыкновенно женщину средних лет. «Воровка» весь день проводит в магазине. Ее обязанность — попасться в краже, причем заранее ей дается указание, что именно она должна в данный день украсть — зонтик ли, кусок материи, иногда даже радиоаппарат. «Воровку» один из приказчиков публично обвиняет в краже. Естественно, собирается толпа. Немки среднего сословия обычно требуют чуть ли не суда Линча, обступают пойманную, но в решительную минуту появляется заведующий отделом, который громогласно заявляет:

«Сударыня, вы украли у нас такую-то вещь. Очевидно, она вам нравится. Берите ее, идите себе спокойно домой. Мы продаем вещи по столь низкой цене, что нам безразлично, берут ли ее у нас даром или платят за нее». Такова одна сторона берлинской жизни. А другая...

Те же большие магазины с трудом оборачиваются — так велики налоги. Знаменитый мюзик-холл «Адмиралс-

¹ Описание содержимого не было опубликовано, Аль Капоне был арестован спустя более года после обыска. (Прим. А. М. Горького).

«Паллас» прогорел и продается буквально за гроши. А известный всему финансовому миру Германии банкир Гольдшмидт, владелец одного из крупнейших банков в Берлине, на этих днях лег в постель и пустил себе пулю в сердце. На столе нашли записку: «У меня нет больше денег...»

Обратите внимание: в последней заметке о должности «воровки» — хорошенькая должность? — говорится в тоне усмешки: «ловко придумано!», а о крахе мюзикхолла и самоубийстве банкира — с явной грустью.

Ну, я думаю, хватит, товарищи! Гадостям этим — нет числа и говорить о них противно. Примите мой сердечный привет и пожелание бодрости духа.

(1931)

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ЛЕГЕНДЫ¹

«Непрерывно разрастается экономический кризис». «Безработица принимает размеры мировой катастрофы». «Голод вызывает среди рабочих эпидемию самоубийств, усиливает преступления против собственности и проституцию, в том числе детскую». «В С. Ш. С. Америки ежедневно умирает от голода *не менее тысячи рабочих*».

Это не мои слова, я взял их из буржуазных газет. Капиталисты всё более единодушно заявляют, что у них нет средств кормить рабочих и что государственная помощь безработным — невозможна. Президент С.Ш.С. Америки отказался утвердить ассигновку «Красного креста» в помощь безработным, находя, что эта помощь — «социалистическая мера». В Перемышле заведующий биржей труда сказал депутации безработных: «Денег в кассе у меня нет. Я могу вам предложить лишь некоторую сумму на веревку, чтобы повеситься».

Еще более красноречиво и цинично выразился один из крупных немецких политиков; он сказал: «Нужно, чтобы 20 миллионов немцев издохло, потому что государство не в силах кормить их». Этот дикий рев отчаяния слуги капитализма не вызвал никаких «комментарисв» бур-

¹ Печатается с небольшими сокращениями. (Примеч. редакции).

жуазной прессы, которая — как утверждают специалисты лжи и клеветы — пользуется «свободой слова». В благородных сердцах интеллигентов-«гуманистов» рев этот тоже не вызвал отзвука так же, как и в пустоте душ лордов, епископов и различных авантюристов, безответственно и преступно командующих жизнью рабочего класса Европы, Америки, Азии, Африки. Рабочие всей земли еще раз могут убедиться в том, что ожидать помощи капиталистов, буржуазии, гуманитарного «свободного слова» — дело столь же безнадежное, как ждать молока от быка. Пролетарию всех капиталистических стран пора наконец понять, что в словах «у пролетария — нет отечества» заключена суровая, неоспоримая, пролетарская истина. В свое время эту истину провозгласил Карл Маркс, ее многократно повторял создатель большевизма Владимир Ленин. Буржуазные «мыслители», защитники власти капиталистов и экономического рабства для трудового народа, оспаривали эту истину. Но вот наступило время, когда капиталисты сами, и не словом, а на деле утверждают, что рабочие — действительно чужие люди в странах своего языка, что капиталистический строй не может помочь десяткам миллионов безработных, созданных его бессмысленной страстью к наживе, и нужно, чтоб 20 миллионов «издохли».

Эти «смелые» слова вырвались из глотки циниканемца, но они, разумеется, сочувственно приняты всеми циниками Европы и Америки, «хозяевами» жизни пролетариев. Пролетариям всех стран давно пора развернуть пред своим разумом смысл слов «экономический кризис», — смысл этот прост и ясен: экономический кризис создан жадностью капиталистов, анархией производства, полным безразличием командующего класса к жизни рабочего народа. Уже нет таких буржуазных мыслителей, которые при всём их умении исказить истину могли бы опровергнуть этот факт, прикрыть его трагизм.

Факт — есть — факт, капиталистический строй создает условия, при которых десятки миллионов не имеют работы и должны «издохнуть» от голода. Это тем более неоспоримо, что утверждается самими же организаторами голода.

Организаторы голода отказываются от помощи голодающим рабочим, они озабочены делом гораздо более важным для них, чем вымирание безработных от голода: они озабочены решением вопроса, как и кому продать накопленный ими хлеб без убытка? Они принимают все меры для того, чтобы не допустить на рынки Европы и Америки хлеб из Союза Советов.

Они могли бы дать рабочим достаточное количество хлеба, но конечно это не разрешает кризиса и это — не их задача. Их силы, их внимание направлены в другую сторону.

Дело в том, что в Союзе Советов безработных нет, рабочей силы — нехватает для строительства государства на подлинных основах социализма. Весьма возможно, что в недалеком будущем советская власть принуждена будет пополнять недостаток рабочей силы извне, частично она уже делает это.

Так как этот факт является неоспоримым свидетельством разумности социалистического хозяйства, капиталистам пришлось выдумать гнусенькую клевету о «принудительном труде» в Союзе Советов. Возражать капиталистам, опровергать эту дрянную клевету в сущности бесполезно, ибо капиталист обычно не человек, а «трест», т. е. частица бездушной, механически действующей машины, которую приводит в движение сила жадности и зависти. И что бы ни говорила трестированная, купленная целиком, с мозгами и кишками пресса буржуазии, как бы красноречиво и многословно ни писала она о «рабском», о «принудительном труде» в Союзе Советов, — она не может продажными словами затушевать, засыпать, сделать невидимым тот факт, что именно сила жадности и зависти капиталистов разрушает культуру, анархизирует жизнь, всё решительнее способствует бессмысленному истощению физической силы трудового народа.

Явная бессмысленность и преступность капиталистического «хозяйствования» лучше всего характеризуется тем, что труд, создающий ценности, всё более и более расходуется на «военную промышленность», т. е. на производство орудий человекоистребления и на разруше-

ние действительно трудовых, культурных ценностей, назначение которых — облегчить условия жизни и работы людей. Рабочему классу Европы давно пора бы понять, что в сущности и в конце-концов капитализм заставляет их трудиться именно на разрушение, и это — не «парадокс»; войны организуются в интересах торговли: чем больше разрушишь, тем больше продашь; война 1914 — 18 гг. увеличила количество миллионеров.

Создаваемая капиталистами легенда о «принудительном труде» в Союзе Советов ставит своей конечной целью разбойничье нападение на Союз Советов, — нападение, в котором капиталисты заставят принять участие свой безработный пролетариат и нищенствующее крестьянство.

В этом случае пролетариат Европы должен будет выступить с оружием в руках против своего передового отряда, против рабочих и крестьян Союза Советов, которые мужественно и успешно создают социалистическое государство в условиях величайшего напряжения сил, с изумительным энтузиазмом и, тем самым, работают на пролетариев всей земли, ибо осуществление социализма в стране с населением в 160 миллионов — будет окончательным крахом капиталистического строя во всем мире.

Надо ли говорить вам, рабочие Европы и Америки, что именно в этом страхе конца скрыта и коренится основа ненависти капиталистов к Союзу Советов? Что именно из этого страха, из этой ненависти возникла легенда о «принудительном труде», так же, как и легенда о демпинге? «Демпинг» сочинили потому, что не хотят дать голодным людям дешевый хлеб, чтобы не «понести убытков», а хлеба — избыток, он гниет, его сжигают в топках паровозов. «Принудительный труд» выдуман в целях организации экономической блокады Союза Советов, в целях затруднить государственно-организационную работу пролетариата Союза Советов, помешать осуществлению пятилетки, коллективизации деревни, ослабить Союз, бросить вас на его людей и превратить всю страну Советов в колонию европейского капитала. Все это очень просто, понятно и малому ребенку, это должны понять и вы. Пора!

В игре, которая затеяна против рабочих и крестьян Союза Советов, больше всех проиграете вы.

«Принудительный труд»? В Союзе Советов труд — обязателен, ибо «неработающий — не ест», это — основной лозунг правильно понятого социализма. При социализме должны работать все, а хищникам и паразитам нет места, и не должно быть условий, которые могли бы создать хищников, паразитов, лентяев, шкурников, авантюристов и прочих негодяев. Принудительный труд советская власть не применяет даже в домах заключения, где безграмотные преступники обязаны учиться грамоте и где крестьяне пользуются правом отпуска на сельскохозяйственные работы в деревню, к своим семьям.

Насколько ценится человек в Союзе Советов, об этом, может быть, лучше всего говорит факт существования трудовых коммун, члены которых исключительно бывшие «социально-опасные».

В Союзе Советов с удивительной быстротой развивается процесс культурного возрождения рабоче-крестьянской массы, крайне пестрой по своему национальному составу. Невозможно было ожидать, что процесс этот пойдет так быстро и успешно, что даже кочевые племена средне-азиатских степей свободно и охотно волеются в этот грандиозный процесс. В стране Советов люди, которые хотят работать и понимают высокую цель труда в Союзе Социалистических Советов, — эти люди, чем бы они ни были в прошлом, пользуются серьезным вниманием и заботами рабоче-крестьянской советской власти.

В буржуазном государстве человек, который пошатнулся, неизбежно падает под удар «закона», вышвыривается из «общества» и растаптывается копытами мещан или становится в ряды профессиональных преступников против «священного института» частной собственности. Конечно и в Союзе Советов есть неизлечимые преступники, вот напр. недавно с лесозаготовок на севере бежали в Англию двое убийц и растлитель малолетних, — именно они сообщили лорду Ньютону и какому-то епископу о якобы «принудительном труде» на лесозаготовках. Как известно, лорды и епископы оказались не безразличны

и повторили ложь убийц и растлителя в стенах английского парламента.

Казалось бы, что даже в чине лорда или епископа человек не обязан быть противоестественно глупым. Но глупость их явно противоестественно, потому что они притворяются чрезмерно глупыми, потому что это им выгодно, на самом же деле они глупы вполне нормально, как и надлежит быть лордам и епископам, которые к тому же — англичане, т. е. люди, для которых лицемерие — тоже спорт.

Доказывать, что принудительный труд не может существовать в стране, где хозяевами являются рабочие и крестьяне, где они, не щадя сил, создают социалистическую культуру, где бурно кипит соревнование в труде между группами и единицами, где возможно такое явление, как «ударничество», и рабочие сами выдвигают против планов своей власти встречный свой промфинплан, всячески стараясь ускорить и расширить производства, — доказывать невозможность принудительного труда при наличии таких условий скучно и бесполезно. Те люди, которым необходимо клеветать на Союз Советов, разумеется, не поверят никаким доказательствам. Они прекрасно понимают, чем грозит им строительство социализма, им необходимо кричать, что пятилетка осуществляется именно принудительным трудом, а не классовым разумом и не дисциплинированной волей рабочих и крестьян, которые работают на себя и знают, что их власть — это они сами.

Капиталисты в свою очередь хорошо чувствуют, что именно этим знанием объясняется массовый порыв ударников в партию, после того как был обнаружен обширный заговор «вредителей», которые хотели продать и предать страну Союза Советов капиталистам Европы. Капиталисты давно поняли, что «большевики» это вовсе не «кучка» захватчиков политической «власти», а хороший десяток миллионов людей, грамотных политически, что идеологическое и практическое — культурное, трудовое влияние этих миллионов на всю остальную массу населения совершается с поразительной быстротой. Капиталисты догадываются, что недалеко уже время, когда

весь трудовой народ Союза Советов станет «большевиком» — его уже не сломишь, и его примеру последует «весь мир голодных и рабов».

Капиталисты, власть которых утверждена на рабском глуме не только в колониях, но и у себя дома, где они почти ежедневно избивают и расстреливают на улицах безработных и стачечников, — капиталисты говорят, что «принудительный труд» противен их морали христиан. Они конечно лгут. Но они сами же и опровергают свою ложь. Вот например поправка, внесенная американцами к 307 ст. таможенного закона; ее следует хорошо прочитать:

«Вашингтон, 12 февр.

Принятая таможенно-финансовой комиссией палаты представителей поправка к статье 307 таможенного закона гласит: «Всякого рода товары, изделия и предметы торговли, добытые, произведенные, сфабрикованные, транспортированные, перенесенные, погруженные или разгруженные — в целом или в части — в любом иностранном государстве при помощи труда заключенных или принудительного труда или законтрактованного труда, обусловленного угрозой карательных санкций, — не могут быть допущены ни в один из портов САСШ; их ввоз в САСШ безусловно воспрещается; министр финансов уполномочен и ему предлагается издавать правила, которые окажутся необходимыми для проведения в жизнь этого закона. Предписания этого закона, касающегося всякого рода товаров, изделий и предметов торговли, добытых, произведенных, сфабрикованных, транспортированных, перенесенных, погруженных или разгруженных при помощи принудительного труда, или обусловленного санкциями законтрактованного труда, вступают в силу 1-го апреля 1931 г. и останутся в полном действии, пока конгресс не решит иначе. Однако эти предписания не должны иметь применения ко всякого рода товарам, изделиям, предметам торговли, хотя бы они и были добыты, произведены, сфабрикованы, транспортированы, перенесены, погружены или разгружены с помощью труда заключенных или принудительного

труда, или законтрактowanego труда, обусловленного угрозой карательных санкций, которые не производятся или не фабрикуются в САСШ в количествах, достаточных для удовлетворения потребительского спроса в САСШ“.

Как видите, дело не в морали, а в том: выгодно или невыгодно?

* * *

В подлом деле создания атмосферы клеветы и лжи вокруг Союза Советов капиталистам усердно помогают «социалисты» II Интернационала и особенно усердно — германские. Это вполне понятно: в то время как «рабочему нечего терять, кроме своих цепей», немецкие социалисты могут потерять нечто гораздо более приятное, чем цепи. Дело в том, что социал-демократы Германии это прежде всего 300 тысяч — если не больше — государственных, муниципальных и профсоюзных чиновников. Они — у власти и они желают сохранить свои позиции. Именуя себя социалистами, они вполне хладнокровно относятся к случаям продажи муниципальных предприятий в частные руки, и уже одним этим достаточно ярко характеризуется их «социализм». А об отношении этих «социалистов» к рабочим хорошо говорит такой факт: забастовали рабочие и служащие Лейзера, владельца множества магазинов. В «Форвертсе», органе с.-д. партии, появилась статья под заголовком «Дикая стачка», и Лейзер приказал расклеить ее на стенах своих магазинов в доказательство правильности его хозяйской позиции. Совершенно ясно, что «социалистам» такого типа Союз Советов не может быть приятен. Особенно же неприятны им коммунисты, вследствие чего возможны такие случаи: коммунист служит в правлении районного кооператива и, значит, является «козлицем» в стаде овец. Ему предлагают выйти из партии коммунистов, если он не хочет потерять заработок, и записаться в партию с.-д. Он — человек семейный, он уступает давлению и таким образом партия «социалистов» увеличивается на единицу, увеличивается партийная касса на несколько марок, и возможно, что из этой кассы некоторая частица

деньжонок поступает на содержание газетки «Социалистический вестник», наполненной злокозненной ложью на Союз Советов, издаваемой гг. Даном, Абрамовичем и подобными. И допустимо, что немецкие рабочие эсдеки помогают, не зная этого, распространению лжи и клеветы на рабоче-крестьянскую власть Союза Советов.

* * *

Социалистическая пресса является любимым информатором прессы русских эмигрантов-белогвардейцев, хотя и сами эмигранты отлично специализировались на производстве лжи, клеветы, причем эта их продукция становится всё более дрянным браком. Например, в газете профессора Милюкова напечатано, что в Соловках живет слишком 600 тыс. ссыльных.

Это было бы ужасно, если б не было наврано. Самый крупный из Соловецких островов имеет 23 км в длину и 15 в ширину. Почти четверть этой площади занята озерами. Следующий по величине за Большим Анзерским остров вдвое меньше. Один из островов целиком отведен под питомник соболей, песцов, лис и на нем живет не более десяти человек. Остальные острова еще меньше и не заселены. На всех этих островах, разумеется, нельзя поместить 600 тыс., да едва ли поместишь и 20.

В той же газете одна излишне энергичная и не очень умная старушка насчитала в Союзе Советов 15 млн. людей, которые будто бы лишены работы. Это — в стране, где закрываются биржи труда, потому что им некого обслуживать, в стране, где нехватает рабочей силы!

Газета монархистов печатает сообщение какого-то врача о том, что «иностранцам особенно плохо живется в колхозах». Каким иностранцам? Зачем они попали в колхозы?

Сообщая о тиражах советских газет, они уменьшают цифры тиражей в несколько раз и умалчивают о том, что например «Крестьянская газета» печатается в 2 500 000 экз. и дает не менее 3 млн. других изданий: «Дружные ребята» — 750 тыс., «Газета для начинающих читать» — 750 т., «На страже» — 450 тыс., «Кустарь и артель» — 200 тыс. Журналы — «Крестьянка» — 80 тыс., «Кресть-

янская молодежь» — 40 тыс., «Изда-читальня» — 40 тыс., «Деревенский театр» — 20 тыс., «Селькор» — 12 тыс., и прочие расходятся в десятках тысяч; юмористический журнал для деревни — «Лапоть» — 245 тыс., центральные газеты Союза Советов — «Правда» — 1 530 тыс., «Известия» — 1 100 тыс., «Комсомольская правда» — 567 тыс. экземпляров. Эмигранты знают, что это — верные цифры. Но — надобно лгать. Ложь и клевета — единственное их оружие. Такое и подобное злостное вранье людей, одичавших от «скуки жизни», можно найти в любой газете эмигрантов. Так они информируют буржуазную и «социалистическую» прессу Европы. Но изредка они сами чувствуют, что их вранье доходит до нелепости, и тогда получают курьезы. Берлинская газета «Руль» — одна из наиболее обозленных на что-то, очень глупая и хвастливая, печатает небольшое самовосхваление:

«По поводу разнообразных слухов, вызванных последними событиями в Москве, авторитетная «Кельнише цейтунг» приводит выдержки из парижской газеты «Круа», которая обращает внимание на ложные информации, идущие большей частью из Риги и Ревеля, и противопоставляет им добросовестную информацию некоторых газет, в особенности берлинского «Руля», имеющего возможность получать сообщения из России и, благодаря серьезной литературной опытности, восходящей еще к изданию «Речи» в Петербурге, умеющего отличить фальшивые сведения от подлинных».

Газетку «Руль» не однажды уличали во лжи и эмигрантские газеты; так, например, парижская газета Митюкова доказала, что письма «Красного командира» сочинялись в редакции «Руля» и сочинялись безграмотно.

Всё это ничтожные пылинки, но, когда их много, они образуют облако пыли, и людям, которые искренно хотели бы знать правду о жизни в Союзе Советов, приходится смотреть сквозь грязное облако. Но дело не только в этих людях, а в массе рабочих Европы и Америки, — этой пылью клеветы и лжи хотят ослепить именно пролетариат. Легенды о «принудительном труде» созданы не только для целей экономического бойкота

Союза Советов, но и для того, чтобы попытаться скомпрометировать в глазах пролетариев социалистическое строительство рабочих и крестьян Союза Советов.

Его понемножку готовят к участию в новой войне. В 14-м году социал-демократы толкнули его на поля смерти, в 18-м социалисты расстреливали рабочих на улицах Берлина. Это следует крепко помнить.

Недавно я слышал в граммофоне песенку хора негров, в ней есть такая фраза:

Мы снова идем куда-то драться,
Но, как в прошлый раз, мы не знаем — зачем?

Если пролетарии Европы и Америки не хотят, чтобы еще раз десятки миллионов их были уничтожены, они должны знать, куда и зачем их толкают, и должны знать, за кем идти следует им.

(1931)

ОТВЕТ ИНТЕЛЛИГЕНТУ

Вы пишете:

«Многие из интеллигентов Европы начинают чувствовать себя людьми без отечества, и внимание наше к жизни России растет, но всё же для нас непонятно: что происходит в Советах?»

В Союзе Советов происходит борьба разумно организованной воли трудовых масс против стихийных сил природы и против той «стихийности» в человеке, которая по существу своему есть не что иное, как инстинктивный анархизм личности, воспитанный веками давлением на нее со стороны классового государства. Эта борьба и есть основное содержание текущей действительности Союза Советов. Тот, кто искренно хочет понять глубокий смысл культурно-революционного процесса в бывшей России, правильно поймет его лишь тогда, когда он посмотрит на этот процесс именно как на борьбу за культуру и за творчество культуры.

Вы, люди Запада, усвоили по отношению к народам Союза Советов взгляд, который я не могу назвать достойным для людей, думающих о себе, как о носителях

культуры, обязательной для всего мира, ибо это—взгляд торговца на покупателя, кредитора на должника. Вы помните, что царская Россия занимала у вас деньги и училась думать, но вы забываете, что займы принесли вашим промышленникам и торговцам весьма жирные проценты, что русская наука в XIX—XX вв. мощно влияла в общий поток научно-исследовательской работы Европы и что теперь, когда ваше творчество в области искусства так явно и печально иссякает, вы живете силами — идеями, образами — русского искусства. Не станете же вы отрицать, что русская музыка и литература наравне с наукой давно уже стали достоянием всего культурного мира. Казалось бы, что народ, который в течение одного века поднял свое духовное творчество на высоту, равную многовековым достижениям Европы, народ этот, ныне получив доступ к свободе творчества, заслуживает более пристального изучения и внимания, чем то внимание, которым он пользуется со стороны интеллектуалистов Европы.

Не пора ли вам поставить со всей решительностью вопрос о различии целей, ради которых живет буржуазия Европы и народы Союза Советов? Ведь уже достаточно ясно, что политические вожди Европы служат не интересам «нации в ее целом», а только интересам капиталистических групп, взаимно враждебных друг другу. Эта вражда торгашей, совершенно безответственных пред «нациями», создала ряд таких преступлений против человечества, как общеевропейская бойня 1914—18 гг.; она углубила «стихийность» взаимного недоверия наций, превратила Европу в ряд вооруженных лагерей, истощает огромное количество народного труда, золота и железа на производство орудий массового человекоубийства; этой враждой капиталистов друг с другом усилен мировой экономический кризис, который, истощая физические силы «нации», понижает рост интеллектуальных сил, эта вражда хищников и торгашей организует новую мировую бойню. Спросите себя: ради чего делается всё это? И вообще, если вы искренно желаете излечиться от ваших тягостных недоумений и пассивного отношения к жизни, поставьте пред собою простейшие вопросы социального

порядка и, не давая себе увлекаться словами, серьезно подумайте о целях бытия капитализма, точнее: о преступности его бытия.

Вы, интеллектуалисты, «дорожите культурой, общечеловеческое значение которой неоспоримо». Так? Но — на ваших глазах капитализм ежедневно и непрерывно разрушает эту дорогую вам культуру внутри Европы, а своей бесчеловечной, цинической политикой в колониях несомненно создает армию врагов европейской культуры. Если эта «культура» хищников воспитывает на черном и желтом материках тысячи таких же хищников, не следует забывать, что там остаются несколько сотен миллионов ограбленных и нищих. Индус, китаец, аннамит склоняют головы перед пушками, но это вовсе не значит, что они преклоняются пред культурой Европы. И они начинают понимать, что в Союзе Советов строится иная культура по формам и по смыслу.

«На Востоке живут язычники и дикари, — сообщаете вы и в доказательство одичания Востока ссылаетесь на положение восточной женщины. Поговорим о дикарях.

На эстрадах мюзик-холлов Европы показывают десятки и сотни обнаженных женщин. Не кажется ли вам, что эта публичная игра голым телом женщины должна бы вызвать некоторый протест со стороны матерей, жен, гестер европейских интеллигентов? Я говорю о значении этой цинической игры не с точки зрения «морали», а под углом интересов биологии и социальной гигиены. Для меня эта подлая и пошлая игра — несомненное доказательство одичания и разложения европейской буржуазии. Я убежден, что явный и быстрый рост гомосексуализма, лесбианства, объясняемый экономикой — дороговизной семейной жизни, — ускоряется вот этим мерзостным публичным издевательством над женщиной. Признаков одичания буржуазной Европы слишком много, и не вам говорить о дикарях Востока. Крестьяне тех его племен, которые вошли в Союз Советов, прекрасно учатся понимать ценность истинной культуры и глубокую важность роли, которую играет женщина в жизни. Понимают эту ценность рабочие и крестьяне тех провинций Китая, где уже основаны советы. Поймут

индусы. Весь трудовой народ нашей планеты должен понять, где лежит путь к его свободе. Именно за эту свободу борется он на всей земле.

В капиталистическом мире всё более яростно развивается борьба за нефть, за железо, за вооружения для новой бойни многомиллионных масс, борьба за право политико-экономического угнетения меньшинством большинства. Эту наглую, циническую, преступную борьбу, организуемую небольшой группой людей, одичавших в погоне за бессмысленным накоплением денег, благословляет христианская церковь, наиболее лживая и преступная из всех церквей земли. Этой борьбой совершенно убит, истреблен «гуманизм», который так дорого стоит интеллигенции Европы и которым она гордилась. Никогда еще интеллигенция не обнаруживала с такой ясностью свое бессилие и с таким бесстыдством свое безразличное отношение к жизни, как это обнаруживает она в XX веке, столь обильном трагедиями, которые создает на земле цинизм командующих классов. В области политики чувством и мыслью интеллигенции властно командуют авантюристы, покорные исполнители воли капиталистических групп, которые, торгуя всем, что покупается, в конце-концов всегда торгуют энергией народа. Здесь в понятие «народ» я включаю не только рабочих и крестьянство, но мелких чиновников и армию «служащих» капиталу и вообще интеллигенцию, — всё еще довольно яркую заплату на грязных лохмотьях буржуазного общества.

* * *

Увлекаясь словесными поисками «общечеловеческого», разноязычные интеллигенты смотрят друг на друга из-за углов своих национальных и классовых предубеждений, предрассудков. Вследствие этого недостатка и пороки соседей интересуют их гораздо более, чем достоинства. Они так часто били друг друга, что уже не знают, кто из них больше или меньше бит и поэтому более заслуживает уважения. Капитализм внушил им скептическое недоверие друг к другу и ловко играет на этом.

Они не поняли исторического значения Октябрьской революции и не нашли в себе ни сил, ни желания протестовать против кровавой, грабительской интервенции капиталистов в 1918—21 гг. Они протестуют, когда в Союзе Советов арестуются властью профессор, монархист и заговорщик, но они равнодушны, когда их капиталисты насилуют народы Индо-Китая, Индии, Африки. Если в Союзе Советов расстреляют полсотни гнуснейших преступников, они кричат о зверстве, а если в Индии, Аннаме истребляются пушками и пулеметами тысячи ни в чем неповинных людей, гуманные интеллигенты скромно молчат. Они всё еще не могут оценить результатов 13-летней работы активных сил Союза Советов. Политики в парламентах и прессе внушают им, что работа советской власти сводится исключительно к разрушению «старого мира», и они верят, что это так и есть.

А в Союзе Советов быстро развивается процесс освоения трудовым народом всего лучшего и неоспоримо ценного, что создано общечеловеческой культурой, — процесс освоения и развития этих ценностей. Старый мир, конечно, разрушается, ибо необходимо освободить личность от разнообразных ограничений ее интеллектуального роста, освободить от плена классовых, национальных, церковных идей и суеверий. Основная цель культурного процесса в Союзе Советов — объединение людей всего мира в единое целое. Эта работа предугазана и диктуется всем ходом истории человечества, она — начало мирового, а не только национального ренессанса. Об этом мечтали единицы — Кампанелла, Томас Мор, Сен-Симон, Фурье и др. еще тогда, когда для реализации этой мечты не было данных в области промышленно-технической. Теперь эти данные — налицо, мечта утопистов научно обоснована, и работу реализации этой мечты ведет многомиллионная масса. Еще одно поколение — и только в одном Союзе Советов работников в этом поле будет около двухсот миллионов.

Верят тогда, когда не хотят или не в силах понимать.

Классовый инстинкт, умонастроение мелкого собственника и философия слепых защитников классового

общества заставляют интеллектуалистов верить, что в Союзе Советов личность подавлена, угнетена, что индустриализация страны происходит припудрительным трудом, так же, как строились пирамиды в Египте. Это не только просто ложь, но это настолько очевидная ложь, что принимать ее как правду могут только люди, совершенно обезличенные, обессиленные, живущие в состоянии полного упадка, полного истощения интеллектуальной энергии и критической мысли.

Против легенды о подавлении личности определенно говорит быстрота количественного роста талантливых людей во всех областях жизни: в искусстве, науке, технике. Иначе и не может быть в стране, где вся масса населения вовлекается в процесс культурной работы.

Из 25 миллионов «частных хозяев», малограмотных и безграмотных крестьян, забитых самодержавием Романовых и гнетом поземельной буржуазии, 12 миллионов уже оценили разумность и выгодность для них коллективного хозяйства. Эта новая форма работы освобождает крестьянина от его консерватизма и анархизма, от зоологических качеств мелкого собственника. Она предоставляет ему много свободного времени, и эту свободу он затрачивает на ликвидацию своей малограмотности. В 1931 году в Союзе Советов обучается 50 миллионов взрослых и детей, за этот год намечено к изданию 800 миллионов книг — 3½ миллиарда печатных листов. Потребность населения уже — 5 миллиардов листов, но фабрики не успевают изготавливать бумагу. Жажда знания растет. За 13 лет в Союзе Советов организовано несколько десятков научно-исследовательских институтов, новых университетов, политехникумов, все они переполнены учащейся молодежью, и рабоче-крестьянская масса непрерывно выдвигает тысячи проводников культуры в ее среду.

Ставило ли когда-либо и может ли поставить буржуазное государство целью своей вовлечение всей массы трудового народа в область культуры? На этот простой вопрос история отвечает отрицательно. Капитализм способствовал умственному развитию людей труда лишь настолько, насколько это необходимо и выгодно для

успехов промышленности и торговли. Для капитализма человек нужен только как более или менее дешевая сила, как защитник существующего строя. Капитализм не дорос и не мог дорасти до понимания, что цель и смысл подлинной культуры — в стремлении к развитию и накоплению интеллектуальной энергии. Для того, чтоб эта энергия развивалась непрерывно и возможно быстрее помогла человечеству овладеть всеми силами и дарами природы, необходимо освободить максимальное количество физической энергии от бессмысленной, анархической работы в узких, корыстных интересах капиталистов, хищников и паразитов трудового человечества. Идеологам капитализма совершенно чуждо представление о человеческой единице, как вместилище огромного запаса энергии интеллектуальной. Несмотря на все словесные хитрости и украшения, идеология защитников власти меньшинства над большинством по существу своему зоологична.

Классовое государство построено по типу зоопарка, где все животные заключены в железных клетках, — в классовом государстве это более или менее искусно построенные клетки идей, которые, разобщая человечество, делают почти невозможным развитие в нем сознания единства его интересов и рост единой, подлинно общечеловеческой культуры.

Стану ли я отрицать, что в Союзе Советов личность ограничена? Разумеется — нет, не стану. В Союзе Советов воля личности ограничивается каждый раз, когда она враждебно направлена против воли массы, сознающей свое право строительства новых форм жизни, против воли массы, которая поставила перед собою цель, недосягаемую для личности, даже сверхъестественно гениальной. Передовые отряды рабочих и крестьян Союза Советов идут к своей высокой цели, героически претерпевая на пути множество внешних, бытовых неудобств и препятствий.

Личность отстаивает свою мнимую свободу, свою привычную, воспитанную в ней веками независимость внутри железной клетки. Клетки, в которых замкнуты писатели, журналисты, философы, чиновники и все дру-

гие гладко отшлифованные частицы аппарата капиталистического строя, конечно — более удобные клетки, чем клетка крестьянина. Чадная и грязная изба, его «частное хозяйство» держат его в состоянии непрерывной самообороны против капризов стихийных сил природы и насилия капиталистического государства, которое дерет с него семь шкур. В Калабрии и Баварии, в Венгрии, Бретани, в Африке, Америке крестьяне не очень сильно психологически отличаются друг от друга, если исключить различие языка. На всём земном шаре крестьянство приблизительно одинаково беспомощно и одинаково заражено зоологическим индивидуализмом. В Союзе Советов крестьянин, переходя на коллективный труд, постепенно утрачивает эту специфическую психику раба земли, вечного пленника нищенской собственности.

Индивидуализм есть результат давления на человека извне, со стороны классового общества, индивидуализм, это — бесплодная попытка личности защититься от насилия. Но ведь самозащита есть не что иное, как самоограничение, ибо в состоянии самозащиты замедляется процесс роста интеллектуальной энергии. Это состояние одинаково вредно и обществу и личности. «Нации» тратят миллиарды на вооружение против соседних наций, личность тратит большинство своих сил на самооборону против насилий классового общества. «Жизнь есть борьба»? Да, но она должна быть борьбой человека и человечества против стихийных сил природы, борьбой за власть над ними. Классовое государство превратило эту великую борьбу в гнуснейшую драку за обладание физической энергией человека, за порабощение его. Индивидуализм интеллигента XIX—XX вв. отличается от индивидуализма крестьянина не по существу, а только по формам выражения; он более цветист, глаже отшлифован, но также зоологичен, также слеп. Интеллигент бытует между наковальней народа и молотом государства; в общем условия его быта, конечно, тяжелы, драматичны, ибо действительность обычно враждебна ему. Поэтому так часто и бывает, что неудобство и тяжесть личных условий бытия пленная мысль интеллигента распространяет на весь мир и в результате объективного

мироощущения являются философический пессимизм, бытовой скептицизм и прочие уродства мысли. Известно, что родиной пессимизма является Восток, особенно Индия, где кастовая система общества доведена до изумерства. | १३ |

Действительность классового строя общества стесняет свободу роста личности, и поэтому личность ищет себе места и покоя за пределами действительности. Например, в божестве. Трудовой народ в поисках объяснений полезных и вредных ему явлений стихийных сил природы язычески прекрасно воплотил эти явления в образы существ человекоподобных, но могучих более, чем любая человеческая единица. Народ наделил своих богов всеми добродетелями и пороками, которыми обладал сам он, боги Олимпа и Асгарда, это — преувеличенные люди. Вулкан и Тор — кузнецы, такие же, как любой кузнец, они только более сильны, более искусны. Религиозное творчество трудового народа, это — просто художественное творчество, в нем нет мистики, оно вполне реалистично и не оторвано от действительности, в нем определенно чувствуется влияние трудовой деятельности, и цель его сводится в сущности к поощрению этой деятельности. В поэтическом творчестве народа заметно и сознание того факта, что в конце концов действительность создается не богами, а трудовой энергией людей. Народ — язычник. Даже через 1500 лет после того, как христианство утвердилось в качестве государственной религии, в представлении крестьянства боги остались богами древности: Христос, мадонна, святые ходят по земле, вмешиваются в трудовую жизнь людей так же, как боги древних греков и скандинавов.

Индивидуализм возник на почве «частного хозяйства». Род, наслаиваясь на род, строил коллектив, единица, по тем или иным причинам отъединяясь, откалываясь от коллектива и тем самым от реальной, непрерывно творимой действительности, создавала своего бога, единого, непостижимого разумом, мистического бога, назначение которого — оправдать право единицы на независимость и на власть. Мистика необходима здесь потому, что разумом нельзя объяснить права личности на само-

властие, «самодержавие». Индивидуализм придал богу своему качества всеведения, всемогущества, сверхразумности, т. е. качества, которыми человеческая единица хотела бы обладать, но которые развиваются только в действительности, творимой коллективным трудом. Эта действительность всегда остается ниже и сзади разума людей, ибо разум, творящий ее, совершенствуется хотя медленно, но непрерывно. Если б этого не было, действительность, конечно, удовлетворяла бы людей, а состояние удовлетворения—пассивное состояние. Действительность создается непосвящаемой силой разумной воли людей. и нет такого момента, когда развитие ее остановилось бы. Мистический бог индивидуалистов всегда оставался и остается неподвижным, бездеятельным, творчески мертвым, он не может быть иным, ибо он отражает творческое внутреннее бессилие индивидуализма. История бесплодных колебаний религиозного метафизического мышления индивидуалистов известна каждому грамотному человеку. В наше время бессилие этих «умозрительных» колебаний обнаружилось с неоспоримой ясностью и обнаружило полное банкротство философии индивидуалистов. Но индивидуалист всё еще продолжает бесплодные поиски ответов на «загадки» жизни, он ищет их не в трудовой действительности, которая развивается все-сторонне и с революционной быстротой, — он ищет ответов «в недрах своего я». Он продолжает охранять нищенское «частное хозяйство» и не желает оплодотворять жизнь. Он занят самоуглублением для самозащиты, он не живет, а прячется и своей «умозрительной деятельностью» весьма напоминает одного из героев библии — Онану.

Покорно подчиняясь внушениям капиталистического государства, интеллигенты Европы и Америки в лице либераторов, публицистов, экономистов, бывших социалистов, ныне авантюристов, в лице мечтателей типа Ганди сознательно и бессознательно служат охране основ классового буржуазного строя, который определенно затрудняет наступательное движение общечеловеческого культурного процесса, — в этом процессе всё более активную роль играет воля трудовых масс, направленная к творче-

ству новой действительности. Интеллигентам кажется, что они защищают «демократизм», хотя он уже доказан и продолжает доказывать свое бессилие, защищают «свободу личности», хотя она затискана в клетку идей, ограничивающих ее интеллектуальный рост, защищают «свободу слова», хотя пресса захвачена капиталистами и может служить только их анархическим бесчеловечным, преступным интересам. Интеллигент работает на своего врага, ибо хозяин всегда был и есть враг рабочего, а идея «сотрудничества классов» такая же наивная бессмыслица, как дружба волков с баранами.

Интеллигенты Европы и Америки работают на врагов своих, это особенно резко и бесстыдно обнажается отношением к тому культурно-революционному процессу, который начат рабоче-крестьянской массой Союза Советов. Процесс этот развивается в атмосфере неистовой вражды со стороны европейской буржуазии, под угрозой ее разбойнического нападения на Союз Советов. Давлением этих двух условий почти вполне объясняются все факты отрицательного характера, факты, которые так любят подчеркивать враги рабочих и крестьян Союза Советов.

Делом подсчета этих отрицательных явлений советской действительности особенно усердно и злобно занимаются русские политиканствующие эмигранты, информаторы европейской буржуазной прессы. Кто они, эти эмигранты? Большинство из них — политические неудачники, люди честолюбивые, мелкие, но — люди «больших надежд». Некоторые из них хотели быть Масариками, другие — Брианами и Черчиллями, многие — Фордами, и для всех одинаково характерно то, что они покушались на командующие посты «с негодными средствами». Их моральное, а также интеллектуальное ничтожество знакомо мне хорошо и давно, они обнаружили его еще в 1905—07 годах, после первой революции, затем они ежедневно демонстрировали свою бездарность в Государственной думе и уже с предельной ясностью обнаружили ее в 1914—1917 гг., как «борцы против самодержавия», но, разумеется, за великодержавность. Они создали себе некоторую популярность как организаторы политического самосознания мелкой и крупной буржуазии: в общем,

это — идеологи мещанства. Есть пословица: «На безрыбье и рак — рыба». Они играли в русской жизни роль раков, они пятились назад. Это обычная роль большинства интеллигенции в эпохи революций.

Но позорная их роль не ограничивается постоянной политической «сменой вех», и забвением «Аннибаловы клятвы». С 1917 г. они служили русским нефтяникам, текстильщикам, углепромышленникам, мельникам и помещикам вместе с остатками царских генералов, которые презирали их как ренегатов и как «врагов царя». В русской истории они оставили память о себе, как о предателях народа своего. В течение четырех лет они предавали и продавали свой народ вашим капиталистам, гг. интеллигенты Европы. Они помогали Деникиным, Колчакам, Врангелям, Юденичам и другим профессиональным человекоубийцам разрушать хозяйство своей страны, уже разоренной четырехлетней бойней, позорной для всей Европы. С помощью этих презренных людей генералы европейских капиталистов и царя истребили сотни тысяч рабочих и крестьян Союза Советов, выжгли сотни деревень и казачьих станиц, разрушили железнодорожные пути, взорвали мосты, испортили всё, что можно было испортить, для того, чтоб окончательно обессилить свою страну и предать ее в руки европейских капиталистов. Спросите их: чего ради они истребляли народ и разрушали хозяйство его? Они бесстыдно ответят вам. «для пользы народа» и умолчат о том, за что «народ» вышвырнул их из своей страны.

Начиная с 1926 г. они способствовали организации многочисленных заговоров против рабоче-крестьянской власти. Они, конечно, отрицают участие свое в этих преступлениях, хотя заговорщики — их друзья — сознались, что информировали их прессу «заведомо ложным освещением советской работы», и, разумеется, заговорщики в свою очередь руководствовались указаниями прессы предателей родины.

Ваш гуманизм, гг. европейцы, возмущился заслуженной казнью 48 садистов, организаторов голода, это очень странно! Почему же не возмущают вас почти ежедневные убийства полицией ни в чем неповинных рабочих на ули-

цах ваших городов? 48 выроdkов более отвратительны, чем дюссельдорфский садист Кюртен, девять раз осужденный на смерть. Я не знаю мотивов, по которым советская власть не предала суду этих заговорщиков, но я догадываюсь: есть преступления, гнусность которых слишком приятна врагам, и учить врагов гнусностям было бы слишком наивно. Кстати скажу: если б я был гражданином Германии, я протестовал бы против публичного суда над Кюртеном, потому что классовое общество создало и создаст слишком много садистов, и я не вижу оснований, которые оправдали бы необходимость публичной пропаганды садизма и повышения технической квалификации преступников. Дозволительно спросить: почему интеллигенты Европы защищают «свободу личности», когда эта личность, например профессор С. Ф. Платонов, монархист, но равнодушны, когда личность—коммунист?

Если желаете иметь точное представление о том, до какой степени озверела русская эмиграция, прочитайте воззвание о сборе пожертвований для борьбы против народа Союза Советов, напечатанное в парижском органе эмигрантов-монархистов «Возрождение».

Возглавляет эту подлейшую затею «Его Блаженство митрополит Антоний председатель архиерейского Синода православной церкви за границей России». Вот подлинные слова этого изувера:

«Властью, данной мне от бога, благословляю всякое оружие, против красной сатанинской власти поднимаемое, и отпускаю грехи всем, кто в рядах повстанческих дружин или одиноким народным мстителем сложит голову за русское и Христово дело. Первее же всего благословляю всякое оружие и боевую работу Всенародного братства русской правды, которое уже не мало лет словом и делом ведет упорную борьбу против красного сатаны во имя бога и России. Милость господня да почитет над каждым, кто вступит в братские ряды либо придет на помощь братству.

М и т р о п о л и т А н т о н и й».

Совершенно ясно, что митрополит, вождь христианской церкви, благословляет насилие над волею народа

и террористические акты. Не кажется ли вам, что такие воззвания, такое благословение убийств церковником, очевидно, обозленным до идиотизма, не совсем уместны в столице «культурного государства»? Не думаете ли вы, что вам следовало бы крикнуть: «цыц!», «тубо!» по адресу «Его блаженства»? Не служит ли эта дикая выходка русского попа признаком не только озверения русской эмиграции, но и признаком крайнего и постыднейшего равнодушия интеллектуалистов Европы к вопросам социальной морали, социальной гигиены? И вы говорите о «дикости Востока»!

Вы верите показаниям русских эмигрантов. Так. Разумеется это ваше «личное дело», но я сомневаюсь, чтоб это было вашим правом. Сомневаюсь, потому что вас явно не интересуют показания противной стороны — рабоче-крестьянской власти. Советская пресса не скрывает отрицательных явлений действительности, она построена на принципе жесточайшей самокритики, и нет такого сора, который она побоялась бы «вынести из избы». Она работает в многомиллионной массе людей еще не очень грамотных, за что их конечно нельзя обвинить, но честным людям следовало бы помнить, что малограмотному человеку легко ошибаться. Затем следует знать, что большинство той клеветы и лжи, которыми живет и утешается, которые распространяет пресса эмигрантов, основано на данных советской самокритики.

Лично я протестовал и в печати, и на собраниях в Москве, в Ленинграде, против перегибов в самокритике. Я знаю, как жадно, как сладострастно хватается эмигрант за всё, что может хоть немножко удовлетворить его болезненную злобу против рабочих и крестьян Союза Советов. Недавно я поместил в советской прессе статью по поводу книги Брэма, испорченной одним старым, но небрежным и не очень грамотным литератором. Тотчас же редактор эмигрантской газетки «Руль» Иосиф Гессен, очень глупый и до смешного обозленный старичок, напечатал передовую статью, в которой, комически ликуя, возгласил: даже Горький критикует советскую власть! Он хорошо знает, что я никогда не стес-

нялся сказать правду в лицо людей, работающих небрежно, недобросовестно и вообще — плохо. Но он не может не солгать, так же как не может этого любой из эмигрантов-«политиков».

Существует особый вид «правды», она служит духовной пищей только для мизантропов, для скептиков, чей скептицизм основан на невежестве, для равнодушных, которые ищут оправдания своему равнодушию. Это — старая, гнилая, издыхающая правда, это — отбросы для свиней. Эта правда преодолевается и уничтожается работой передовых отрядов строителей новой культуры в Союзе Советов. Я очень хорошо вижу и знаю, как она мешает работе честных людей. Но я против того, чтобы подкармливать и утешать ею людей, справедливо униженных историей.

Вы спрашиваете: «есть ли среди рабочих и крестьян недовольные и чем вызывается их недовольство?» Недовольные, разумеется, есть, и было бы чрезмерно чудесно, если б за 13 лет своей работы 160 миллионов людей оказались вполне удовлетворенными во всех своих потребностях и желаниях. Недовольство именно тем и объясняется, что в 13 лет работы аппарат власти еще не может удовлетворить быстро растущие культурные потребности трудовой массы. Нехватает очень многого, и есть немало людей, которые ворчат, жалуются. Эти жалобы можно бы назвать смешными, ибо они преждевременны и не продуманны, но я не назову их смешными, потому что в них определенно звучит твердая уверенность в силе власти, способной удовлетворить все потребности страны. Конечно, недовольна и даже активно сопротивляется работе советской власти та часть зажиточных крестьян, которые ожидали, что революция сделает их крупными земельными хозяевами, помещиками и отдаст им волю, в их руки крестьянскую бедноту. Разумеется, эта часть крестьянства против коллективизации, за индивидуальное хозяйство, наемный труд и всё прочее, что неизбежно привело бы к возрождению капиталистических форм жизни. Но игра этой части крестьянства уже проиграна, ее сопротивление коллективному хозяйству безнадежно и идет по инерции.

Наиболее активные отряды рабоче-крестьянской массы не жалуются, они — работают. Им хорошо известно, что власть — это они, что всё, в чем они нуждаются, чего хотят, может быть удовлетворено только их энергией. Именно этим сознанием своей мощности и всевластности вызваны к жизни такие явления, как социалистическое соревнование, ударничество и прочие неоспоримые признаки творческого пафоса, трудового героизма. Силою этого сознания целый ряд предприятий закончил пятилетку в 2½ года.

Рабочие понимают главное, что им необходимо понять: власть в их руках. В буржуазных государствах законы сочиняются наверху в парламентах и сочиняются для укрепления власти командующего класса. Законодательство Союза Советов зарождается в низовых аппаратах, в сельских советах, в фабрично-заводских комитетах, и, наблюдая ход любого законоположения, легко можно убедиться, что цель каждого из них — не только удовлетворение действительных нужд трудовой массы, но и ясное свидетельство ее культурного роста.

Вся рабоче-крестьянская масса Союза Советов постепенно начинает понимать, что процесс ее материального обогащения и культурного развития искусственно и враждебно задерживается капиталистами Европы и Америки. Это понимание, разумеется, очень способствует росту в ней политического самосознания и сознания ее своей силы.

Если б интеллигенты Европы и Америки вместо того, чтоб слушать наушников, верить предателям, серьезно и честно вдумались в историческое значение процесса, который развивается в Союзе Советов, они поняли бы, что смысл этого процесса — освоение сто шестидестью миллионами народа неоспоримых ценностей общечеловеческой культуры, поняли бы, что этот народ работает не только на себя, но и на всё человечество, показывая ему чудеса, которые создает разумно организованная воля к жизни.

В конце-концов необходимо спросить: хотят ли интеллектуалисты Европы и Америки новой всемирной бойни, которая еще более сократит их число и заставит

их еще более обессилить, одичать? Рабоче-крестьянская масса Союза Советов не хочет воевать, она хочет создать государство равных. Но в случае нападения на нее она будет защищаться вся, как одно целое, и победит, потому что на нее работает история.

(1931)

ТЕРРОР КАПИТАЛИСТОВ ПРОТИВ НЕГРИТСКИХ РАБОЧИХ В АМЕРИКЕ¹

Капиталисты и покорнейшие слуги их: социал-демократы и фашисты, Черчилли и Каутские, полоумные от страха перед социальной катастрофой старички и молодые ловкачи, которым хочется быть крупными паразитами, «мошенники пера и разбойники печати», вся двуногая гниль, рожденная капиталистическим строем, все человекоподобные гады, без которых капитализм не может существовать, обвиняют «большевиков» Союза Советов в том, что они, «большевики», хотят «разрушить культуру». Буржуазной прессе хозяевами ее дан лозунг: «Борьба против большевиков, против коммунизма — борьба за культуру!»

Разумеется, капиталистам есть за что бороться. Их «культура» — это ряд учреждений, действующих совершенно свободно в целях защиты и оправдания ничем не ограниченной власти паразитивного меньшинства над трудовым большинством, над рабочими, крестьянами и мелкой буржуазией, живущей дрянненькой работой на крупную. Их культура — школа, где лгут, церковь где лгут, парламент, где тоже лгут, пресса, где лгут и клеветают, их культура — полиция, которой предоставлено право бить и убивать рабочих. Их культура доразвилась до невероятной высоты — она выросла до непрерывной, ежедневной войны против рабочих, которые не желают, чтобы их грабили, не желают быть нищими, не желают, чтоб их жены, преждевременно

¹ Статья печатается с небольшими сокращениями (Примеч. редакции).

теряя здоровье, к 30 годам становились старухами. дети умирали с голода и чтоб их дочери добывали кусок хлеба проституцией, не желают, чтоб в честной среде трудового народа разрасталась — на почве безработицы — преступность.

Фактическое, преобладающее содержание культурной жизни буржуазных государств — уличные бои полицейских с рабочими, рост самоубийств от голода, развитие мелкого воровства, вызванного безработицей, рост проституции. Это — не преувеличение, фактами этого рода наполнена «хроника» всех буржуазных газет. «Культурный» капиталистический мир живет в состоянии непрерывной войны с рабочим классом, и война с каждым днем становится всё более кровавой. Меньшинство воюет за право безнаказанно грабить большинство — вот основное содержание современной культурной жизни всего мира за рубежами Союза Советов. Война сытых и богатых с голодными и нищими сводится к тому, что рабочий класс, который стремится к организации всемирного решительного боя, обессиливают, выхватывая из его среды, заключая в тюрьмы или убивая наиболее активных людей, вместе с этим пытаются запугать массу рабочих, осуждая на смерть и ни в чем неповинных людей, как это было в деле убийства Сакко и Ванцетти.

Сейчас в Америке, в городе Скоттсборо, разыгрывается драма, напоминающая дело двух итальянцев, которые, будучи приговорены к смертной казни, семь лет сидели в тюрьме, ожидая, когда их сожгут на электрическом кресле. Против этого убийства невинно осужденных протестовали гуманисты всей Европы, протестовал и рабочий класс ее, но протест не вызвал ни одной трещины на деревянных рожах американских миллионеров. В Скоттсборо приговорены к смерти восемь юношей-негров, они тоже ни в чем неповинны, они схвачены полицией случайно, не знакомы друг с другом, но всё-таки их осудили на смерть. Это сделано для того, чтобы запугать негров, это убийство — «предупредительная мера». Это делается потому, что негритянские массы всё больше и больше втягиваются в революционное движение, солидаризируясь с белыми трудящимися массами. Они

принимают активное участие в борьбе против американского империализма. Буржуазия, испытывая страх перед распространением мятежного духа среди 30 миллионов негров — рабочих и крестьян — прилагает все усилия к тому, чтобы задушить растущую боеспособность негритянских масс, применяя против них свое оружие — белый террор.

Это ясно видно из кровавых событий в Кэмп Хилл-Алабама. Дело это усилило кампанию рабочего класса всего мира против линчевания и в защиту негритянских трудящихся Соединенных Штатов и подчеркнуло ее значение.

Негритянские фермеры-испольщики в Теллэпузэ Каунти, Алабама, создали в этом году свою организацию. Она носит боевой характер и активно участвует в кампании в Скоттсборо. Две недели назад она созвала в церкви собрание своих членов для протеста против дела в Скоттсборо. Помещики мобилизовали 400 полицейских и вооруженных фашистов, которые и атаковали эту церковь. Во время нападения был тяжело ранен руководитель организации Раф Грэй, которого товарищи и отвели домой. Когда фашистская банда узнала, что Грэй еще жив, она окружила его дом, ворвалась к нему и застрелила его в постели, как раз в тот момент, когда доктор осматривал его раны. Охотясь за ответственными работниками этой организации, фашисты разгромили много негритянских хижин. 4 негра были увезены в лес, где их линчевали. 55 негров арестованы по обвинению «в убийстве». Пять ответственных работников обвиняются в «попытке совершить убийства». Шериф Юнг, главарь фашистской банды, тяжело ранен во время самообороны героев.

Вот тюрьма в Хэрлэн Кентукки, в самом центре угольного района Восточного Кентукки, являющегося источником богатства для крупнейших корпораций в стране и приносящего голод, нищету и смерть горнякам, их семьям и детям. Около 100 горняков брошены в темные камеры этой тюрьмы. Часть из них обвиняется в убийстве, и им угрожает смертная казнь. Многие обвиняются в «принадлежности к бандам», другим вме-

няется в вину «преступный синдикализм» ввиду того, что они выступали на митингах. Горняки объявили три месяца назад забастовку с целью улучшить свои нищенские условия. Против них была направлена губернатором Сампсоном полиция, владельцы копей натравили на бастующих банды вооруженных фашистов, шерифов и полицейских, которым было поручено подавить забастовку, пустив в ход тяжелые орудия и бомбы. В результате был убит 31 человек: 18 горняков и 13 солдат и фашистов. Горняки захватили 6 пушек и амуницию и разгромили продуктовую лавку компании, захватив продукты для своих голодающих семей.

18 горнякам грозит смертная казнь, 50—суровое тюремное заключение. 16 горняцких домов сожжены. Выселение горняцких семейств из квартир продолжается и по сей день.

В Пенсильвании, Зап. Вирджинии и Огайо¹, где бастуют 40 000 горняков, негры составляют большинство. Из арестованных 6 июля 600 горняков большинство — негры. При аресте они были избиты и подвержены пыткам.

Американская секция МОПР придала делу в Скоттсборо международный характер. Впервые после американской гражданской войны беспощадная эксплуатация негритянских масс правящим классом в Соед. Штатах освещена и осуждена в международном масштабе. Требование отсрочки в 90 дней, выставленное американской секцией МОПР, было поддержано бурей протеста во всем мире. Из СССР, Англии, Франции, Австралии, Кубы, Австрии, Германии и многих других стран были отправлены тысячи резолюций с требованием освобождения 8 негритянских мальчиков из Скоттсборо. Американские консульства в Германии и Кубе были осаждены тысячами демонстрирующих рабочих.

8 негритянских мальчиков из Скоттсборо томятся в тюрьме, имея перед глазами электрический стул и слушающая каждый день напоминания стражи о том, что их скоро сожгут на нем.

¹ Огайо (Примеч. редакции).

«Необходимо усилить кампанию во всём мире. Ни один митинг, ни одна демонстрация не должны состояться, ни одна листовка, ни одна мопровская газета не должна быть выпущена без призыва масс к выступлению против белого террора, применяемого американским империализмом с целью задушить растущее возмущение негритянских масс в Соединенных Штатах». (Из воззваний МОПР ко всем секциям и организациям МОПР).

Пролетариат всех стран протестует против убийств его братьев, конечно, не потому, что рассчитывает убедить капиталистов не убивать! Капиталист не может быть «гуманным», всё человеческое — кроме скотского в человеке — чуждо ему. Если он жертвует выжатые из рабочих доллары на университеты, он делает это для укрепления своей власти. В его университетах не преподается учение Маркса — Ленина, и всякий, кто потребовал бы читать студентам лекции по диалектическому материализму, будет немедленно вышвырнут вон. Пролетариат обязан протестовать против убийств, но он должен знать, что убийцы не могут не убивать и что они будут убивать лучших его людей. Капиталист защищает свой доллар, а для него доллар всегда дороже человека, каков бы ни был этот человек. Пролетариат должен знать, что Роза Люксембург и Карл Либкнехт убиты не солдатами, а капиталистами и что в Ленина стреляла не полоумная баба, а механическое орудие определенной системы мышления — орудие мещанской, подлой бесчеловечной мысли.

Пролетариат должен знать, что между ним и капиталистами не может быть достигнуто какое-либо соглашение — «компромисс», перемирие, — пролетариату пора знать это. Нужно крепко помнить и то, что в 14 году пролетариат Европы и Америки был предан капиталистам социал-демократами и что это стоило рабочим 30 миллионов жизней. Не надо забывать о «кровавой собаке» — о Носке, тоже социал-демократе, и вообще не надо забывать преступлений, совершенных против рабочего класса его разнообразными врагами, предателями, мерзавцами. Всё это надо помнить для того, чтобы кровавые гадости прошлого не повторялись в будущем.

Помнить всё это—легко, стоит только внимательно следить за гнусенькой деятельностью социалистов Второго интернационала и за всем тем, что предпринимается капиталистами Европы против Союза Социалистических Советов.

Рабочие Европы и Америки должны понять, что, работая в области военной промышленности, они готовят ружья, пулеметы, пушки на свою голову. Капиталисты не сами лично пойдут на войну против Союза Советов, если они решатся воевать,—они пошлют на поля смерти своих рабочих и крестьян против рабочих и крестьян, которые уничтожили капитализм в своей стране. Всякая война капиталистов — это самоубийство рабочего класса.

Рабочий класс Европы и Америки должен протестовать против единоличных убийств рабочих капиталистами—он должен протестовать потому, что это воспитывает в нем чувство международной классовой солидарности,—рабочий класс Европы и Америки очень нуждается в развитии и углублении этого чувства. Но еще более дружным, решительным и бурным должен быть его протест против всяких попыток капиталистов снова организовать международную бойню рабочих и крестьян.

Лучшая, наиболее верная и практически легко осуществимая форма предупреждения этой бойни—массовый переход рабочих-социалистов в коммунистические партии.

(1931)

РАБОЧИМ МАГНИТОСТРОЯ И ДР.

Д о р о г и е т о в а р и щ и !

Спасибо за приглашение приехать к вам на стройки индустриальных крепостей! Я очень хотел бы посмотреть, как вы создаете гигантские заводы, побеседовать с вами, кое-чему поучиться у вас, но у меня нет времени на поездки, я занят работой, которую со временем вы, надеюсь, оцените как полезную для вас. Вы сами знаете, что каждый человек должен делать свое дело во всю

силу своих способностей, со всей энергией, которой он обладает, — лучшие из вас особенно хорошо знают это. и трудовой героизм их служит примером для всего трудового народа Союза Советов, служит примером и для меня. Время для нас дорого, нельзя терять даром ни единой минуты: задачи, которые мы обязаны решить, — огромны; никогда еще, никто, ни один народ в мире не пытался поставить перед собой такие трудные цели и задачи, которые поставил и разрешает рабочий класс Союза Социалистических Советов.

Нам нужно в кратчайший срок уничтожить всю старину и создать совершенно новые условия жизни, — условия, каких нигде нет. Мы должны вооружить наше многомиллионное крестьянство машинами, облегчить его каторжный труд, сделать землю более плодородной, научить бороться с засухами и другими капризами природы, которые уничтожают посевы на полях; создать миллионы километров хороших дорог, уничтожить тесные, грязные деревни, построить для работников полей хорошие города со школами, театрами, общественными банями, больницами, клубами, хлебопекарнями, прачечными, — вообще со всем тем, чем богаты города и что издавна создавало различие между обычаями, привычками, бытовыми особенностями — «душевым строем» — людей города и деревни. Это вредное различие, навязанное нам прошлой историей, мы должны уничтожить с корнем. Мы должны воспитать сами себя качественно иными: выкорчевать из наших душ всю проклятую «старинку», воспитать в себе больше доверия к всепобеждающей силе разумного труда и техники, должны стать бескорыстными людьми, научиться думать обо всем социалистически, ставить мелкие, личные наши интересы ниже великих задач, решения которых требует от нас работа строительства первого в мире государства, где не будет деления людей на классы, не будет богатых и бедных, хозяев и рабочих, исчезнет главная причина всех бедствий и страданий людей — исчезнет стремление к личной собственности, основе зависти, жадности, глупости. Мы строим государство, в котором каждый будет работать по способностям и получать по

потребностям, каждый будет чувствовать себя владыкой всех сокровищ его страны и пред каждым человеком будут широко открыты пути к свободному развитию всех его способностей. Мы хотим создать новое человечество и уже начали создавать его.

* * *

По некоторым письмам ко мне я вижу: еще далеко не все понимают, что личный эгоизм — родной отец подлости, и не всем еще надоело жить той пошлой глупой жизнью, как жили деды и прадеды. Среди вас, товарищи, немало таких людей, отравленных прошлым — деревня всё более густым потоком вливает их в среду вашу. Но ваша среда здорова, она оздоравливает даже закоренелых индивидуалистов: вы постепенно насыщаете их вашей трудовой энергией, и уже нельзя сказать, что социально-горбатых «одна могила исправит» — исправляет их и социалистический героизм рабочего класса. Однако вы должны неустанно твердить людям старого мира, что у дедов и прадедов их не было в жизни иной тропы, кроме подленькой и узкой тропинки к богатым. По этой тропе можно было пробраться только верхом на хребте бедняка, классового брата своего — так деды, прадеды и пробирались к большим деньгам, теряя совесть, увеличивая тяжесть гнета богатых над бедными. Большие деньги растут как плесень и чем более богат человек, тем меньше он человекоподобен, тем более жадно, с мясом и кровью, выжимал из бедняков рубли.

Мы видим теперь, до чего дошли капиталисты Европы и Америки, разбогатели пышно, сказочно и накопили 35 миллионов безработных; тысячи богачей задыхаются в золоте, а миллионы бедняков издыхают с голода. Считайте: если бы каждый из 35 миллионов безработных мог купить для себя хоть на рубль в день, — сколько прибыли попало бы в карманы капиталистов? Но получилось так, что продать есть что, а купить — некому. Дешево продавать капиталисты не хотят, они предпочитают уничтожать избыток товаров для того, чтобы не понизилась цена их. Это гнусно, но это правда. 14 авгу-

ста газеты Европы поместили такую телеграмму из Америки: «Нью-Йорк, 12 августа. Сельскохозяйственное управление САСШ сообщило губернаторам 14 хлопководческих штатов свое предложение — уничтожить одну треть урожая хлопка 1931 года в целях повышения цен». Телеграмма эта — не выдумка. Ее подтверждают газеты Америки, и одна из них — «Вашингтон пост» — пишет даже так: «Унизительным комментарием современного умственного состояния Америки и ее производительных сил, позорным крахом системы регулирования потребления и распределения является такое положение, когда при сверхобилии, с одной стороны, и сильной нужде, — с другой, необходимо уничтожать ценные продукты. Что произошло с производительными силами Америки, когда пшеницу и хлопок нужно сжигать или оставлять гнить на полях, в то время как миллионы граждан нуждаются в том и другом?»

Нередко указывалось, что преступную, бесчеловечную деятельность капиталистов можно объяснить только их безумием, только тем, что страсть к наживе, к накоплению денег свела их с ума. Это говорилось для того, чтобы «усилить впечатление», чтобы яснее подчеркнуть бесстыдство грабителей мира. Но действительность оправдывает и эти слова. «Возрождение» — парижская газета эмигрантов-монархистов — сообщает такой факт: «В Нью-Йорке в качестве жалобщика на суде выступил миллионер Джон О'Баннон, требовавший, чтобы было уничтожено требование врачей о помещении его в сумасшедший дом. Миллионер рассказывал судьям о своей жизни. Она началась с того, что он изобрел некий суррогат кожи, учредил общество и приобрел состояние в 15 миллионов долларов. Страдая нервозностью, он обратился к врачам, которые признали его сумасшедшим и распорядились поместить в дом умалишенных. За короткое время, уже в сумасшедшем доме, он увеличил свое состояние еще на два миллиона долларов. Он обнаружил деловитость даже в пределах больницы, предлагая ее директору различные проекты усовершенствования и увеличения ее доходности. На суде были допрошены врачи-эксперты, которые, однако, пришли к заключению, что этот выда-

ющийся делец всё-таки сумасшедший, так что он был снова препровожден в психиатрическую лечебницу».

Из этого факта можно сделать только один вывод: приемы грабежа капиталистами рабочих стали так просты, что даже явно сумасшедший легко может награть миллионы. Система капиталистического хозяйства всё более откровенно и нагло становится системой бандитизма, а условия быта принимают характер ничем не прикрытой анархии. Недавно газеты напечатали такое сообщение из Америки:

«Названия «бандитской вотчины» заслуживает не только Чикаго, но все более или менее крупные города Соединенных Штатов. Об этом достаточно откровенно говорит доклад комиссии Викаршама, назначенной президентом Гувером для обследования состояния тюрем и постановки полицейского дела».

«Почти во всех больших городах, — спокойно повествует доклад, — существует союз между полицией и преступным миром. В городах, где начальник полиции обязан слепо повиноваться мэру и где это высокое должностное лицо является политической креатурой убийц и жуликов всякого рода, полицейская практика неминуемо опускается до уровня тех элементов, которые оказывают на нее влияние». К чему приводит такое положение, все могли видеть на примере Чикаго, Нью-Йорка или Сан-Франциско, где бандиты грабили и убивали среди бела дня кого хотели.

Недавно во время перестрелки полицейских с бандитами Чикаго на улице было убито четверо детей. Вообще в этой маленькой войне полицейских — квалифицированных бандитов — против просто бандитов, с прохожими не церемонятся, а убийство полицейским постороннего лица не наказуемо как «убийство по неосторожности».

Капиталистический мир издыхает, разлагается. Собственных сил для возрождения в нем уже нет, они истрачены, видно, целиком, до конца. Мир этот держится механически, по инерции, опираясь только на грубую силу полиции, армия — не очень надежная сила, потому что большинство солдат — пролетарии, и хотя головы их сильно засорены хламом мещанских предрас-

судков, но политическое, классовое революционное самосознание их не может не расти в данных условиях. Мировая социальная революция не фантазия, а неизбежное и назревающее событие. В Европе, кроме полиции и армии, капиталистов поддерживают «вожди» социал-демократии и некоторая часть рабочих, околнеченных «вождями», которые стремятся к власти и славе. Поведение этих «вождей» становится всё более позорным. Вот пример: лорд Лотиен, приезжавший к нам с Б. Шоу, возвратясь в Англию, сказал:

«В русской революции заложены идеи, которые окажут огромное влияние на последующее развитие человечества. Пред нами встает вопрос, каким образом применить их у себя», т. е. в Англии. Глава социал-демократов Вандервельде выступил против лорда со статьей и в ней заявил, что «если привилегированный мир станет рассуждать подобно Лотиену, то время свержения капитализма настанет очень скоро». В этих словах «вождя» рабочего класса не чувствуется радости, и явно звучит скорбь старого лакея, который боится, что завтра барина его выгонят вон из жизни. «Социалисты», которые изучают капиталиста: «ты недостаточно крепко стоишь на твоей классовой позиции», вполне заслужили позорное клеймо предателей рабочего класса. Что в конце-концов говорят эти «социалисты? «Нельзя допустить, чтоб миллионерам жилось неудобно, пусть лучше голодают миллионы рабочих», — вот что они говорят. Капиталистический мир разлагается и заражает гнилым ядом своим всех, кто вольно или невольно служит его бесчеловечным интересам, его — уже бессильному — стремлению обращать в золотую плоть рабочих и крестьян. Быстро разлагаются и те «социалисты на словах», которых рабочий класс еще недавно считал своими друзьями и вождями. Теперь рабочие, справедливо негодуя, бьют стекла в окнах редакции социал-демократической газеты «Форвертс», в редакции, где сидит жалкий старичок Каутский, человек, который когда-то был одним из видных учителей пролетариата Европы. Теперь рабочий народ всего мира всё более ясно понимает, что у него есть только один друг, учитель-вождь, который не изменит ему, не предаст

его, этот вождь живет и работает в Союзе Социалистических Советов, и это не индивидуальность, а крепко спаянный сознанием своей классовой исторической задачи многомиллионный коллектив.

В Союзе Советов есть люди, которые, сказав: «наша страна переживает эпоху небывалого подъема творческой энергии», тотчас же начинают играть на понижение этой энергии. Они делают это по различным мотивам, но общий для них мотив — сомнение в силах рабочего класса. Отражение этого сомнения и неверия, должно быть, проникает и в среду рабочих, потому что вместе с коллективными письмами героев социалистического соревнования я иногда получаю письма от единиц, письма, в которых тоже явно звучит недоверие людей к их собственной силе и сомнение в возможности довести до конца начатое великое дело, сомнение в победе. Этим людям я напоминаю то, что сказал т. Сталин в одной из своих речей, которые он всегда строит на проверенных фактах, на фактах творчества многомиллионного коллектива рядовых, «чернорабочих», строителей социализма. Он сказал: «У нас есть все объективные условия для победы, дело за нашей волей, за нашим разумом». В чем смысл его слов?

В том, что вы, товарищи, взяли в свои руки власть над самой богатой страной мира, над страной, природные сокровища которой уже и теперь неизмеримы, а мы всё еще недостаточно изучили богатства ее и начали пользоваться только ничтожной частью их. Почти ежедневно ученые наши, исследуя недра земли, находят в ней всё новые огромнейшие запасы каменного угля, металлических руд и удобрений, необходимых для того, чтобы усилить плодородие наших полей. Земля как бы чувствует, что родился на ней законный, настоящий, умный хозяин, и открывая недра свои, разворачивает перед ним сокровища.

От простейшей пуговицы и спички до комбайна и аэроплана, — всё создается человеком. Все тайны жизни, все ее загадки разрешает трудовая энергия людей. Значит — дело только в развитии, в усилении этой энергии, дело — за вами!

Капиталистический мир, мир хищников-индивидуалистов, не имел надобности особенно энергично заботиться об исследовании и открытии сокровищ земли, — хищники предпочитали богатеть грабежом живой, дешевой силы рабочих. Вы строите государство, в котором совершенно невозможны будут насилие над человеком и бессмысленная трата его энергии на безумнейшую пошлую роскошь, на содержание огромных армий, на истребление ценнейших металлов для орудий массовых убийств, для войны. Вы строите государство, в котором все люди имеют равное право на развитие своих талантов и способностей, перед каждым широко открыты пути к науке, искусству, государство, в котором нет класса хозяев, но каждый человек — хозяин, равноправный со всеми.

Это — великое дело, трудное дело, и я, разумеется, знаю: вам трудно живется. Но вы свободны облегчить свою жизнь, и только вы сами можете сделать это. Вам еще многого нехватает, но только вы сами можете выработать всё, чего нехватает вам. В среде вашей всё еще пищат, ноют враги ваши, люди старого мира, нашептывая вам гнусненькие мещанские мыслишки, пытаюсь вызвать у вас недоверие к великому смыслу вашей работы, сомнение в неизбежности вашей победы, — только вы можете и должны истребить эту гнусь, эти дрянненькие обломки старого мира.

Ваша сила — несокрушима, товарищи, вы доказали это в гражданской классовой битве и вы ежедневно доказывали это своим героическим трудом. Ваша сила — несокрушима, и она обеспечивает вам победу над всеми препятствиями. Вы должны всё преодолеть и — преодолсите. Крепко жму могучие ваши лапы.

(1931)

С КЕМ ВЫ, „МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ“?

Ответ американским корреспондентам

Вы пишете:

«Вас, наверное, очень удивит это послание незнакомых вам людей из-за океана». Нет, ваше письмо не удивило меня, такие письма приходят не редко, а вы оши-

баются, называя ваше послание «оригинальным» — за последние два-три года тревожные крики интеллигентов стали обычными. Это — естественно: работа интеллигенции всегда сводилась — главным образом — к делу украшения бытия буржуазии, к делу утешения богатых в пошлых горестях их жизни. Нянька капиталистов — интеллигенция, в большинстве своем, занималась тем, что усердно штопала белыми нитками давно изношенное грязноватое, обильно испачканное кровью трудового народа философское и церковное облачение буржуазии. Она продолжает заниматься этим трудным, но не очень похвальным и совершенно бесплодным делом и в наши дни, обнаруживая почти пророческое предвидение событий. Так, например, раньше чем империалисты Японии приступили к разделу Китая, немец Шпенглер в книге «Человек и техника» заговорил о том, что европейцы совершили в XIX веке крупнейшую ошибку, передав свои знания, свой технический опыт «цветным расам». Шпенглера поддерживает в этом ваш — американский — историк Генрик Ван Лон, он тоже признает вооружение черно- и желтокожего человечества опытом европейской культуры, одной из «Семи роковых исторических ошибок», совершенных европейской буржуазией.

И вот мы видим, что ошибку эту хотят исправить: капиталисты Европы и С. Ш. Америки снабжают японцев и китайцев деньгами и оружием, помогая им истреблять друг друга, и в то же время посылают на Восток свои флоты для того, чтобы в момент наиболее удобный для них, показав японскому империализму свой мощно бронированный кулак, приступить вместе с храбрым зайцем к дележу шкуры убитого медведя. Лично мне думается, что медведь не будет убит, потому что Шпенглеры, Ван Лоны и подобные им утешители буржуазии, очень много рассуждая об опасностях, грозящих европейско-американской «культуре», кое о чем забывают упомянуть. Забывают они о том, что индусы, китайцы, японцы, негры не являются чем-то социально монолитным, однородным, но расслоены на классы. Забывают и о том, что против яда свекорыстной мысли мещан Европы

■ Америки выработано и оздоравлиюще действует противоядие учения Маркса — Ленина. Впрочем, возможно, что они об этом и не забывают, но только тактически умалчивают, и что их тревожные крики о гибели европейской культуры объясняются их сознанием бессилия яда и силою противоядия.

Вопиющих о гибели цивилизации становится всё больше, крики их звучат всё более громко. Месяца три тому назад во Франции публично кричал о непрочности цивилизации бывший министр Кайо.

Он кричал:

«Мир переживает трагедию изобилия и недоверия. Разве не трагедия, что приходится жечь пшеницу и топить мешки с кофе, когда миллионам людей нехватает пищи. Что касается недоверия — оно причинило уже достаточно зла. Оно вызвало войну и продиктовало мирные договоры, которые могут быть исправлены только тогда, когда исчезнет это недоверие. Если не удастся восстановить доверие, вся цивилизация будет поставлена под угрозу, так как у народов может появиться искушение опровергнуть экономический строй, которому они приписывают все бедствия».

Для того, чтоб говорить о возможности доверия среди хищников, которые в наши дни так откровенно показывают друг другу свои когти и зубы, — для этого нужно быть или отчаянным лицемером или же человеком крайне наивным. А если под «народом» разумеется рабочий народ, то всякий честный человек должен бы признать, что рабочие совершенно справедливо «приписывают» иднотизму капиталистического строя бедствия, которыми этот награждает их за труд создания ценностей. Пролетарии всё более отчетливо видят, что современная буржуазная действительность с ужасающей точностью «справдывает» слова Маркса—Энгельса, сказанные ими в «Манифесте коммунистической партии»:

«Буржуазия не способна к господству, потому что она не может обеспечить своему рабу даже рабское существование, потому что она вынуждена довести его до такого состояния, в котором она должна кормить его вместо того, чтобы существовать на его счет. Обще-

ство не может жить под ее властью: другими словами, жизнь буржуазии несовместима с жизнью общества».

Кайо — один из сотни тех старичков, которые продолжают доказывать, что их буржуазный идиотизм, это — мудрость, данная человечеству навсегда, что лучше ее человечество никогда ничего не выдумает, дальше ее — не пойдет, выше — не поднимется. И еще не так давно утешители буржуазии, доказывая хозяйственную мудрость свою и прочность ее, опирались на свою науку.

Теперь они исключают науку из своей подловатой игры. 23 февраля в Париже тот же Кайо, следуя за Шпенглером, говорил перед лицом бывших министров, вроде Павла Милюкова и вообще бывших людей:

«Техника создает безработицу во многих случаях, превращает заработок увольняемых рабочих в излишки дивиденда акционеров. Наука «без совести», не согретая «совестью», идет в ущерб людям. Люди должны взнуздаг науку. Современный кризис — поражение человеческого разума. Для науки нет иногда большего несчастья, как великий человек. Он выставляет теоретические положения, имеющие смысл и значение для данного времени, когда эти положения выдвигаются. Они справедливы, как, положим, у Карла Маркса для 1848 или 1870 годов, и совершенно неверны в 1932 г. Если бы Маркс был теперь жив — он писал бы иначе».

Этими словами буржуа признает, что разум его класса обессилен, обанкротился. Он советует «взнуздать науку», забыв о том, сколько она дала силы его классу для укрепления власти над миром трудящихся: «Взнуздать науку» — что это значит? Запретить ей свободу исследования? Когда-то буржуазия весьма храбро и успешно боролась против посягательств церкви на свободу науки. В наши дни буржуазная философия постепенно становится тем, чем была она в наиболее мрачные годы средневековья — служанкой теологии. Кайо прав, говоря, что Европе угрожает возвращение к варварству. Предсказанное Марксом, учение которого ему неизвестно: да, совершенно неоспоримо, что буржуазия Европы и Америки, хозяйка мира, становится с каждым годом все

более невежественной, интеллектуально слабосильной, варварской — и уже сама в лице вашем понимает это.

Мысль о возможности возвращения к эпохе варварства — самая «модная» мысль современной буржуазии. Шпенглеры, Кайо и подобные им «мыслители» отражают настроения тысяч мечтан. Это тревожное настроение вызвано предчувствием классовой гибели — фактом роста во всём мире революционного правосознания рабочих масс. Буржуазия не хотела бы верить в процессе культурно-революционного развития трудового народа, но она его видит, чувствует. Процесс этот всесторонне и прекрасно оправдан. Он является логически неизбежным развитием всего трудового опыта человечества, опыта, о котором поучительно рассказывают историки буржуазии. Но так как история — тоже наука, ее тоже нужно «взнуздать» или — того проще — забыть, что она существует. Забыть историю советует французский поэт и академик Поль Валери в книге: «Обозрение современности». Он совершенно серьезно обвиняет в бедствиях народов именно историю, он говорит, что, напоминая о прошлом, история вызывает бесплодные мечты и лишает людей покоя. Люди — это, конечно, буржуазия. П. Валери, вероятно, не способен заметить на земле иных людей. Вот что говорит он об истории, которой буржуазия еще так недавно гордилась и которую весьма искусно писала:

«История — самый опасный из всех продуктов, вырабатываемых в химической лаборатории нашего ума. Она побуждает к мечтаниям, она опьяняет народы, она порождает у них ложные воспоминания, преувеличивает их рефлексы, растрavливает старые их раны, лишает их покоя и ввергает их в мании — величия или преследования».

В своей должности учителя, он, как видите, весьма радикален. Он знает: буржуазия хочет жить спокойно, ради спокойной жизни она считает себя в праве уничтожать десятки миллионов людей. Она, разумеется, легко может уничтожить несколько десятков тысяч книг, — как всё на свете, библиотеки тоже в ее руках. История мешает спокойной жизни? Долой историю. Изъять из

обращения все труды по истории. Не преподавать ее в школах. Объявить изучение прошлого делом социально опасным и даже преступным. Людей, склонных к занятиям историей, признать ненормальными и сослать на необитаемые острова.

Главное — покой! Именно об этом заботятся все утешители буржуазии. Но для осуществления покоя необходимо, — как говорит Кайо, — взаимное доверие в среде национально-капиталистических хищников, а для того, чтоб установилось доверие, нужно, чтоб двери в чужой дом — напр., в Китай — были широко открыты для грабежа пред всеми хищниками и лавочниками Европы, а лавочники и хищники Японии хотят закрыть двери чужого дома для всех, кроме себя; они делают это на том основании, что Китай — ближе к ним, чем к Европе, и для них грабить китайцев — удобнее, чем индусов, которых привыкли грабить «джентльмены» Англии. На почве соревнования в грабеже возникают противоречия, угрожающие тревогами новой всемирной бойни. А кроме того, по словам парижского журналиста Гренгуара, «для Европы потеряна Российская империя, как нормальный и здоровый рынок». Гренгуар видит в этом «источник зла» и вместе со многими другими журналистами, политиками, епископами, лордами, авантюристами и мошенниками настаивает на необходимости общеевропейской интервенции в Союз Советов. Затем — в Европе всё растет безработица, растет и революционное правосознание пролетариата. В конце концов для установления «покоя» — очень мало возможностей и даже, — как будто, — совсем нет места. Но я — не оптимист и, зная, что цинизм буржуазии безграничен, допускаю одну возможность, посредством которой буржуазия может попробовать очистить себе место для спокойной жизни. На эту возможность намекнул 19 февраля расистский депутат Бергер в Кельне, он сказал в своей речи:

«Если, после прихода Гитлера к власти, французы попытаются оккупировать германскую территорию, мы перережем всех евреев».

Осведомившись о сделанном Бергером заявлении,

Прусское правительство запретило ему дальнейшие публичные выступления. Запрещение вызвало возмущение в гитлеровском лагере. Одна расистская газета пишет: «Бергер не может быть обвинен в призыве к незаконным действиям: мы перережем евреев на основании закона, который будет проведен после нашего прихода к власти».

Эти заявления не следует рассматривать как шутку, как немецкий «виц»; европейская буржуазия в ее современном настроении вполне способна «провести закон» не только о поголовном истреблении евреев, а об истреблении всех, мыслящих несогласно с нею, и прежде всего об уничтожении всех, несогласно с ее бесчеловечными интересами действующих.

* * *

Заклученные в этот «порочный круг» интеллигенты-утешители постепенно теряют свое мастерство утешать и уже сами нуждаются в утешении. Они обращаются за ним даже к людям, которые принципиально не подают милостыни, ибо — милостыня утверждает право милостыни. Талант «красивой лжи», основной их талант, уже не может, не в силах прикрывать грязный цинизм буржуазной действительности. Некоторые из них начинают чувствовать, что развлекать и утешать людей, утомленных грабежом мира, обеспокоенных всё более резким сопротивлением пролетариата их подлым целям, людей, у которых безумная жажда наживы приняла характер буйного помешательства и формы социально-разрушительные, — утешать и развлекать этих людей становится делом не только бесплодным, но уже и опасным для самих утешителей.

Можно бы указать и на преступность утешения огорченных разбойников и убийц, но я знаю, что это никого не тронет, ибо это — мораль, т. е. нечто исключенное из жизни за ненадобностью. Гораздо существенней указать на тот факт, что в современной действительности интеллигент-утешитель становится тем «третьим», бытие которого отвергается логикой.

Когда он, выходец из буржуазии, — пролетарий по своему социальному положению, он как будто понимает

унизительный драматизм своей службы классу, осужденному на гибель и вполне заслужившему гибель, как заслуживает ее профессиональный бандит и убийца. Начинает понимать потому, что буржуазия перестает нуждаться в его услугах. Он всё более часто слышит, как люди его группы, угрожая буржуазии, кричат о перепроизводстве интеллигенции. Он видит, что буржуа охотней обращается за «утешением» не к философам и «мыслителям», а к шарлатанам, предсказывающим будущее. Газеты Европы испещрены объявлениями хиромантов, астрологов, сочиняющих гороскопы, факиров, ясновидящих, графологов, спиритов и прочих фокусников, еще более невежественных, чем сама буржуазия. Фотография и кино убивают искусство живописи, художники, чтоб не умереть с голода, меняют свои картины на картофель, на хлеб, на поношенную одежду мещанства. В одной из газет Парижа напечатана такая веселая заметка:

«Нужда среди берлинских художников велика и про света не видно. Идут речи об организации самопомощи художников, но какую самопомощь могут организовать друг для друга люди, лишённые заработков и каких бы то ни было перспектив на заработки? Поэтому в художественных кругах Берлина с восторгом встречена оригинальная идея художницы Аннот-Якоби, она предлагает товарообмен. Пусть торговцы углем снабжают художников топливом в обмен на статуи и картины. Времена переменятся и углеторговцы не пожалеют о произведенных ими в порядке товарообмена сделках. Пусть зубные врачи лечат художников. Хорошая картина никогда не будет лишней в приемной зубного врача. Мясники, молочники должны воспользоваться случаем и сделать доброе дело и в то же время без затраты наличности приобрести настоящие художественные вещи. Для развития и применения на практике идеи Аннот-Якоби образовалось в Берлине особое бюро».

Сообщая об этом товарообмене, газета не говорит, что он существует и в Париже.

Кинематограф постепенно уничтожает высокое искус-

ство театра. О разлагающем влиянии буржуазного кино не стоит говорить, это совершенно ясно. Использовать все темы сентиментализма, он начинает демонстрировать физические уродства.

«В голливудской студии Метро-Гольдвин-Майер собралась оригинальная труппа для работы над фильмой «Причуды». В ее составе — Ку Ку, девушка-птица, имеющая большое сходство с аистом; П. Робинзон, человеческий скелет; Марта, родившаяся с одной рукой, искусная мастерица вязать кружева ногами. Доставлены в студию Шильце, прозванная «голова-шпилька», женщина с нормальным телом, но с необыкновенно маленькой головой, похожей на шпильку; Ольга — женщина с мужской окладистой бородой; Жозефина-Жозеф, наполовину женщина, наполовину мужчина; сиамские сесгры-близнецы Гильтон, карлики, лилипуты».

Барнаи, Поссарты, Монэ-Сюлли и другие артисты этого рода — не нужны, их заменяют Фэрбенксы, Гарольд-Ллойд и прочие фокусники во главе с однообразно сентиментальным и унылым Чарли Чаплиным, так же как музыку классиков заменяет джаз, а Стендаля, Бальзака, Диккенса, Флобера — различные Уоллеса, люди, которые умеют рассказывать о том, как полицейский сыщик, охраняя собственность крупных грабителей и организаторов массовых убийств, ловит маленьких воров и убийц. В области искусства буржуазию вполне удовлетворяет коллекционирование почтовых марок и трамвайных билетов, а в лучшем случае коллекционируют подделки картин старинных мастеров. В области науки буржуазию интересуют приемы и методы наиболее удобной, дешевой эксплуатации физических сил рабочего класса; наука для буржуа существует настолько, насколько она способна служить целям его обогащения, регулировать деятельность его желудочнокишечной сферы и поднимать его половую энергию развратника. Пониманию буржуазии недоступны основные задачи науки: интеллектуальное развитие, физическое оздоровление человечества, истощенного гнетом капитализма, превращение инертной материи в энергию, разгадка техники строения и роста человеческого организма, — всё

это для современного буржуа так же мало интересно, как для дикаря центральной Африки.

Видя всё это, некоторые интеллигенты начинают понимать, что «творчество культуры», которое они считали своим делом, результатом своей «свободной мысли» и «независимой воли», — уже не их дело и что культура не является внутренней необходимостью капиталистического мира. События в Китае напомнили им о гибели университета и библиотеки Лувена в 1914 г., вчерашний день рассказал о разрушении японскими пушками в Шанхае университета Тунцзи, морского колледжа, школы по рыболовству, национального университета, медицинского колледжа, сельскохозяйственного и инженерного колледжа, рабочего университета. Этот акт варварства не возмущает никого, так же как никого не возмущает сокращение ассигновок на культурные учреждения и вместе с этим непрерывный рост вооружений.

Но, разумеется, лишь некоторая и незначительная часть европейско-американской интеллигенции чувствует неизбежность своего подчинения «закону исключенного третьего» и задумывается о том — куда идти? По привычке — с буржуазией, против пролетариата или же по чести — с пролетариатом против буржуазии? Большинство же интеллигентов продолжает довольствоваться службой капитализму, — хозяину, который, хорошо видя моральную гибкость своего слуги и утешителя, видя бессилие и бесплодность его примиренческой работы, начинает откровенно презирать слугу и утешителя своего и уже сомневается в необходимости бытия такого слуги.

Мне часто приходится получать письма специалистов по утешению мещанства, приведу здесь одно из них, полученное от гр. Свэн Эльверстад:

«Многоуважаемый г. Горький.

Ужасная растерянность, граничащая с отчаянием, царит теперь во всём свете, вызванная страшным экономическим кризисом, который потрясает все страны мира. Эта мировая трагедия толкнула меня начать на столбцах самой распространенной норвежской газеты «Tidens Tegn» ряд статей, которые имеют своей целью поднять

дух и разжечь надежды миллионов жертв ужасной катастрофы. Преследуя эту цель, я нашел нужным обратиться к представителям литературы, искусства, науки и политики с просьбой сообщить их мнение по поводу трагического положения народов в последние два года. Перед каждым гражданином любого государства встает задача: умереть под тяжестью ударов жестокой судьбы или продолжать бороться, надеясь на счастливое разрешение кризиса. Эта надежда на благополучный выход из создавшегося мрачного положения необходима каждому и в каждом она блеснет ярким пламенем при чтении оптимистического мнения, высказанного человеком, к слову которого все привыкли прислушиваться. Поэтому я разрешаю себе просить вас прислать мне ваше суждение о теперешнем положении, это суждение может быть не длиннее трех, четырех строчек, но оно, несомненно, спасет многих и многих от отчаяния и даст им силу смело глядеть навстречу будущему.

С почтением Свэн Эльверстад.

Людей, подобных автору этого письма, людей, которые еще не утратили наивной веры в целебную силу «двух, трех строчек», в силу фразы, — таких людей еще немало. Вера их так наивна, что едва ли искренна. Две, три фразы или двести, триста фраз не оживят дряхлый мир буржуазии. Во всех парламентах мира и в Лиге наций ежедневно произносятся тысячи фраз, никого не утешая, не успокаивая, не внушая никому надежд на возможность удержать стихийный рост кризиса буржуазной цивилизации. По городам разъезжают бывшие министры и другие бездельники, уговаривая мещанство «взнуздать», «дисциплинировать» науку. Болтовню этих людей немедленно подхватывают журналисты, — люди, для которых «всё равно, всё наскучило давно» — и один из таких, Эмиль Людвиг, в серьезной газете «Дейли экспресс» советует «прогнать специалистов в шею». Всю эту пошлую чепуху мелкое мещанство слушает, читает и делает из чепухи свои выводы. И если европейское мещанство признает необходимым закрыть университеты, — в этом не будет ничего удивительного.

Кстати: оно может сослаться на такой факт — в Германии ежегодно освобождается 6000 служебных вакансий, требующих университетского диплома, а вузы Германии ежегодно выпускают до 40 тысяч универсантов.

Вы, граждане Д. Смитс и Т. Моррисон, ошибочно приписываете буржуазной литературе и журналистике значение «организатора культурных мнений», — этот «организатор» — паразитное растение, которое пытается прикрыть грязный хаос действительности, но прикрывает его менее удачно, чем, например, плоть и сорные травы прикрывают грязь и мусор развалин. Вы, граждане, плохо знаете, каково культурное значение вашей прессы, которая единогласно утверждает, что «американец прежде всего — американец» и только после этого человек. В свою очередь пресса расистов Германии учит, что расист прежде всего — ариец, а затем уже — врач, геолог, философ; журналисты Франции доказывают, что француз прежде всего — победитель и поэтому должен быть вооружен сильнее всех других — речь идет, конечно, не о вооружении мозга, а только о кулаке.

Не будет преувеличением, если сказать, что пресса Европы и Америки усердно и почти исключительно занимается делом понижения культурного уровня своих читателей, уровня и без ее помощи низкого. Обслуживая интересы капиталистов, своих работодателей, искусно умея раздуть муху до размеров слона, журналисты не ставят своей целью укрощение свиньи, хотя, конечно, видят, что свинья обезумела и бесится.

Вы пишете: «В Европе мы с глубокой горечью почувствовали, что европейцы ненавидят нас». Это очень «субъективно», и субъективизм, позволив вам заметить некую частность, скрыл от вас общее: вы не заметили, что вся буржуазия Европы живет в атмосфере взаимной ненависти. Ограбленные немцы ненавидят Францию, которая, задыхаясь от золотого ожирения, ненавидит англичан, так же как итальянцы — французов, а вся буржуазия единодушно ненавидит Союз Советов. 300 миллионов индусов живут ненавистью к английским лордам и лавочникам, 450 миллионов китайцев ненавидят японцев и всех европейцев, которые, привыкнув грабить Китай,

тоже готовы возненавидеть Японию за то, что она право грабить китайцев считает своим исключительным правом. Эта ненависть всех ко всем, разрастаясь, становится всё гуще, острее, она вспухает среди буржуазии, как гнойный нарыв, и, конечно, прорвется и, возможно, снова потекут реки лучшей, самой здоровой крови народов всей земли. Кроме миллионов наиболее здоровых людей, война уничтожит огромное количество ценностей и сырья, из коего они создаются, а всё это поведет к обнищанию человечества здоровьем, металлами, топливом. Само собою разумеется, что война не уничтожит ненависти между национальными группами буржуазии. Вы считаете себя «в силах служить общечеловеческой культуре» и «обязанными защищать ее от снижения к варварству». Это — очень хорошо. Но поставьте перед собою простой вопрос: что вы можете сделать сегодня и завтра для защиты этой культуры, которая, кстати сказать, еще никогда не была «общечеловеческой» и не может быть таковой при наличии национально-капиталистических государственных организаций, совершенно безответственных перед трудовым народом, натравливающих народы друг на друга?

Так вот: спросите себя, что вы можете противопоставить разрушающим культуру фактам безработицы, истощению рабочего класса голодом, росту детской проституции? Понятно ли вам, что истощение масс значит — истощение почвы, из которой возрастает культура? Вам наверное известно, что так называемый «культурный слой» всегда был производным от массы. Это вы должны бы хорошо знать, ибо у американцев есть привычка хвастаться тем, что в С. Ш. А. мальчики — торговцы газетами возвышаются до карьеры президентов.

Напоминая об этом, я хочу отметить только ловкость мальчиков, но не таланты президентов, — о талантах последних мне ничего не известно.

Есть и еще вопрос, над которым вам следовало бы подумать: полагаете ли вы, что 450 миллионов китайцев можно превратить в рабов европейско-американского капитала, в то время как 300 миллионов индусов уже начинают понимать, что для них роль рабов

Англии вовсе не предопределена богами? Сообразите: несколько десятков тысяч хищников и авантюристов желают вечно и спокойно жить за счет силы миллиарда трудящихся. Это — нормально? Это — было, это — есть, но хватит ли у вас храбрости утверждать, что это и должно быть так, как оно есть? Чума тоже была почти нормальным явлением средних веков, но чума почти исчезла, и теперь роль ее на земле исполняет буржуазия, она отравляет весь цветной мир, прививая ему глубочайшую ненависть и презрение ко всей белой расе. Не думается ли вам, защитники культуры, что капитализм провоцирует расовые войны?

* * *

Упрекая меня в том, что я «проповедую ненависть», вы советуете мне «пропагандировать любовь». Вы, должно быть, считаете меня способным внушать рабочим: возлюбите капиталистов, ибо они пожирают силы ваши, возлюбите их, ибо они бесплодно уничтожают сокровища земли вашей, возлюбите людей, которые тратят ваше железо на постройку орудий, уничтожающих вас, возлюбите негодяев, по воле которых дети ваши издыхают с голода, возлюбите уничтожающих вас ради покоя и сытости своей, возлюбите капиталиста, ибо церковь его держит вас во тьме невежества.

Нечто подобное проповедуется евангелием, и, вспомнив об этом, вы говорите о «христианстве», как «рычаге культуры». Вы очень опоздали, о культурном влиянии «учения любви и кротости» честные люди давно уже не говорят. Неловко и невозможно говорить об этом влиянии в наши дни, когда христианская буржуазия у себя дома и в колониях внушает кротость и заставляет рабов любить ее посредством применения «огня и меча» с большей энергией, чем она всегда применяла огонь и меч. В наши дни меч заменен, как вам известно, пулеметами, бомбами и даже «гласом Божиим с небес». Одна из парижских газет сообщает:

«В войне с афридцами англичане додумались до приема, приносящего им огромную пользу. Группа повстанцев укрылась на какой-нибудь площадке среди недо-

ступных гор. Вдруг над ними на большой высоте появляется аэроплан. Афридии хватаются за ружья. Но аэроплан не сбрасывает бомб. Вместо бомб с него сыплются слова. Голос с неба уговаривает повстанцев на родном их языке сложить оружие, прекратить бессмысленное состязание с Английской империей. Было немало случаев, когда потрясенные голосом с неба повстанцы действительно прекращали борьбу.

Опыты с голосом бога были повторены и в Милане, где в день годовщины основания фашистской милиции весь город услышал глас божий, произнесший краткое похвальное слово фашизму. Миланцы, имевшие случай слышать генерала Бальбом, узнали в голосе с неба его баритон».

Итак — найден простой способ доказать бытие бога и утилизировать глас его для порабощения дикарей. Можно ожидать, что бог заговорит над Сан-Франциско или Вашингтоном на английском языке с японским акцентом.

Вы ставите в пример мне «великих людей, учителей церкви». Очень смешно, что вы говорите об этом серьезно. Не будем говорить о том, как, из чего и зачем сделаны великие люди церкви. Но раньше, чем опираться на этих людей, вам следовало испытать их прочность. В суждении о «деле церкви» вы обнаруживаете тот «американский идеализм», который может произрастать лишь на почве глубокого невежества. В данном случае, по отношению к истории христианской церкви невежество ваше может быть объяснено тем, что жители С. Ш. С. А. не испытали на своей шкуре, что такое церковь, как организация насилия над разумом и совестью людей, не испытали с той силой, с какой это испытано населением Европы. Вам следовало бы познакомиться с кровавыми драками на вселенских соборах, с изуверством, честолубием и своекорыстием «великих учителей церкви». Вам особенно много дало бы мошенническая история собора в Эфесе, Вам следовало бы прочитать что-нибудь по истории ересей, ознакомиться с истреблением «еретиков» в первые века христианства, еврейскими погромами, истреблением альбигойцев, габоритов и вообще с кровавой политикой церкви хри-

стовой. Интересна для малограмотных история инквизиции, но, конечно, не в изложении вашего земляка Вашингтона Ли, — изложении, одобренном цензурой Ватикана, организатора инквизиции. Вполне допустимо, что, ознакомясь со всем этим, вы убедились бы, что отцы церкви ревностно работали по укреплению власти меньшинства над большинством, и если они боролись с ересями, так это потому, что ереси зарождались в массе трудового народа, который инстинктивно чувствовал ложь церковников — они проповедывали религию для рабов, религию, которая господами никогда не принималась иначе, как по недоразумению или из страха пред рабами. Ваш историк Ван Лон в статье о «великих исторических ошибках» утверждает, что церковь должна была бороться не за учение Евангелия, а против него, он говорит:

«Величайшую ошибку в свое время сделал Тит, разрушив Иерусалим. Изгнанные из Палестины, евреи рассеялись по всему миру. В основанных ими общинах созревало и крепло христианство, бывшее для Римской империи не менее пагубным, чем идеи Маркса и Ленина для капиталистических государств».

Так оно и было и есть: христианская церковь боролась против наивного коммунизма Евангелия, к этому и сводится ее «история».

Что делает церковь в наши дни? Она, конечно, прежде всего — молится. Епископы Йоркский и Кентерберийский, — тот самый, который проповедывал нечто в роде «крестового похода» против Союза Советов, — эти два епископа сочинили новую молитву, в которой английское лицемерие прекрасно соединяется с английским юмором. Это очень длинное сочинение построено по форме молитвы «Отче наш». Епископы так призывают к богу:

«Что касается политики нашего правительства по восстановлению кредита и благополучия — да будет воля твоя. Что касается всего того, что предпринимается для устройства будущего управления Индией — да будет воля твоя. Что касается предстоящей конференции по разоружению и всего того, что предпринимается к утверждению мира сего мира — да будет воля твоя. Что касается восстановления торговли, доверия к кредиту и взаимного

благожелательства — хлеб наш насущный даждь нам днесь. О сотрудничестве всех классов по работе на общее благо — хлеб наш насущный даждь нам днесь. Если мы оказались повинными в национальной гордыне и находили более удовлетворения в господстве над другими, нежели в оказании им помощи по мере сил наших — остави нам долги наши. Если мы проявили себялюбие в ведении наших дел и ставили наши интересы и интересы нашего класса выше интересов других — остави нам долги наши».

Вот типичная молитва испуганных лавочников! На протяжении ее они раз десять просят бога «оставить» им «долги» их, но ни одного раза не говорят о том, что готовы и могут перестать делать долги. И только в одном случае просят у бога «прощения»:

«За то, что мы предались национальному высокомерию, находя удовлетворение во власти над другими, а не в умении служить им, — прости нас, господи».

Прости нам этот грех, но мы не можем отказаться грешить, — вот что говорят они. Но большинством английских попов это прошение о прощении было отвергнуто, — вероятно, они нашли его неудобным и унижительным для себя.

Молитву эту должны были «вознести» к престолу английского бога 2 января в Лондоне, в соборе Павла. Священникам, которым молитва не нравится, епископ Кентерберийский разрешил не читать ее.

Итак, вот до каких пошлых и глупых комедий доросла христианская церковь, и вот как забавно попы снизили бога своего до положения старшего лавочника и участника во всех коммерческих делах лучших лавочников Европы. Но было бы несправедливо говорить только об английских попах, забывая, что итальянскими организован банк Святого духа, а во Франции, в г. Мюллуюезе, 15 февраля, как сообщает парижская газета русских эмигрантов:

«По распоряжению служебных властей арестованы заведующий и приказчик книжного магазина католического издательства «Юнион», во главе которого стоит аббат Эжи. В книжном магазине продавались порногра-

фические фотографии и книги, ввозимые из Германии. «Товар» конфискован. По содержанию некоторые книги — не только порнографические, но обливали грязью и религию».

Фактов такого рода — сотни, и все они утверждают одно и то же: церковь, служанка воспитателя и хозяина своего — капитализма, заражена всеми болезнями, которые разрушают его. И если допустить, что когда-то буржуазия «считалась с моральным авторитетом церкви», так нужно признать, что это был авторитет «полиции духа», авторитет одной из организаций, служивших для угнетения трудового народа. Церковь «утешала»? Не отрицаю. Но утешение это — один из приемов угашения разума.

Нет, проповедь любви бедного к богатому, рабочего к хозяину — не мое ремесло. Я не способен утешать. Я слишком давно и хорошо знаю, что весь мир живет в атмосфере ненависти, я вижу, что она становится всё гуще, активней, благодетельней.

Вам, «гуманистам, которые хотят быть практиками», пора понять, что в мире действуют две ненависти: одна возникла среди хищников на почве их конкуренции между собой, а также из чувства страха пред будущим, которое грозит хищникам неизбежной гибелью; другая — ненависть пролетариата — возникает из его отвращения к действительности и всё более ярко освещается его сознанием права на власть. В той силе, до которой обе эти ненависти доразвились, ничто и никто не может примирить их, и ничто, кроме неизбежного, боевого столкновения их физических, классовых носителей, ничто, кроме победы пролетариев, не освободит мир от ненависти.

Вы пишете: «Как многие, мы тоже думаем, что в стране вашей диктатура рабочих приводит к насилию над крестьянством». Я советую вам: попробуйте думать как немногие, как те, пока еще немногие, — интеллигенты, которые уже начинают понимать, что учение Маркса и Ленина, это — вершина, которой достигла честно исследующая социальные явления научная мысль и что только с высоты этого учения ясно виден прямой путь к социальной справедливости, к новым формам культуры.

Сделайте некоторое усилие над собою и забудьте — хотя бы на время — ваше родство с классом, вся история которого была и есть история непрерывного физического и духовного насилия над массами трудового человечества, — над рабочими и крестьянами. Сделайте это усилие и вы поймете, что ваш класс — ваш враг. Карл Маркс очень мудрый человек и не следует думать, что он явился в мир как Минерва — из головы Юпитера, нет, его учение является таким же гениальным завершением научного опыта, каким явились в свое время теории Ньютона и Дарвина. Ленин — проще Маркса и, как учитель, не менее мудр. Класс, которому вы служите, они покажут вам сначала в его силе и славе, покажут, как приемами бесчеловечного насилия он создавал и создал удобную для него «культуру», на крови, на лицемерии и на лжи, затем покажут процесс загнивания этой культуры, а дальнейшее, современное гниение ее — вы сами видите: ведь именно этот процесс и внушает вам тревоги, выраженные вами в письме ко мне.

Поговорим о «насилии». Диктатура пролетариата — явление временное, она необходима для того, чтоб перевоспитать, превратить десятки миллионов бывших рабов природы и буржуазного государства — в одного и единственного хозяина их страны и всех ее сокровищ. Диктатура пролетариата перестает быть необходимостью после того, как весь трудовой народ, всё крестьянство будет поставлено в одинаковые социально-экономические условия и пред каждой единицей явится возможность работать по способностям, получать по потребностям. «Насилие», как вы и «многие» понимают его, — недоразумение, но чаще этого оно — ложь и клевета на рабочий класс Союза Советов и на его партию. Понятие «насилия» прилагается к социальному процессу, происходящему в Союзе Советов, врагами рабочего класса в целях опорочить его культурную работу, — работу по возрождению его страны и организации в ней новых форм хозяйства.

На мой взгляд, можно говорить о принуждении, которое вовсе не есть насилие, ибо, обучая детей грамоте, вы ведь не насилуете их? Рабочий класс Союза Советов

и его партия преподают крестьянству социально-политическую грамоту. Вы, интеллигенты, точно так же припуждены чем-то и кем-то почувствовать драматизм вашей жизни «между молотом и наковальней», вам тоже кто-то внушает начала социально-политической грамоты, — и этот кто-то, разумеется, — не я

Во всех странах крестьянство, — миллионы мелких собственников, — является почвой для роста хищников и паразитов; капитализм во всем его безобразии вырос на этой почве. Все силы, все способности и таланты крестьянина поглощаются его заботами о своем нищенском хозяйстве. Культурный идиотизм мелкого собственника совершенно равен таковому же идиотизму миллионера: вы, интеллигенты, должны бы хорошо видеть и чувствовать это. В России до Октябрьской революции крестьянство жило в бытовых условиях XVII века, это — факт, который не осмелятся отрицать даже русские эмигранты, озлобление которых на советскую власть приняло уже комически-чудовищный характер.

Крестьянство не должно существовать в качестве полудиких людей четвертого сорта, в качестве пищи для ловкого мужика, для помещика, для капиталиста, не должно существовать в условиях каторжного труда на мелкораздробленной истощенной земле, неспособной прокормить ее нищего собственника, безграмотного, лишенного возможности удобрить землю, работать машинами, развивать агрикультуру. Крестьянство не должно оправдывать мрачную теорию Мальтуса, в основе которой, на мой взгляд, скрыто изуверство церковной мысли. Если крестьянство в массе еще не способно понять действительность и унижительность своего положения — рабочий класс обязан внушить ему это сознание даже и путем принуждения. Но в этом, однако, нет надобности, ибо крестьянин Союза Советов, отстрадавший мучения боины 1914—18 гг., разбуженный Октябрьской революцией, уже не слеп и умеет практически мыслить. Его снабжают машинами, удобрением, пред ним открыты пути во все школы, ежегодно тысячи крестьянских детей выходят в жизнь инженерами, агрономами, врачами. Крестьянство начинает понимать, что

рабочий класс в лице его партии стремится к тому, чтобы создать в Союзе Советов одного хозяина, у которого 160 миллионов голов и 320 миллионов рук, а это—главное, что надо понять. Крестьянство видит, что всё, что делается в его стране,—делается для всех, а не для небольшой группы богатых людей; крестьянство видит, что в Союзе Советов делается только полезное для него и что 26 «научно-исследовательских институтов» страны работают для обогащения плодородности его земли, для облегчения его труда.

Крестьянин хочет жить не в грязных деревнях, как он жил века, а в агрогородах, где есть хорошие школы и ясли для его детей, театры, клубы, библиотеки, кинематографы для него. В крестьянстве растет жажда знаний и вкус к жизни культурной. Если б крестьянин не понимал всего этого, работа в Союзе Советов не достигла бы в 15 лет тех грандиозных результатов, которые достигнуты соединенной энергией рабочих и крестьян.

В буржуазных государствах рабочий народ—механическая сила, в массе своей лишенная сознания культурного значения своего труда. У вас хозяйствуют тресты, организации хищников национальных сил, паразиты трудового народа. Враждуя между собою, играя деньгами, стремясь разорить друг друга, они устраивают мошеннические биржевые драмы,—и вот, наконец, их анархизм привел страну к небывалому кризису. Миллионы рабочих пухнут с голода, бесплодно растрачивается здоровье народа, катастрофически растет детская смертность, растут самоубийства,—истощается основная почва культуры, ее живая человеческая энергия. И, несмотря на это, ваш сенат отклонил законопроект Лафоллет-Костигана об ассигновании 375 млн. долларов на непосредственную помощь безработным, а «Нью-Йорк американ» публикует следующие данные о произведенных в Нью-Йорке выселениях безработных и их семей из квартир за невзнос платы: в течение 1930 г.—153 731 случай выселений, а в 1931 г.—198 738. В течение января с. г. в Нью-Йорке ежедневно выселяются из квартир сотни семей безработных.

В Союзе Советов хозяйствуют и законодательствуют рабочие и та часть крестьянства, которая доросла до сознания необходимости уничтожения частной собственности на землю, социализации и машинизации труда на полях, доросла до сознания необходимости психологически переродиться в таких же работников, какими являются работники фабрики и заводов, т. е. быть подлинными единственными хозяевами страны. Количество крестьян коллективистов и коммунистов непрерывно растет. Оно будет расти всё быстрее, по мере того как новое поколение будет изживать наследие крепостного права и суеверия векового рабского быта.

Законы в Союзе Советов создаются внизу, в недрах трудовой массы, они вытекают из условий ее жизнедеятельности, советская власть и партия формулируют и утверждают как закон только то, что созревает в процессах труда рабочих и крестьян, — труда, основная цель которого создать общество равных. Партия — диктатор, насколько она является организующим центром, нервно-мозговой системой рабочей массы; цель партии — превратить в кратчайший срок наибольшее количество физической энергии в энергию интеллектуальную, чтобы дать простор и свободу развитию талантов и способностей каждой единицы и всей массы населения.

Буржуазное государство, ставя ставку на индивидуализм, усердно воспитывает молодежь в духе своих интересов и традиций. Это, разумеется, естественно. Однако мы видим, что в среде молодежи именно буржуазного общества чаще всего возникали и возникают идеи и теории анархизма, а это уже неестественно и указывает на ненормальное, нездоровое состояние среды, в которой люди, задыхаясь, начинают мечтать о полном разрушении общества в интересах неограниченной свободы личности. Вы знаете, что ваша молодежь не только мечтает, но и соответственно действует, — пресса Европы всё чаще сообщает о «шалостях» буржуазной молодежи вашей и своей, — о шалостях, которые имеют характер преступлений. Преступления эти вызываются не материальной нуждой, а «скукой жизни», любопытством, поисками «сильных» ощущений, и в основе всех таких

преступлений лежит крайне низкая оценка личности и ее жизни. Вовлекая в свою среду наиболее талантливых выходцев из рабочих и крестьян, заставляя их служить своим интересам, буржуазия хвастается «свободой», с которой человек мог достичь «некоторого личного благосостояния» — удобного логовища, уютной норы. Но вы, конечно, не станете отрицать, что в вашем обществе тысячи талантливых людей погибают на путях к пошлому благополучию, будучи не в силах преодолеть препятствия, которые ставят перед ними бытовые условия буржуазной жизни. Литература Европы и Америки полна описаниями бесплодной гибели даровитых людей. История буржуазии — это история ее духовного обнищания. Какими талантами может гордиться она в наше время? Нечем ей гордиться, кроме различных Гитлеров, кроме пигмеев, больных манией величия.

Народы Союза Советов вступают в эпоху возрождения. Октябрьская революция вызвала к жизнедеятельности десятки тысяч талантливых людей, но их всё еще мало для осуществления целей, которые поставил перед собой рабочий класс. В Союзе Советов нет безработных, и всюду, во всех областях приложения человеческой энергии нехватает сил, хотя они растут быстро, как никогда и нигде не росли.

Вы, интеллигенты, «мастера культуры», должны бы понять, что рабочий класс, взяв в свои руки политическую власть, откроет перед вами широчайшие возможности культурного творчества.

Посмотрите, какой суровый урок дала история русским интеллигентам: они не пошли со своим рабочим народом и вот разлагаются в бессильной злобе, гниют в эмиграции. Скоро они все поголовно вымрут, оставив память о себе, как о предателях.

Буржуазия враждебна культуре и уже не может не быть враждебной ей, — вот правда, которую утверждает буржуазная действительность, практика капиталистических государств. Буржуазия отвергла проект Союза Советов о всеобщем разоружении, и одного этого вполне достаточно, чтобы сказать: капиталисты — люди социально опасные, они готовят новую всемирную

бояшю. Они держат Союз Советов в напряженном состоянии обороны, заставляя рабочий класс тратить огромное количество драгоценного времени и материалов на выработку орудий защиты против капиталистов, которые организуются, чтобы напасть на Союз Советов, сделать огромную страну своей колонией, своим рынком. На самозащиту против капиталистов Европы народы Союза Советов тратят огромное количество сил и средств, которые можно бы употребить с бесспорной пользой на дело культурного возрождения человечества, ибо процесс строительства в Союзе Советов имеет общечеловеческое значение.

В гнилой, обезумевшей от ненависти и от страха пред будущим среде буржуазии всё более рождается идиотов, которые совершенно не понимают смысла того, что они кричат. Один из них обращается к «господам правителям и дипломатам Европы» с таким воззванием: «В настоящий момент силы желтой расы должны быть использованы Европой как средство для сокрушения III Интернационала». Весьма допустимо, что этот идиот выболтал мечты и намерения некоторых подобных ему «господ дипломатов и правителей». Весьма возможно, что уже есть «господа», которые серьезно думают о том, о чем заорал идиот. Европой и Америкой правят безответственные «господа». События в Индии, Китае, Индо-Китае вполне могут способствовать росту расовой ненависти к европейцам и вообще к «белым». Это будет третья ненависть, и вам, гуманистам, следует подумать, нужна ли она для вас, для детей ваших. И насколько полезна для вас проповедь «расовой чистоты», т. е. проповедь опять-таки расовой ненависти в Германии? Вот, например:

«Вождь гитлеровцев в Тюрингии Заукель предписал национал-социалистической группе Веймара протестовать против присутствия в Веймаре на предстоящем торжественном праздновании 100-летия со дня смерти Гёте — Гергарда Гауптмана, Томаса Манна, Вальтера фон Моло и профессора Сорбонны Генри Лихтенберже. Заукель ставит в вину указанным лицам их неарийское происхождение».

А также пора вам решить простой вопрос: с кем вы, «мастера культуры»? С чернорабочей силой культуры за создание новых форм жизни или вы против этой силы, за сохранение касты безответственных хищников, касты, которая загнила с головы и продолжает действовать уже только по инерции.

(1932)

О СТАРОМ И НОВОМ ЧЕЛОВЕКЕ

XIX столетие получило громкий титул:—«век прогресса». Титул — заслуженный, в этом веке разум, научно исследуя явления природы, подчиняя хозяйственным интересам ее стихийные силы, достиг небывалой высоты и создал множество «чудес техники». Изучая органическую жизнь, разум открыл невидимый мир бактерий, — открытие, не использованное во всей его полноте вследствие постыдного и цинического консерватизма социально-классовых условий. В русском переводе книги Уоллеса «XX век» сказано: «В этом веке орлиный взлет мысли величественно и гордо показал человечеству ее силу».

Но рядом с научной мыслью не менее деятельно работала другая, она создала в среде буржуазии настроение, известное под именем «мировой скорби», — философию и поэзию пессимизма. В 1812 г. лорд Ноэль Байрон опубликовал первые песни «Чайльд Гарольда», а вскоре после этого Джакомо Леопарди, граф Мональдо, философ и поэт, начал проповедывать, что знание обнаруживает только бессилие разума, что всё в мире — «суета сует», и только страдание и смерть — истинны. Мысль — не новая, ее очень красиво оформил Екклезиаст, ее проповедывал Будда, она отягощала разум Томаса Моора, Жан-Жака Руссо и многих людей большого ума и таланта. Возрождение этой мысли Байроном и Леопарди трудно объяснить одной только скорбью представителей феодального дворянства, побежденного буржуазией, но, разумеется, унаследовав земли аристократов, мещанство унаследовало и некоторые

яден ее, — идеи обладают вредной способностью переживать условия, которыми они созданы.

Живучесть идей пессимизма хорошо объясняется тем, что по смыслу своему эта философия глубоко консервативна и, утверждая бессмыслие бытия, этим самым вполне удовлетворяет запросы не очень пытливых умов и успокаивает любителей покоя. Объясняется эта живучесть еще и тем, что круг потребителей идей крайне узок, малочислен и оригинальностью, смелостью мышления не богат.

В XIX в. идеями пессимизма наиболее усердно обслуживали Европу немцы. Не говоря о буддийской философии Шопенгауера и Гартмана, анархист Макс Штирнер в книге «Единственный и его собственность» является ни кем иным, как глубочайшим пессимистом. То же следует сказать и о Фридрихе Ницше, выразителе буржуазной жажды «сильного человека», — жажды, которая, регрессируя, опустилась от прославленного Фридриха Великого до Бисмарка, до полоумного Вильгельма II, а в наши дни — до явно ненормального Гитлера.

В течение первых 12 лет примером «великого человека» служил для буржуазии Европы «маленький капитан» Бонапарте. Влияние этой полуфантастической биографии на мысль и чувства ряда поколений мещанства еще недостаточно исследовано, хотя именно он, Бонапарте, особенно убедительно доказывает необходимость для мещанства ставки на «героя» и неизбежность крушения героя.

Известно, что роль «героя» как творца истории очень красиво, хотя несколько истерически, доказывал Карлейль. Ему верили, но это не помешало героям сократиться до размеров Клемансо, Черчилля, Вудро Вильсона, Чемберлена и прочих «вождей культурного человечества», как именуют этих людей их лакен.

Работодатели относятся к героям, состоящим на службе у них, более сдержанно, ибо каждая группа работодателей, затеявая бойню 14—18 гг. и зная, что «война родит героев», рассчитывала получить Александра Македонского, или Тамерлана, или хотя бы Наполеона, а получила Жоффров, Пэршингов, Людендорфов. «Возвраща-

щаяся к нашим баранам», следует упомянуть в ряду немецких пессимистов Вейнингера, автора мрачной книги «Пол и характер», и Шпенглера, автора книг «Закат Европы», «Человек и техника».

«Закат Европы», т. е. духовное оскудение ее, истощение талантов, нищета и убожество организующих идей,— всё это явления, свойственные не только Европе, но и обеим Америкам, да и всему миру. Погасли яркие звезды в небесах буржуазии!

«Форсайты» в Англии, «Буденброки» в Германии, «Мистер Бэбит» в САСШ явно неспособны родить «героев» и принуждены выдумывать их из мелких авантюристов.

В стране, где когда-то туманное благодушие оптимиста Диккенса затмило здоровый критицизм Теккерея, недавно замолчал угрюмый Т. Гарди, и ныне стали возможны такие злые, полные жуткого отчаяния книги, как «Смерть героя» Р. Олдингтона. Литература Франции в XX в. не поднялась даже и до таких художественных обобщений, какие удались Голсуорти, Томасу Манн и Синклер Льюису. Ромэн Роллан, автор прекрасной эпопеи «Жан Кристоф», человек мужественный и честный, живет вне пределов своей родины, вытесненный из нее животным тупоумием буржуа. На этом Франция проиграла. Мир трудового народа — выиграл. Раньше Франции живет в настроении удава, который, проглотив слишком много пищи, не в силах переварить ее и в то же время боится, что всё, чего он еще не успел пожрать,—пожрут другие животные его типа. Конечно, интеллектуальная нищета не мешает привычному и бессмысленному стремлению лавочников к захвату новых плодородных участков земли, к порабощению людей в колониях. Но золотое ожирение всё более уродливо и тягостно давит на мозг буржуазии. Зрелище духовного оскудения Европы — поразительно, хотя в ней всё чаще являются люди, которым стыдно жить в цинических условиях, созданных лавочниками, и которые понимают, что ставка лавочников на «героя», на индивидуализм, — проиграна.

На вопрос: чего достигла социальная культура Европы в XIX в.? — возможен только один ответ: разбогатела

до такой уродливой степени, что ее богатство стало совершенно очевидной для всех причиной небывалой нищеты рабочего класса. Вырыта пропасть между рабочим классом и буржуазией до такой глубины, которая делает совершенно неизбежным падение буржуазии в эту пропасть.

Разумеется, — туда ей и дорога. Пострадает «культура»? Революции никогда не являлись паузами в истории культурного роста человечества, революции — это процесс вызова к жизни новых творческих сил.

Процесс культурной революции быстро развивается на территории бывшей России Романовых и полуграмотных торгашей, которые, распродавая сокровища своей страны капиталистам Европы, грабили крестьян и рабочих, отданных во власть невежественных попов, гасителей разума.

Полагаю, что здесь мне следует напомнить о моей биографии. Эта биография дает мне право считать себя свидетелем осведомленным и правдивым.

Почти пятьдесят лет я наблюдал жизнь людей различных классов. Не очень доверяя моим непосредственным впечатлениям, я проверял их, изучая историю моего народа, сравнивая ее с историей народов Запада. Я достаточно «объективен» даже и тогда, когда чувствовал, что объективизм замедляет мое понимание простейших «правд» жизни, изгибает прямую линию развития моего познания мира.

Нелегко усвоить, что в основе объективизма скрыто свойственное большинству людей стремление если не примирять, то уравнивать факты, внутренний смысл которых непримирим. Это очень хорошо должны понять люди, в стране которых выдуманно учение о компромиссе и где лишь немногие интеллигенты, специалисты по освещению тайн жизни, только после гнусной войны 14—18 гг. начинают понимать, что противоречия требуют не примирения, а изучения их причин.

Я утверждаю, что рабочему и крестьянину царской России жилось несравненно тяжелее, чем любому из грудовых классов Европы. Люди труда в России были более бесправны, невежественны.

Давление государства и церкви на волю и разум человека в России было более тяжелым, грубым и уродующим, чем в Европе. Нигде талантливые люди не погибали в таком количестве и так легко, как в русской земле. Я не принадлежу к слепым «патриотам своего отечества» и уверен, что хорошо знаю «душу народа». Эта очень «широкая», емкая душа была насыщена и отравлена темными, уродливыми суевериями и дикими предрассудками примитивных бытовых условий. Кстати: с ней нужно знакомиться не по Тургеневу, Толстому и Достоевскому, а по фольклору, — по ее песням, сказкам, пословицам, легендам, по бытовым и церковным обрядам, по ее сектам и кустарным промыслам, — по его работе в области художественной промышленности. Только это дает полное и тягостное представление о жуткой темноте народа и вместе с тем о его удивительной, разнообразной, глубокой талантливости.

В первой половине XIX в. дворяне-литераторы изображали крестьянство — «народ-богоносец» — очень жалостливо, мягкосердечным лириком и мечтателем, покорным его судьбе; нужно было убедить правительство, что крестьянин — тоже человек, что пора снять с его шеи ярмо раба — крепостное право — и учить мужика грамоте. Эту пропаганду примитивного гуманизма продолжала буржуазная интеллигенция во второй половине века, рисуя мужика теми же светлыми и нежными красками, как рисовали его Тургенев, Толстой и другие. Можно сказать, что дворяне хотели видеть мужика грамотным только для того, чтобы получить немного более продуктивную трудовую силу, а буржуазия — для того, чтобы использовать эту силу в борьбе против самодержавия.

В конце века вместе с развитием промышленности среди русской буржуазии явились «легальные марксисты», — домашние птицы мещанства вроде гусей, которые будто бы спасли Рим. Они заговорили о необходимости «выварить» лирического мужичка в «фабричном котле». Тогда же самодержавное правительство, «идя навстречу запросам времени», выдвинуло против земских — светских — школ церковно-приходские школы,

в которых преподавали сельские попы. Вместе со всем этим резко изменилось отношение литературы к мужику: благодушный мечтатель и лирик исчез, явились дикие, пьяные и странные «Мужики» Чехова, Бунина и других сочинителей.

Я не склонен думать, что такое изменение типа совершилось в действительности, но в литературе начала XX века оно — налицо. Эта литературная трансформация не очень убедительно говорит в пользу социальной независимости искусства, но весьма решительно указывает на гармоническое сочетание голоса «свободомыслящей индивидуальности» с голосом ее класса и на замену понятия убеждать понятием угождать.

Итак, в XX в. русская буржуазия имела перед собой не очень симпатичный литературный портрет мужика. Оригинал портрета в 905—7 годах, решив освободить для себя землю, начал жечь и разорять усадьбы помещиков, но к рабочим — «забастовщикам» — отнесся ворчливо и не очень доверчиво. Но в 17-м году он почувствовал простую правду рабочего класса и, как известно, воткнул штык в землю, отказался уничтожать рабочих и крестьян Германии.

Известно также, что германская армия, опираясь на «право завоевания», весьма основательно пограбила русского мужика, а капиталисты Европы, обиженные его необыкновенным поступком, единодушно послали своих мужиков и рабочих укрощать, истреблять строптивых русских. Это очень подлое дело было поддержано большинством русской либеральной и радикальной интеллигенции; она встала на защиту капитализма, саботируя советскую власть, организуя заговоры против нее, прибегая к террору против вождей рабочих и крестьян. Выстрел в Ленина показал рабоче-крестьянской массе, кто является ее действительным другом и вождем, показал, до какой степени гнусны ее враги, и вызвал враждебное отношение к этой части интеллигенции — отношение, оправданное ее предательством. Отсюда интеллигенты Европы могут извлечь кое-какой урок для себя.

С той поры прошло пятнадцать лет.

Что сделано в Союзе Советов за эти годы? Я не стану говорить о грандиозной работе индустриального вооружения страны, технически отсталой; страны, примитивное хозяйство которой было окончательно разрушено общеевропейской войной капиталистов и затем войной рабочего класса против туземных дикарей и дикарей Европы, войной, в которой рабочие дрались за право на культуру, интеллигенты — за право буржуазии на грабеж.

Укажу на широкое развитие — за 15 лет — университетов, научно-исследовательских институтов, на то, как много открыто в эти годы ископаемых сокровищ земли, которые на долгие века обеспечивают ее дальнейший хозяйственный и культурный рост, — всё это известно. Не видят этих завоеваний разума и воли только те, кто ослеплен зоологическими интересами и бесчеловечными предрассудками класса. Не видят этого те, кому лень видеть, и журналисты, которым хозяева запретили видеть правду.

В Союзе Советов один хозяин, — вот основное его достижение и отличие от буржуазных государств. Этот хозяин — рабоче-крестьянское государство, руководимое организацией учеников Ленина. Цель, которую они поставили перед собою, совершенно ясна: эта цель — создать для каждой единицы 160 млн. разнородного населения условия свободного роста ее талантов и способностей. Иными словами, перевести всю массу потенциальной и пассивной нервно-мозговой энергии в активное состояние, разбудить ее творческие способности. Возможно ли это?

Это — осуществляется. Масса людей, перед которыми открыты все пути культуры, выделяет из своей среды десятки тысяч талантливой молодежи во все области приложения энергии: в науку, технику, искусство, в администрацию.

Живем и работаем, конечно, не без ошибок, но инстинкт собственности, глупость, лень и прочие пороки, наследие веков, нельзя уничтожить в полтора десятка лет. Но только безумный или озлобленный до безумия

решился отрицать неоспоримый факт: расстояние, отделяющее молодое поколение европейских рабочих от неоспоримых достижений общечеловеческой культуры, сокращается в Союзе Советов с фантастической быстротой.

Опираясь на всё то, что является в старой культуре непоколебимо ценным, народы Союза Советов смело развивают свое национальное, но общечеловечески ценное. В этом может убедиться всякий, кто пожелал бы обратить внимание на молодую литературу и музыку национальных меньшинств Союза Советов.

Нужно отметить раскрепощение женщины тюркских и тюрко-финских племен, ее стремление к новым формам быта, ее активность.

Законодательная деятельность Союза Советов зарождается и возникает в массе трудового народа, на почве ее трудового опыта и различных изменений трудовой обстановки, — Совет народных комиссаров только формирует опыт и законы и может формировать их только в интересах рабочей массы, — другого хозяина в стране не существует.

Во всём мире законы падают каменным дождем сверху, и все они имеют две цели: эксплуатировать трудовую энергию рабочих масс и создавать препятствия превращению физической энергии в интеллектуальную. Если б средства, которые буржуазия тратит на вооружение для взаимного грабежа, тратились на народное образование, — страшное лицо мещанского мира было бы, наверное, не так отвратительно. Ненависть буржуазии к Союзу Советов вынуждает и его употреблять время и металлы на вооружение, — это следует оценить, как еще одно преступление европейской буржуазии против ее рабочих и крестьян.

Никто не может указать ни одного декрета, изданного Советом народных комиссаров, который не ставил бы целью своей удовлетворение культурных запросов и потребностей трудового народа. Перестраивается Ленинград, — в совещаниях по этому поводу принимают участие врачи, художники, санитары, архитекторы, литераторы и, разумеется, рабочие — представители заводов. Насколько мне известно, в Европе этот порядок не принят.

Пресса Союза Советов с придирчивостью, на мой взгляд, чрезмерной и даже вредной, ибо она возбуждает в мозгах мещан несбыточные надежды, обнажает все ошибки работы, все пороки и глупости старого быта, чего не может позволить себе буржуазная пресса, развращающая некультурного читателя подробными и садическими описаниями убийств или соблазнительных рассказов о ловких мошенниках.

За 15 лет рабоче-крестьянская масса выдвинула из среды своей тысячи изобретателей и непрерывно выдвигает их. Они экономят Союзу Советов десятки миллионов и постепенно освобождают население от импорта.

У рабочего, который чувствует себя хозяином производства, естественно, развивается сознание его ответственности перед страной: это сознание заставляет его стремиться к улучшению качества продукции, к снижению ее стоимости.

Крестьянин до революции работал в условиях XVII в., всецело зависел от стихийных капризов природы, от своей истощенной земли, разодранной на мелкие куски. Теперь он быстро вооружается тракторами, сеялками, комбайнами, широко пользуется удобрением, на него работают 26 агрономических научно-исследовательских институтов. Человек, не имевший никакого представления о науке, наглядно убеждается в ее силе, в мощности человеческой мысли.

Деревенский парень, являясь работать на завод, построенный на основании новейших и самых совершенных завоеваний техники, попадает в мир явлений, которые, поражая его воображение, возбуждая мысль, освобождают ее от древних диких суеверий и предрассудков. Он видит работу разума, воплощенную в сложнейших машинах и станках. По неопытности своей он, конечно, портит кое-что, но материальный убыток, наносимый им, покрывается ростом его интеллекта. Он видит, что хозяева завода — такие же рабочие, как сам он, что молодой инженер — сын рабочего или крестьянина. Он очень скоро убеждается, что завод для него — школа, открывающая перед ним возможность свободного развития его способностей. Если он обладает ими, завод выдвигает

его в одно из высших учебных заведений, но есть уже и заводы, при которых открыты высшие технические школы. Его нервно-мозговая энергия, в которой скрыта наша способность исследования и познания явлений мира, мощно возбуждается всей суммой условий, которые были совершенно неведомы его отцу.

Он посещает театры, признанные лучшими в Европе, читает классическую литературу Европы и старой России, бывает в концертах, посещает музеи, изучает свою страну, как до него никто не изучал ее.

Недавно тов. Куйбышев предложил комсомольцам принять участие в работе по исследованию во всей стране местонахождений рудных и нерудных ископаемых. Это значит, что десятки тысяч молодежи, работая под руководством крупнейших геологов Союза Советов, должны будут обогатить хозяйство страны своей открытием новых залежей сырья и обогатить самих себя новым опытом. Возможность организации таких армий для таких целей капиталистическим странам недоступна, да и нечего искать в этих странах, ограбленных безответственным хозяйствованием капиталистов. В том случае, если хищники Европы всё-таки попробуют совершить разбойничий налет на Союз Советов, их армии встретят бойцы каждый из которых хорошо знает, что именно он будет защищать.

* * *

В цинической своей игре капиталисты ставят ставку на глупость масс, тогда как в Союзе Советов развивается процесс организации сознания в рабочей массе ее права на власть. В Союзе Советов растет новый человек, и уже безошибочно можно определить его качество.

Он обладает доверием к организующей силе разума, доверием, которое утрачено интеллигентами Европы, истощенными бесплодной работой примирения классовых противоречий. Он чувствует себя творцом нового мира и хотя живет всё еще в условиях тяжелых, но знает, что создать иные условия — его цель и дело его разумной воли, поэтому у него нет оснований быть пессимистом. Он молод не только биологически, но исторически. Он — сила, которая только-что осознала свой путь, свое зна-

чение в истории, и он делает свое дело культурного строительства со всей смелостью, присущей юной, еще не работавшей силе, руководимой простым и ясным учением. Ему смешно слышать стоны и вопли Шпенглеров, уstraшенных техникой, ибо он хорошо знает, что техника еще не работала в интересах культурного развития сотен миллионов людей рабского физического труда. Он видит, что буржуазия позорно проиграла свою ставку на индивидуализм, что она вообще не способствовала росту индивидуальностей, а своекорыстно ограничивала этот рост идеями, которые прикрито или явно утверждали как «вечную истину» бесправие ее власти над большинством людей. Отрицая буржуазный зоологический индивидуализм, новый человек прекрасно понимает высокую цельность индивидуальности, крепко соединенной с коллективом, — он сам — именно такая индивидуальность, свободно черпающая энергию и вдохновения свои в массе, в процессах ее труда. Капитализм привел человечество к анархии, которая угрожает ему чудовищной катастрофой, — это ясно каждому честному человеку.

Цель старого мира: восстановить приемами физического и морального насилия посредством войн на полях и кровопролитий на улицах городов старый изгнивший, бесчеловечный «порядок», вне которого капитализм не может существовать.

Цель новых людей: освободить трудовые массы от древних суеверий и предрассудков расы, нации, класса, религии, создать всемирное братское общество, каждый член которого работает по способности, получает по потребности.

(1932)

ДЕЛЕГАТАМ АНТИВОЕННОГО КОНГРЕССА

(Речь, которая не была произнесена)

Сердечно приветствую людей, которые решились поднять голоса свои против международных войн, которые организуются капиталистами в целях своего обогащения и сеют в мире ненависть между народами

Приветствую и был рад верить, что этот ваш проект поколеблет злую волю врагов человечества, ибо они снова затевают международную бойню.

Но прошлое не внушает надежды на то, что сила слова пацифистов способна победоносно противоборствовать разрушительным намерениям касты людей, численно ничтожной, совершенно безответственной и уже безумной, но всё ещё командующей жизнью и волей нации.

Вы все помните, конечно, что после разгрома Пруссией Австрии и Франции на протяжении 43 лет пацифизм проповедывался непрерывно и что в числе других знаменитая книга Берты фон Зутнер «Долой оружие» была одобрительно принята и прочитана интеллигенцией всего мира. Но ни эта книга, ни проповедь Льва Толстого и никто вообще не мог помешать капиталистам уничтожать миллионы людей в борьбе за овладение колониями, устроить поход на Пекин и ограбить столицу Китая, не мог помешать возникновению балканских войн и общеевропейской позорнейшей бойни.

Эта бойня не должна бы захватить пацифистов Европы врасплох, но она захватила гуманитариев, поставила их друг против друга с оружием в руках в ряды миллионов невольных убийц, и проповедники мира истребляли друг друга с яростью дикарей. Невольными убийцами я называю рабочих и крестьян, у которых нет причины истреблять друг друга для усиления власти своего классового врага и всё ещё нехватает разумной воли прекратить братоубийственные битвы наций. Известно, что в 1914 году хитроумные социализезунты, вожди II Интернационала гнусно обманули трудовой народ Европы, заставили рабочих забыть, кто действительно враг рабочего класса и зачем нужно врагу затевать кровавые схватки наций. Гуманисты тоже не видят, кто является подлинным врагом гуманитарной культуры. В 1914 году они очень легко заразились безумием людей своего класса.

Для людей этого класса нет в мире ничего дороже золота, и всё — науку, исследующую явление мира, технику, созданную затем, чтобы облегчить физический труд людей, искусства, призванные облагородить их, —

всё капиталисты обращают в золото, так же как и крови трудового народа. В пользу этого утверждения говорит тот факт, что биологические науки значительно отстают от других дисциплин. Конечно, буржуазия спекулирует и наживает на медицине, на гигиене, но эти науки, призванные охранять здоровье народа, не так выгодны, как, например, химия, физика, и особенно механика, работающая на военную промышленность, т. е. для массового истребления людей.

Каждая из национальных групп капиталистов, отстаивая свое преимущественное право на ограбление земли и людей, бешено конкурирует с другими национальными группами хищников, ловко играя на «инстинкте нации» — примитивном инстинкте, который враждебно разъединяет людей. Именно на него опираясь, капиталисты в нужный момент превращают пацифистов в своих покорных слуг. Давно уже вполне ясно, что «интересы нации» сведены к интересам группы промышленников, эксплуататоров физической и духовной энергии нации. Известно также, что любая из этих групп способна предать свою «нацию». Нужны факты, утверждающие это. Вот факты:

«14 февраля 1912 г. представитель французского «Об-ва карбидов» получил заказ Круппа на ферро-силиций, необходимый для изготовления пушечной стали. В своем письме он писал: «Крупп настаивает на своем желании, чтобы мы устроили депо в 1 тыс. тонн в местности вблизи завода. Я не думаю, чтобы в данном случае Крупп беспокоил вопрос о затруднительности транспорта вообще, но это требование мотивируется тем фактом, что с точки зрения немцев следует предвидеть неизбежность европейской войны через два года и что в момент всеобщей мобилизации Крупп натолкнется на большие затруднения для получения всех необходимых ему запасов... Ввиду этого Крупп желает иметь 1 тыс. тонн ферро-силиция под рукой».

Таким образом, французское «Об-во карбидов» прекрасно знало, что Крупп закупает ферро-силиций, предвидя неизбежность войны. И тем не менее французские «патриоты» продавали Круппу электрометаллы для изготовления пушек, которые впоследствии истребляли

тысячи французских солдат. Не только до войны, но и во время войны, как установлено французскими следственными властями, «Об-во карбидов» снабжало Круппа военными материалами.

«В момент, когда франко-германские противоречия обостряются всё более, когда часть французской печати угрожает Германии применением санкций, если Германия откажется нести репарационное бремя, в момент, когда французские милитаристы всё откровеннее потрясают в Женеве бронированным кулаком, «патриоты» из «И. Г. Фарбениндурии» снабжают французское военное ведомство натровой селитрой и другими материалами на изготовление взрывчатых веществ! Ведь у германских «патриотов» не может быть никакой гарантии, «что эти средства уничтожения людей будут использованы только против китайцев на Дальнем Востоке, а не где-либо поближе. Как и 20 лет назад, поджигатели войны безнаказанно ведут свою преступную деятельность, рассчитывая нажить на море человеческой крови горы золота».

Вы знаете, что безответственная и преступная игра капиталистов осталась безнаказанной всюду, за исключением царской России.

Чего хотят короли промышленности, снова организуя всемирную бойню? Они воображают, что война поможет им выскочить из тисков экономического кризиса, созданного анархией производства, идиотизмом страсти к наживе.

Фигурально говоря, они хотят еще раз принять ванну из крови трудового народа, надеясь, что это оживит их старческую дряхлость. Я решительно утверждаю, что капиталисты люди ненормальные — ничем иным нельзя объяснить чудовищность их пагубной страсти к наживе. Обжорство — болезнь. Обжора продолжает поглощать пищу и тогда, когда желудок его переполнен. Капиталист — маниак наживы и при этом страдающий манией величия. Вне этих ненормальностей он, обычно, человек невежественный, уродливо ограниченный инстинктом хищника. Совершенно несправедливо наградить его титулом «организатора промышленности» — промышлен-

ность организуют работники науки, техники посредством физической энергии рабочего класса. О человеке, который научился доить коров, мы не говорим: он изобрел молоко. Но когда читаешь биографии или автобиографии капиталистов, например, Форда, ясно, что капиталист считает себя изобретателем молока, а не приемов доения коровы. Именно люди науки, техники, искусства и рабочие фабрик, заводов, шахт, транспорта, непрерывным трудом и творчеством внушили, внушают капиталисту манию величия. Ему кажется, что всё, что делают они, — делает он, потому что он платит им деньгами, награбленными с них же, подлинных мастеров культуры. Чувствуешь себя крайне неловко, доказывая то, что само собой ясно и понятно.

Я говорю о тех подлинных творцах общечеловеческой культуры, которые считают деяние основой познания, глубоко чувствуют поэзию труда, о людях, которым человечество обязано неоспоримыми ценностями науки, искусства: я говорю о людях, которых не соблазняет грязный рай буржуазии, о людях, которые хорошо видят, как нищенски бедна творческой энергией современная буржуазия, как отвратителен созданный ею быт и как она отравляет, разлагает массы: резерв творческой энергии.

Перед этими мастерами культуры история твердо поставила простой вопрос — что же необходимо: преступные войны одной национальной группы капиталистов против другой, войны, которым не будет конца, или же необходима война пролетариев всех стран против капиталистов всех стран — война, которая навсегда сделает невозможными кровавые схватки, истребление миллионов наиболее здоровых людей, истребление продуктов их труда?

С кем должны идти в будущее мастера культуры — с людьми, которые эксплуатируют их творческую энергию, уже пресытились ею, богато обставлены предметами материальной культуры, давно уже не нуждаются в развитии культуры духовной и даже начинают ограничивать ее рост?

Или же они должны идти с новым классом, который

история выдвигает на первое место и который в стране с населением в 163 млн. уже взял власть в свои руки?

Социал-иезуиты, как следует назвать вождей II Интернационала, социал-иезуиты против классовой войны. Для них гораздо безопаснее кровавые национальные битвы пролетариев, спровоцированных капиталистами. Они боятся классовой войны, ибо эта война неизбежно поставит их в ту гнусную позицию, в какую встал некто Носке, справедливо прозванный кровавой собакой.

В 1914 году вожди II Интернационала вполне наглядно показали миру, что их интернационализм ничем не отличается от интернационализма торговцев энергией и кровью трудового класса. Лично меня нимало не удивит, если вожди эти признают, вместе с «Оссерваторе Романо» — органом главы христианнейшей церкви, «необходимость концентрации всех сил христианской Европы против духовной анархии, исходящей из России».

Анархией в данном случае именуются успехи рабочего класса в деле строительства социалистического хозяйства и культуры. Анархия — это рост интеллектуальной энергии в Союзе Советов, рост, быстрота которого характеризуется такими цифрами: в 1929 г. Союз Советов имел 57 тыс. инженеров, 55 тыс. техников. В 1932 г. — 163 000 первых и 138 500 вторых. В 1932 г. рабочий класс — единый хозяин Союза Советов — имеет 400 высших учебных заведений и 1609 техникумов, в которых обучаются 2½ миллиона студентов. Но и эти количества учащихся еще не скоро вполне удовлетворят потребность страны Советов в работниках науки. А вот в Германии «Имперский союз врачей-служащих» обратился к правительству с жалобой на врачей иностранцев, которые занимают должности ассистентов при больницах, хотя таких иностранцев оказалось всего 145 человек. Это свидетельствует, конечно, не о том, что в Германии дело охраны здоровья населения поставлено идеально, а только о том, что 145 немцев врачей не смогут заработать у себя в стране кусок хлеба.

Разумеется, что в общем трагическом хаосе жизни Европы это мелкий, ничтожный факт. Но за ним стоит

другой: в Германии высшие учебные заведения ежегодно выпускают 40 тыс. человек, а правительство сможет дать работу только 6 тыс. «Перепроизводство» интеллектуальной энергии — явление общее для всей Европы, как же как и для САСШ. Но вы знаете, конечно, что массы трудового народа этой энергией не обслуживаются и не могут ее поглощать, а «перепроизводство» говорит только о том, что при капиталистической структуре государств правильное распределение культурных сил в мире — распределение совершенно необходимое для дальнейшего роста культуры — невозможно.

В 1932 г. в Союзе Советов работает всё трудоспособное население страны, где живет 163 млн. людей, и в стране не только нет безработных, но ощущается недостаток рабочих рук. Единый хозяин страны — рабочий класс — смело приступил к решению задачи грандиозного хозяйственно-культурного значения: он соединяет моря каналами, орошает водами рек засушливые степи, обогащает всю страну электроэнергией, строит десятки километров дорог, десятки мощных заводов и фабрик. Итог его работы за 15 лет сказочно огромен. Вот что называют анархией Адлеры, попы, а также иезуиты других профессий, люди, которые хотят быть слепыми, потому что боятся правды, невыгодной для них, но вполне очевидной: рабочий класс может хозяйствовать разумнее, чем капиталисты.

Этот факт всё более часто начинают признавать даже некоторые из среды хищников, но, разумеется, это не убеждает остальных, а еще более разжигает их классовую ненависть и циническое бесчеловечие.

Хозяинствуя разумнее капиталистов, рабочий класс Союза Советов не считает развитие материальной культуры окончательной своей целью, не ограничивает свою работу целями только обогащения своей страны, т. е. самообогащения. Он понял, он знает, что материальная культура необходима ему как почва и основа для развития духовной, интеллектуальной культуры. Его творческую энергию питает и усиливает великая идея всемирного братства народов.

Носителем какой идеи является капитализм? Он всюду в мире сеет расовую и национальную ненависть. Вот капиталисты создали говорильню, именуемую Лигой наций. Несколько месяцев в этом учреждении покорнейшие слуги капитала рассуждали о необходимости для Европы разоружиться, и вы знаете, что когда они рассуждали, капиталисты Японии открыто и безнаказанно грабили Китай, захватили Манчжурию, истребили и продолжают истреблять десятки тысяч ни в чем неповинных людей. В Шанхае уничтожено огромное количество культурных ценностей, которые имели общечеловеческое значение.

Этот преступный акт не возбудил негодования пацифистов, не возбудил их протеста, да, кажется, и внимания не возбудил. А ведь преступления капиталистов совершаются не только в Шанхае и Манчжурии, но и во всём мире, во всех городах Европы, всюду на глазах гуманитариев и пацифистов. Они люди грамотные, им известно, что в Штатах Северной Америки рабочие умирают с голоду в то время, когда капиталисты делают из пшеницы брикеты для паровозных топок, но этот чудовищный факт как будто не компрометирует в их глазах систему капиталистического хозяйства. На улицах городов Германии ежедневно происходят кровавые схватки, убийства рабочих, разыгрываются маленькие репетиции гражданской войны, вызванной и всё более цинично провоцируемой буржуазией. Как реагируют пацифисты на этот факт? Что, кроме красноречия, могут они противопоставить анархизму и цинизму капиталистов? На их глазах непрерывно работает «Интернационал военной промышленности». «Вашингтон пост» опубликовал данные о военных расходах европейских должников САСШ.

Согласно этим данным, основанным на официальных цифрах, израсходовали в 1930 г. на военные цели: Англия — 608 млн. долларов, Франция — 547 млн., Италия — 322 млн., Польша — 123 млн., Румыния — 67 млн., Югославия — 47 млн., Чехо-Словакия — 41 млн., Бельгия — 23 млн. По другим данным, Япония израсходовала

в том же году на свои вооружения 240 млн. долл., а военный бюджет САСШ составлял 709 млн.

Как известно, в 1931 г. военные расходы всех буржуазных государств не только не уменьшились, но увеличились. Бюджеты текущего года предусматривают новый рост этих расходов.

Полным ходом работает военная промышленность. Надо отметить, что надежды военной промышленности на большое оживление в связи с военными действиями на Дальнем Востоке не оправдались. Говоря об этом, берлинская газета «Дейче альгемейне Цейтунг» замечает: «Выяснилось, что «центральные страны» только тогда могут делать хорошие дела, когда воюют друг с другом действительно богатые державы».

На эти миллиарды, конечно, можно устроить совершенно чудовищное истребление человеческих масс, фантастические разрушения городов, уничтожение продуктов труда. Я спрашиваю: к этому пришла капиталистическая «цивилизация»? Это — неизбежно? Это — может быть оправдано? Не представляю дьявола, который мог бы оправдать это преступление. Но я могу представить себе, что было бы, если бы эти миллиарды истратить на дело обогащения людей физического труда интеллектуальной энергией, я могу представить это, ибо я — гражданин Союза Советов, страны, где нет капиталистов и где, в условиях очень трудных, рабочий класс проявляет изумительные силы таланта во всех областях приложения энергии к работе строительства новой культуры. Рабочий народ, — вот о чем меньше всего думают магнаты в те дни, когда этот народ в Египте и Америке безработен и умирает с голода, а в колониях капиталистов умирает под огнем пулеметов в борьбе за свою свободу от эксплуатации хищников.

В конце концов очень трудно понять, что тревожит пацифистов и чего они хотят? Может быть, тревоги эти объясняются только тем, что пацифисты и гуманитарии живут в тылу армии, а генералы угрожают, что будущая бойня наций не пощадит и смиренных обывателей тыла.

Вообще кажется, что гуманисты давно уже существуют где-то в тылу событий, живут позади истории и что

основное их стремление — стремление к самосохранению, к покою. Очень трудно представить, как поведут себя пацифисты в те дни, когда вспыхнет неизбежная и последняя война, которая уничтожит возможность возникновения национальных войн.

Известно, что вся сила ненависти националистов направлена на Союз Советов. Также ясно, что, если бы капиталисты верили, что всё творимое рабочим классом Союза Советов только «неудачный опыт», им не за что было бы так бешено ненавидеть людей страны Советов. Они могли бы жить спокойно, занимаясь своим обычным делом — взаимным самоограблением и саморазрушением у себя дома, дожидаясь, когда «неудачный опыт» кончится крахом, и уже тогда броситься на страну Советов. Но — опыт явно удачен, они уже сами начинают вслух говорить об этом друг другу. И вот Франция снова мечтает о походе на Москву.

Проповедь войны против Советов особенно сильна во Франции, — тем радостнее видеть здесь французов — противников войны против народа, который не хочет воевать, но принужден готовиться к обороне. Народ этот решительно и не щадя сил своих взялся за дело, имеющее неоспоримое общечеловеческое значение. Препятствовать ему в этом могут только враги трудового человечества, эксплуататоры его энергий, люди, чьи действия явно и неоспоримо преступны, намерения — еще преступней.

Насколько я понимаю, задача данного конгресса — найти формы противодействия этим намерениям. Почтенная задача. По вопросу о форме борьбы против организаторов нового массового истребления человечества я высказался достаточно определенно, другого пути я не вижу и не думаю, что профессионального убийцу можно перевоспитать, действуя на него словами.

Принято, чтобы в конце речи было высказано то или иное пожелание. Обращаясь к пролетариату всех стран (включая в понятие «пролетариат» и честно мыслящих людей интеллектуального труда), я желаю пролетариям как можно скорее понять, что всякая война капиталистов есть война против рабочих, против трудового народа, против культуры, и, поняв это, приложить все усилия.

всю свою мощь для организации последнего и решительного боя против классового врага, разрушающего культуру, созданную вековыми усилиями работников физического и умственного труда.

(1932)

О „СОЛДАТСКИХ ИДЕЯХ“

Недавно в Берлине был парад «Стальной каски» — «Штальгельма», и председатель этой организации Зельдте, фабрикант ликеров, сказал: «Когда Штальгельм марширует, это означает возрождение германского солдатского духа. Солдатские идеи и солдатские дела вновь нашли себе понимание в Германии».

Лет за тридцать до наших дней в одной, не помню кем написанной, биографии философа Фихте, было сказано: «Германия — страна философов, и в то время, как во Франции адвокаты делают политику, в Германии — философы владеют духом нации». Но, вот, мы видим, что в Германии начали делать политику фабриканты ликеров. Это, разумеется, не вчера началось, и хотя это — скверно, однако вполне естественно в государстве капиталистов. Но всё же фабриканта ликеров едва ли можно признать философом. Известно, что буржуазный философ — любитель мудрости, рассуждающий в целях «объяснить мир» или объяснить технику мышления о мире. Это — его профессия, и, с точки зрения людей живого дела, преобразующего мир, философа буржуазного — не обижая его — можно назвать «бездельником». Фабрикант ликеров — не философ, но тоже человек дела — «солдатского дела».

Легко представить себе, что такое «солдатские дела»: кровавые ужасы этих «дел» 14—18 гг. еще не совсем забыты, как это ясно по настроению широких масс, отраженному антивоенным конгрессом в Амстердаме. Не забыты и ужасы подлой европейской интервенции в Союзе Советов. Недавно о «солдатских делах» напомнило нам разрушение японцами Чапея. Вообще о «солдатских делах» нам напоминают почти непрерывно.

Но — что такое «солдатские идеи»? Насколько известно, история философии не отмечает существования таковых, и есть полная возможность утверждать, что «солдатские идеи» вообще — невозможны, ибо всюду и всегда солдата учили «не рассуждать», а если он всё-таки рассуждал, — его за это наказывали.

Воспитание солдат царской армии было целиком заимствовано из Германии. Солдат был лишен права отвечать на вопросы своего командира простым, честным «не знаю», он должен был ответить словами «не могу знать». Этими словами солдата заставляли отказываться от его способности и права знать всё то, что хотя немного выходило за пределы „Воинского устава“ — одного из наиболее мерзких документов, созданного буржуазной цивилизацией.

Надев на человека солдатский мундир, человеку внушали, что он не только не достоин и не должен знать, но по своей «природе солдата» не может знать, лишен умения знать всё, что за пределами законов его службы. Солдат буржуазных армий, — это человек, которого оболванивает его классовый враг для того, чтобы укрепить свою власть над ним — крестьянином, рабочим. Солдат европейских армий — это человек, живущий в плену своих врагов, загипнотизированный ими, работающий на них за нищенскую плату и плохой кусок хлеба. В то же время солдаты — люди, отцы, матери, братья и сестры которых работают и платят огромные налоги для того, чтобы одеть, вооружить и кормить своих детей и братьев в продолжение их службы в армии. А когда отцам и братьям становится так тяжело жить, что они «бунтуют» против исконных классовых врагов своих — солдаты обязаны стрелять в «бунтовщиков». Они и стреляют, — так глубока степень идиотизма, до которого оболванили их капиталисты.

Более полугода приказчики капиталистов болтали в Женеве о разоружении. Солдаты европейских армий остались глухи и немы к этой болтовне, а они могли бы превратить ее в серьезное дело. Они могли бы сказать кое-что очень веское по поводу всё более растущих трат

на вооружения, по поводу бессмысленной траты металла на пушки и танки, по поводу новой, затеваемой капиталистами всемирной бойни, которая потребует превращения миллионов живых, здоровых людей в трупы, потребует создания миллионов инвалидов. Но солдата делают человеком, который не может знать и не рассуждает. Фабрикант ликеров врет: у рядовых солдат никаких «солдатских идей» не имеется. Но так как в армиях империалистов не мало пролетариев, то, разумеется, пролетарии и в казармах делают свое, пролетарское, исторически необходимое дело, и солдаты буржуазии начинают рассуждать.

В мире есть только одна армия, бойцы которой имеют право и обязаны рассуждать, — это Красная, наша армия. Ее боец не говорит «не могу знать», он имеет право и должен знать всё или как можно больше. И он знает главное — кто и где его враг, знает, что этот враг — собственник, и хочет жить чужим трудом, жить только для себя, хищнической жизнью паука. Боец Красной армии — гражданин своей страны, хозяин, страж ее и строитель ее будущего.

* * *

На вопрос: «Из какого класса больше всего рекрутируются члены «Стальной каски», мне ответили: «Это главным образом дети убитых на войне 14—18 гг., это мстители за отцов своих и за поруганное отечество». Во Франции тоже, конечно, очень много таких детей, и правительства всех стран, участники общеевропейской войны, воспитывают «мстителей», чтоб ударить их лбами друг о друга. Науськивая «сирот» войны на таких же сирот, прихвостни капитала, продажные души, мошенники печати и разбойники пера скрывают от молодежи простую, ясную правду: в убийстве виновна не столько рука физического убийцы, как гнусная голова подстрекателя к убийству. Никто не решится отрицать очевидное: подстрекатель — это капиталист, идолопоклонник частной собственности, существо, изуродованное ненасытной жадностью, завистью, бессмысленной страстью к накоплению денег и вещей, существо человекоподоб-

ное, но всё более теряющее даже и физическое сходство с нормальным человеком.

«Сироты войны», «мстители за отцов» играют роль оловянных солдатиков в руках дегенеративного и злого мальчишки. Пресыщенный игрушками, он находит удовольствие отрывать головы и ноги оловянным солдатам. Различие между оловянным солдатом и «мстителем» только в том, что раньше, чем оторвать голову «мстителю», ее набивают ядовитой чепухой. Его заставляют верить, что существует нечто, именуемое отечеством, и он должен защищать это отечество, которое целиком находится в руках безответственных и бесчеловечных хищников, фабрикантов пушек, ликеров и прочих «культурных» ценностей. Анархическая эксплуатация физической энергии рабочего класса довела европейские «отечества» до ужасов массовой безработицы и голода, которые, конечно, разрушает здоровье трудового народа — здоровье «нации». Безработица создает такие эффекты: 31 один день 10 августа в Берлине пожарная команда вызывалась 15 раз для оказания помощи самоубийцам, отравившимся светильным газом. Сюда, однако, не входят самоубийцы-утопленники, самоубийцы, прибегнувшие к веревке, револьверу и выбросившиеся из окон. Общая причина этих самоубийств — безработица.

«Это не так много для Берлина», — сказал один из интеллигентов, оболваненных капитализмом, один из тех людей, которые хорошо видят и понимают, что хозяин их глуп, пошл, бесчеловечен, но — он «человек со средствами» и потому приходится работать на него. Работать против него вместе с передовой интернациональной партией рабочего класса у оболваненного интеллигента нехватает смелости, хотя он должен бы видеть, что история уже поставила перед ним суровый вопрос о праве быть болваном.

В законах почти всех буржуазных стран существует статья, — не помню ее подлинный текст, а смысл такой: человек, который, присутствуя при акте преступления, не окажет помощи жертве, считается соучастником преступника. Я понимаю, что в наши дни наивно говорить о законности в капиталистическом обществе, хотя ка-

жется, что в случаях, когда жертвой преступления является буржуа, эту статью буржуазия всё-таки принимает. Но разумеется, она никогда не применялась в случаях преступлений против рабочей массы, против трудового народа. В наши дни рабочий класс — объект и жертва преступных деяний капиталиста — всюду, во всём мире поднимает голову, начинает чувствовать, что именно ему принадлежит право законодательствовать и судить. Он, конечно, сохранит в памяти своей поразительные факты преступного равнодушия зрителей цинических беззаконий, творимых капиталистами. В своё время он вспомнит, что когда он, безработный, издыхал с голода, — из пшеницы и кофе, смешанных со смолой делали брикеты для топлива. Он вспомнит, что фашисты Англии нанимались добровольцами в армию Боливии и Парагвая и что боливийский консул в Лондоне рассчитывал купить 10 тыс. таких наемных убийц. Он, судья всех судей, вспомнит многое, мимо чего равнодушно проходят люди, оболваненные капитализмом, люди, которым не противно жить в хаосе невероятных преступлений.

Каковы эти люди и что они сами думают о себе? Мне кажется, что их довольно правильно охарактеризовал герой одного из современных английских романов. Он говорит:

«Мне кажется, что жизнь требует столько внимания, столько напряженной заботы о том, чтобы прожить прилично, что и жить-то не охота. Я говорю, конечно, о жизни так называемой цивилизованной, а не о жизни на островах Фиджи или в стране зулусов. У нас всё в жизни так размерено, предусмотрено, осознано, требует столько тщательного обдумывания и гарантий, что по-настоящему мы никогда просто и легко не живем, не говоря уже о радости бытия, которая нам неведома. Мы как будто всё время ходим по канату и радуемся, только когда можем сказать себе: «Ну, этот кусок пройден благополучно». Если вы решили ни о чем не думать и ловить наслаждение, — тогда очень скоро является пресыщение, и всё утрачивает для вас интерес; но если вы стараетесь избежать пресыщения, это от вас

требует таких усилий, что наслаждаться жизнью вы уже не в состоянии. Если вы плывете по течению, это кончается катастрофой, а если пытаетесь править своим суденышком, вам приходится всё время напряженно работать. Беда в том, что жизни нельзя доверять, — всё время надобно за ней следить, подправлять и подшито-вывать. Так что единственная радость, какую она может нам дать, похожа на то удовольствие, какое испытывают некоторые, возясь с радио или граммофоном. Пока вы меняете волны и диски, радио работает, но и только. Вы не можете просто сложить руки и слушать музыку».

Вот цель жизни: сложить руки и равнодушно наблюдать вихри и бури жизни, не принимая в ней никакого участия. Разумеется, далеко не вся масса европейских интеллектуалистов дожила до такой степени сознания своего бессилия, до такого холодного отчаяния. Но очень примечательно, что именно в Англии явилось такое унылое сознание духовной нищеты, в Англии Киплинга, поэта империализма.

Отметив этот факт и отметив, что это настроение разрастается, как плесень и гниль, по всей Европе, перекинулось и в низколобую Америку севера, перейдем снова к «солдатским идеям». Выше сказано, что у солдат нет «солдатских идей», и мне думается, что прошло время, когда эти идеи можно было глубоко, как гвозди в дерево, вбивать в мозги европейских армий. Но солдатские идеи несомненно существуют и в наши дни усиленно пропагандируются в форме фашизма. Это — не новые идеи, истоки их можно проследить в книгах немецких писателей, например, у знаменитого историка Генриха Трейчке, а философско-художественное оформление этих идей дал Фридрих Ницше в его образе «белокурой бестии». Проводником этих идей является Бенито Муссолини. В статье, написанной им для «Итальянской энциклопедии», он пользуется всеми установками душевно-больного Ницше, его проповедью «любви к дальнему», презрительно отрицает идею братства народов и социального равенства человеческих единиц, отрицает, конечно, и права большинства на власть.

Империализм, под гнетом которого погибают мил-

лионы народа, Муссолини приветствует и восхваляет войну, как высшее выражение всех человеческих способностей, — об этом раньше его кричал «футурист» Маринетти, и это маниакальная идея военных писателей. Война, по их мнению, делает людей «более благородными», с чем едва ли согласятся побежденные на войне. Никто и никогда не слышал, чтобы побежденный сказал победителю с восторгом или с удивлением: ах, как ты меня благородно изувечил и ограбил! В 14—15 гг. бельгийцы и французы ни слова не сказали о «благородстве» победителей-немцев, наоборот, побежденные кричали «о свирепости тевтонов», приписывали им зверскую кровожадность и другие качества, резко противоположные понятию о «благородстве». Побежденные и ограбленные немцы тоже ничего не говорили и всё еще не говорят о благородстве и великодушии победителей. Было бы весьма и даже слишком оригинально назвать благородными такие действия интервентов в России, как, например, расстрел англичанами 26 бакинских комиссаров, кражу чехами золотого запаса в Казани или сожжение французами и греками в день их эвакуации из Херсона двух тысяч мирных обывателей, которых благородные воины заперли в амбарах пристани и подожгли. Решительно ничего не говорит о «благородстве» воинов и военных генерал Гревс, командовавший в Сибири отрядом американских интервентов. Можно еще упомянуть о грабеже немцев на Украине, можно напомнить многое, чем «культурная» Европа опозорила себя.

Не согласятся с мнением военных и фашистов о «благородстве» войны и те сотни тысяч «победителей», которых война сделала инвалидами и которых победители, морально изувеченные, ныне принуждены избивать и разгонять, как это было в Вашингтоне с армией «бонуса».

Не согласятся с фашистами и те миллионы побежденных и победителей, которые теперь лишены права работать и умирают с голода. Фашизм Италии мечтает о власти Рима над миром, Гитлер проповедует, что фашизм «вознесет народ Германии над всем человечеством», в Японии есть человек, который утверждает, что скоро вся белая раса окажется во власти желтой.

буржуазии, империалисты Франции хотели бы спрятать в свой карман всю Европу, — и нет слов, чтобы выразить, до чего всё это нищенски гнусно, как это бессмысленно и противно. Муссолини находит, что никогда еще «народы» не жаждали так страстно сильной власти.

Весьма вероятно, что буржуазия еще успеет посадить кое-где на престолы дураков в коронах набекрень и со свинцовыми мозгами под черепом. Посадит, конечно, не надолго. Всё это — судороги одичавшего, издыхающего класса, всё это бред и агония смертельно больного. Художники слова, изображая умирающих, часто заставляют их вспоминать прошлое, картины детства и юности. Именно это прошлое мерещится сейчас больной буржуазии всего мира, а европейская буржуазия вспоминает себя в конце XVIII века, когда она боролась под лозунгом свободы, братства и равенства и вспоминает эту борьбу, кажется, уже как печальную ошибку своей юности. Ах, если бы можно было перестроиться на феодальный лад! Вот к чему сводятся основные «солдатские идеи» фашизма.

В совершенно обнаженном виде современное на строение буржуазии недавно с наивным цинизмом дикаря высказывал в газете Гитлера «Фолькшер беобахтер» некто Альфред Розенберг по поводу приговора над пятью фашистами, которые замучили и убили коммуниста в Бейтине. Убийство было совершено так садически отвратительно, что даже буржуазный суд приговорил убийц к смерти. Розенберг говорит:

«Приговор обнаружил глубокую бездну между нашим мышлением и либерализмом. Господствующее либеральное право утверждает: человек равен человеку. Это признается и в Америке. Но там между белыми и цветными существует непроходимая преграда. Черный не только не имеет права жениться на белой, но даже лишен права ехать в одном вагоне с белыми. Негр, изнасиловавший белую, линчуется. Это, конечно, «нехорошо», но это необходимо для защиты белой расы. В начале мировой войны французский пацифист Жорес был убит, — суд оправдал убийцу, но виновник покуше-

ния на Клемансо был казнен — в обоих случаях Франция действовала согласно своим жизненным интересам. Пять осуждены на смерть за то, что они убили поляка, который к тому же был большевиком, — приговор суда противоречит элементарному чувству самозащиты нации. Мы ведем наступление на мировоззрение либералов так же, как и на марксистов. Для нас душа не равна душе, человек не равен человеку. Наша цель — сильный германский человек. Только исповедание неравенства дает Германии политическую свободу».

Под влиянием такого бреда приговор суда над убийцами смягчен и, кажется, намерены совсем отменить приговор. Вот этот бред и есть основное содержание фашизма. Совершенно ясно, что Европой, ее трудовым народом, правят люди обезумевшие, что нет преступления, на которое они не были бы способны, нет такого количества крови, которое они побоялись бы пролить. Для того, чтобы дожить до этого бреда, необходимо было «пережить» или «изжить» Гёте и Канта, Шиллера и Фихте и еще добрую сотню крупнейших мыслителей, поэтов, творцов музыки, живописи. Культура буржуазии остается неприкосновенной в библиотеках и музеях, именно неприкосновенной. А быт буржуазии становится всё более грязным, диким, политика — всё более садически бесчеловечной. Миром за пределами Союза Советов командуют сумасшедшие.

(1932)

ПРОЛЕТАРСКИЙ ГУМАНИЗМ¹

«Мир болен», — это утверждают не только большевики, это утверждается и лирически настроенными гуманитариями, которые, наконец, поняли, что «человеколюбие, милосердие, великодушие» и прочие чувства, коими двуногие хищники пытались прикрыть волчью свою «натуру», — эти чувства не применимы в действительности, их трудно превратить в товар, они не находят потре-

¹ Печатается с небольшими сокращениями (Р е д.).

бителей и вредно влияют на рост торгово-промышленных прибылей.

«Мир обезумел», — это всё более громко говорят люди, которые избрали ремеслом своим защиту и оправдание безответственной, бесчеловечной власти капитала над миром трудящихся, защиту неограниченной и уже бессмысленной эксплуатации хозяевами энергии рабочих.

История «болезни» капитализма начинается почти немедленно вслед за тем, как только буржуазия вырвала власть из обессилевших рук феодалов. Можно считать, что первым, кто отметил эту болезнь и отчаянно закричал о ней, был Фридрих Ницше, современник Карла Маркса. Случайностей нет, все явления жизни обоснованы, и не случайно, что в те годы, когда Маркс научно и неопровержимо обосновал неизбежность гибели капитализма, неизбежность власти пролетариата, Ницше с яростью больного и уstraшенного фанатика проповедывал законность и безграничие власти «белокурой бестии». До Ницше отрицал буржуазное государство, религию, мораль и утверждал право единицы на неограниченный эгоизм Макс Штирнер; под этим отрицанием анархиста скрывается в сущности отрицание того «гуманизма», который буржуазия начала вырабатывать еще в средних веках, в начале борьбы своей против феодализма и церкви, идейного вождя феодалов. Неудобство и противоречивость этого «гуманизма» в житейской практике буржуазии она поняла очень рано, о чем свидетельствует церковная реформа Лютера, Кальвина и др. По сути своей реформа эта свелась к тому, что «гуманитарное» евангелие заменено было библией, которая не только считает вполне естественной, но даже восхваляет вражду племен, истребление людей, грабеж, обман и всё подобное, без чего буржуазные государства не могут существовать. До Лютера церковь поучала чернорабочих строителей культуры страдать и терпеть Христа ради, Лютер с прямолинейностью, не свойственной попам, учил в XVI веке, в годы революционного восстания крестьян и ремесленников: живите и работайте так, чтоб королям и баронам легко, приятно было управлять вами. «Терпите, уступайте, поступайтесь и телом и имуществом

вашим, не восставайте против начальства и против насильника».

Нет нужды доказывать лживость и лицемерие буржуазного «гуманизма» в наши дни, когда буржуазия, организуя фашизм, сама вышвыривает свой гуманизм, как изношенную маску, которая уже не прикрывает морду хищного зверя, вышвыривает потому, что поняла гуманизм, как одну из причин своего раздвоения и гниения. Факты, указанные выше, говорят о том, что каждый раз, когда чувствительные люди, будучи встревожены зрелищем мерзостей мира, проповедывали человеколюбие в наивном стремлении смягчить эти мерзости или же прикрыть их красноречием, хозяева жизни, лавочники, допускали эту проповедь только как попытку успокоения людей, раздраженных нищетой, бесправием, угнетением и прочими неизбежными результатами всемирной «культурной» деятельности лавочников. Но как только это раздражение рабочих масс принимало социально-революционные формы, буржуазия отвечала на «акцию — реакцией».

Закону этому охотно подчинилась и наша либеральная буржуазия, публично заявив после событий 1905—1906 годов в покаянном сборнике «Вехи»: «Мы должны быть благодарны власти за то, что она штыками охраняет нас от ярости народной». Власть тогда находилась в руках министра Столыпина, который, действуя диктаторски, повесил более пяти тысяч рабочих и крестьян.

В наши дни перед властью грозно встал исторически и научно обоснованный, подлинно общечеловеческий, пролетарский гуманизм Маркса — Ленина — Сталина, — гуманизм, цель которого — полное освобождение трудового народа всех рас и наций из железных лап капитала. Это подлинно человеколюбивое учение неопровержимо доказало, что железные лапы капитала создаются рабочими и что именно пролетарий строит для капитализма «красивую жизнь», оставаясь бесправным нищим.

Этот революционный гуманизм дает пролетариату исторически обоснованное право на беспощадную борьбу против капитализма, право на разрушение и уничтожение всех гнуснейших основ буржуазного мира. Впервые за всю

историю человечества организуется, как творческая сила, подлинное человеколюбие, оно ставит целью своей освобождение сотен миллионов трудового народа из-под бесчеловечной и бессмысленной власти ничтожного меньшинства, оно указывает сотням миллионов людей физического труда, что именно этот труд создал все ценности культуры и что, опираясь на них, пролетариат должен создать новую общечеловеческую культуру социализма, которая неизбежно установит в мире братство и равенство трудового народа.

Этот гуманизм пролетариата не фантазия, не теория, а — боевая, мужественная и героическая практика пролетариата Союза Социалистических Советов, практика, которая уже доказала, что в бывшей буржуазной, мужицкой, «варварской» и пестроплеменной России действительно осуществлено братство и равенство племен, действительно и неоспоримо развивается процесс превращения огромного количества физической энергии в энергию интеллектуальную.

Что ставят капиталисты всех стран против роста революционного правосознания рабочего класса?

Напрягая последние усилия сохранить свою власть над миллиардом трудового народа, защищая свою свободу бессмысленной эксплуатации труда, капиталисты организуют фашизм. Фашизм — это мобилизация и организация капиталом нездоровых физически и морально отслоений истощенного буржуазного общества, мобилизация юных потомков алкоголиков и сифилитиков, мобилизация истерических детей, пострадавших от впечатлений войны 1914 — 1918 гг., детей мелкой буржуазии, «мстителей» за поражение и за победы, которые оказались для буржуазии не менее разрушительными, чем поражения. Психика этих подростков характеризуется фактами такого рода: в Германии в первых числах текущего мая в г. Эссене «Гейнц Христен, подросток 14 лет, убил своего приятеля, Фрица Валькенгорста, мальчика 13 лет. Убийца хладнокровно рассказал, что вырыл для своего приятеля заранее могилу, бросил его туда живым и держал его лицом в песке до тех пор, пока Валькенгорст не задохся. Убийство он мотивировал тем, что очень

хотел овладеть принадлежавшей Валькенгорсту формой гитлеровского ударника».

Кто видел парады фашистов, тот видел, что это — парады рахитичной, золотушной, чахоточной молодежи, которая хочет жить со всей жаждой больных людей, способных принять всё, что дает им свободу выявить гнойное кипение их отравленной крови. В тысячах серых, худосочных лиц здоровые, полнокровные лица заметны особенно резко, потому что их мало. Это, конечно, лица сознательных классовых врагов пролетариата или авантюристов из мелкой буржуазии, вчерашних социал-демократов, мелких лавочников, которые хотят быть крупными и голоса которых вожди германского фашизма покупают тем, что дают лавочникам немножко топлива и картофеля даром, т. е. за счет рабочих, крестьян. Оберкельнерам хочется иметь свой маленький ресторан, мелкие воры хотели бы заняться воровством, указанным властью крупных воров, — вот «кадры» фашизма. Парад фашистов — это одновременно парад и силы и слабости капитала.

Не будем закрывать глаза: среди фашистов не мало и рабочих из числа тех, которые еще не понимают решающей силы революционного пролетариата. Не скроем от себя, что капитализм — паразит мира всё еще довольно мощный, потому что рабочие и крестьяне, оставляя в его руках оружие и хлеб, продолжают питать его своей плотью и кровью. Это — самое печальное и постыдное явление бурной современности. Отвратительно это покорное кормление врага, воспитанное в рабочем классе его социал-демократическими вождями, имена которых отныне и навеки окружены желтым, жирным сиянием позора. Изумительно терпение безработных, голодных людей перед лицом таких фактов, как, например, уничтожение пищевых продуктов для того, чтобы удержать их рыночную цену на известной высоте, в то время как безработица растет, зарплата понижается и покупательная способность даже мелкой буржуазии падает.

Казалось бы, что человеческое достоинство английского пролетариата должно глубоко и активно возму-

таться фактами цинических насмешек над их безработными братьями — фактами вроде следующего:

«В английском городе Сэррей открылась первая в мире кондитерская для собак. Любой пес может получить в этой кондитерской пирожное, а бездомным и голодным собакам предоставляются в ней пища и ночлег. Открыта эта кондитерская на средства мистера Джемса Паттерсона, умершего несколько недель тому назад в Брокхорсте».

Бесстыдные, цинические выходки такого типа становятся всё более часты в Англии, государстве «аристократической расы». Весьма возможно, что под этими выходками скрыто ощущение Паттерсонами неизбежности их гибели, и выходки эти знаменуют аристократическое стремление Паттерсонов, уходя из жизни, мстительно напакостить в ней возможно больше.

Вооружая подростков и юношей, кроме револьверов, отжившими идеями национализма и расизма, воспитывая в молодежи социальный цинизм, садическую страсть к убийству, разрушению, капиталисты организуют из этой молодежи не только помощников полиции в ее борьбе против революционного пролетариата, но обрабатывают ее как яд, который будет влит в кровь армии рабочих и крестьян, вооруженных современной механической техникой человекоистребления. Капиталисты хорошо помнят, что рабочие и крестьяне, дисциплинированные зверской казармой, показали в 1918—1820 годах, что их бессмысленная, самоубийственная автоматическая служба классовому врагу имеет свой предел, и что за этим пределом штыки и пушки, — после того как миллионы рабочих и крестьян истребят, изуродуют друг друга, — перестают служить интересам капитала. Разумеется, «лучше поздно, чем никогда», но в этом случае следовало бы учиться у классового врага: капиталист уничтожает рабочего прежде, чем рабочий законно успеет поднять на него свою честную руку.

Не десятки, а сотни фактов говорят о разрушительном, разлагающем влиянии фашизма на молодежь Европы. Перечислять факты противно, да и память отказывается загроужаться грязью, которую всё более усердно и

обильно фабрикует буржуазия. Укажу, однако, что в стране, где мужественно и успешно хозяйствует пролетариат, гомосексуализм, развращающий молодежь, признан социально преступным и наказуемым, а в «культурной» стране великих философов, ученых, музыкантов он действует свободно и безнаказанно. Уже сложилась саркастическая поговорка «уничтожьте гомосексуалистов — фашизм исчезнет». Следует указать на то, что семиты, люди расы, которая могла бы — если это нужно — похвастаться своей чистотой, люди, которые дали человечеству так много действительно великих мастеров культуры — и величайшего из них, подлинного Мессию пролетариата Карла Маркса, — эти люди изгоняются фашистской буржуазией Германии, а фашисты Англии, — где не мало семитов бывало у руля власти, и многие включены в аристократию страны, — фашисты Англии тоже начинают проповедывать постыдный антисемитизм.

В то же время в стране, где власть принадлежит рабочему классу, организована самостоятельная республика евреев — Еврейская автономная область.

Национальные группы капиталистов поспешно готовятся к новой мировой войне, по-новому хотят перераспределить мир для более широкой и удобной эксплуатации труда рабочих и крестьян. Маленьким странам снова угрожает опасность оказаться в железных объятиях великих, у них снова хотят отнять право свободного развития их культур.

В массах разноразличного, разнородного пролетариата империализм и фашизм сеют злые семена национальной розни, расового пренебрежения и презрения, которые могут перерасти в расовую ненависть и затруднить развитие в мире трудящихся сознания единства его классовых интересов, — спасительное сознание, которое только одно может освободить рабочих и крестьян всего мира из положения беззащитных, бесправных рабов обезумевших лавочников. Их национальная торгово-промышленная вражда легко может перерасти — и уже перерастает — в проповедь расовой вражды и расовых войн. Сегодня они проповедают — и уже осуществляют

на подлой практике — антисемитизм, завтра возвратится к проповеди антиславянства, вспомнив постыдные мнения о славянах Момзена, Трейчке и других и забыв о том, сколько талантливых людей дали немецкой культуре поляки, поморяне, чехи. Так как все заводчики и лавочники Европы производят одни и те же товары и торгуют ими, то вполне естественно возникновение вражды и войны германской расы против романской так же, как и против англо-саксонской. Конечно, существуют союзы, но если необходимо продать, то что мешает предать? Например: существует союз Англии — Японии, но японцы в Лондоне продают шелковые чулки по 3 пенса, т. е. по пятак за пару, это, конечно, мелочь, но японский «демпинг» — вполне достаточная причина для возникновения вражды и ненависти к желтой расе. Безнаказанность действий японских империалистов в Манчжурии — Китае очень соблазнительна для империалистов Европы.

Расовая теория — последний идеологический резерв издыхающего капитализма, но гнилое дыхание его может отравить даже здравомыслящих людей, ибо люди вообще развращены длительным зрелищем безнаказанного порабощения сильно вооруженными белыми Европы безоружных индусов, китайцев, негров.

Только революционный пролетариат единым фронтом своим в силах устоять против отравления соблазном гнусного и безнаказанного грабежа его классовых братьев.

Этот пролетариат, воспитанный идеологией Маркса — Ленина, реально и мудро осуществляемой вождем его Сталиным, этот пролетариат доказал миру, что в его пестроплеменной стране все племена и расы совершенно равны в правах на жизнь, на труд, на развитие своих культур. Безграмотным, не имевшим письменности, полудиким людям русский рабочий широко открыл путь к знанию.

Быстрота культурного роста населения Союза Советов признана честными людьми всех стран. Казалось бы, что честные люди, признав этот факт, должны сделать из него соответствующий, очень простой, морально ги-

иенический вывод: и субъективно и объективно гораздо полезнее, гораздо честнее жить в среде здоровой, чем в среде смертельно зараженной социальными недугами и осужденной на гибель. Признав пролетариат способным к социальному творчеству, гораздо полезнее всячески способствовать развитию в нем его жажды знаний, его талантов и сознания в массе пролетариата его исторического назначения, которое он уже начал осуществлять в стране, где живет 170 миллионов. Казалось бы, что чувство собственного достоинства мастеров культуры, гуманистов должно быть глубоко возмущено фактами отрицания культуры лавочниками, их походом против роста всякой техники, кроме военной, назначенной истреблять людей. Но незаметно, чтоб мастера буржуазной культуры возмущались сожжением книг, неугодных фашизму, проповедью человеконенавистничества, заключенного в смыслах национальной и расовой теории, подготовкой к повой яростной войне, — к бессмысленному истреблению миллионов наиболее здоровых людей, к новому истреблению огнем вековых культурных ценностей, к разрушению городов, уничтожению результатов тяжелого труда масс, которые создали фабрики и заводы, обработали поля, построили мосты дороги. Безумие хищников невозможно излечить красноречием, тигры и гиены не едят пирожное.

Незаметно, чтобы «гуманистам» было свойственно продолжительное человеколюбие, не видно, чтоб они чувствовали величайший героический трагизм эпохи и понимали, кто именно ее герои. Приближается время, когда революционный пролетариат наступит как слон на обезумевший, светливый муравейник лавочников, наступит и раздавит его. Это неизбежно. Человечество не может погибнуть оттого, что некое незначительное его меньшинство творчески одряхлело и разлагается от страха перед жизнью и от болезненной, неизлечимой жажды наживы. Гибель этого меньшинства — акт величайшей справедливости, и акт этой истории повелевает совершить пролетариату. За этим великим актом начнется всемирная, дружная и братская работа народов мира — работа свободного, прекрасного творчества новой жизни.

Это — верование? Для пролетариата прошло то время, когда вера и знание враждовали, как ложь и правда. Там, где пролетариат властвует, где всё создается его могучей рукой, там нет места распри знания с верой, там верование — результат познания человеком силы своего разума, и это верование, создавая героев, не создает и не создаст богов.

(1934)

ТУМАН

Город окутан желтовато-серой сыростью, ее можно бы сравнить с мокрым дымом, если б такой дым был возможен. В пяти шагах от человека сырость кажется настолько густой, даже плотной, что там, впереди, уже не может быть воздуха, он уничтожен этой грязной влагой. Но в нееходишь, как во всякий иной туман, только дыхание затруднено и обессилены глаза. Все звуки огромного города странно слиты в глуховатый, обесцвеченный, тусклый шум: лишь изредка режут автомобили, еще реже слышишь голоса людей, и это может быть только потому, что их — ждешь. Медь колокола утратила плавность своего звучания, не замирает медленно, как всегда, а прерывается, точно после каждого удара колокольную накрывают шляпой; гудок парохода звучит уныло, как будто пароход устал или боится плавать в тумане.

Выкатываются из тумана, исчезают в нем потные «такси», экипажи и лошади как будто смазаны маслом, отсыревшие люди странно молчаливы, они шагают встречу друг другу, подняв воротники пальто, сунув руки в карманы, вытянув шеи вперед, — шагают с быстротой, которая намекает на стремление избежать катастрофы. Туман заключает их в полупрозрачный пузырь, и человек, в этом пузыре, — точно желток в белке яйца.

Две старухи прижались к сырой стене дома и пробуют раскрыть большой черный зонтик; ткнули концом его в бок низенького толстого человека, он зарычал, а старухи, точно механические игрушки, одновременно

и однообразно взмахнув руками, затряслись, заговорили фразами из одних междометий.

Стены домов, стекла витрин покрыты мокрой пылью. Всё вокруг кажется мягким, точно сделано из грязноватых льдин, и — тает. Воображение настраивается фантастически: может быть — неожиданно для астрономов — взорвалось солнце, расплавilo мертвую луну, она потекла, жидкая масса ее охладилась до температуры парного молока — окутала землю газоподобной, удушливой влагой, и земля охвачена непонятным разуму процессом влажного тления. Этот огромный город миллионов людей уже начал плавиться, и скоро его камень, стекло, металл, дерево — весь он беззвучно потечет ручьями густых, мутных жидкостей, они тоже начнут испаряться, превращаясь в серовато-желтый туман...

Но люди города этого легко разрушают темную игру взволнованного воображения. Прежде всего отрезвляет полисмен — монументальное, отлитое из одного и того же материала существо, действующее механически спокойно и уверенно. Полисмен одинаков на всех улицах, и почтительно удивляешься силе, с которой культура «аристократической расы» — наиболее энергичных грабителей мира, обесчеловечивая людей, достигает «единства во множестве».

Мощный рычаг порядка, рука полисмена, вызывает из тумана и отправляет в туман экипажи, автомобили, везы товаров и убеждает, что для города этого еще не пришло время гибели. К дверям домов и магазинов, полных света и сухого тепла, подплывают автомобили, из них выходят слишком прямолинейные или чрезмерно округленные джентльмены в цилиндрах, в шляпах разнообразных форм; джентльмены элегантно и властно подают руку изящным леди; со смехом и восклицаниями, которым не откажешь в музыкальности, женщины, с брезгливыми гримасками на фарфоровых личиках, касаются красивыми ножками влажного асфальта и керамике панелей. Магазины проглатывают их, точно обжоры устриц.

Как много в этом городе обуви, одежды, белья, шляп, мехов, кожаных изделий, чемоданов, сигар, тру-

бок, тростей, посуды, принадлежностей для рыболовства. охотничьих ружей, игрушек для детей и для взрослых, часов, золотых вещей, самоцветных камней! Ослепительно много. И все вещи так могущественно блестят, что вопрос о праве леди и джентльменов пользоваться ими меркнет в этом соблазнительном блеске.

Особенно разнообразны и обильны запасы пищи. Её разнообразие внушает мысли о прогрессе гастрономии, развитии кулинарного искусства, об изысканности разума желудка людей высокой культуры. За стеклами витрин гастрономических магазинов гордо красуются дары всего мира всех стран, морей, озер, лесов, рек. Свежее, копченое, соленое, консервированное мясо, рыба, раки, дичь, овощи, фрукты, пряности, соуса, сыры, колбасы, пирожные, конфеты, печенья, торты, шоколад, какао — всё это собрано, вероятно, в тысячах тонн и всё это леди и джентльмены должны пережевывать, переварить, превратить в удобрение земли...

По безлюдной улице, застроенной однообразными домами в три этажа, по три, по четыре окна в каждом этаже, — по безлюдной улице сквозь туман быстро шагает длинноногий человек в костюме шотландца: шапочка с двумя лентами сзади, рыжая, сильно потертая куртка с оторвавшейся заплатой на локте правой руки, коротенькая юбка до колен, ноги от колен до щиколотки — голые, на ступнях — огромные растоптанные башмаки. Подмышкой у него — волынка, он прижимает её левым локтем к боку, красные пальцы его рук неслышно барабаниют по ладам дудок, волынка тенористо и надсадно поет какую-то веселую мелодию, басовая дудка вторит ей однотонным, глуховатым гулом. Лицо музыканта серое, костлявое, скулы обостренно торчат, натянув кожу туго, до красных пятен, конец хрящеватого носа прячется в сердито ошетиленные рыжие усы, подбородок тоже густо покрыт меднокрасной щетиной. На этом лице из глубоких глазниц необыкновенно резко выделяются глаза. Голубоватые зрачки как бы плавают на поверхности воспаленных белков, плавают, сверкая, и хочется назвать эти глаза раскаленными. Музыкант делает семьдесят три быстрых шага под окнами четы-

реш домов, затем возвращается на угол богатой улицы и снова, с настойчивостью безумного, пошатываясь, идет назад, колыхается оторванная заплата на локте его, точно стремясь оторваться. Надув щеки, шевеля усами, он наполняет кожу волынки воздухом, затем, оторвав дудку от губ, насадно кашляет и плюет, не переставая шагать, — шагает он потому, что полисмен запретил нарушать музыкой покой благополучных людей, стоя под их окнами, но на ходу он может играть: подданные короля Великобритании, классической страны компромиссов — свободные люди. Музыкант кашляет, плюет сгустками темной крови, и, как будто не желая растаптывать кровь свою подошвами грязных башмаков, он плюет не на панель, а на потные, жирные стены нижних этажей. Не кажется, что он делает это намеренно, но ждешь, что сделав еще десяток шагов, он свалится с ног от голода и усталости.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ КНИГА

В этой книге¹ простой и беспощадно правдивой сказано о том, как люди разных наций, но одинаково разумные, истребляют друг друга, разрушают вековые плоды своего каторжного и великолепного труда, превращая в кучи мусора храмы, дворцы, дома, уничтожая до тла города, деревни, виноградники, как они испортили сотни тысяч десятин земли, прекрасно возделанной их предками и ныне надолго засоренной осколками железа и отравленной гнилым мясом безвинно убитых людей.

Занимаясь этой безумной работой самоистребления и уничтожения культуры, они, люди, способные разумно рассуждать обо всём, что раздражает их кожу и нервы, волнует их сердца и умы, молятся богу, молятся искренно и, как описывает это один из героев книги, молятся «идиотски одинаково», после чего снова начинают дикую работу самоубийства, так же «идиотски одинаково». На стр. 437-438 читатель найдет эту картину богослуже-

¹ Речь идет о романе Анри Барбюса «В огне» (Примеч. редакции)

ния немцев и французов, одинаково искренно верующих, что в кровавом и подлом деле войны «с нами бог».

И они же затем говорят: «богу — наплевать на нас!» И они же, герои, великомученики, братоубийцы, спрашивают друг друга:

— «Но, всё-таки, как же он смеет этот бог, позволять всем людям одинаково думать, что он — с ними, а не с другими?»

Мысля трогательно, просто, как дети, — в общем же «идиотски одинаково», — эти люди, проливая кровь друг друга, говорят:

— «Если бы существовал бог, добрый и милосердный, — холода не было бы!»

Но, рассуждая так ясно, эти великие страстотерпцы снова идут убивать друг друга.

Зачем?

Почему?

Они и это знают, — они сами говорят о себе:

— «Ах, все мы не плохие люди, но — такие жалкие и несчастные. И при этом мы глупы, слишком глупы!»

И сознавая это, они продолжают позорное, преступное дело разрушения.

Капрал Бертран знает больше других, он говорит языком мудреца.

— «Будущее! — воскликнул он вдруг тоном пророка. — Какими глазами станут смотреть на нас те, которые будут жить после нас и душа которых будет, наконец, приведена в равновесие прогрессом, неотвратимым, как рок? Какими глазами они посмотрят на эти убийства и на наши подвиги, о которых даже мы сами, совершающие их, не знаем, следует ли сравнивать их с делами героев Плутарха и Корнеля, или же с подвигами апашей? .. И, однако, смотри! Есть же одно лицо, один образ, поднявшийся над войной, который вечно будет сверкать красотой и мужеством!

Опершись на палку, склонившись к нему, я слушал, впивая в себя эти слова, раздавшиеся в безмолвии ночи из этих почти всегда безмолвных уст. Ясным голосом он выкрикнул:

— Либкнехт!

И поднялся, не разжимая скрещенных рук. Его прекрасное лицо, хранившее серьезность выражения статуи, склонилось на грудь. Но вскоре он снова поднял голову и повторил:

— Будущее! Будущее! Дело будущего — загладить это настоящее, стереть его из памяти людей, как нечто отвратительное и позорное. И, однако, это настоящее необходимо, необходимо! Позор военной славе, позор армиям, позор ремеслу солдата, превращающему людей поочередно то в безмозглые жертвы, то в подлых палачей! Да, позор! Это правда, но это — слишком правда; правда для вечности, но еще не для нас. Это будет правдой, когда ее начертает среди других истин, постичь которые мы сумеем лишь позже, когда очистится дух наш. Мы еще далеки от этого. Теперь, в данный момент, эта правда почти заолужденна; это священное слово только богохульство!

Он как-то особенно звучно рассмеялся и задумчиво продолжал:

— Как-то раз я сказал им, что верю в пророчества, только для того, чтобы приободрить их и заставить идти вперед».

Но, говоря так, спокойный, мужественный человек, уважаемый всеми людьми своего звзда, ведет их на бессмысленную бойню и умирает на грязном поле, среди гниющих трупов.

Во всё этом ярко и насмешливо горит убийственное противоречие, унижающее человека до степени безвольного инструмента, до какой-то отвратительной машины, созданной злой и темной силой на служение ее дьявольским целям.

И близки, и милы душе эти несчастные герои, но поистине, они кажутся прокаженными, носящими в себе самих навеки непримиримое противоречие разума и воли. Кажется, что разум их уже настолько окреп и силен, что в состоянии остановить эту отвратительную бойню, прекратить мировое преступление, но... воли нет у них, и, понимая всю гадость убийства, отрицая его в душе, они всё-таки идут убивать, разрушать и умирать в крови и грязи.

— «Битвы производятся нашими руками, — говорят они. — Мы служим материалом для войны. Она состоит вся только из плоти и душ простых солдат. Это мы нагромождаем трупы на равнинах и наполняем реки кровью, всё мы, хотя каждый из нас невидим и молчалив, ибо слишком велико наше число. Опустевшие города, разоренные села и деревни — это пустыни, лишившиеся нас или оставшиеся после нас. Да, всё это мы — и только мы!

— Да, это правда. Война — это народы. Без них не было бы ничего, кроме разве перебранки издалека. Но войну решают не они, а те, которые правят.

— Народы борются теперь, чтобы избавиться от этих правителей. Эта война не что иное, как продолжающаяся Французская революция.

— В таком случае выходит, что мы работаем также и для пруссаков?

— Будем надеяться, что и для них, — согласился один из страдальцев.

— Народы — это ничто, а они должны быть всем, — проговорил в этот момент человек, вопрошающе глядевший на меня; он повторил неведомую для него историческую фразу, которой уже больше века, но придал ей, наконец, ее великий всемирный смысл.

И этот несчастный, стоя на четвереньках в грязи, поднял свое лицо прокаженного и жадно заглянул вперед, в бесконечность».

Что он увидит там?

Мы верим, что он увидит своих потомков свободными, разумными и сильными волей.

* * *

Эту страшную и радостную книгу написал Анри Барбюс, человек, лично переживший весь ужас войны, всё ее безумие. Это не парадная книга гениального Льва Толстого, гений которого созерцал войну в далеком прошлом; это не жалобное сочинение Берты Зутнер¹

¹ В статье «Делегатам антивоенного конгресса» Горький называет эту книгу «Долой оружие»

«Долой войну», — сочинение, написанное с добрым намерением, но неспособное никого и ни в чем ни убедить, ни разубедить.

Это — книга простая, как Евангелие, исполненная пророческого гнева, это — первая книга, которая говорит о войне просто, сурово, спокойно и с неодолимою силою правды. В ней нет изображений, романтизирующих войну, раскрашивающих ее грязно-кровавый ужас во все цвета радуги.

Барбюс написал будни войны, он изобразил войну как работу, тяжелую и грязную работу взаимного истребления ни в чем неповинных людей, неповинных ни в чем, кроме глупости. В его книге нет поэтически и героически раскрашенных картинок сражений, нет описаний мужества отдельных солдат — книга Барбюса насыщена суровой поэзией правды, она изображает мужество народа, мужество сотен тысяч и миллионов людей, обреченных на смерть и уничтожение великим провокатором народов — капиталом. Этот Дьявол, совершенно реальный, неутомимо действующий среди нас, это он главный герой книги Барбюса. Ослепив миллионы простаков ложным блеском идей и учений убивающих волю, отравив их ядом жадности, зависти, своекорыстия, он согнал миллионы их на плодородные поля Франции, и там они в течение четырех лет разрушают в прах всё, созданное трудом многих столетий, еще раз показывая самим себе, что злейший враг человека — его безволие и неразумие.

Барбюс глубже, чем кто-либо до него, заглянул в сущность войны и показал людям бездну их заблуждения.

Каждая страница его книги — удар железного молота правды по всей той массе лжи, лицемерия, жестокости, грязи и крови, которые в общем зовутся войной. Мрачная книга его страшна своей беспощадной правдой, но всюду во мраке изображаемого им сверкают огоньки нового сознания, — и эти огоньки, мы верим, скоро разгорятся во всемирное пламя очищения земли от грязи, крови, лжи и лицемерия, созданных Дьяволом Капитала. Люди, о которых говорит Барбюс, уже начинают смело

отрицать власть бога над человеком, и это верный признак, что скоро они почувствуют, со стыдом и гневом, как преступна и отвратительна власть человека над подобным себе.

Мы живем в трагические дни, нам невыносимо тяжело, но мы живем накануне возрождения всех добрых сил человека к свободному творчеству и труду. Это — правда, и она должна утешить нас, увеличить наши силы, придать нам бодрость.

М. Горький

Предшествующее было написано за 15 лет до наших дней в трагический год голода, в год конца победоносной войны голодных пролетариев, рабочих и крестьян, против богато вооруженных капиталистами Европы армий русских фабрикантов и помещиков и против посланных европейскими лавочниками — в помощь своим братьям по жиру и духу — войск, среди которых был даже отряд кавалерии на ослах.

За полтора десятка лет пролетариат царской России и ее колоний непрерывным, чудотворным трудом превратил обширную безграмотную страну полуничих крестьян и полудикой жадной мелкой буржуазии — в мощный социалистический братский союз народов.

Ныне капиталисты Европы снова затевают войну, основная цель которой — нападение на Союз Социалистических Советов. Для того, чтоб начать эту войну, капиталистам необходимо единство. Наиболее наглая и очумевшая группа их предполагает достичь единства по примеру Наполеона: побить своих соседей и, схватив побежденных за шиворот, двинуть их против государства социалистического. План простой и ясный, этот план и заставил меня вспомнить об ослах.

Позорнейшая роль ослов в бойне 14—18 гг. характеризуется, как известно, — поведением вождей немецкой социал-демократии, русских меньшевиков, эс-эров и многих прочих вождей той мелкой буржуазии, из которой капиталисты 15 лет фабрикуют фашистов.

Мне кажется, что социалистически-революционная ценность работы Барбюса и других — сродных ему по духу — литераторов особенно хорошо и ясно видна именно с этой выше намеченной точки зрения. Его книга — одна из первых, которые за 15 лет отрезвили многие тысячи голов, опьяненных кровью, и антифашистское движение, всё более широко растущее в наши дни, должно признать Барбюса одним из первейших своих основоположников.

М. Горький.

11 сентября 1935 г

О КУЛЬТУРАХ

Съезд литераторов в Париже был организован под лозунгом защиты культуры от разрушительных посягательств на нее со стороны фашизма. Должно быть, предполагалось, что реальное, фактическое наполнение понятия «культура» современной буржуазии определяется всеми членами съезда однообразно и разноречий возбудить не может. Но — так ли это?

Фашизм есть порождение буржуазной культуры, находящейся уже в состоянии гниения и распада, ее раковая опухоль. Теоретики и практики фашизма — авантюристы, выдвинутые буржуазией из своей среды. В Италии, Германии буржуазия передала политическую, физическую власть в руки фашистов, командуя ими почти с тою же макиавеллистической ловкостью, с какой средневековая буржуазия итальянских городов командовала кондотьерами. Она удовлетворенно наблюдает и поощряет не только гнуснейшее истребление фашистами пролетариев, но позволяет фашистам преследовать и выбрасывать за границы родины литераторов и работников науки, — т. е. представителей ее же интеллектуальной силы, которой она, еще недавно, гордилась и хвасталась.

Удовлетворяя стремление хозяина-империалиста к новому «переделу мира» посредством новой всемирной бойни, фашизм выдвинул теорию права германской расы

на власть во всём мире, над всеми расами. Эта давно забытая идея больного Фридриха Ницше о приоритете «белокурой бестии» исходит из факта порабощения рыжими и светловолосыми индусов, индокитайцев, меланезийцев, негров и т. д. Эта идея расцвела в годы, когда немецкая буржуазия, разгромив австрийскую и французскую, пожелала принять участие в колониальных грабежах английской, голландской и французской буржуазии. Эта теория права белой расы на единовластие в мире разрешает каждой национальной группе буржуазии рассматривать не только всех цветнокожих людей, но и белых своих соседей европейцев, как варваров, подлежащих порабощению или уничтожению. Эта теория, уже воплощаемая в практику итальянской и японской буржуазией, является одним из реальных фактов, которые наполняют современное понятие — «культура».

Всё более громко раздаются голоса именитых людей европейской буржуазии, они кричат о перепроизводстве интеллигенции, о необходимости сократить образование, поставить «преграды» развитию культуры, даже об избытке техники, о возвращении к ручному труду. Архиепископ Йоркский, выступая на открытии школы в Борнмуте, провозгласил: *„Я хотел бы, чтобы всякое изобретательство прекратилось. Если бы я мог уничтожить двигатель внутреннего сгорания, я бы, конечно, сделал это“*. Его собрат по скомпрометированной профессии, архиепископ Кентерберийский, очевидно, признает необходимость техники, ибо проповедует «крестовый поход» против Союза Советов, а новая война, по словам специалистов, будет «войной машин». Если бы речи лондонских и римских наместников Христа на земле, а также всех других буржуа — проповедников сокращения роста культуры, людей явно обезумевших со зла на пролетариат или от страха пред неизбежной социальной катастрофой, если бы эти речи раздались, примерно, в 80-х гг. XIX века, они были бы признаны буржуазией выражением идиотизма, призывом к варварству.

В наши дни, когда буржуазия совершенно утратила различие между мужеством и бесстыдством — призыв

возвратиться к средневековую именуется «мужеством мысли».

Итак, вы видим, что буржуазная культура Европы не является «монолитным целым», какой изображали ее буржуа-историки. Ее «живая сила» распалась на лавочников и банкиров, которые, рассматривая всех остальных людей, как дешевый и обильный товар, желают во что бы то ни стало сохранить занятые ими высокие, социально-уютные позиции; на людей, которые защищают свое право работать для дальнейшего развития культуры; и на фашистов, которые, может быть, тоже еще люди, но в результате длительного, распространенного на ряд поколений, пивного опьянения — люди одичавшие и требующие строгой изоляции или же еще более решительной меры пресечения их омерзительных кровавых преступлений.

Вот некто Мориц Бурдэ полагает, что необходимо и возможно «определить и ограничить пределы культуры». Ее основными творческими энергиями служат трудовая — физическая и затем технологическая — интеллектуальная. Пишущий эти строки склонен думать, что всякая идеология есть — в корне своем и в широком смысле понятия — технология, система трудовых и логических приемов, посредством которых человечество расширяет свое миропознание для того, чтоб постепенно изменять мир. Мы видим: современная буржуазия, вполне удовлетворенная тем, что она уже имеет, действительно и весьма успешно «ограничивает нормальный рост культуры», создавая многомиллионные армии безработных, агитируя за сокращение техники, сокращая средства для содержания высших учебных учреждений, музеев и т. д. Известно, что единственная отрасль промышленности, работающая непрерывно и всё расширяясь, это — промышленность военная, назначенная для истребления миллионов рабочих и крестьян на полях будущих битв, где западно-европейская буржуазия намерена решить международный свой спор о том, которая из ее национальных групп должна командовать остальными. Полко-

родцы будущей бойни, организованной буржуазией в интересах наживы на крови поработанных соседей, полководцы громогласно и хладнокровно утверждают, что война явится еще более истребительной и разрушительной, чем война 14—18 годов. Здесь кстати напомнить некоторые факты прошлой войны, и убытки и разрушения которой уже покрыты трудом пролетариата и крестьянства, т. е. классами, которые наиболее пострадали от безумия буржуазии.

Факты таковы: уже в 1915 году Германия испытывала недостаток в смазочных маслах. Дошло до того, что немцы платили в Копенгагене 1800 марок за боченок масла, который стоил в то время не больше двухсот марок. Американский посол в Берлине в декабре того же года писал своему правительству: «Отсутствие смазочных масел быстро приведет Германию к поражению». В это самое время английские корабли везли в Копенгаген боченки с необходимыми маслами. Эта торговля подтверждается статистикой английского министерства горючего. С первых же месяцев 1915 г. Германия ощущала бы недостаток угля, если бы английский уголь не доставлялся ей через Скандинавские страны. Так, например, в течение сентября 1914 г. Швеция получила 33 000 тонн угля, который почти целиком достался центральному правительству.

Только благодаря этой чудовищной щедрости Англии, Людendorф в июне 1917 г. отказался выделить из армии 50 000 рабочих для рурских шахт.

Экспорт угля в Швецию к тому же не замедлил достигнуть громадной цифры в 100 000 и даже 150 000 тонн в месяц, т. е. вдвое больше против довоенного годового потребления угля из этих стран. Посол Великобритании в Копенгагене сэр Вольф Пэджет доносил, что этот уголь идет на убийство английских солдат, но голос его не был услышан.

Установлено было, что французские лавочники во время войны снабжали врагов своих, немецких лавочников, никелем или цинком и что английский фабрикант пушек обменивался с немецким какими-то сокрушительными изобретениями. Много, не менее подлое и преступное,

еще не установлено, т. е. — не «предано гласности», не опубликовано. Отсюда мы видим, что война торговле не мешает и что «милые бранятся — только тешатся» на крови и на трупах миллионов пролетариата. Пролетариат, к сожалению, всё еще не понимает, что ему не следовало бы смертью истреблять и уродовать своих братьев по классу, что после войны на него возлагается обязанность починить за грошевую плату все разрушения, покрыть все убытки, понесенные лавочниками.

Простая, ясная, подлинно гуманитарная справедливость говорит нам, что продукт труда должен принадлежать тому, кто его сделал, а не тому, кто приказал сделать. Оружие — всякое оружие — есть продукт труда рабочих.

Итак, — вот уж мы кое-что знаем о том, каково реальное, фактическое наполнение понятия — западно-европейская «культура современной буржуазии, основанная на греко-римских культурных ценностях». Сюда следует добавить нечто из области «международной морали», нечто содеянное на-днях буржуазией Англии. Эта островная буржуазия давно уже заслужила от соседей наименование «коварной», т. е. бесстыдной, лицемерной, иезуитской. Как известно, она дала буржуазии Франции некоторые торжественные обещания, которые сводились, должно быть, к защите французских торгашей, в случае их войны с немецкими. Было даже сказано, что «граница Англии — на Рейне», т. е. на франко-германской границе. Фраза о границе оказалась двусмысленной, ибо английская буржуазия договорилась с немецкой, нарушив все свои обещания. Возможно, что граница Англии и окажется на Рейне, но уже не для защиты французов, а после разгрома их англо-германцами. Всё возможно среди людей, у которых «ни чести, ни совести».

* * *

Журналисты Франции ставят вопрос:

«Должна ли культура, насчитывающая столько столетий, являющаяся наследницей греческих и латинских культурных ценностей, продолжать свою миссию, несмотря на все преграды, или она должна погибнуть перед

новой формой культуры, которая собирается провозгласить первенство экономики над духом?»

Говоря о «первенстве экономики над духом», гг. журналисты необдуманно и механически подчиняются силе своей малограмотности или — что вероятнее — силе своего бесстыдства. Впрочем — возможно, что некоторые из них еще не простились с наивной иллюзией «духовной» независимости, хотя они вполне зависимы от редакторов, которые всецело зависимы от издателей — банкиров, лордов, фабрикантов оружия. Наивным журналистам, — если такие существуют, — следует внимательно и честно посмотреть вокруг себя, и они увидят, что «экономика» двуногих пауков, выраженная в грубейших материалистических формах, главенствует именно в буржуазных государствах, а «новая форма культуры» ставит целью своей освобождение трудового человечества от насилия этой уже обесмысленной экономики, создаваемой «духом» сэра Базиль Захарова, Детердинга, Виккерса, Крезо, Херста, Шнейдера, Ивара Крейгера, Ставиского и прочих подлинных вождей современной буржуазной культуры. Смешно мечтать, еще смешнее говорить об индивидуальной независимости в обществе, где люди — и в их числе журналисты — продаются и покупаются легко и «свободно», как бараны или огуры.

Насколько ядовит гнилостный дух буржуазной культуры, — об этом весьма убедительно говорит грандиозно широкий размах мошенничеств и личное ничтожество мошенников. Это ничтожество явно свидетельствует об истощении специфической талантливости европейского буржуа, «вырождении типа». Джон Лоу — гений в сравнении со Стависким или «королем спичек» Иваром Крейгером.

Тлетворный, разлагающий «дух» современной буржуазии ярко выражен ростом количества и повышением мерзости «качества» предателей: до двадцати годов XX столетия мир едва ли знал таких предателей, как, например, Носке, сам себя назвавший «кровавой собакой», как товарищи его — Эберт, Гаазе и вообще вожди II Интернационала.

Картина жизни буржуазии, взятая с бытовой стороны, как ее изо дня в день хладнокровно рисуют журналисты Европы, — эта картина отвратительна, ужасна. Вполне допустимо, что ежедневная профессиональная привычка работы в крови, в грязи, притупляя остроту ощущений не возбуждает в журналистах желания сделать выводы из своих наблюдений. Равнодушно «регистрируя факты», они еще более ярко раскрашивают их грязью и кровью для развлечения читателя-буржуа, а он, питаясь описанием преступлений, еще более наглеет и глупеет. Известно, что самая популярная литература средней и мелкой буржуазии — уголовный роман.

Позволилось спросить: где же и в каких формах сохранились среди этой грязи и гнили «греческие и латинские культурные ценности»? Как ценности «вещные», они хранятся в музеях, в коллекциях миллионеров и недосыгаемы для массы трудового населения, для мелкой буржуазии. Как ценности «духовные», например, творения Эсхила, Софокла, Эврипида, их следовало бы показывать в театрах, но в Европе это не принято. В буржуазных университетах профессора читают лекции о римском праве, о древней греческой философии и прочих ценностях, в том числе и о международном праве и даже о средневековом гуманизме. Предоставим журналистам Европы право открыть в хаосе современной жизни местонахождение этих ценностей и указать на их практическое, воспитательное значение. Нам кажется, что если современная Европа и напоминает древний Рим, так это — Рим эпохи упадка и разрушения.

* * *

В процессах гнилостного распада командующего класса современной Европы весьма странную и печальную роль играет буржуазная интеллигенция. Разумеется. «Свой своему — поневоле брат», и, защищая изжившую себя «культуру», интеллигенция защищает власть своего класса. Власть эта всегда технологически, а также идеологически обслуживалась и в наши дни обслуживается интеллигентами более или менее высококвалифицированными. В 1914 г. европейская буржуазия послала тысячи

таких интеллигентов на фронт рядовыми солдатами и заставляла их уничтожать друг друга. Раньше чем быть изувеченными, отравленными газом, убитыми — «мастера культуры» принимали посильное участие в разрушении городов, в порче плодородной земли и прочих фактах разрушения культуры.

В большинстве своем эти интеллигенты — пролетарии, и они самоубийственно покончили с собою ради укрепления власти собственников. После этого десятки интеллигентов написали книги, в которых, изобразив безумие войны, прокляли ее. Ныне буржуа готовятся повторить международную бойню, в размерах еще более широких. Так как в недавнем прошлом железная рука войны не считалась с образцами и хранилищами культурных ценностей, — вполне возможно, что в будущей войне Британский музей, Лувр, Капитолий и бесчисленные музеи древних столиц будут обращены в мусор, в прах. И, разумеется, вместе с миллионами наиболее здоровых рабочих и крестьян будут уничтожены тысячи носителей интеллектуальной энергии, «мастеров культуры». Ради какой цели? Ради стремления каждой крупной группы лавочников и банкиров поработить соседа, ограбить его. Ведь многократно доказано и совершенно неоспоримо, что периодические буржуазные боины есть не что иное, как вооруженные грабежи, т. е. преступление, наказуемое буржуазными законами всех стран.

Идиотическая преступность буржуазных драк становится особенно отвратительна, когда подумаешь о том, какое огромное количество умного, ценнейшего труда, металла, изобретательства истребили лавочники вчера, истребят завтра. Сколько городов, фабрик, заводов, будет разрушено в пыль и прах, сколько будет потоплено прекрасно сделанных кораблей, испорчено земли. Будет истреблено множество детей. В конечном итоге преступное безумие класса жирных людей сводится к тому, что они заставляют рабочих, крестьян, интеллигентов работать на истребление результатов работы и на взаимное самоистребление.

«Первенство экономики» предельно и полностью выражено в грубейшем, зоологическом материализме, соб-

стеснивших. Отравляющий «дух» этого хищного материализма жирных двуногих пауков ныне уже не прикрывается истрепанными лохмотьями религии, философии. Фашизм и расовая теория — цинически обнаженная проповедь вооруженного грабежа. Вот он, «дух» современной буржуазной «культуры», отвратительный, позорный дух. И мы видим, что честные интеллигенты, боясь задохнуться в нем, бегут из страны, где он сегодня выражен наиболее нагло, густо, а завтра — так же цинически нагло заявит о себе и там, куда они бегут, — заявит если это позволит пролетариат. Совершенно естественно встает вопрос: какое право на власть имеет современная буржуазия, уже отрицающая основы своей культуры, разучившаяся хозяйствовать, создающая всё более ужасающую безработицу, бесстыдно грабящая для целей войны крестьян, рабочих, колонии, — какое право существовать и властвовать имеет класс, бессмысленно истощающий рабочую и творческую энергию всего мира, класс — количественно ничтожный, качественно порочный и преступный? И этот класс держит в своих кровавых руках почти два миллиарда европейских, китайских, индусских, африканских крестьян и рабочих. Мрачная фантастика этого факта будет особенно ясна, если мы поставим рядом с ним другой факт.

Существует страна, где воля и разум всей массы рабочих, крестьян возбуждаются и воспитываются государственно необходимым трудом, равно полезным для каждой рабочей единицы, и где вся масса трудовой энергии вовлекается в разнообразную работу создания новых условий жизни, т. е. — новой, социалистической культуры.

Где пролетариат, следуя учению Маркса — Ленина и руководимый Иосифом Сталиным, освободил крестьянство от идиотической «власти земли», от покорного подчинения капризам природы, от уродующего влияния собственности, где пролетариат сделал собственника коллективистом.

Где пролетарий, чернорабочий буржуазного общества, доказывает, что, будучи вооружен знанием, он вполн

способен быть отличным мастером культуры и творцом ее.

Где культурная работа личности ценится всей массой трудового населения так высоко, как она никогда еще нигде не ценилась, и где эта оценка непрерывно повышает рост личности и героизм ее работы.

Где женщины, половина населения страны, равноправны мужчине, героически работают вместе с ним, на всех точках применения разумной энергии, преобразующей мир, и где даровитость, смелость, трудовой энтузиазм женщин растет с фантастической быстротой.

Где дети воспитываются вне уродующего влияния церкви, которая ставит целью своей воспитание в человеке терпения, кротости, подчинения «власть имущим».

Где множество различных, даже численно мелких, полудиких племен, не имевших своей письменности, ныне вооружены ею, получили право свободного развития и показывают миру примитивную свежесть своего жизненного ощущения, трудовую даровитость свою и прекрасную своей простотой поэзию.

Где древние племена, чья культура была подавлена колониальной политикой лавочников и царя, ныне великолепно обнаруживают свои таланты и сокровища освобожденного духа.

В этой стране художник и ученый ограничены только волею трудового народа, волею, которая стремится освоить все подлинные культурные ценности человечества.

Но эта страна живет в кольце врагов, которые завидуют ее богатствам, страшатся ее благотворного влияния на трудовой народ всего мира, мечтают о разбойническом набеge на нее. Поэтому пламенное стремление к познанию прошлого, насколько оно необходимо для творчества будущего, ограничивается в этой стране необходимостью работы на оборону от врагов, чем несколько задерживается рост ее материальной культуры, рост ее обогащения. Стремление к знанию прошлого в некоторой мере ограничивается еще и тем, что в наследстве буржуазной культуры мед и яд крепко соединены и что «истины» буржуазной науки об историческом прошлом

человечества обладают свойством старых опытных кокеток притворяться невинными девушками.

Пролетариату человек дорог. Даже тогда, когда человек обнаружил социально вредные наклонности и некоторое время действовал, как социально опасный, — его не держат в развращающем безделье тюрьмы, а перевоспитывают в квалифицированного рабочего, в полезного члена общества. В этом твердо установленном отношении к «преступнику» сказывается активный гуманизм пролетариата, гуманизм, которого никогда, нигде не было и не может быть в обществе, где «человек человеку — волк».

Мудрая рабоче-крестьянская власть Союза Социалистических Советских Республик заботится о духовном здоровье трудового населения, а особенно о здоровье детей и юношества. Так же усердно и умело заботится она о физическом воспитании, об охране физического здоровья, для чего создан ВИЭМ, — первый в мире институт комплексного изучения человеческого организма. Можно указать на ряд совершенно новых начинаний, которые решительно и быстро обогащают страну, изменяют ее физическую географию: непрерывно расширяется промышленность, реорганизуется сельское хозяйство, вводятся новые культуры питательных злаков и плодов, культуры корнеплодов и хлебных злаков продвигаются всё дальше на север; осушаются болота, орошаются засушливые места, канализируются реки, страна из года в год обогащается электроэнергией, растёт количество запасов угля, нефти, металлических руд, минеральных удобрений, идет процесс завоевания Арктики, и это, конечно, еще не всё, что творится в стране, где нехватает рабочих рук, в то время как лавочники Европы и С.Ш. Америки создали десятки миллионов безработных. Всё, что создано в Союзе Социалистических Советских Республик, — создано в срок менее двух десятков лет, и это всего красноречивее говорит о даровитости народов Союза, о его трудовом героизме, о том, что в нашей стране труд становится искусством, о том, что пролетариат Советских Социалистических Республик, руководимый учением и партией Ленина и неиссякаемой, всё

растущей энергией Иосифа Сталина, создает новую культуру, новую историю трудового человечества. А каково реальное, фактическое наполнение понятия «культура» современной буржуазии?

В основе всего, что кратко и не полно перечислено здесь, включена и действует мощная, творческая энергия пролетарского гуманизма, — гуманизма Маркса и Ленина. Это не тот гуманизм, которым еще недавно буржуазия хвасталась, как основой своей цивилизации и культуры.

Между этими гуманизмами нет ничего общего, кроме слова — гуманизм. Слово — одно и то же, но реальное содержание его резко различно. Явившийся лет за 500 до наших дней, этот гуманизм был приемом самозащиты буржуазии против феодалов и церкви, ее духовного вождя, церкви, во главе которой стояли феодалы же. Говоря о равноценности людей, богатый буржуа — промышленник, торговец подразумевал только свою личную равноценность паразиту — феодалу в рыцарских доспехах или в ризах епископа. Гуманизм буржуазии благополучно существовал вместе с рабовладельчеством, работорговлей, с «правом первой ночи», с церковной инквизицией, с поголовным истреблением «альбигойцев» Тулузы, сожжением на кострах Джордано Бруно, Яна Гуса и десятков тысяч безымянных «теоретиков», «ведьм», ремесленников, крестьян, которые увлекались отзвуками примитивного коммунизма, сохранившимися в Библии и Евангелии.

Сопротивлялась ли когда-либо буржуазия зверству церкви и феодалов? Как класс — никогда не сопротивлялась, сопротивлялись единицы из среды ее, и буржуазия истребляла их. В прошлом буржуа-гуманисты так же усердно помогали феодалам истреблять крестьян армии Уотта Тейлора, французских «жаков», «таборитов», как хладнокровно и жестоко в XX веке культурные лавочники истребляют рабочих на улицах Вены, Антверпена, Берлина, в Испании, на Филиппинах, в городах Индии, в Китае, всюду. Нужно ли говорить о гнуснейших преступлениях, которые всем известны и свидетельствуют о том, что «гуманизм как основа буржуазной культуры» в наши

дни вычеркнут из жизни? О нем уже не говорят, должно быть, поняли, что слишком бесстыдно упоминать о гуманизме, расстреливая почти ежедневно голодных рабочих на улицах городов, набивая ими тюрьмы, а наиболее активным рубя головы или тысячами посылая на каторжные работы.

Вообще буржуазия никогда не пыталась облегчить жизнь рабочей массы иначе, как только милостыней, унижающей достоинство людей труда. Практически гуманизм мещанства выражался как «филантропия» — т. е. как милостыня ограбленному. Была придумана и действовала весьма глупая, жульническая «заповедь»: «Пусть правая рука твоя не знает, что делает левая», и, вот, награвив миллионы, миллиарды, «хозяева жизни» тратили жалкие гроши на школы, больницы, приюты для инвалидов. Литература мещан проповедывала «милость к падшим», но — падшие это были те люди, которых лавочники ограбили, опрокинули, втоптали в грязь.

Если б гуманизм буржуазии был правдив, если б он искренно стремился разбудить и воспитать в людях, поработанных им, чувство человеческого достоинства, сознание их коллективной силы, сознание человеком его значимости, как организатора мира и сил природы, — гуманизм должен был бы внушать не подленькую идейку неизбежности страдания, не пассивное чувство сострадания, а воспитывать активное отвращение ко всякому страданию, особенно же к страданию, вызванному социально-экономическими причинами.

Физиологическая боль есть не что иное, как указание человеческого организма на вторжение в его нормальную жизнедеятельность какого-то вредоносного начала; организм голосом боли говорит: защищайся, человек! Гуманизм мещан, проповедуя сострадание, учит примирению с той оскорбительной болью, которую вызывают якобы неустраимые, навеки веков данные отношения классов, унижительное деление людей на высшие и низшие расы и племена, на белых аристократов и «цветных» рабов. Этим делением затрудняется рост сознания трудовым человечеством единства его интересов, для чего оно и установлено.

Гуманизм революционного пролетариата прямолинеен. Он не говорит громких и сладких слов о любви к людям. Его цель: освободить пролетариат всего мира от позорного, кровавого, безумного гнета капиталистов, научить людей не считать себя товаром, который продается — покупается сырьем для фабрикации золота и роскоши мещан. Капитализм насилует мир, как дряхлый старик — молодую, здоровую женщину, оплодотворить ее он уже не может ничем, кроме старческих болезней. Задача пролетарского гуманизма не требует лирических изъяснений в любви, — она требует сознания каждым рабочим его исторического долга, его права на власть, его революционной активности, особенно необходимой накануне новой войны, затеваемой капиталистами против него — в конечном счете.

Гуманизм пролетариата требует неугасимой ненависти к мещанству, к власти капиталистов, его лакеев, паразитов, фашистов, палачей и предателей рабочего класса, ненависти ко всему, что заставляет страдать, ко всем, кто живет на страданиях сотен миллионов людей. Думается, что в этом схематическом подсчете реальных данных ценность буржуазной и пролетарской культуры достаточно ясна для каждого честного человека.

(1935)

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ „ЗА РУБЕЖОМ“

(Из бесед и переписки с редакционными работниками)

Наш читатель осведомлен о «внешней» политике буржуазии, о том, почему и как она снова готовится затеять международную бойню и снова силами рабочих и крестьян, одетых в костюмы солдат и матросов, потопить в морях сотни дорогостоящих судов, разрушить города и деревни, изрыть родные земли, уничтожить миллионы тонн драгоценного металла, добытого каторжным трудом. Вся эта мрачная фантастика более или менее известна нашим рабочим и крестьянам, партийцам и беспартийным.

Но они должны знать — чего же ради творятся все

эти преступления буржуазии против трудового народа? Что именно, какие «общечеловеческие» ценности, какие культурные «интересы» собирается защищать буржуазия?

Что защищает буржуазия, расстреливая рабочих, когда они выходят на улицы с протестом против кагоржных условий их жизни, с требованием прибавить им несколько копеек на хлеб?

Конечно, на этот наивный вопрос даже октябрята наши ответят: буржуазия защищает свою власть над людьми, которые, работая на нее, укрепляют ее власть.

Ответ этот настолько прост и стал так привычен, что из него как будто уже выпало живое, конкретное содержание, — выкрошилась та гнусная начинка, которая должна возбуждать в рабочем, в крестьянине отвращение и ненависть к буржуазии. Журнал «За рубежом» должен оживить реальное содержание этого ответа.

Вожди европейско-американского мещанства, организуя между прочими гнусностями шумный и цинический «крестовый поход» против Советского Союза, говоря о защите «христианской культуры», — мещанство считает себя творцом и носителем этой культуры.

Так вот, журнал «За рубежом» должен освещать читателям современное состояние этой культуры, защищаемой организаторами лжи и клеветы против рабочего народа, возбудителями звериной вражды против Советского Союза. . . .

... Что именно должны мы показать нашему читателю? В общих словах — нравы и вкусы «послевоенной» буржуазии: небывало уродливое развитие роскоши, распад семьи, положение детей, рост сексуальных извращений, легализацию их, рост преступлений в среде крупной буржуазии, ее развлечения и т. д.

Нужно показать читателю Союза советов буржуазную газету, кинофильму, театр и всё, что относится к области «духовной жизни». Нужно показать полицию суд, церковь и всё прочее, что служит самозащите буржуазии.

Всё это надо делать в формах полубеллетристических очерков. . . .

Недавно одна из московских радиостанций обратилась на нескольких языках с вопросами к радиослушателям всех стран. В ответ пришло несколько тысяч писем, оклеенных марками всех цветов и фасонов, ошпелелованных названиями больших и малых городов, мировых столиц и деревенских захолуствий.

Пишут юноши и старики, врачи, слесаря, мелкие торговцы, домашние хозяйки, англичане, испанцы, чехи, датчане, французы, пишут от руки и на машинке, добровольно и бескорыстно, движимые единственной целью — высказать свои мысли, выразить чувства, откликнуться на далекий голос из эфира, задавший им простые и жгучие вопросы.

«Как предотвратить войну?» — спрашивает голос радиостанции.

«Может быть, путем плебисцита в момент опасности можно было бы отвести угрозу войны, потому, что широкие слои трудящегося населения всегда настроены миролюбиво и большей частью вовлекаются в войну голько своими честолюбивыми вождями». Это пишет врач из Швейцарии. Но ему противоречит страсбургский рабочий:

«Я считаю, что всевозможные договоры и пакты могут лишь отодвинуть войну, но не предотвратить. Только рабочий класс может это сделать, захватив власть в момент мобилизации, когда буржуазия даст ему в руки оружие. Но для этого необходима предварительная разъяснительная работа в массах»..

А пролетарий из Базеля рассматривает вопрос со всех сторон:

«Капиталисты называют войны «конфликтами». Объявлять войну они теперь не находят нужным. Но мы-то знаем, что пока существует капитализм, войн не миновать потому, что они являются его следствием. И у нас уже теперь есть мощные средства против войны... Рабочих на военной службе здорово муштруют, но зато уж они будут знать, против кого повернуть оружие».

Радиостанция спрашивает:

«Какое главное достижение Советского Союза?» 1

Разноголосый хор отвечает:

«Завоевание хлеба». (Рабочий, Южная Англия)

«Днепрострой». (Рабочий, Шотландия).

«Широкое участие трудящихся в административном аппарате». (Крестьянин, Севилья, Испания).

«Сохранение мира». (Мелкий торговец, Британская Африка).

«Больше всего поражает превращение в колхозников десятков миллионов неграмотных и разбросанных на таком большом пространстве крестьян-единоличников». (Садовник, Франция).

«Внешняя политика СССР». (Рабочий, Лондон).

«Народное просвещение и победа, одержанная коммунистической партией над религией». (Служащий, Норвегия).

«Раскрепощение женщины»...

«Объединение такого большого народа, состоящего из множества различных национальностей»...

«Уничтожение безработицы»...

«Отмена хлебных карточек, которая была пощечиной распространителям антисоветской лжи»...

«Вступление СССР в Лигу наций и дипломатические отношения с великими державами»...

«Индустриализация»...

«Уничтожение классов»...

Новый вопрос: «Какова сейчас очередная задача СССР?»

И опять в ответ живые отклики, заботливые, предупреждающие дружеские голоса:

«Самая важная задача для СССР — продолжать свое хорошее дело до тех пор, пока он по богатству, счастью и довольству жителей не затмит все другие страны». (Металлист. Лидс, Англия).

«Что бы вы ни делали — держитесь подальше от войны, хотя бы до тех пор, пока вы не окрепнете окончательно, а потом придите и помогите рабочим нашего острова». (Рабочий, член лейбористской партии, Бернли, Англия).

«Создать мощный воздушный флот и сильную армию для защиты отечества рабочих против всяких захватчиков».

«Создание легкой промышленности».

«Изжить бюрократизм».

«Беспощадно и неутомимо бороться против всех белогвардейцев и контрреволюционеров, еще уцелевших в Советском Союзе».

«Продолжать, как вы начали, чтобы все рабочие в СССР были ударниками, чтобы все планы выполнялись на 100 процентов, чтобы все учились».

Через багровую пелену завтрашних войн и революций люди смотрят в будущее. Что будет через двадцать лет?

Два крестьянина из Испании отвечают:

«Выше нашего понимания сказать, каким будет тогда человечество. Но мы считаем, что к тому времени будет уничтожен капитализм».

Их земляк-испанец более осторожен в предсказаниях:

«В СССР будет уже бесклассовое общество, а Европа будет лишь на пути к построению социализма. Буржуазия некоторых стран будет искать выхода путем войны с СССР, но пролетариат уже сумеет покончить с ней. Китай будет, по-моему, единственной страной, где победа мучительнее всего достанется пролетариату из-за войны, которую организуют против нее империалисты».

— А через пятьдесят лет? Через сто?

Тут ответы становятся обстоятельнее, ровнее, приобретают торжественный и бесприкословный стиль. Австрийский рабочий подробно рассказывает о мировой плановой комиссии, мировом культурном совете, мировом исполкоме... «Границы государства будут определяться языковыми границами, каждая национальность будет иметь свое правительство, колониальные народы будут освобождены». «Социализм победит, люди будут счастливы, не будет больше войны, нищеты и нужды. Техника, наука и искусство будут стоять на непревзойденной высоте».

Впрочем и тут попадают пророки весьма осторожные. Торговец из Эссекса полагает, что «ближайшие сто

лет будут свидетелями широкого государственного планирования промышленности и социального совершенствования. Мир будет становиться всё более и более человечным. Мне кажется, что мы пойдем по пути эволюции».

Его соотечественник из Бирмингэма подтверждает: «Век машин не обязательно счастливее теперешнего».

Пражскому студенту будущий век представляется совсем в кислом виде.

«У людей будут громадные руки и маленькие туловища. Все смогут видеть весь мир по радио, секретов не будет, и у женщин будет очень скучная жизнь».

Но каменщик из Клагенфурта иначе представляет себе личную жизнь будущего:

«Любовь и брак при социализме благодаря равноправию полов потеряют черты рабства. Брак не будет рассматриваться, как практическое приспособление для производства пушечного мяса. Семья будет приносить не муки, а радость, потому что социализм дает возможность обзаводиться семьей».

Ему вторит цюрихский автомеханик.

«В бесклассовом обществе не будет продажных женщин так же, как и женщин, чья единственная цель — рождение детей. Влюбленным не будет угрожать мрачное будущее. Физическая близость будет завершением их взаимной любви. И всё вместе будет носить печать коллективной ответственности перед другими людьми».

Так говорят о своем настоящем и о будущем своих потомков простые люди из мировой толпы, из тесных кварталов столичных городов и тихих деревенских захолустьев. Одни страдают и борются, другие страдают и терпят, но у каждого разбужено великое недовольство тем, как живется на нашей планете, и этому недовольству больше не уснуть. Как может потухнуть протест, чем можно утолить жажду переделки мира, если на шестой его части эта переделка свершилась, и жизнь пошла по-иному, по-справедливому, вне угнетения человека человеком. Притягиваясь, как на магнитном поле, всем, что есть в душе лучшего, честного и смелого, к далекой, счастливой стране Советов, пылинки из толпы мира

перестают быть одинокими. Они чувствуют по ту сторону рубежа защиту, свой дом, семью, тепло очага, исполнение самых сказочных желаний. Это чувство обретенного ими покровительства прорывается лучше всего в их выборе великих личностей.

Конечно, еще для многих миллионов людей мира величайшим человеком в истории остается действительный или мнимый основатель христианского учения. Но силы и действие унылой христианской легенды падают с каждым днем среди поработанной и классово себя осознавшей части человечества. Почитателей Христа среди авторов тысячи писем оказалось несколько десятков. Позитивно и полуматериалистически настроенная интеллигенция называет другие имена. Тут и Джемс Васс («человек, положивший начало столетию машин»), и Гемфри Дейви («изобретатель обезболивающих средств, что облегчило человеческие страдания»), и Михаил Фарадей (гениальный физик), и Платон, и Сократ. Называют также Александра Македонского, Юлия Цезаря («ибо он пришел, увидел, победил»), Кейр Гарди, Маркони, Магомета... А девушка из Саутхэмптона убеждена, что это не кто иной, как ныне здравствующий король Георг («ибо он смотрит на народ, как на свою семью, и очень добр»). Не обошлось без Абрагама Линкольна, Колумба, лорда Китченера, Эдиссона.

Но огромное, целиком подавляющее большинство ответов единодушно называет два других имени, как величайшие в истории. Интересно и многозначительно, конечно, не преобладание этих ответов, ибо основные убеждения и симпатии авторов писем определяются тем, что они слушают московское радио; интересно и значительно самое содержание ответов, их зрелость и взвешенность, их суровая, выстраданная убежденность.

«Величайшим в истории человеком был рабочий, осмелившийся выступить на защиту своих братьев рабочих и пострадавший за это. Я не знаю, кто он. Таких людей было много».

Так пишет заводский мастер из Чикаго. И, переключаясь с ним, отвечает служащий бельгийской гостиницы:

«Это—Ленин. Он один больше сделал добра за семь

лет, чем все великие люди мира за двадцать столетий. Сравните и судите. Да здравствует Ленин! Через сто лет не будет ни одного города, ни одной деревни на всём земном шаре, где на площади не стояла бы его прекрасная статуя. И всюду, где будет почетное место, оно будет принадлежать Ленину».

А студент-араб из Алжира добавляет:

«Карл Маркс. Если Ленин не имел бы учения Маркса, то вместо того, чтобы строить по марксистскому плану, он потерял бы время на его разработку. Меня очень затрудняет выбор между Марксом и Лениным, потому что есть марксизм и есть ленинизм, один был архитектором, а другой — и архитектором и строителем одновременно».

Рабочий из Лондона: «История знает много великих людей, но я называю подлинно великими только тех, кто отдал свой талант делу освобождения человечества от рабства и невежества. Поэтому я считаю Ленина величайшим человеком в истории».

Кроме истории прошлого, есть история сегодняшних дней, живая история нашей эпохи. И тут люди из разных частей планеты, разных народов, разных культур и воспитаний пишут на десятках языков тысячами почерков одни и те же, такие схожие по страстной убежденности, строки.

«Сталин, повергший в изумление весь мир». (Электротехник, Карлстад, Швеция).

«Гениальный Сталин». (Углекоп, Серенна-Мале, Бельгия).

«Сталин. Он доказал рабочим и всему остальному миру справедливость учения Маркса и Ленина о том, что освобождение рабочего класса является делом самих рабочих». (Служащий, Трондгейм, Норвегия).

«Сталин — у него больше последователей и приверженцев, чем у любого другого деятеля нашего времени». (Моряк, Дипфилдс, Англия).

«Для нас, молодых, у которых руки и сердце болят от бездействия, которые умирают раньше, чем начали жить, — для нас, молодых, план пятилетки звучит, как музыка. Это наш сон, наши мечты». (Железнодорожник, Немецкий Брод, Чехословакия).

«Сталин — человек, в течение долгих лет сидевший в тюрьмах, стал активнейшей силой величайшей эпохи, когда-либо существовавшей в мировой истории и имя которой — русская революция». (Рабочий, Весторос, Швеция).

«Он стоит во главе народа, который впервые в истории сбросил с себя цепи. Этот народ вступает уже в бесклассовое общество». (Врач, Сидней, Австралия).

«Сталин — единственный глава государства, который осуществляет и охраняет интересы всех трудящихся, независимо от их национальной принадлежности». (Рабочий, Пошах, Швейцария).

«Эта честь принадлежит Сталину. Он доказал, что 170-миллионный народ, насчитывающий больше 100 национальностей, может построить социализм». (Крестьянин, Нейштадт, Чехословакия).

«Все трудящиеся единодушно признают в нынешнем вожде СССР самого великого человека наших дней. Он символизирует тип сознательного человека, чья храбрость, сила и отвага способствуют прекрасной борьбе на всех фронтах, переходя от победы к победе и превосходя всё, на что мы могли надеяться. Его имя, как имя Ленина, велико и бессмертно». (Рабочий, установщик труб, Нижняя Сале Пюи, Бельгия).

Стремительно, наскакивая одна на другую, бегут строчки тысяч писем от простых людей из толпы мира. И этот ворох писем — только капля, взятая на пробу из океана. Народы мира стоят в ножных и ручных оковах, собирая силы к прыжку освобождения, к последнему штурму капиталистической тюрьмы. Их взор потуплен, он выражает раздумье, тоску, гнев. И только обращаясь к стране Советов, глаза человечества теплеют. В них сияют надежда, радость, восхищение.

КОНГРЕССУ ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРЫ

Глубоко опечален тем, что состояние здоровья помешало физическому моему присутствию на Интернациональном Конгрессе литераторов среди людей, которые глубоко чувствуют, как оскорбительно для них возник-

новение фашизма, видят, как растёт смертоносное, ядовитое действие его идеи и безнаказанность его преступлений.

Не новый, но уже последний крик буржуазной мудрости, — мудрости отчаяния, фашизм всё более нагло заявляет о себе, как об отрицании всего, что существует под именем европейской культуры.

Чего ради объявлена война этой «гуманитарной» культуре, завоеваниями которой ещё недавно гордились и хвастались? Мы знаем, что Лютер не отрекся бы от католичества — религии феодалов, если бы это не нужно было ростовщикам и лавочникам его эпохи. Современные нам национальные группы банкиров, фабрикантов оружия и прочие паразиты готовятся к новому бою за власть над Европой, за свободу грабежа колоний и вообще грабежа трудового народа. Это будет бой на истребление каких-то наций. Этот бой требует не только полного отказа от «основы культуры», от буржуазного гуманизма, который вообще и всегда в практике буржуазии играл роль «камуфляжа» и «средства для отбора крупной буржуазией в свою среду лучших из мелкой буржуазии», — новая бойня людей, организуемая фашизмом, рассматривает идею гуманизма, как идею, враждебную основным целям.

По инициативе литераторов Франции честные литераторы мира выступают против фашизма и всех мерзостей его.

Прекрасное намерение, вполне естественное для «мастеров культуры», и следует уверенно ожидать, что мастера наук последуют примеру людей искусства.

А затем нужно помнить: история с предельной ясностью показала нам, что логика гуманизма недоступна пониманию двуногих волков и кабанов и что в мире есть только один класс, способный понять и почувствовать всемирное, всечеловеческое значение гуманизма, класс этот — пролетариат.

Поэтому наши усилия должны быть направлены не к примирению непримиримостей, не к реформации буржуазного общества, которое по структуре своей не может, не способно жить без вражды, без угнетения

большинства людей,—усилия наши должны быть направлены на работу освобождения неисчерпаемых резервов интеллектуальной энергии, заключенной в сотнях миллионов трудового народа.

Подлинный гуманизм может быть только гуманизмом пролетариата, который ставит перед собой великую цель: изменения всех основ социально-экономического бытия мира нашего. В стране, где пролетариат взял власть в свои руки,—в этой стране мы видим, какую грандиозную энергию скрывает он в своей массе, какие таланты разгораются в нем и как быстро он изменяет формы жизни, влагая в них новое содержание.

Уважаемые товарищи! Единственно, кто может понять честные речи здравомыслящих людей,—это пролетарий, чернорабочий культуры, трудовая интеллигенция и трудовое крестьянство, которые хотят и заслуживают право быть мастерами культуры.

Максим Горький.

П Р И М Е Ч А Н И Я

В АМЕРИКЕ, МОИ ИНТЕРВЬЮ

«В Америке» и «Мои интервью» печатаются по тексту третьего издания Собрания сочинений под редакцией И. Груздева, т. 4, М. 1941.

Очерки и памфлеты, составляющие оба названные цикла и печатающиеся здесь, за исключением очерка «Хозяева жизни», были опубликованы впервые в России в сборниках товарищества «Знание» за 1906 и 1907 год: «Город Желтого Дьявола» в книге XI (1906), «Царство скуки» и «Моб» — в книге XII (1906), «Король, который высоко держит свое знамя», «Прекрасная Франция» и «Один из королей республики» — в книге XIII (1906), «Жрец морали» — в книге XV (1907), «Хозяева жизни» вышли отдельным изданием в Берлине в 1906 г.

Своим очеркам и памфлетам об Америке и Европе Горький, как это видно из его письма к И. П. Ладыжникову, придавал большое значение. В мае 1906 года Горький писал И. П. Ладыжникову:

«Посылаю Вам начало моей книги, которая должна носить название «Мои интервью». «Прекрасная Франция», как вещь, имеющая характер злободневный, должна быть, на мой взгляд, издана отдельной брошюрой немедленно. Если Вы не найдете этого возможным — продайте ее газетам теперь же. Она может иметь некоторое практическое значение».

Очерки и памфлеты Горького об Америке и Европе получили чрезвычайно широкое распространение. Они неоднократно издавались за пределами России, — как на иностранных языках, так и на русском. Об отношении к ним иностранной и русской прессы говорилось во вступительной статье. Здесь уместно привести некоторые материалы, характеризующие отношение к горьковским американо-европейским очеркам царской цензуры.

В течение 1907-1914 годов через царскую цензуру прошло несколько заграничных изданий этих очерков, так или иначе попавших в Россию. Всякий раз по докладу цензора о горьковских очерках выносилась одна и та же резолюция: «запретить». Ниже

мы приводим, не лишенный интереса, доклад цензора С. Е. Ходака к книге М. Горького, вышедшей в Нью-Йорке в 1908 году и включившей в себя очерки — «Хозяева жизни», «Прекрасная Франция», «Один из королей республики», «Жрец морали» и рассказ «Товарищ».

В докладе цензора говорится:

«В поименованных беседах Горький проводит ту мысль, что фабриканты, капиталисты и главы правления, пользуясь беспомощным положением рабочих, заставляют их работать и выжимают из них последний сок. Добытое рабочими посредством тяжелого и кровавого труда золото эти господа, властелины мира, употребляют на удовлетворение своих скотских страстей, на разврат, на все удовольствия жизни, в то время, когда рабочий люд чахнет, гибнет в нужде, в жизни, полной нищеты и печали... Горький упрекает Францию за то, что она снабжает русское правительство деньгами. Она, говорит он, дает займы русскому царю деньги, которые он употребляет на оружие, на ведение борьбы со своим народом, чтобы обратно возратить себе подарок, который народ вырвал у него под страхом угроз. Благодаря этому золоту движение свободы задерживается. Вся русская земля стонет. Она покрыта кровью русского народа (стр. 39,40). Фабрикант, король республики, стремится все больше и больше купаться в золоте, неге и разных удовольствиях жизни. Своих рабочих он держит во тьме, в фанатизме... По его мнению, религия хорошая вещь для рабочих. Он сам часто проповедует, пропагандирует ее между рабочими. Ад кромешный, учит он, ждет тех рабочих, которые лениво работают, крадут у хозяина рабочее время. Сам же он и многие ему подобные не веруют во Христа, так как Христос, по его мнению, незаконнорожденный (стр. 63). Осмеивая вся и все, даже науку и искусство, насколько он не может извлекать для себя от них пользу, он не пожалел бы выписать из Европы 2—3 царей, которые бы в его присутствии, потехи ради, поколотили друг другу бока... Вообще Горький при всяком удобном случае возбуждает народ, рабочую трудящуюся массу к восстанию, советуя сплотиться воедино на борьбу с бесправием, злом и с тираном. Он указывает, что созданные кровавым трудом рабочих дворцы, хоромы, роскошь, бархат, яства, золото—дело их рук, есть общее достояние рабочих.

На основании статьи 128 и пункта шестого 129 статьи я полагал бы книгу запретить».

Комитет постановил: сочинение это запретить на основании статьи 128 и пункта шестого 129 статьи уголовного уложения.

(Доклад цензора Ходака цитируется по 3-му сборнику: «М. Горький. Материалы и исследования»).

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО г. г. Ж. РИШАР, ЖЮЛЬ КЛАРГИ,
ГЕНЭ ВИВИАНИ и ДРУГИМ ЖУРНАЛИСТАМ ФРАНЦИИ.

Впервые напечатано во французской социалистической газете «Юманите» от 11 декабря 1906 года. В том же номере было опубликовано и открытое письмо Горького к французскому историку Олару. Оба письма были напечатаны под заглавием «Мои клевет-

ниями» и с примечанием от редакции: «Наш знаменитый товарищ Максим Горький обратился к нам с этими двумя письмами в ответ на язвительные нападки, объектом которых он стал в связи с его произведением «Прекрасная Франция». — нападки, которые ему не были ранее известны ввиду его совсем недавнего возвращения из Америки».

На русском языке «открытое письмо» впервые появилось в издававшемся в Париже журнале «Красное Знамя», — 1906 г., № 6.

Текст «открытого письма» дается по журналу «Красное Знамя».

ИЗ «ХРОНИКИ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ»

В 1912 и 1913 годах в журнале «Современник» печатались небольшие заметки без подписи под рубрикой «Хроника заграничной жизни». Всего таких заметок в «Современнике» было напечатано 14. Принадлежность их Горькому установлена в I сборнике Института литературы Академии Наук СССР: «М. Горький. Материалы и исследования. 1934».

Заметка из «Хроники заграничной жизни», печатаемая здесь, была опубликована в ноябрьской книжке «Современника» за 1912 год.

Здесь она воспроизводится с небольшими сокращениями. Текст заметки дается по первому сборнику «М. Горький. Материалы и исследования».

ГОСУДАРСТВА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Этот коротенький набросок Горького извлечен из статьи М. Юнович «Горький о первой империалистической войне», напечатанной в шестой книжке журнала «Октябрь» за 1941 год. В этой статье, разъясняя историю происхождения настоящего отрывка, М. Юнович пишет:

«В архиве А. М. Горького сохранились планы брошюр на темы: «Государства Западной Европы перед войной», «Быт западно-европейских рабочих. — Английский рабочий. Итальянский. Немецкий. Французский. Рабочие Скандинавского полуострова. Рабочий Финляндии», «Современная жизнь и роль финансового капитала в ней»... Планы писались в начале 1915 года для издательства «Парус», которым руководил Горький. Первая тема — «Государства Западной Европы перед войной» — имеет общую, так сказать, типовую программу, и по ней написаны планы, посвященные отдельным странам: Англии, Германии, Франции, Балканским странам, Турции».

О МУЗЫКЕ ТОЛСТЫХ

Впервые напечатано в газете «Правда» в 1928 году, № 90, от 18 апреля, вышло отдельным изданием в 1931 году в издательстве «Музгиз». Текст дан по этой брошюре.

ПРОТЕСТ ПРОТИВ СУДА НАД БЕХЕРОМ

За нескрываемые симпатии к Советскому Союзу и за революционное направление литературной деятельности немецкому поэту Иоганнесу Бехеру было предъявлено обвинение в «государственной измене» и против него было возбуждено судебное дело.

Протест Горького против суда над Бехером впервые напечатан в газете «Известия» от 20 января 1928 года. Здесь текст дан по книге: «М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи. Гослитиздат, 1941».

О БЕСЧЕЛОВЕЧИИ

Впервые напечатано в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» 28 июля 1929 года. Здесь текст дается по книге: «М. Горький. Если враг не сдается — его уничтожают. Гослитиздат, 1938».

ОТВЕТ НА АНКЕТУ АМЕРИКАНСКОГО ЖУРНАЛА

Впервые напечатан в шестой книжке журнала «Интернациональная литература» за 1941 год. Публикация этого «Ответа» сопровождается следующим редакционным примечанием:

«Печатается по автографу, выправленному М. Горьким... Автограф не датирован; по своему содержанию и по внешним признакам (почерк, бумага, чернила) должен быть отнесен к 1927—1929 годам. Автограф хранится в архиве А. М. Горького».

Текст «Ответа» дается по журналу «Интернациональная литература».

О БУРЖУАЗНОЙ ПРЕССЕ

Статья впервые опубликована в газете «Культура и жизнь» — в номере от 20 июня 1947 года. Публикация статьи была сопровождается следующим редакционным примечанием:

«Редакция газеты «Культура и жизнь» публикует ниже статью А. М. Горького о буржуазной, главным образом, американской прессе, написанную им в 1930 году. Эта статья не была закончена Горьким и неизвестна читателю. Поскольку она представляет живой интерес и поныне, редакция считает важным ознакомить с ней читателей нашей газеты».

Текст статьи дается по газете «Культура и жизнь».

ОБ УМНИКАХ

Впервые напечатано в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» от 16 октября 1930 года. Перепечатано в книге: «М. Горький. Публицистические статьи. Редакция и примечания И. А. Груздева. ЛенГИХЛ, 1933».

Приводим заключительную фразу из «Примечаний» И. А. Груздева: «Статьи настоящего издания печатаются с текста, проредактированного автором».

Принимая во внимание это заявление И. А. Груздева, мы даем текст всех последующих статей Горького, за исключением тех, которые не попали в указанный сборник, по книге — «М. Горький. Публицистические статьи, 1933».

Горький написал краткое предисловие к первому изданию публицистических статей. Это предисловие имеет важное значение для их понимания.

«В этой книге собрана часть статей, написанных мною за три года. Если меня упрекнут в том, что в статьях повторяются одни

и те же мысли, это будет справедливый упрек. Но если автор предвидел, что упрек возможен и справедлив, — почему же автор не переделал статей, не устранил из них повторений? Я не делал этого потому, что мне хочется, чтоб т.т. читатели видели, как естественным повышению их настроения — повышалось и настроение писателя, как одни и те же мысли принимали все более определенную форму. Мне думается, что это поучительно не только для читателей, но и для некоторых молодых литераторов.

М. Горький»

15-IV—31 г.

О СТАРИЧКАХ

Впервые напечатано в журнале «За рубежом», 1931, № 1.

О ЦИНИЗМЕ

Под таким заголовком впервые была написана Горьким статья в 1908 году и опубликована в сборнике «Литературный распад», вышедшем в том же году. Тогда же статья появилась и во французском журнале «Documents du Progrès» и вызвала благоприятный отзыв со стороны Анатоля Франса, о чем и сообщает Горький в своей второй статье «О цинизме».

В 1916 году статья была перепечатана в сборнике избранных статей М. Горького за 1905 — 1916 годы — «Статьи», вышедшем в издательстве «Парус». В первой и, особенно, во второй публикации статьи Горького «О цинизме» цензурой были сделаны огромные изъятия.

Новая статья Горького «О цинизме» впервые напечатана в газете «Правда» от 30 января 1931 года.

ЛОГИКА ИСТОРИИ

Напечатано в «Красной газете» (вечерний выпуск) 16 июля 1931 года.

ОТВЕТ НА АНКЕТУ ЖУРНАЛА «VU»

Статья впервые напечатана в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», № 32 от 2 февраля 1931 года. К статье было дано следующее редакционное примечание: «Написано М. Горьким для специального номера «Будущая последняя война» французского журнала «Vu».

ШКОЛЕ ВЗРОСЛЫХ В СМОЛЕНСКЕ

Впервые напечатано в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» от 6 февраля 1931 года.

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ЛЕГЕНДЫ

Впервые напечатана в газетах «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» и «Правда» от 5 марта 1931 года.

Здесь воспроизводится с некоторыми сокращениями.

ОТВЕТ ИНТЕЛЛИГЕНТУ

Впервые напечатано в газете «Правда» за 21 и 22 мая 1931 года.

ТЕРРОР КАПИТАЛИСТОВ ПРОТИВ НЕГРИТЯНСКИХ РАБОЧИХ В АМЕРИКЕ

Впервые напечатано в газете «Правда» от 24 августа 1931 года. Воспроизводится с небольшими сокращениями.

РАБОЧИМ МАГНИТОСТРОЯ И ДР.

Впервые напечатано в газете «Правда» 23 августа 1931 года

С КЕМ ВЫ, «МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ»?

(Ответ американским корреспондентам)

Впервые напечатано в газете «Правда» 22 марта 1932 года
О СТАРОМ И НОВОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Впервые напечатано в газете «Правда» 10 июля 1933 года.

ДЕЛЕГАТАМ АНТИВОЕННОГО КОНГРЕССА

(Речь, которая не была произнесена)

Впервые напечатано в газете «Правда», в номере от 5 сентября 1932 года.

Антивоенный конгресс состоялся в Амстердаме 27—29 августа 1932 года. Горький был избран делегатом на этот конгресс от Союза Советских писателей, но не участвовал в работе конгресса ввиду того, что голландское правительство запретило въезд советской делегации в Голландию. Конгресс заочно избрал Горького членом бюро постоянной антивоенной международной комиссии.

О «СОЛДАТСКИХ ИДЕЯХ»

Впервые напечатано в газете «Правда», в номере от 18 сентября 1932 года.

ПРОЛЕТАРСКИЙ ГУМАНИЗМ

Впервые опубликовано в газете «Правда», в номере от 23 мая 1934 года. Здесь воспроизводится с небольшими сокращениями.

ТУМАН

Впервые напечатано в журнале «За рубежом», 1934, № 6.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ КНИГА

Под таким заглавием появилась впервые статья Горького о романе А. Барбюса в журнале «Коммунистический Интернационал» в № 3 за 1919 год. Статья была перепечатана как предисловие к роману Барбюса, вышедшему в издании Петроградского Совета в 1919 году. К этой статье Горький вернулся через 16 лет. (У Горького сказано: «Предшествующее было написано за 15 лет до наших дней...»). В 1935 году, подготавливая свою статью как предис-

словие к новому изданию романа Барбюса, Горький значительно ее дополнил и внес некоторые изменения.

Здесь текст статьи Горького дается по следующему изданию: Барбюс, А. «В огне». Academia, М. 1935.

О КУЛЬТУРАХ

Напечатано в газете «Правда» 14 июля 1935 года. Здесь воспроизводится с некоторыми сокращениями. Текст дан по книге «М. Горький. Если враг не сдается—его уничтожают. Гослитиздат, 1938».

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ «ЗА РУБЕЖОМ»

Настоящая статья составлена, как это видно из ее подзаголовка, работниками редакции журнала «За рубежом» по письмам Горького и его беседам с редакционными сотрудниками; впервые опубликована в журнале «За рубежом», 1936, № 18.

Текст статьи дается по журналу «За рубежом» с сокращениями.

ТЫСЯЧА ПИСЕМ

Напечатано в журнале «За рубежом», 1935, № 11—12, а также в газете «Правда», 1935, № 120, 1 мая, с пропуском начальных фраз.

Текст дается по газете «Правда» с некоторыми сокращениями.

КОНГРЕССУ ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРЫ

Впервые опубликовано в газетах «Правда», в номере от 24 июня 1935 года, и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», в номере от 26 июня 1935 года.

Перепечатано в книге: «Международный конгресс писателей в защиту культуры». Париж, июнь, 1935. «Худож. литература», М. 1936.

В газетах «Обращение» Горького печаталось под таким заглавием: «Максим Горький — конгрессу защиты культуры». Приводим вступительные фразы газетной публикации: «Париж, 23 июня. В конце вечернего заседания, под гром аплодисментов оглашено следующее обращение Максима Горького к конгрессу...»

Текст «Обращения» дается по газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» от 26 июня 1935 года.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Горький и Запад. Вступительная статья Б. И. Бурсова . . .	3
---	---

В АМЕРИКЕ

Город Желтого Дьявола	50
Царство скуки	62
«Моб»	76

МОИ ИНТЕРВЬЮ

Король, который высоко держит свое знамя	87
Один из королей республики	95
Жрец морали	110
Хозяева жизни	123
Прекрасная Франция	138

ПУБЛИЦИСТИКА

Открытое письмо гг. Ж. Ришар, Жюль Кларти, Ренэ Вивiani и другим журналистам Франции	147
Из «Хроники заграничной жизни»	148
Государства Западной Европы перед войной. (Типовая про- грамма для брошюр)	152
О музыке толстых	153
Протест против суда над И. Бехером	159
О бесчеловечии	161
Ответ на анкету американского журнала	163
О буржуазной прессе	166
Об умниках	172

О старичках	181
О цинизме. Ответ корреспонденту	186
Логика истории	195
Ответ на анкету журнала «Vi»	198
Школе взрослых в Смоленске	203
По поводу одной легенды	212
Ответ интеллигенту	222
Террор капиталистов против негритянских рабочих в Америке	238
Рабочим Магнитостроя и др.	243
С кем вы, «мастера культуры»? Ответ американским корре-	
спондентам	250
О старом и новом человеке	274
Делегатам антивоенного конгресса. (Речь, которая не была	
произнесена)	284
О «солдатских идеях»	294
Пролетарский гуманизм	302
Туман	311
Замечательная книга	314
О культурах	320
Каким должен быть «За рубежом». (Из бесед и переписки	
с редакционными работниками)	333
Тысяча писем	335
Конгрессу защиты культуры	342
Примечания	344

Обложка работы
художника П. Н. Бусырева

Редактор А. Хршановский
Художник-редактор Г. Левин Техн. редактор З. Коренько

Подписано к печати 17 XII 1948 г. М-29943. Печ. л. 22. 3'000 зн. в печ. л.
Уч.-изд. л. 19,98 Тираж 75 000 (20 001—50 000). Заказ 377

Типо-литография Ленинградского отд. издательства ЦК ВЛКСМ „Молодая Гвардия“

